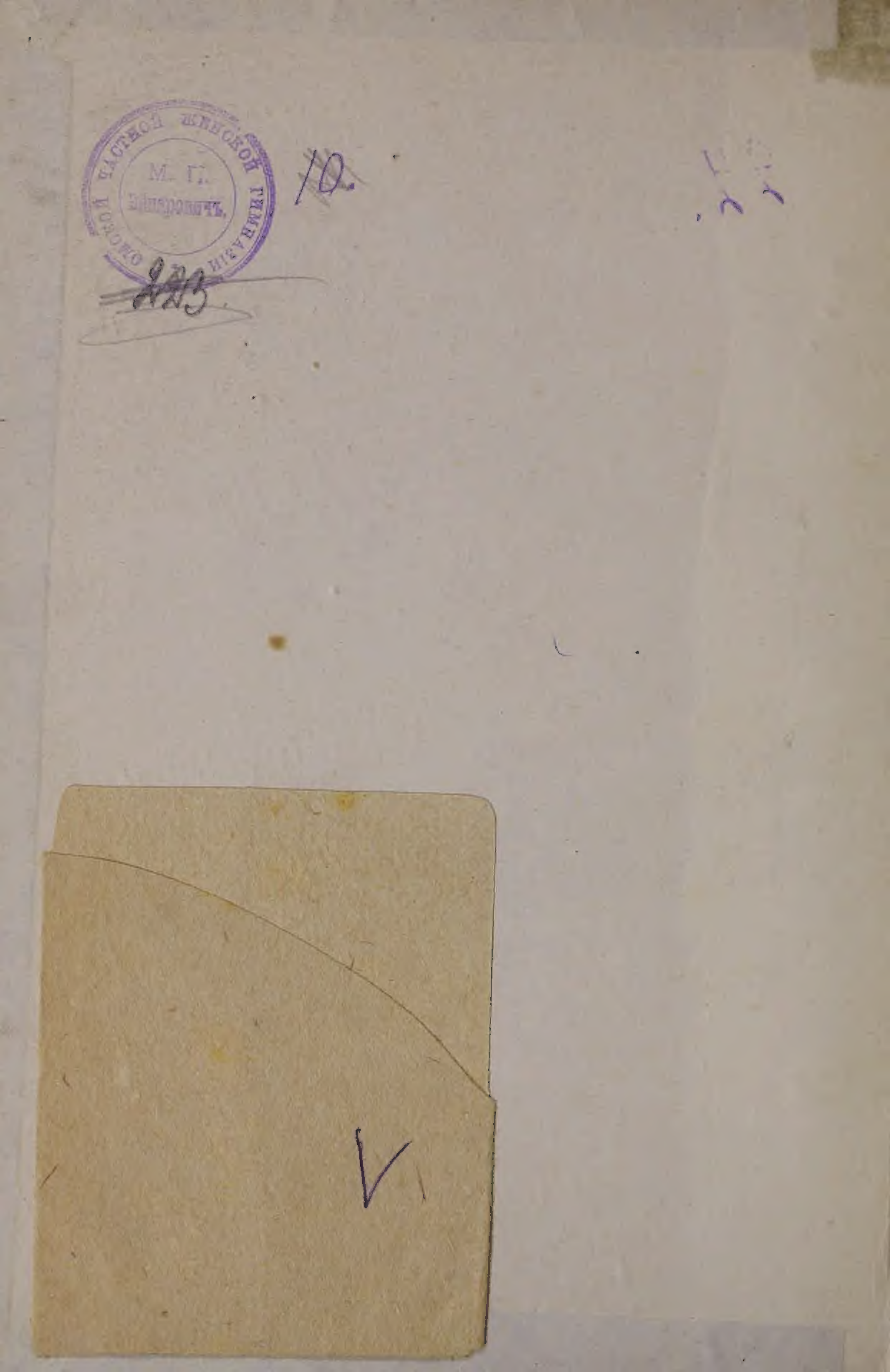
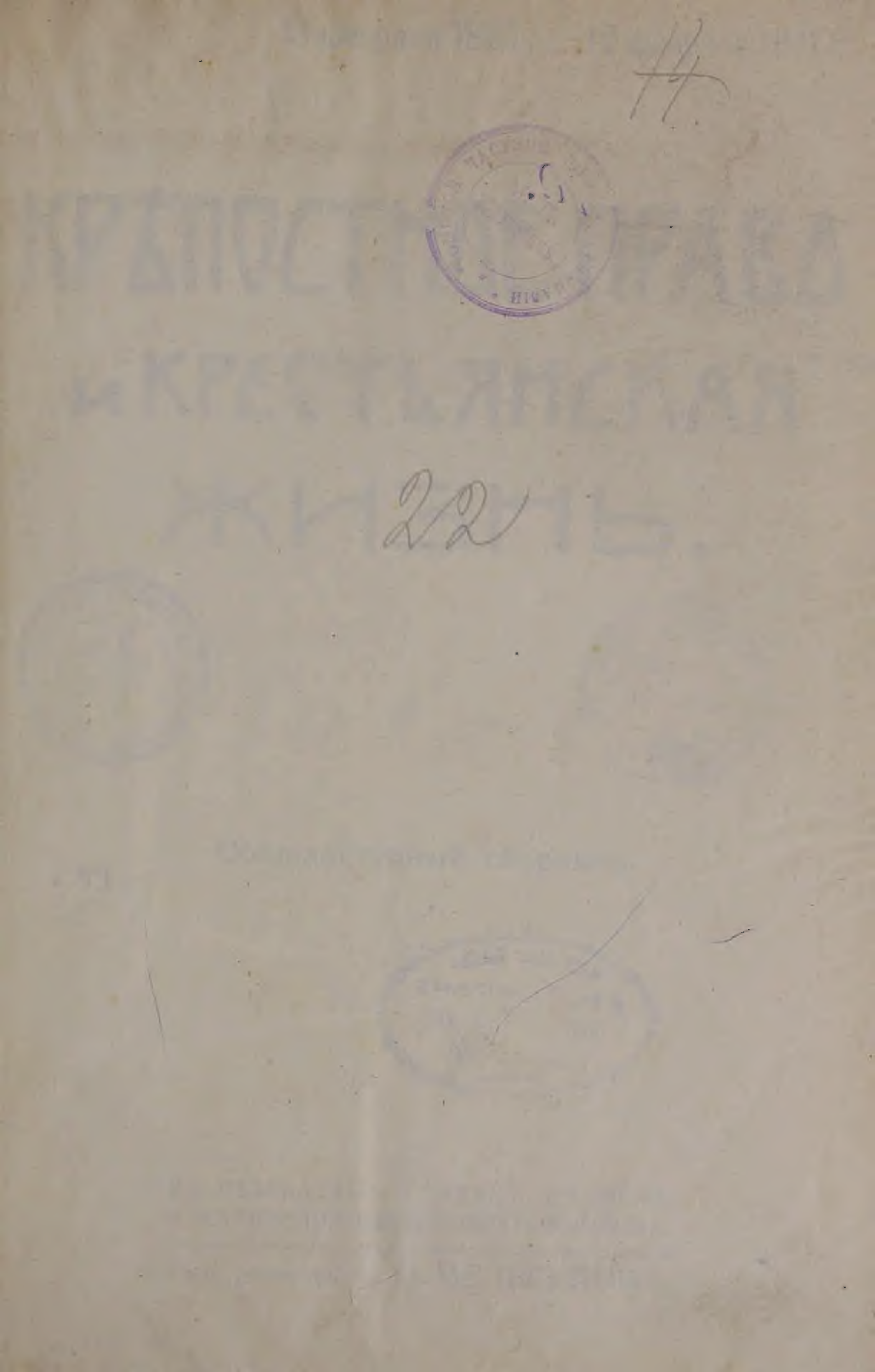
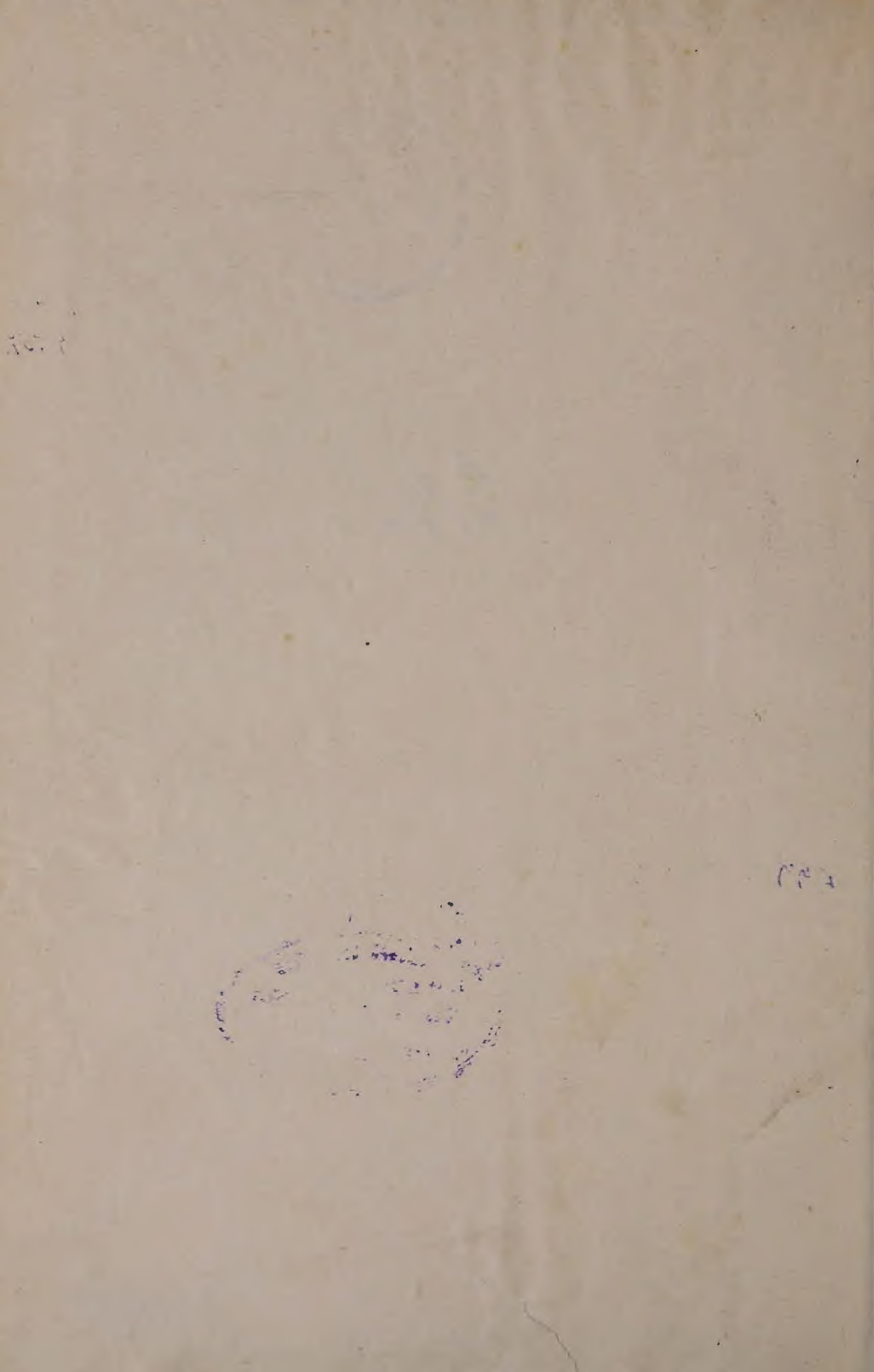

9(c)1
К797
Крепостное
право

частной женской гимназии
М. Г.

14
22

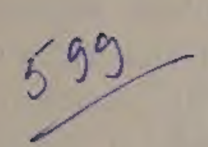
19 февраля 1861 г.—19 февраля 1911 г.

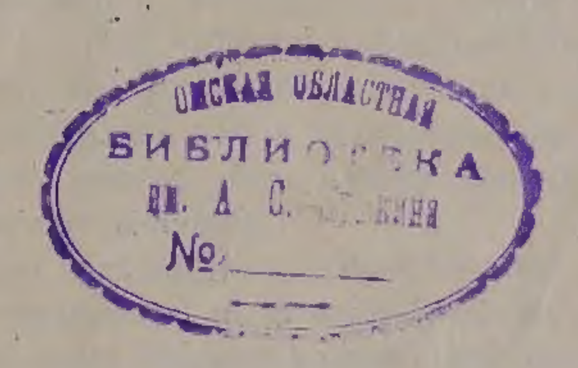
КРѢПОСТНОЕ ПРАВО И КРЕСТЬЯНСКАЯ ЖИЗНЬ.

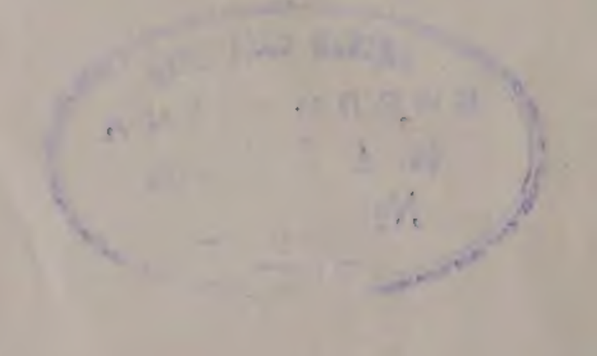
Общедоступный сборникъ.

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ, СТИХАХЪ, ПѢСНЯХЪ
и ВОСПОМИНАНІЯХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

Подъ редакціей С. П. МЕЛЬГУНОВА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1911.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ юбилейные дни, когда въ школѣ и дома будетъ вспоминаться крѣпостное право, быть-можетъ, предлагаемая книга для чтенія окажется не безполезной. Она составлена, главнымъ образомъ, изъ отрывковъ художественной литературы, выдержекъ изъ мемуаровъ и поэтическихъ произведеній, изъ матеріала и наиболѣе красочнаго и легко читаемаго. Нѣкоторымъ исключеніемъ является помѣщеніе отрывковъ изъ работъ Повалишина «Рязанскіе помѣщики» и Лѣтковой «Крѣпостная интеллигенція», откуда заимствованы эпизоды, изложенные по архивнымъ даннымъ. Использовавъ около 60 авторовъ, составители отнюдь не претендовали на полноту. Далеко не все наиболѣе яркое могло войти въ эту хрестоматію, имѣвшую въ виду дать матеріалъ для чтенія широкому кругу читателей — въ школѣ и внѣ ея, т.-е. преслѣдовавшую, главнымъ образомъ, цѣли популяризаторскія. Не составителямъ, конечно, судить, насколько умѣло выполнена поставленная задача, насколько удачно подобраны отдѣльные отрывки, въ своей совокупности долженствовавшіе дать болѣе или менѣе отчетливую картину существа крѣпостного права по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ его сторонъ. Это не исторія крѣпостного права, а лишь собраніе эпизодовъ,—эпизодовъ въ значительной степени разбросанныхъ, но во всякомъ случаѣ типичныхъ для характеристики отношеній помѣщика и крестьянина. Совершенно понятно, что бытовая сторона здѣсь доминируетъ.

Быть-можетъ, книгу слѣдовало сопроводить вводнымъ очеркомъ и объяснительными замѣчаніями для тѣхъ читателей, которые возьмутъ ее, не имѣя достаточныхъ историческихъ свѣдѣній по описываемой эпохѣ. Но въ такомъ случаѣ пришлось бы повторять въ значительной степени то, что даетъ въ качествѣ матеріала книга, или давать сухую схему. Между тѣмъ ко дню юбилея выйдетъ много популярныхъ брошюръ, посвященныхъ исторіи крѣпостного права и крестьянской реформы [1]). Здѣсь читатель найдетъ необходимую канву, настоящая книга можетъ служить только пособіемъ, именно книгой для чтенія. Поясненія въ текстѣ представлялись почти невозможными—это было бы и слишкомъ громоздко и слишкомъ пестро. Вотъ почему редакція отказалась отъ всякой попытки дать какія-либо поясненія.

Взятые отрывки трудно было расположить по какой-нибудь опредѣленной системѣ. Система принесла бы стройность, но и однообразіе въ подборѣ темъ. Желая избѣжать послѣдняго, редакція считала возможнымъ поступиться планомъ (который вообще трудно выдержать въ подобнаго рода хрестоматіяхъ), расположивъ все-таки отрывки въ извѣстной послѣдовательности. Первона-

---

[1]) Укажемъ хотя бы на юбилейную брошюру г-жи Сократовой-Алабиной, изданную подъ редакціей Исторической Комиссіи Учебнаго отдѣла О. Р. Т. З.

чально предполагалось для цѣльности картинъ дать отрывки, характеризующіе помѣщика и крестьянина при крѣпостномъ правѣ, въ моментъ проведенія реформы 19 февраля 1861 г. и въ пореформенное время. Но книга слишкомъ разрослась, и пореформенное время пришлось отложить. Взято лишь два-три отрывка, чтобы хрестоматія получила болѣе или менѣе законченный видъ.

Иногда нельзя было найти отрывокъ, который цѣликомъ подошелъ бы къ хрестоматіи: или въ немъ попадались слишкомъ трудныя мѣста по языку, или эти мѣста требовали неизбѣжныхъ поясненій, или, наконецъ, они были слишкомъ велики. Приходилось часто въ силу этого сокращать, обозначая пропущенное пунктиромъ. Весьма возможно, что эти сокращенія сдѣланы невсегда удачно—почти невозможно подчасъ выкидывать изъ произведеній художественной литературы безъ того, чтобы не потерялась ихъ цѣльность, да и слишкомъ субъективна въ данномъ случаѣ оцѣнка каждаго читателя.

Мы избѣгали, наконецъ, брать такіе отрывки, которые безъ достаточныхъ поясненій могли бы дать ложное освѣщеніе сущности крѣпостного права—таковы всякія идиллическія картины патріархальныхъ отношеній. Эти отрывки звучали бы исторической фальшью.

Не всѣ, конечно, отрывки равноцѣнны и по своему внутреннему содержанію, и по художественнымъ достоинствамъ. Нѣкоторые изъ нихъ введены исключительно въ цѣляхъ хотя бы извѣстной полноты (напримѣръ, изъ воспоминаній Селиванова и др. современниковъ), другіе — потому что хотѣлось отмѣтить въ такой юбилейной хрестоматіи того или другого автора. Мы взяли, напримѣръ, отрывокъ изъ юношеской повѣсти В. Г. Бѣлинскаго «Димитрій Калининъ», представляющей такой яркій протестъ противъ рабства. Читатель не получитъ, конечно, представленія о выдающемся талантѣ великаго борца за освобожденіе крестьянъ, но въ популярной хрестоматіи нельзя было приводить публицистическихъ статей. А имя Бѣлинскаго должно было фигурировать.

Трудно было подогнать хрестоматію и къ уровню какой-нибудь опредѣленной категоріи читателей. И, вѣроятно, для нѣкоторыхъ не все вошедшее въ хрестоматію окажется подходящимъ и доступнымъ. Но въ школѣ есть руководитель, который сумѣетъ восполнить и пробѣлы и выбрать подходящее. Мы хотимъ лишь въ юбилейные дни дать книгу, которая облегчила бы поиски читателя въ обильной литературѣ, трактовавшей о крѣпостномъ правѣ. Правда, многое доступно каждому, такъ сказать, въ подлинникѣ—отрывки брались изъ наиболѣе извѣстныхъ подчасъ произведеній. Но этихъ подлинниковъ слишкомъ много, и поэтому подобная хрестоматія, думается, не будетъ лишена нѣкотораго, по крайней мѣрѣ, значенія.

Воспоминанія помѣщика.

Длинная дорога
До людской свободы
Тянется уныло
Годы, годы, годы.

Огаревъ.

«И жили мы,
Какъ у Христа за пазухой,
И знали мы почетъ.
Не только люди русскіе,—
Сама природа русская
Покорствовала намъ.
Бывало, ты въ окружности
Одинъ, какъ солнце на небѣ;
Твои деревни скромныя,
Твои лѣса дремучіе,
Твои поля кругомъ!
Пойдешь ли деревенькою—
Крестьяне въ ноги валятся;
Пойдешь лѣсными дачами—
Столѣтними деревьями
Преклонятся лѣса!
Пойдешь ли пашней, нивою,
Вся нива спѣлымъ колосомъ
Къ ногамъ господскимъ стелется,
Ласкаетъ слухъ и взоръ!
Тамъ рыба въ рѣчкѣ плещется:
«Жирѣй-жирѣй до времени!»
Тамъ заяцъ лугомъ крадется:
«Гуляй-гуляй до осени!»
Все веселило барина,
Любовно травка каждая
Шептала: «Я твоя!»
Краса и гордость русская,
Бѣлѣли церкви Божіи
По горкамъ, по холмамъ,
И съ ними въ славѣ спорили
Дворянскіе дома.
Дома съ оранжереями,
Съ китайскими бесѣдками
И съ англійскими парками.
На каждомъ флагъ игралъ,
Игралъ—манилъ привѣтливо,
Гостепріимство русское
И ласку обѣщалъ.
Французу не привидится
Во снѣ—какіе праздники,
Не день, не два—по мѣсяцу
Мы задавали тутъ.
Свои индѣйки жирныя,
Свои наливки сочныя,
Свои актеры, музыка,
Прислуги—цѣлый полкъ!
Пять поваровъ, да пекаря,
Двухъ кузнецовъ, обойщика,
Семнадцать музыкантиковъ
И двадцать-два охотника
Держалъ я... Боже мой!..
Бывало, насъ по осени
До полусотни съѣдется
Въ отъѣзжія поля;
У каждаго помѣщика,
Сто гончихъ въ напуску;
У каждаго по дюжинѣ
Борзовщиковъ верхомъ;
При каждомъ съ кашеварами,
Съ провизіей обозъ.
Какъ съ пѣснями да съ музыкой
Мы двинемся впередъ,—
На что кавалерійская

Дивизія твоя!
Летѣло время соколомъ,
Дышала грудь помѣщичья
Свободно и легко.
Во времена боярскія,
Въ порядки древне-русскіе
Переносился духъ!
Ни въ комъ противорѣчія:
Кого хочу—помилую,
Кого хочу—казню.
Законъ—мое желаніе!
Кулакъ—моя полиція!
Ударъ искросыпительный,
Ударъ зубодробительный,
Ударъ скуловоротъ!..
Но я каралъ—любя.
Порвалась цѣпь великая—
Теперь не бьемъ крестьянина,
Зато ужъ и отечески
Не милуемъ его,
Да, былъ я строгъ по времени,
А, впрочемъ, больше ласкою
Я привлекалъ сердца...
За то, скажу не хвастая,
Любилъ меня мужикъ!
Въ моей сурминской вотчинѣ
Крестьяне все подрядчики:
Бывало, дома скучно имъ,
Всѣ на чужую сторону
Отпросятся съ весны...
Ждешь—не дождешься осени,
Жена, дѣтишки малыя
И тѣ гадаютъ, ссорятся:
«Какого имъ гостинчику
Крестьяне принесутъ?»
И точно: поверхъ барщины,
Холста, яицъ и живности,
Всего, что на помѣщика
Сбиралось искони,—
Гостинцы добровольные
Крестьяне намъ несли!
Изъ Кіева—съ вареньями,
Изъ Астрахани—съ рыбою,
А тотъ, кто подостаточнѣй,
И съ шелковой матеріей:
Глядь, чмокнулъ руку барынѣ
И свертокъ подаетъ!
Дѣтямъ игрушки, лакомства,
А мнѣ, сѣдому бражнику,
Изъ Питера вина!..
И все прошло! все минуло!..
Ой, жизнь широкая!
Прости—прощай навѣкъ!
Прощай, и Русь помѣщичья!
Теперь не та ужъ Русь!..
Не весело
Глядѣть, какъ измѣнилося
Лицо твое, несчастная,
Родная сторона!
Сословье благородное
Какъ будто все попряталось,
Повымерло!..
Охъ, эти проповѣдники!
Кричатъ: «Довольно барствовать!
Проснись, помѣщикъ заспанный!
Вставай!—учись! трудись!..»
Трудись! Кому вы вздумали
Читать такую проповѣдь?
Я не крестьянинъ-лапотникъ—
Я Божіею милостью
Россійскій дворянинъ!
Россія—не нѣметчина:
Намъ чувства деликатныя,
Намъ гордость внушена!
Сословья благородныя
У насъ труду не учатся:
У насъ чиновникъ плохонькій
И тотъ половъ не вымететъ,
Не станетъ печь топить...
Скажу я вамъ, не хвастая:
Живу почти безвыѣздно
Въ деревнѣ сорокъ лѣтъ,
А отъ ржаного колоса
Не отличу ячменнаго,
А мнѣ поютъ: «трудись!»
А если и дѣйствительно
Свой долгъ мы ложно поняли,
И наше назначеніе
Не въ томъ, чтобъ имя древнее,
Достоинство дворянское
Поддерживать охотою,
Пирами, всякой роскошью,
И жить чужимъ трудомъ,—
Такъ надо было ранѣе

Домъ въ Архангельскомъ — помѣстьѣ Юсуповыхъ.

Сказать... Чему учился я!
Что видѣлъ я вокругъ?..
Коптилъ я небо Божіе,
Носилъ ливрею царскую,
Сорилъ казну народную,
И думалъ вѣкъ такъ жить...
И вдругъ... Владыко праведный!..»

(*Некрасовъ: «Кому на Руси жить хорошо»*).

Деревня.

(*Отрывокъ изъ стихотворенія Пушкина*).

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.

А. С. Пушкинъ.

О, если бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ?
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?
Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, свободная заря?

Сонъ княгини Трубецкой.

(Некрасовъ: Отрывокъ изъ „Русскія женщины“).

Передъ нею рядъ картинъ
Забытой Богомъ стороны:
Суровый господинъ
И жалкій труженикъ — мужикъ
Съ понурой головой...
Какъ первый властвовать привыкъ!
Какъ рабствуетъ второй!
Ей спятся группы бѣдняковъ
На нивахъ, на лугахъ,
Ей спятся стоны бурлаковъ
На волжскихъ берегахъ...
Наивнымъ ужасомъ полна,
Она не ѣстъ, не спитъ,
Засыпать спутника она
Вопросами спѣшитъ:
«Скажи, ужель весь край таковъ?
Довольства тѣни нѣтъ?..»
— Ты въ царствѣ нищихъ и рабовъ!
Короткій былъ отвѣтъ...

Ужасъ рабства.

Бѣлинскій былъ особенно любимъ...
Молясь твоей многострадательной тѣни,
Учитель! Передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!
Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и раболѣпствуя позорно,
Твой умъ кипѣлъ—и новыя стези
Прокладывалъ, работая упорно.
Ты не гнушался никакимъ трудомъ.
„Чернорабочій я,—не бѣлоручка!“
Говаривалъ ты намъ—и напроломъ
Шелъ къ истинѣ, великій самоучка!
Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва ль не первый вспомнилъ о народѣ.
Едва ль не первый ты заговорилъ
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ...

(Некрасовъ „Медвѣжья охота“).

Иванъ. Какъ только баринъ скончался, то барыня такъ начала тиранствовать надъ нами, что не дай Господи такого житья лихому татарину ни здѣсь, ни на томъ свѣтѣ: и била какъ собакъ, и отдавала въ солдаты, и пускала поміру, отнимала хлѣбъ, скотъ, осматривала клѣти, ломала коробьи, обирала деньги, холстъ; кто малость въ чемъ-нибудь провинится, такъ ушлетъ въ дальнія вотчины,—да всего и пересказать нельзя. На каторгѣ колодникамъ лучше житье-то, чѣмъ намъ, грѣшнымъ, у барыни.

Дмитрій. Неужели эти люди для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами?.. Кто далъ это гибельное право однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или для разсѣянія, содрать шкуру съ своего раба; можетъ продать его, какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями и со всѣмъ, что для него

В. Г. Бѣлинскій.

мило и драгоцѣнно! Милосердный Боже, Отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: Твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ зміевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?..

(Изъ юношескаго произведенія Бѣлинскаго: „Дм. Калининъ“).

Жизнь помѣщиковъ при крѣпостномъ правѣ.

Въ то время богатство измѣрялось числомъ «душъ», которыми владѣлъ помѣщикъ. «Души» означали крѣпостныхъ мужского пола. Женщины въ счетъ не шли. Мой отецъ считался богатымъ человѣкомъ. У него было около 1.200 душъ въ трехъ различныхъ губерніяхъ и еще большія земли. Онъ жилъ соотвѣтственно положенію. Это значило, что домъ былъ открытъ для гостей и что отецъ держалъ многочисленную дворню. Въ семьѣ насъ было восемь человѣкъ, иногда десять или двѣнадцать; между тѣмъ пятьдесятъ человѣкъ прислуги въ Москвѣ и около шестидесяти въ деревнѣ не считалось слишкомъ большимъ штатомъ. Тогда казалось бы непонятнымъ, какъ можно

обойтись безъ четырехъ кучеровъ, смотрѣвшихъ за двѣнадцатью лошадьми, безъ трехъ поваровъ для господъ и кухарокъ для людей, безъ двѣнадцати лакеевъ, прислуживавшихъ за столомъ во время обѣда (за каждымъ обѣдающимъ стоялъ лакей съ тарелкой) и безъ безчисленныхъ горничныхъ въ дѣвичьей.

Въ то время завѣтнымъ желаніемъ каждаго помѣщика было, чтобы все гостей, когда къ концу обѣда появлялось своего рода художественное произведеніе изъ мороженаго и печеній.—Признайтесь, князь, это отъ Трамблэ (модный кондитеръ того времени)?

— Нѣтъ, это дѣлалъ мой собственный кондитеръ, ученикъ Tremblé. Я позволилъ ему сегодня показать свое искусство.

Завѣтнымъ желаніемъ каждаго богатаго и знатнаго помѣщика было

Балъ у помѣщика въ 20 гг. (рис. гр. де-Бальмена).

необходимое въ хозяйствѣ изготовлялось собственными крѣпостными людьми. Все это вотъ для чего. Если кто-нибудь изъ гостей замѣтитъ:

— Какъ хорошо настроенъ вашъ рояль. Вашъ настройщикъ, вѣроятно, Шиммель?

То истинный баринъ отвѣчалъ:

— У меня собственный настройщикъ.

— Что за прекрасное пирожное! — бывало воскликнетъ кто-нибудь изъ имѣть мебель, сбрую, вышивки,—словомъ, все отъ собственныхъ мастеровъ. Когда дѣтямъ дворовыхъ исполнялось десять лѣтъ, ихъ отдавали на выучку въ модныя мастерскія. Пять или семь лѣтъ они подметали лавку, получали безчисленныя колотушки и состояли, главнымъ образомъ, на побѣгушкахъ. Я долженъ сказать, что немногіе выучивались въ совершенствѣ ремеслу. Портные и сапожники могли шить платье и сапоги только

на прислугу; когда же нужно было дѣйствительно хорошее пирожное, его заказывали у Трамблэ, а нашъ кондитеръ въ это время игралъ на барабанѣ въ крѣпостномъ оркестрѣ.

Этотъ оркестръ былъ другимъ пунктомъ тщеславія моего отца; почти каждый дворовый, помимо своего ремесла, состоялъ еще басомъ или кларнетомъ въ оркестрѣ. Настройщикъ Макаръ, онъ же помощникъ дворецкаго, игралъ также на флейтѣ. Портной Андрей игралъ на валторнѣ. Обязанностью же кондитера было вначалѣ бить въ барабанъ; но онъ такъ усердствовалъ, что оглушалъ всѣхъ. Тогда ему купили чудовищную трубу въ надеждѣ, что, быть-можетъ, легкими онъ не будетъ въ состояніи производить такой шумъ, какъ руками. Но когда и эта надежда не оправдалась, его сдали въ солдаты. Что же касается рябого Тихона, то, помимо безчисленныхъ обязанностей въ домѣ, въ роли ламповщика, полотера или выѣздного лакея, онъ еще не безъ пользы помогалъ въ оркестрѣ, сегодня на тромбонѣ, завтра на контръ-басѣ, а не то и какъ вторая скрипка.

Двѣ первыя скрипки составляли единственное исключеніе изъ правила. Онѣ были только скрипками. Отецъ купилъ ихъ за большія деньги, съ семьями, у сестеръ (онъ никогда не покупалъ крѣпостныхъ у постороннихъ и не продавалъ людей чужимъ). И вотъ, по вечерамъ, когда отецъ не уѣзжалъ въ клубъ или когда у насъ бывали гости, игралъ оркестръ изъ двѣнадцати или пятнадцати музыкантовъ и игралъ очень недурно. На нашъ оркестръ былъ большой спросъ, когда сосѣди, въ особенности въ деревнѣ, устраивали вечера съ танцами...

(Кропоткинъ: Записки).

Хозяйство помѣщика.

Образъ жизни и система хозяйства помѣщиковъ того времени, сколько я могу себѣ представить, были выработаны въ опредѣленную форму и передавались преемственно. Въ домашнемъ хозяйствѣ все было свое, начиная съ прислуги: приказчики, конторщики, экономы, офиціанты, повара и всевозможные мастеровые; въ дѣвичьей экономка, барскія барыни, фрейлины при барынѣ и барышняхъ, горничныя, чистыя и черныя, кружевницы, пялешницы и проч. Такимъ образомъ, начиная отъ высшихъ до низшихъ должностей служителей, отъ мебели до тончайшихъ кружевъ, все было свое. Полевымъ и въ обширномъ объемѣ домашнимъ хозяйствомъ завѣдывалъ самъ помѣщикъ; внутреннее молочное хозяйство и воспитаніе дѣтей было въ завѣдываніи помѣщицы. Когда дѣти подрастали, дѣвочекъ отдавали въ пансіоны и институты, мальчиковъ—въ кадетскіе корпуса, въ инженерное училище; помѣщать въ гимназію считали унизительнымъ. Большею же частью брали къ себѣ гувернеровъ и гувернантокъ и приготовляли дѣтей дома. Сыновья очень молодыми поступали въ полкъ, достаточные—въ кавалерію; въ полку кутили, на что старшіе смотрѣли довольно снисходительно, предполагая, что молодому человѣку надо «перебѣситься». Молодой человѣкъ, въ большинствѣ случаевъ, дослужившись до чина поручика, иногда до ротмистра, выходилъ въ отставку, поселялся у родителей, разъѣзжалъ по сосѣдямъ, охотился съ собаками, ухаживалъ за барышнями, танцовалъ, влюблялся, женился, родители молодыхъ награждали, отдѣляли, и тѣ начинали жить съ небольшими противъ родителей измѣненіями, сообразно съ

духомъ времени. Помѣщикамъ при крѣпостномъ правѣ трудно было представить себѣ возможность жить иначе, да и большая часть принадлежавшихъ имъ людей считали этотъ строй жизни правильнымъ, а власть помѣщиковъ надъ собой—законной до того, что безъ протеста допускали себя бить и покорно ложились подъ розги за косой взглядъ, за собаку, и только развѣ въ утѣшеніе себѣ высѣченный выругаетъ господъ за глаза. Вообще же, какъ владѣлецъ, такъ и принадлежавшіе ему люди были увѣрены, что все, что ни сдѣлаетъ баринъ, онъ знаетъ отлично, за что и зачѣмъ. Конечно, такой порядокъ вещей могъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока большинство тѣхъ и другихъ считали его законнымъ.

Дядя неизмѣнно держался этого образа жизни и практическаго хозяйства безъ нововведеній, безъ риска и большихъ затратъ; по достаточнымъ средствамъ своимъ онъ не отказывалъ себѣ ни въ довольствѣ, ни въ нѣкоторой роскоши. Крестьяне у него работами не отягощались, но съ нихъ строго взыскивалось добросовѣстное исполненіе барщины. Равномѣрно взыскивалось исполненіе возложенныхъ обязанностей, какъ съ дворовыхъ людей, такъ и съ комнатной прислуги. Дворовыхъ и комнатныхъ, состоявшихъ при различныхъ хозяйственныхъ должностяхъ, насчитывалось въ Чертовой болѣе полутораста человѣкъ. При взрослой прислугѣ для посылокъ держались дѣвочки и мальчики — козачки, которые воспитывались щелчками и подзатыльниками. Кромѣ народа при дѣлѣ, состояло до двадцати пяти человѣкъ при псовой охотѣ — утѣшеніи дяди. Со дня своего водворенія въ деревнѣ и до кончины дядя ни на волосъ не измѣнилъ ни системы

Ужинъ (рис. гр. де-Бальмена).

хозяйства, ни образа жизни: вставалъ онъ въ 6 час. утра, пилъ чай одинъ и въ это время читалъ газеты, затѣмъ ѣхалъ верхомъ осматривать полевыя работы и другія хозяйственныя заведенія; возвратясь домой, осматривалъ садъ, оранжереи, парники, завтракалъ, гулялъ, велись разговоры, въ два часа обѣдъ, десертъ, затѣмъ ложились отдыхать, и по дому распространялась непробудная тишина. Отдохнувши, развлекались прогулкой, полдникомъ, разговорами; въ шесть часовъ чай, въ девять ужинъ, отдавался приказчику приказъ по хозяйству, и въ 10 часовъ весь домъ спалъ...

(*Пассекъ: Воспоминанія*).

Пѣсня русской няньки у постели барскаго ребенка.

Спи, потомокъ благородья,
Баюшки-баю,
Я, дитя простонародья,
Пѣсенку спою.
Мать на балѣ пляшетъ стройно—
Барыня она...
Ты же спи себѣ спокойно—
Я съ тобой одна.
. . . .
И отецъ твой—русскій баринъ,
Знаетъ роль свою,
Онъ хоть ловокъ, но бездаренъ,
Баюшки-баю.
Онъ ученъ всему на свѣтѣ,
Вышло—ничего.
У него одно въ предметѣ—
Денежки его.
Но и съ ними онъ не сладитъ,
Разоритъ семью,
Праздной жизнью все изгадитъ,
Баюшки-баю.
. . . .
Но не вѣрь ты въ шутку эту,
Все не впрокъ пойдетъ...
Ты съ сумой пойдешь по свѣту,
Няня, знай, помретъ.
Да ты будь слугой народа,
Помни цѣль свою,
Чтобъ была ему свобода,
Баюшки-баю.

Н. Огаревъ.

Изъ сна Обломова.

Онъ только что проснется у себя дома, какъ у постели его уже стоитъ Захарка.

Захаръ, какъ, бывало, нянька, натягиваетъ ему чулки, надѣваетъ башмаки, а Илюша, уже четырнадцатилѣтній мальчикъ, только и знаетъ, что подставляетъ ему, лежа, то ту, то другую ногу; а чуть что покажется ему не такъ, то онъ поддастъ Захаркѣ ногой въ носъ. Если недовольный Захарка вздумаетъ пожаловаться, то получитъ еще отъ старшихъ колотушку.

Потомъ Захарка чешетъ голову, натягиваетъ куртку, осторожно продѣвая руки Ильи Ильича въ рукава, чтобъ не слишкомъ безпокоить его, и напоминаетъ Ильѣ Ильичу, что надо сдѣлать то, другое: вставши поутру, умыться и т. п.

Захочетъ ли чего-нибудь Илья Ильичъ, ему стоитъ только мигнуть— ужъ трое-четверо слугъ кидаются исполнять его желаніе; уронитъ ли онъ что-нибудь, достать ли ему нужно вещь, да не достанетъ, принести ли что, сбѣгать ли за чѣмъ: ему иногда, какъ рѣзвому мальчику, такъ и хочется броситься и передѣлать все самому, а тутъ вдругъ отецъ и мать да три тетки въ пять голосовъ и закричатъ:

— Зачѣмъ? Куда? А Васька, а Ванька, а Захарка на что? Эй! Васька! Ванька! Захарка! Чего вы смотрите, разини? Вотъ я васъ!.. И не удастся никакъ Ильѣ Ильичу сдѣлать что-нибудь самому для себя.

Послѣ онъ нашелъ, что оно и покойнѣе гораздо, и самъ выучился покрикивать: «Эй, Васька! Ванька! подай то, дай другое! Не хочу того, хочу этого! Сбѣгай, принеси!..»

(Гончаровъ: «Обломовъ»).

Въ Обломовкѣ.

Нельзя сказать, чтобъ утро пропадало даромъ въ домѣ Обломовыхъ. Стукъ ножей, рубившихъ котлеты и зелень въ кухнѣ, долеталъ даже до деревни.

Изъ людской слышалось шипѣнье веретена да тихій, тоненькій голосъ бабы: трудно было распознать, плачетъ ли она или импровизируетъ заунывную пѣсню безъ словъ.

На дворѣ, какъ только Антипъ воротился съ бочкой, изъ разныхъ угловъ поползли къ ней, съ ведрами, корытами и кувшинами бабы и кучера.

А тамъ старуха пронесетъ изъ амбара въ кухню чашку съ мукой да кучу яицъ; тамъ поваръ вдругъ выплеснетъ воду изъ окошка и обольетъ Арапку, которая цѣлое утро, не сводя глазъ, смотритъ въ окно, ласково виляя хвостомъ и облизываясь.

Самъ Обломовъ старикъ тоже не безъ занятій. Онъ цѣлое утро сидитъ у окна и неукоснительно наблюдаетъ за всѣмъ, что дѣлается на дворѣ.

— Эй, Игнашка? Что несешь, дуракъ?—спроситъ онъ идущаго по двору человѣка.

— Несу ножи точить въ людскую,—отвѣчаетъ тотъ, не взглянувъ на барина.

— Ну, неси, неси; да хорошенько, смотри, наточи!—Потомъ остановитъ бабу:—Эй, баба! Баба! Куда ходила?

— Въ погребъ, батюшка,—говорила она, останавливаясь, и, прикрывъ глаза рукой, глядѣла на окно,—молока къ столу достать.

— Ну, иди, иди,—отвѣчалъ баринъ,—да, смотри, не пролей молоко-то. А ты, Захарка, пострѣленокъ, куда опять бѣжишь?—кричалъ потомъ.—Вотъ я тебѣ дамъ бѣгать! Ужъ я вижу, что ты это въ третій разъ бѣжишь. Пошелъ назадъ, въ прихожую!

И Захарка шелъ опять дремать въ прихожую. Придутъ ли коровы съ поля, старикъ первый позаботится, чтобъ ихъ напоили; завидитъ ли изъ окна, что дворняжка преслѣдуетъ курицу, тотчасъ приметъ строгія мѣры противъ безпорядковъ.

И жена его сильно занята: она часа три толкуетъ съ Аверкой, портнымъ, какъ изъ мужниной фуфайки перешить Илюшѣ курточку, сама рисуетъ мѣломъ и наблюдаетъ, чтобъ Аверка не укралъ сукна; потомъ перейдетъ въ дѣвичью, задастъ каждой дѣвкѣ, сколько сплести въ день кружевъ; потомъ позоветъ съ собой Настасью Ивановну или Степаниду Агаповну или другую изъ своей свиты погулять по саду съ практической цѣлью: посмотрѣть, какъ наливается яблоко, не упало ли вчерашнее, которое ужъ созрѣло; тамъ привить, тамъ подрѣзать и т. п.

Но главною работою была кухня и обѣдъ. Объ обѣдѣ совѣщались цѣлымъ домомъ; и престарѣлая тетка приглашалась къ совѣту. Всякій предлагалъ свое блюдо: кто супъ съ потрохами, кто лапшу или желудокъ, кто рубцы, кто красную, кто бѣлую подливку къ соусу.

Всякій совѣтъ принимался въ соображеніе, обсуживался обстоятельно и потомъ принимался или отвергался по окончательному приговору хозяйки.

На кухню посылались безпрестанно то Настасья Петровна, то Степанида Ивановна, напомнить о томъ, прибавить это или отмѣнить то, отнести сахару, меду, вина для кушанья и посмотрѣть, все ли положитъ поваръ, что отпущено.

Забота о пищѣ была первая и главная жизненная забота въ Обломовкѣ. Какіе телята утучнялись тамъ къ годовымъ праздникамъ! Какая птица воспитывалась! Сколько тонкихъ соображеній, сколько занятій и заботъ въ ухаживаньи за ней! Индѣйки и цыплята, назначаемые къ именинамъ и другимъ торжественнымъ днямъ, откармливались орѣхами; гусей лишали моціона, заставляли висѣть въ мѣшкѣ неподвижно за нѣсколько дней до праздника, чтобъ они заплыли жиромъ. Какіе запасы были тамъ вареній, соленій, печеній! Какіе меды, какіе квасы варились, какіе пироги пеклись въ Обломовкѣ!

И такъ до полудня все суетилось и заботилось, все жило такою полною, муравьиною, такою замѣтною жизнью.

Привозъ крѣпостными запасовъ изъ деревни. (Съ картин. *Зайцева*).

Въ воскресенье и въ праздничные дни тоже не унимались эти трудолюбивые муравьи: тогда стукъ ножей на кухнѣ раздавался чаще и сильнѣе; баба совершала нѣсколько разъ путешествіе изъ амбара въ кухню съ двойнымъ количествомъ муки и яицъ; на птичьемъ дворѣ было болѣе стоновъ и кровопролитій. Пекли исполинскій пирогъ, который сами господа ѣли еще на другой день; на третій и четвертый день остатки поступали въ дѣ-

вичью; пирогъ доживалъ до пятницы, такъ-что одинъ совсѣмъ черствый конецъ, безъ всякой начинки, доставался, въ видѣ особой милости, Антипу, который, перекрестясь, съ трескомъ неустрашимо разрушалъ эту любопытную окаменѣлость, наслаждаясь болѣе сознаніемъ, что это господскій пирогъ, нежели самымъ пирогомъ...

(*Гончаровъ*: *«Обломовъ»*).

Привозъ изъ деревни запасовъ.

I.

Было бы разорительно содержать такую многочисленную дворню, какъ у насъ, если бы приходилось всю провизію покупать въ Москвѣ. Но во время крѣпостного права все устраивалось очень просто. Когда наступала зима, отецъ садился за столъ и писалъ:

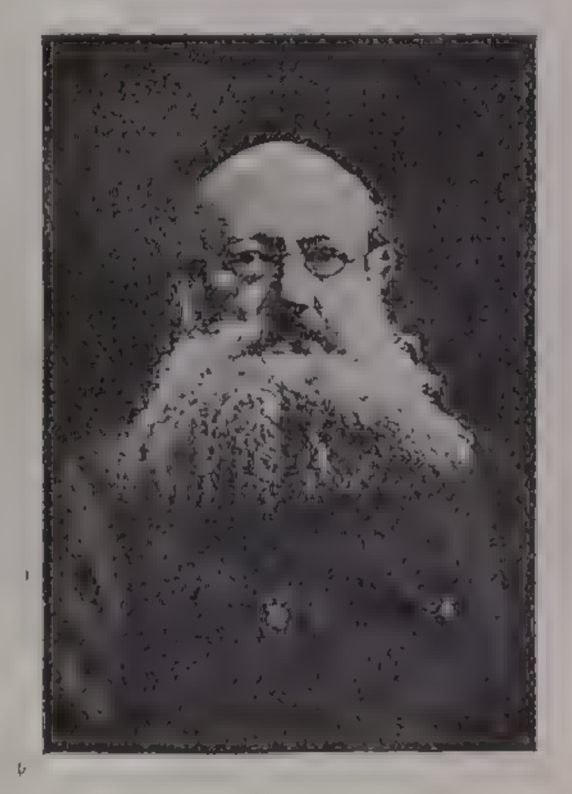
Бурмистру моему, села Никольскаго, Калужской губерніи, Мещовскаго уѣзда, на рѣкѣ Сиренѣ, отъ князя Алексѣя Петровича Кропоткина, полковника и кавалера—**приказъ**:

«По полученіи сего, какъ только установится санный путь, предписывается тебѣ отправить въ мой домъ, въ городъ Москву, двадцать пять крестьянскихъ парныхъ подводъ, по лошади отъ двора, да по человѣку и по дровнямъ отъ другого; нагрузить столько-то четвертей овса, столько-то пшеницы, столько-то ржи, а также куръ, гусей и утокъ, которые должны быть убиты въ эту зиму, хорошо заморожены, хорошо упакованы и препровождены при описи съ вѣрными людьми». Въ томъ же духѣ шли двѣ страницы до точки. Далѣе шло перечисленіе наказаній, которыя постигнутъ виновниковъ, если провизія не прибудетъ вовремя и въ хорошемъ состояніи въ домъ номеръ такой-то и на такой-то улицѣ.

Не задолго до Рождества двадцать пять крестьянскихъ саней, дѣйствительно, въѣзжали въ ворота и заполняли весь громадный дворъ.

Какъ только докладывалось отцу объ этомъ важномъ событіи, онъ начиналь звать громко:

— Фролъ! Кирюшка! Егорка! Гдѣ вы тамъ! Все раскрадутъ! Фролъ! ступай принимать овесъ. Ульяна! ступай принимать птицу. Кирюшка! зови княгиню!

П. А. Кропоткинъ.

Во всемъ домѣ начиналось смятеніе. Слуги метались, какъ угорѣлые, во всѣ стороны, изъ передней во дворъ, а изъ двора опять въ переднюю, но главнымъ образомъ въ дѣвичью, чтобъ сообщить никольскія новости: «Паша выходитъ замужъ послѣ Рождества. Тетка Анна отдала Богу душу», и т. п. Прибывали также и письма изъ деревни...

Когда сани бывали разгружены, передняя наполнялась крестьянами. Они стояли въ армякахъ поверхъ полушубковъ и дожидались, покуда отецъ позоветъ ихъ въ кабинетъ, чтобъ разспросить о томъ, каковъ снѣгъ выпалъ и каковы виды на урожай. Они робѣли ступать по навощенному паркету и немногіе рѣшались присѣсть на кончикъ дубовой скамьи. Они наотрѣзъ отказывались отъ стульевъ. Такъ они дожидались цѣлыми часами, глядя съ тоской на каждаго входившаго или же выходившаго изъ кабинета.

Нѣсколько попозже, обыкновенно на другой день, кто-нибудь изъ слугъ украдкой пробирался въ нашу классную комнату.

— Князенька, вы одни?

— Да.

Такъ бѣгите скорѣе въ переднюю, мужики хотятъ васъ видѣть. Гостинцы привезли отъ кормилицы.

Когда я спускался въ переднюю, кто-нибудь изъ крестьянъ вручалъ мнѣ узелокъ съ гостинцемъ, нѣсколько ржаныхъ лепешекъ, полдюжины крутыхъ яицъ и нѣсколько яблокъ. Все это бывало завязано въ пестрый ситцевый платокъ.

— Вотъ это тебѣ гостинцы отъ кормилицы Василисы. Ужъ не замерзли ли яблоки? Авось нѣтъ. Я ихъ всю дорогу держалъ за пазухой. Да ужъ не дай Богъ какой морозъ!—И широкое, бородатое лицо сіяло отъ улыбки, а изъ-подъ густой стрѣхи усовъ сверкали два ряда ослѣпительныхъ зубовъ.

— А это для братца отъ его кормилицы Анны, — прибавлялъ другой, вручая мнѣ такой же узелокъ.—Бѣдный, — сказывала она,—поди, никогда не доѣстъ-то тамъ, въ корпусѣ.

Я краснѣлъ и не зналъ, что отвѣтить. Наконецъ я бормоталъ: «Скажи Василисѣ, что я цѣлую ее; то же самое скажи Аннѣ отъ брата». При этомъ лица у крестьянъ еще болѣе расцвѣтали.

— Да, ужо передамъ, само собою.

Кирилла, который караулилъ у дверей отцовскаго кабинета, начиналъ шептать: «Бѣгите скорѣе наверхъ, папаша сейчасъ выйдутъ».—«Не забудьте платокъ; они хотятъ его взять обратно», шепталъ онъ, догоняя меня на лѣстницѣ; и когда я тщательно складывалъ поношенный платокъ, мнѣ сильно хотѣлось послать Василисѣ что-нибудь. Но у меня ничего не было, не было даже игрушекъ. Никогда намъ не давали карманныхъ денегъ...

(Кропоткинъ: Записки).

II.

— Возы, возы пріѣхали!—вдругъ начинали кричать братья и сестры. При этихъ крикахъ мы, дѣтишки, стремглавъ бросались къ окнамъ, и намъ было видно, что узенькая уличка, на которой стоялъ нашъ домъ, вся запружена нашими деревенскими возами.... Для насъ, малышей, это была одна изъ счастливѣйшихъ минутъ жизни, но далеко не безъ шиповъ, и требовала отъ насъ большой выдержки и силы воли. Если во время этой суматохи мы какъ-нибудь неловко подвертывались подъ руку старшимъ или, Боже упаси, роняли какой-нибудь горшокъ, насъ безцеремонно толкали и колотили, чѣмъ попало, и не только матушка, но даже горничныя и лакеи считали эту минуту самою удобною, чтобы сводить съ нами различные счеты. Иная горничная и не рѣшалась дернуть или толкнуть, но умѣла отомстить еще чувствительнѣе: ей стоило только закричать такъ, чтобы услышала матушка.

— Да что вы, барышня, такъ кидаетесь? Чуть съ ногъ не сшибли? Банку бы съ вареньемъ выронила!

И этого было достаточно: матушка, какъ ястребъ, бросалась на оговоренную и за руку, а то и за уши тащила несчастную въ домъ, вталкивала въ первую попавшуюся комнату и замыкала на ключъ. То же самое было съ тою изъ моихъ сестеръ, которая, не стерпѣвъ обиды, вскрикивала отъ толчка горничной или лакея: не разбирая, въ чемъ дѣло, матушка наказывала ее, какъ и предыдущую. Такіе оговоры во время суматохи горничныхъ и лакеевъ всегда оставались неразслѣдованными, потому что доставка провизіи на нѣсколько дней вносила много работы для всѣхъ служащихъ, и матушка не имѣла времени думать о чемъ бы то ни было, кромѣ какъ о приведеніи въ порядокъ своего деревенскаго добра... Шумно и торжественно вносили крестьяне въ домъ кадки, бочки и боченки съ квашеной капустой, съ солониной, масломъ, творогомъ, сметаной, съ замороженными сливками. Наконецъ все разставлено по полу во всѣхъ комнатахъ, которыя принимаютъ видъ безпорядочнаго базара самой разнообразной снѣди. Выходныя двери закрываютъ, и начинается распаковка: ящики взламываютъ, узлы и мѣшки развязываютъ, рогожи разрѣзаютъ и оттуда извлекаютъ банки съ вареньемъ, горшки съ маринадами, мочеными яблоками, соленою рыбою, съ медовыми сотами, съ солеными и маринованными грибами и огурцами, вытаскиваютъ мороженныхъ куръ, поросятъ, индѣекъ, гусей и всякую дичину... Затѣмъ постепенно начинаютъ все это сортировать, что относятъ въ погребъ, что въ кладовушки и боковушки...

Обозъ. (Картина Орловскаго).

Если бы наша семья не могла получать изъ деревни провизіи, а также холста и кожъ, если бы крѣпостные не обшивали бы насъ съ ногъ до го-

ловы, если бы мы не жили въ деревнѣ по нѣскольку мѣсяцевъ въ году, мы не могли бы существовать, а тѣмъ болѣе жить на барскую ногу, какъ это было при отцѣ...

(Водовозовой: Воспоминанія).

Отъѣздъ въ деревню.

Во дворъ въѣзжало пять или шесть крестьянскихъ телѣгъ, чтобы забрать все необходимое для деревни. Выкатывались и еще разъ осматривались старинная карета и другіе экипажи, въ которыхъ мы должны были ѣхать. Начинали укладывать сундуки... Наконецъ все готово: возы нагружены необходимой для деревни мебелью, ящиками съ кухонной посудой и безчисленными пустыми банками для варенья и соленья. Мужики цѣлыми часами ждутъ ежедневно въ передней. Но приказъ тронуться въ путь еще не отдавался. Отецъ все писалъ по утрамъ въ кабинетѣ, а вечеромъ уходилъ въ клубъ. Наконецъ вмѣшивалась мачеха: такъ какъ ея горничная рѣшилась доложить, что мужикамъ давно пора домой, такъ какъ близится сѣнокосъ.

Барскій возокъ нач. XIX в.

На слѣдующее утро звали въ кабинетъ дворецкаго Фрола и первую скрипку Михайлу Алѣева. Дворецкому вручался мѣшокъ съ кормовыми деньгами для 40—50 человѣкъ, которые должны были сопровождать насъ въ Никольское, и «реестръ». Въ немъ перечислялись всѣ: оркестръ въ полномъ составѣ, затѣмъ повара и поваренки, прачка и подпрачка, надѣленная шестью ребятишками, Полька Косая, Домна Большая и Домна Малая. Никто не былъ забытъ.

Первой скрипкѣ вручался маршрутъ. Я помню его хорошо, потому что отецъ, видя, что самъ никогда не управится, всегда бывало велитъ мнѣ переписать маршрутъ въ книгу для исходящихъ бумагъ».

Моему дворовому Михайлу Алѣеву, отъ князя Алексѣя Петровича Кропоткина, полковника и кавалера—приказъ:

«Предписывается тебѣ тронуться съ моимъ обозомъ 29 мая, въ шесть ча-

совъ утра, изъ города Москвы въ деревню мою Никольское, Калужской губ., Мещовскаго уѣзда, на рѣкѣ Сиренѣ, въ 200 верстахъ отъ сего дома; смотрѣть за хорошимъ поведеніемъ людей, порученныхъ тебѣ, а если кто-либо изъ нихъ провинится въ пьянствѣ или неповиновеніи, то ты долженъ доставить виновнаго къ начальнику гарнизонной службы, вмѣстѣ съ приложеннымъ циркулярнымъ письмомъ, и просить о наказаніи онаго (первая скрипка понималъ уже кого) въ примѣръ другимъ.

«Приказывается тебѣ въ особенности смотрѣть за цѣлостью вещей, довѣренныхъ тебѣ, и ѣхать согласно маршруту: первый день остановиться въ такой-то деревнѣ покормить лошадей; второй день ночевать въ городѣ Подольскѣ». И такъ далѣе точно было указано, какъ провести всѣ семь или восемь дней въ пути.

На слѣдующій день, въ десять, вмѣсто шести—точность не въ числѣ русскихъ добродѣтелей («Слава Богу, мы не нѣмцы»)—обозъ трогался въ путь. Слугамъ предстояло итти пѣшкомъ. Лишь ребятишкамъ уступалось мѣсто гдѣ-нибудь въ ваннѣ или же въ ящикѣ на самомъ верху нагруженнаго воза, да женщины иногда могли присѣсть на край телѣги. Остальные шли пѣшкомъ всѣ двѣсти верстъ. Покуда шли Москвой, соблюдалась дисциплина: безусловно было запрещено запрятывать панталоны въ сапоги и опоясываться поясомъ. Но когда дня черезъ два мы нагоняли обозъ, въ особенности, если было извѣстно, что отецъ останется въ Москвѣ, мы находили нѣсколько иную картину. Мужчины и женщины въ какихъ-то невѣроятныхъ армякахъ, подпоясанныхъ платками, шагали, подпираясь палками, вырѣзанными въ лѣсу по дорогѣ

Барская карета.

Загорѣлые отъ солнца или же промоченные дождемъ, они походили скорѣе на кочующій цыганскій таборъ, чѣмъ на дворовыхъ богатаго помѣщика. Такъ странствовали въ то время дворовые всѣхъ барскихъ домовъ. Когда мы видѣли толпу слугъ, проходившихъ по одной изъ нашихъ улицъ, мы знали уже, что Апухтины или Прянишниковы перебираются. Обозъ выѣзжалъ, а семья наша все еще не трогалась. Намъ всѣмъ страшно надоѣдало ожиданіе. Но отецъ все писалъ бурмистрамъ приказы, а я тщательно переписывалъ ихъ въ книгу «исходящихъ бумагъ». Наконецъ отдавалось приказаніе тронуться въ путь. Насъ всѣхъ сзывали внизъ. Отецъ прочитывалъ громко маршрутъ «княгинѣ Кропоткиной, женѣ князя Алексѣя Петровича Кропоткина, полковника и кавалера». Въ бумагѣ подробно перечислялось, гдѣ слѣдуетъ останавливаться въ продолженіе пятидневнаго путешествія. Нужно сказать, что приказъ былъ на 30-е мая, и отъѣздъ назначался въ шесть часовъ утра; между тѣмъ май прошелъ, и выѣзжали мы въ полдень, что разстраивало всѣ вычисленія. Но, какъ всегда въ военныхъ приказахъ о походѣ, это обстоятельство было предусмотрѣно и оговорено въ слѣдующемъ параграфѣ: «Если же, паче чаянія, отъѣздъ вашего сіятельства не состоится въ назначенный день и часъ, вы уполномачиваетесь поступать согласно собственному усмотрѣнію, дабы привести оное путешествіе къ благополучному окончанію».

Затѣмъ вся семья и прислуга садились на минуту, крестились и прощались съ отцомъ. «Умоляю тебя, Алексисъ, не ходи въ клубъ», шептала мачеха. Большая карета, запряженная четверкой, съ форейторомъ впереди, дожидалась у подъѣзда. Подножка лѣсенкой откидывалась. Мѣста наши въ каретѣ были точно указаны въ маршрутѣ, но такъ какъ всѣ не умѣщались, то мачехѣ тутъ же приходилось распорядиться «согласно собственному усмотрѣнію». Наконецъ, къ всеобщему удовольствію, мы трогались...

(Кропоткинъ: Записки).

Благодѣтельные помѣщики.

I.

За хозяйство Левъ Степановичъ [1]) принялся усердно.... Удвоивая доходы, онъ улучшилъ состояніе крестьянъ. Онъ и хлѣбомъ поможетъ, и овса на посѣвъ дастъ, и корову или лошадь дастъ взамѣнъ падшей, ну, да послѣ держи ухо востро. Вдругъ никто не думаетъ, не гадаетъ, баринъ съ старостой и десятскими на дворъ.

Ей ты, Акулька, покажи-ка горшки для молока», не вымыты, тутъ бабѣ и расправа.

«А ты, Нефедъ, покажь-ка соху да борону, выведи лошадь-то»,—словомъ, поучалъ ихъ, какъ неразумныхъ дѣтей, и мужички разсказывали долго послѣ его смерти «о порядкахъ стараго барина», прибавляя, «точно, бывало, спуску не даетъ, ну, а только умница былъ, все зналъ наше крестьянское дѣло досконально и праваго не тронетъ; то-есть, учитель былъ».

Дворовыхъ онъ держалъ безъ числа и мѣры. У него были мальчики, единственно употребляемые днемъ на то, чтобъ чистить клѣтки соловьевъ, а ночью ходить по двору, чтобъ собаки не лаяли близъ господскаго дома. У

[1]) Столыпинъ, богатый помѣщикъ начала XIX в.

него были дѣвочки, которыхъ все назначеніе состояло въ томъ, чтобъ стирать воду съ оконницъ, а лѣтомъ носить уголья и тазики для варенья. Нельзя сказать, чтобъ такое количество прислуги его вводило въ особенно важныя траты; все, начиная съ самыхъ личностей, было домашнее, рожь и гречиха, горохъ и капуста, и не одинъ кормъ... Умретъ корова, выдѣлываютъ кожу, сапожникъ сошьетъ портному сапоги, въ то время, какъ портной ему кроитъ куртку изъ домашняго сукна цвѣту маренго-клеръ и широкіе панталоны изъ небѣленаго холста, которымъ были обложены рабочія бабы. Притомъ у Льва Степановича былъ неотъемлемый талантъ воспитывать дворню,—талантъ, совершенно утраченный въ наше время; онъ вселялъ съ юныхъ лѣтъ такой страхъ, что даже его фаворитъ и долею лазутчикъ, камердинеръ Титъ Трофимовъ, гроза всей дворни, не всегда обращавшій вниманіе на приказы барыни, сознавался въ минуты откровенности и сердечныхъ изліяній, что ни разу не входилъ въ спальню барина безъ особаго чувства страха, особенно утромъ, не зная, въ какомъ расположеніи Левъ Степановичъ. Дивиться нечему. Выгоды и почетъ барскаго фавора очень не даромъ доставались Титу, особенно, потому что онъ часто попадался на глаза. Левъ Степановичъ былъ человѣкъ характерный, сдерживать себя не считалъ нужнымъ, и, когда утромъ онъ выходилъ къ чаю съ красными глазами, сама Мароа Петровна долго не смѣла начать разговоръ. Въ эти «характерныя» минуты сильно доставалось Титу,—побьетъ его, бывало, да и пошлетъ къ барынѣ: «Поди, говоритъ, покажи ей свою рожу и скажи, вотъ, молъ, какъ дураковъ учатъ, людей дѣлаютъ изъ скотовъ». Для Мароы Петровны, въ ея скучной и однообразной жизни, подобные случаи служили развлеченіемъ, даже она находила своего рода удовольствіе въ униженіи гордаго и высокомѣрнаго Тита...

II.

Проводивши брата[1]), Степанъ Степановичъ принялся, съ своей стороны, за устройство имѣнія. Онъ купилъ двухъ музыкантовъ и приказалъ имъ учить дворовыхъ дѣвокъ пѣть. Хоры составились хоть куда, учители играли одинъ на торбанѣ, другой на кларнетѣ. Въ праздничные дни сгоняли послѣ обѣдни крестьянскихъ дѣвокъ и бабъ на лужокъ передъ домомъ для хороводовъ и пѣсней.

Степанъ Степановичъ, откушавши, выходилъ въ сѣни, въ халатѣ на распашку, окруженный горничными, тутъ онъ садился, горничныя готовили чай и обмахивали мухъ павлиновыми перьями. Благодѣтельный помѣщикъ угощалъ гостей цареградскими стручками, пряниками, брагой и грошовыми серьгами, иногда самъ участвовалъ въ хороводахъ, но чаще засыпалъ подъ конецъ; чай имѣлъ на него очень сильное вліяніе, хотя онъ и подливалъ французской водки, чтобы ослабить его дѣйствіе.

Матеріальной частью хозяйства Степанъ Степановичъ, какъ всѣ сентиментальныя натуры, заниматься не любилъ; староста и поваръ управляли вотчиной; до барина доступъ былъ не легокъ, кому и случалось съ нимъ молвить слово, остерегался проболтаться, баринъ все разсказывалъ горничнымъ. Случилось разъ, что крестьянка, съ большими черными глазами, пожаловалась барину на старосту.

---

[1]) *Льва Степановича, пріѣзжавшаго дѣлиться послѣ смерти родителей.*

Степанъ Степановичъ, не давая себѣ труда разобрать дѣла и вѣчно увлекаемый своимъ нѣжнымъ сердцемъ, велѣлъ старосту на конюшнѣ посѣчь. Староста обмылся пѣнничкомъ и кротко вынесъ наказаніе, не думая оправдываться, несмотря на то, что онъ въ дѣлѣ былъ правъ; тѣмъ не менѣе, желаніе мести сильно запало въ его душу. Спустя недѣлю, другую, староста черезъ повара доложилъ барину, что де, несмотря на барское приказаніе, такая-то баба сильно балуется.... Поступокъ этотъ, такъ грубо неблагодарный, глубоко огорчилъ Степана Степановича и онъ велѣлъ бабу назначить безъ очереди въ работу. Похудѣвъ, состарясь черезъ годъ, она на себѣ носила доказательства, что приказъ былъ исполненъ въ точности. Послѣ этого примѣра никто, кромѣ горничныхъ, не смѣлъ дѣлать оппозицію старостѣ и повару.

Веселая сельская жизнь Степана Степановича стала скоро извѣстной въ околоткѣ; явились сосѣди, одни съ цѣлью его женить на дочери, другіе обыграть, третьи, болѣе скромные, познакомились, потому что имъ казалось пить чужой пуншъ пріятнѣе своего. Онъ поддавался всему, весьма вѣроятно, что его бы женили и обыграли, но нѣжное сердце его спасло. Посѣщая одного изъ своихъ сосѣдей, онъ увидѣлъ у него горничную, —такъ сердце у него и опустилось... Онъ пріѣхалъ домой разстроенный, влюбленный, да какъ! Ѣсть перестала, а пить сталъ вдвое больше. Подумалъ онъ, подумалъ, видитъ, что такой страсти переломить невозможно; опостылѣла ему дѣвичья, и, если онъ дозволялъ себѣ кой-какія шалости, то больше, чтобы не отставать отъ привычекъ, нежели изъ удовольствія.

Присталъ Степанъ Степановичъ къ сосѣду, чтобы тотъ продалъ Акульку; сосѣдъ поломался, потомъ согласился съ условіемъ, чтобы Столыгинъ купилъ отца и мать, —я, говоритъ, христіанинъ и не хочу разлучать того, что Богъ соединилъ. Степанъ Степановичъ на все согласился и заплатилъ ему три тысячи рублей; по тогдашнимъ цѣнамъ на такую сумму можно было купить пять Акулекъ и столько же Дуняшекъ съ ихъ отцами и матерями.

Акулина поняла, именно по суммѣ, заплаченной за нее, ширь своей власти и въ полгода привела своего господина въ полнѣйшую покорность...

(Герценъ: «Долгъ прежде всего»).

Крѣпостное право въ нач. XIX в.

Всѣ почти помѣщики смотрѣли на крестьянъ своихъ, какъ на собственность, вполнѣ имъ принадлежащую, и на крѣпостное состояніе, какъ на священную старину, до которой нельзя было коснуться безъ потрясенія самой основы государства. По ихъ мнѣнію, Россія держалась однимъ только благороднымъ сословіемъ, а съ уничтоженіемъ крѣпостного состоянія уничтожалось и самое дворянство. По мнѣнію тѣхъ же старовѣровъ, ничего не могло быть пагубнѣе, какъ приступить къ образованію народа. Вообще свобода мыслей тогдашней молодежи пугала всѣхъ, но эта молодежь вездѣ высказывала смѣло слово истины...

Крѣпостное же состояніе у насъ обозначалось на каждомъ шагу отвратительными своими послѣдствіями. Безпрестанно доходили до меня слухи о неистовыхъ поступкахъ помѣщиковъ, моихъ сосѣдей. Ближайшій изъ нихъ— Жигаловъ, имѣвшій всего 60 душъ, разъѣзжалъ въ коляскѣ и имѣлъ огромную стаю гончихъ и борзыхъ собакъ;

зато крестьяне его умирали почти съ голоду и часто, ушедши тайкомъ съ полевой работы, приходили ко мнѣ и моимъ крестьянамъ просить милостыню. Однажды къ этому Жигалову пріѣхалъ Лимохинъ и проигралъ ему въ карты свою коляску, четверню лошадей и бывшихъ съ нимъ кучера, форейтора и лакея; стали играть на горничную дѣвку, и Лимохинъ отыгрался. Въ имѣніи Анненкова, верстахъ въ 3-хъ отъ меня, управляющій придумывалъ ежегодно какой-нибудь новый способъ вымогательства съ крестьянъ. Однажды онъ объявилъ имъ, что барыня ихъ, живущая въ курскомъ своемъ имѣніи, приказала прислать къ себѣ нѣсколько взрослыхъ дѣвокъ для обученія ихъ коверному искусству; разумѣется, крестьяне, чтобы откупиться отъ такого налога, заплатили все, что только могли заплатить. У богача Барышникова, при полевыхъ работахъ, разъѣзжали управитель, бурмистръ и старосты и поощряли народъ къ дѣятельности плетью. Проѣзжая однажды зимою по Рославльскому уѣзду, я заѣхалъ на постоялый дворъ. Изба была набита народомъ, совершенно оборваннымъ, иные даже не имѣли ни рукавицъ ни шапки! Ихъ было болѣе 100 человѣкъ, и они шли на винокуренный заводъ, отстоящій верстъ 150 отъ мѣста ихъ жительства. Помѣщикъ, которому они принадлежали, Фонтонъ де-Вараіонъ отдалъ ихъ на всю зиму въ работу на заводъ и

И. Д. Якушкинъ.

получилъ за это впередъ условленную плату. Сверхъ того, помѣщикъ, которому принадлежалъ заводъ, обязался прокормить крестьянъ Фонтона въ продолженіе зимы. Такого рода сдѣлки были очень обыкновенны. Во время построенія Нижегородской ярмарки принцъ Александръ Виртембергскій отправилъ туда въ работу изъ Витебской губерніи множество своихъ нищихъ крестьянъ, не платившихъ ему оброка. Партіи этихъ людей сотнями и въ самомъ жалкомъ положеніи проходили мимо Жукова...

(Якушкинъ: Записки).

Помѣщичья жизнь по разсказу крѣпостной.

— Да чѣмъ же, наконецъ, занимались господа-то?

— Мало ли чѣмъ! Разными забавами занимались. Тогда, бывало, господъ много жило въ деревняхъ; вотъ всѣ гурьбой отъ сосѣда къ сосѣду, отъ одного къ другому, а какъ, бывало, соберутся къ намъ въ Куково, то по недѣлямъ, бывало, живутъ. Запасъ примѣромъ всякій — свой не купленный; наливокъ бывало въ волю; пьютъ да гуляютъ. Вечеромъ иной разъ поставятъ на дворѣ столъ и пьютъ взварецъ, знаете, вино, сваренное на яго-

дахъ... А тутъ бабы пѣсни играютъ, пляшутъ, водятъ хороводы. Ну вотъ господа и веселятся.... люди дворовые играютъ въ городки, въ бабки, въ свалку... А народу-то у насъ много было: однихъ лакеевъ, государь мой, было человѣкъ до 80, и всѣ чуть не въ сажень ростомъ, молодецъ къ молодцу!..

— Какъ же ихъ одѣвали? Чай, дорого стоило!

— Одѣты они были въ темнозеленые казакины, домашняго сукна, и подпоясаны красненькими шерстяными кушачками, въ родѣ пояса; волоса обстрижены были въ кружокъ, а на ногахъ, вмѣсто сапогъ, носили волосники. А это, государь мой, родъ лаптей, сплетенныхъ изъ волоса конскаго хвоста; сами и плели.

— Отчего же сапогъ-то имъ не давали?

— Сапоги носили только господа. Да вотъ, я вамъ доложу, и на барышняхъ ничего покупного не было. Платья и платочки носили все моей работы; бывало, купишь тонкой аглицкой бумаги, да и наткешь канифасу барышнямъ на платья; еще изъ красной аглицкой бумажки натку, бывало, платочковъ тоненькихъ; вотъ и носятъ. И хорошо было...

(*Селивановъ: Воспоминанія*).

Охота помѣщика.

Араповъ держалъ огромную псарню. Выѣзды его были—это выѣзды Донского на Мамая: самъ онъ, какъ великій князь, съ огромнымъ войскомъ, а около него увиваются удѣльные, мелкота, кто съ одной сворой, кто съ двумя, а кто и такъ, ради чести. Въ мѣста, куда онъ намѣревался ѣхать, посылались люди впередъ. Тамъ сперва, за нѣсколько ведеръ водки, покупалось право охоты, если это были не помѣщичьи крестьяне. У крестьянъ скупалось три-четыре избы, которыя очищались отъ лавокъ, полатей и пр. и оклеивались шпалерами. Въ одной изъ избъ складывалась печка и укладывалась поварская плита. Отправляется баринъ. За день впередъ ѣдутъ повара, воза съ провизіей, съ ящиками винъ, затѣмъ гонится стадо гончихъ, ѣдутъ борзятники съ борзыми, наконецъ, самъ баринъ.

Однажды мнѣ случилось быть на берегу Волги, въ селѣ С., гдѣ охотился тогда Араповъ. Утромъ рано затрубили, я вышелъ къ воротамъ. Мимо меня прогнали стадо гончихъ; далѣе ѣдутъ по два въ рядъ псари, въ лакированныхъ пальто и фуражкахъ, съ кинжалами за поясами и плетьми, каждый со сворой въ рукахъ и всѣ ѣдутъ молча. Я не зналъ, кто охотится, и спрашиваю: «Кто это охотится?» Всѣ молчатъ. Пропустивши паръ 15, я спрашиваю опять,—никто не шевельнулся, не моргнулъ и не отвѣтилъ мнѣ. Пропускаю паръ 10 еще, опять спрашиваю—ни слова. Ѣхавшій сзади баринъ услышалъ, что я спрашиваю, величественно пробасилъ: «Скажи!» Одинъ изъ доѣзжачихъ скинулъ фуражку, очень вѣжливо, съ поклономъ, отвѣтилъ мнѣ: «Господинъ Араповъ!» Тутъ только и понялъ я, почему никто не отвѣчалъ мнѣ: значитъ, на службѣ ни между собой, ни съ посторонними говорить не полагалось,—служба дѣло великое. За псарями слѣдовали сами господа.

Ихъ ѣхало человѣкъ двадцать или больше, верхомъ, и всѣ въ самыхъ разнонообразныхъ и самыхъ фантастическихъ костюмахъ. Тутъ были и

венгерки, и польки, и казакины, и просто куртки со всевозможными вышивками, петлями и пуговицами, и наряды народовъ, никогда не существовавшихъ... А короткій мой знакомый, помѣщикъ В. Н. Григорьевъ, любившій чисто ходить, какъ и теперь ѣхалъ, представлялъ изъ себя стараго русскаго боярина: онъ былъ въ парчевомъ самомъ свѣтломъ кафтанѣ, въ

Съ борзыми (карт. Кившенко).

красной шелковой рубахѣ, съ вѣчно открытою косматою грудью, въ высокой бобровой шапкѣ и желтыхъ сафьянныхъ сапогахъ. За ними ѣхалъ мужикъ этого села. Далѣе, простыя телѣги, фургоны и фуры, запряженные въ одну, двѣ и три лошади: съ кухней, ящиками, воза, вѣроятно, съ овсянкой, съ корытами, съ палатками,— всего подводъ болѣе десяти. Тутъ же тащились двѣ клячи, должно-быть, на убой для собакъ. Затѣмъ ѣхалъ фаэтонъ съ двумя здоровенными псами, вѣроятно, волкодавами и, наконецъ, четыре кареты, изъ которыхъ выглядывали вострорылыя морды. Въ этихъ каретахъ возились лучшія собаки, чтобъ онѣ не отбили ногъ, идя до мѣста гонки. Кареты эти были похожи на обыкновенныя кареты, только много ниже ихъ, такъ что человѣку сидѣть въ нихъ было неудобно, и съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ. Всѣхъ верховыхъ, по всей вѣроятности, было болѣе ста. Послѣ я узналъ, что Араповъ съ псарней занялъ чуть не четверть села, хотя село очень большое. Четыре дома были сняты подъ господъ. Изъ этихъ домовъ были выломаны полати, лавки и стѣны оклеены обоями:

привезена была мебель, игорные карточные столы; въ одной, пятой, сложенъ очагъ и уложена плита для кухни; въ нѣсколькихъ десяткахъ дворовъ размѣщены экипажи, телѣги, фуры, фургоны, корыта, цѣлый обозъ овсянки, лошади, псари, псы...

(Записки сельскаго священника).

Псовая охота.

(Отрывокъ изъ стихотворенія Некрасова).

Сторожъ вокругъ дома господскаго ходитъ,
Злобно зѣваетъ и въ доску колотитъ.
Мракомъ задернуты небо и даль,
Вѣтеръ осенній наводитъ печаль;
По небу тучи угрюмыя гонитъ,
По полю листья — и жалобно стонетъ...
Баринъ проснулся, съ постели вскочилъ,
Въ туфли обулся и въ рогъ затрубилъ.
Вздрогнули сонные Ваньки и Гришки,
Вздрогнули всѣ — до грудного мальчишки.
Вотъ, при дрожащемъ огнѣ фонарей,
Движутся длинныя тѣни псарей.
Крикъ, суматоха!.. ключи зазвенѣли,
Ржавыя петли уныло запѣли;
Съ громомъ выводятъ, поятъ лошадей.
Время не терпитъ—сѣдлай поскорѣй!
Въ синихъ венгеркахъ на заячьихъ лапкахъ,
Въ остроконечныхъ неслыханныхъ шапкахъ.
Слуги толпой подъѣзжаютъ къ крыльцу!
Любо глядѣть—молодецъ къ молодцу!
Хоть и худеньки у многихъ подошвы—
Да въ сюртукахъ зато желтыя прошвы;
Хоть съ толокна животы подвело—
Да въ позументахъ подъ каждымъ сѣдло,
Конь—заглядѣнье, собачекъ двѣ своры,
Поясъ черкесскій, арапникъ и шпоры.
Вотъ и помѣщикъ. Долой картузы!
Молча онъ крутитъ сѣдые усы,
Грозенъ осанкой и пышенъ нарядомъ,
Молча поводитъ властительнымъ взглядомъ...
Много травили и много скакали,
Гончихъ изъ острова въ островъ бросали,
Вдругъ неудача; Свирѣпъ и Терзай
Кинулись въ стадо, за ними Ругай,
Слѣдомъ за ними Угаръ и Замашка—
И растерзали въ минуту барашка!
Баринъ велѣлъ возмутителей сѣчь,
Самъ же держалъ къ нимъ суровую рѣчь.
Прыгали псы, огрызались и выли
И разбѣжались, когда ихъ пустили.
Ревмя-реветъ злополучный пастухъ,
За лѣсомъ кто-то ругается вслухъ.
Баринъ кричитъ: «замолчи, животина!»
Не унимается бойкій дѣтина.
Баринъ озлился и скачетъ на крикъ,
Струсилъ и валится въ ноги мужикъ.
Баринъ отъѣхалъ — мужикъ встрепенулся,
Снова ругается; баринъ вернулся,
Баринъ арапникомъ злобно махнулъ—
Гаркнулъ буянъ: «караулъ, караулъ!
Долго преслѣдовалъ парень побитый
Барина бранью своей ядовитой:
«Мы-ста тебя взбутетенимъ дубьемъ,
Вмѣстѣ съ горластымъ твоимъ халуемъ!»
Но уже баринъ сердитый не слушалъ,
Къ стогу подсѣвши, онъ рябчика кушалъ,
Кости Нахалу кидалъ, а псарямъ
Передалъ фляжку, отвѣдавши самъ...

Дураки у господъ.

Какъ у всѣхъ богатыхъ и знатныхъ людей того времени, такъ же, впрочемъ, какъ это было принято при дворѣ, и у Александра Матвѣевича былъ тоже дуракъ въ домѣ, который имѣлъ право ругать самаго барина въ глаза и обращаться со всѣми безъ малѣйшаго стѣсненія. Когда дуракъ дѣйствительно или мнимо надоѣдалъ барину, Александръ Матвѣевичъ приказывалъ его сѣчь. Приносили розги, клали дурака и хотя его сѣкли только для вида, осторожно, но онъ и рвался и кричалъ притворно, когда же случайно задѣвали за живое, онъ неистово начиналъ ругать барина. Одинъ разъ, за какое-то преступленіе или упрямство, тѣлесное наказаніе было замѣнено обливаніемъ водою на дворѣ у колодца, при чемъ дуракъ далъ полную волю своимъ браннымъ изліяніямъ.

— Дуракъ, чортъ!— кричалъ онъ на барина внѣ себя, а Александръ Матвѣевичъ, сидя у окна, хохоталъ. Эта забава, кажется, не прошла даромъ для несчастнаго обливанца, и отъ послѣдовавшей затѣмъ горячки онъ отдалъ душу Богу. Иногда Александръ Матвѣевичъ вздумаетъ, бывало, сидя за обѣденнымъ столомъ, приказать дураку, всегда стоявшему за его стуломъ, пѣть, а чтобы ему было сподручнѣе, приказывалъ дочери Варварѣ Александровнѣ подтягивать. Та всегда повиновалась безпрекословно, но иногда съ полными слезъ глазами, вслѣдствіе оскорбленнаго самолюбія, когда это случалось при гостяхъ...

Савеличъ — шутъ.

(Селивановъ: Воспоминанія).

Ш у т и х а.

Хлестова (*Софьѣ*).

Легко ли въ шестьдесятъ пять лѣтъ
Тащиться мнѣ къ тебѣ, племянница?.. Мученье!
Часъ битый ѣхали съ Покровки силы нѣтъ!
Ночь—свѣта преставленье!
От скуки я взяла съ собой
Арапку—дѣвку, да собачку.
Вели ихъ накормить ужо, дружочекъ мой,
Отъ ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте! (*Софьѣ*). Ну, Софьюшка, мой другъ,
Какая у меня Арапка для услугъ!

Курчавая, горбомъ лопатки!
Сердитая! всѣ кошачьи ухватки!
Да какъ черна! да какъ страшна!
Вѣдь создалъ же Господь такое племя!
Чортъ сущій! въ дѣвичьей она...
Позвать ли?

Софья.

Нѣтъ-съ, въ другое время.

Хлестова.

Представь: ихъ, какъ звѣрей, выводятъ на показъ.
Я слышала, тамъ... городъ есть турецкій...
А знаешь ли кто мнѣ припасъ?
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.
Лгунишка онъ, картежникъ, воръ:
Я отъ него было и двери на запоръ,
Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ Прасковьѣ
Двоихъ арапченковъ на ярмаркѣ досталъ.
Купилъ, онъ говоритъ, — чай, въ карты сплутовалъ.
А мнѣ подарочекъ, дай Богъ ему здоровье!..

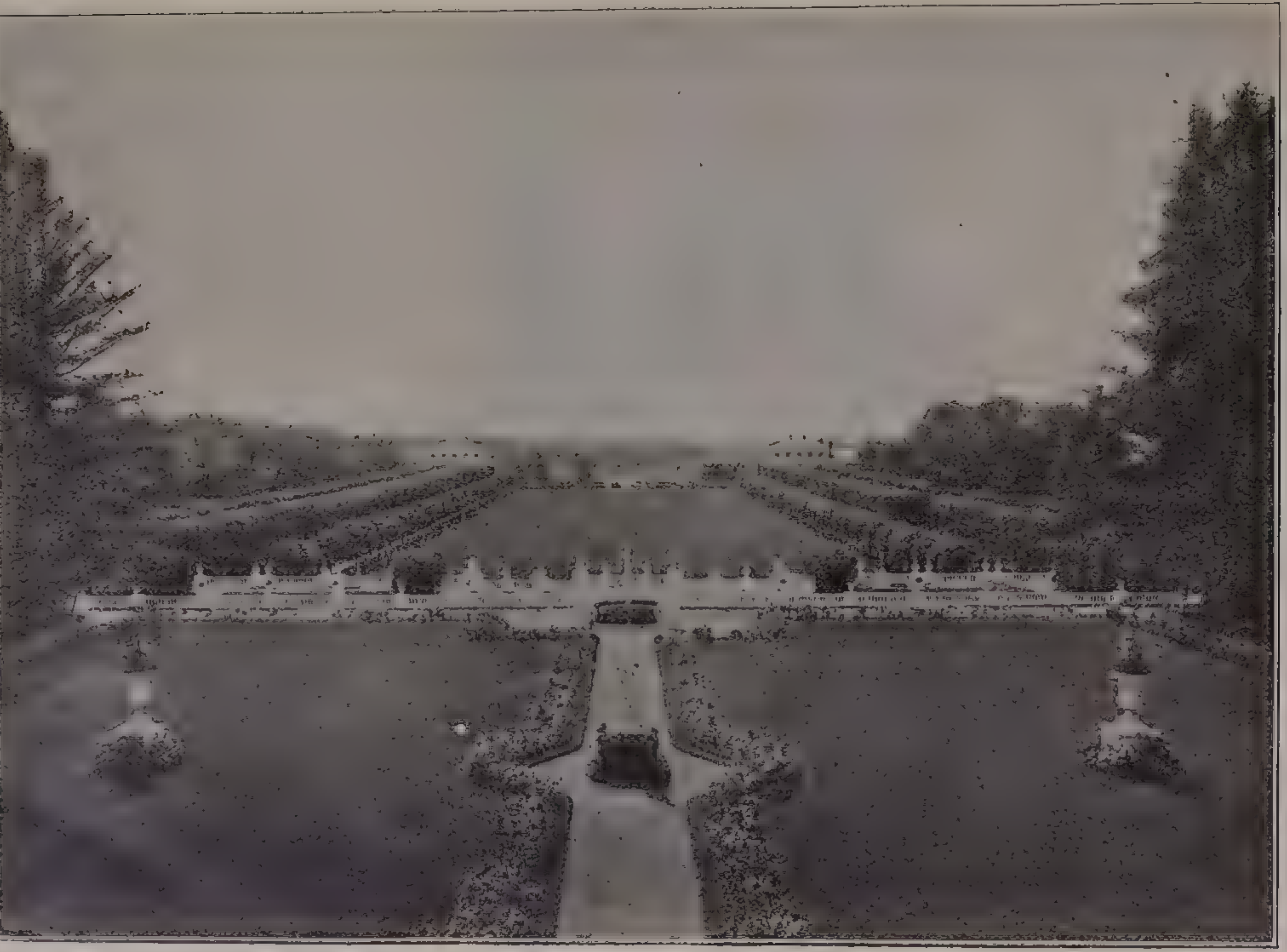
(*Грибоѣдовъ: «Горе отъ ума»*).

Самодуры-помѣщики.

Мой батюшка говаривалъ: «сядемъ обѣдать, гостей всегда пропасть, а позади барина И. Н-ча и стапетъ старикъ Ѳ., въ кафтанѣ изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ. Баринъ ѣстъ, а старикъ сзади каркаетъ по-вороньи: каръ, каръ! Баринъ черезъ плечо броситъ ему кусочекъ, тотъ и старается схватить его ртомъ. Какъ схватитъ, то и начнетъ глотать его, а самъ «ку, ку» — какъ бы давится. Всѣ гости и баринъ забьютъ въ ладоши и захохочутъ. Если же не поймаетъ, то долженъ взять его съ полу ртомъ. Лишь только станетъ нагибаться, а баринъ щелкъ его ложкой по лбу! Нагнется, станетъ губами брать кусочекъ, а баринъ и пхнетъ его ногой; онъ нарочито перевернется на спину и начнетъ мотать и руками и ногами, а самъ все: «каръ, каръ»... Только станетъ подниматься, а его еще пхнетъ сосѣдъ барина, — опять вверхъ ногами и опять: «каръ, каръ». Ну, всѣ и хохочутъ до упаду, — распотѣшилъ! Входила иногда, но только рѣдко, и старуха шутиха. Только войдетъ она, имъ баринъ и броситъ на полъ кусочекъ хлѣба или мяса. Они кинутся, и начнутъ отнимать другъ у друга. Вцѣпятся другъ другу въ волосы, исцарапаютъ одинъ другому до крови лица, валяются, пихаютъ одинъ другого, а бары-то хохочутъ, а бары-то хохочутъ! Но не было и удержу хохоту, если старуха отнимала кусочекъ. Послѣ этого старуха становилась за стуломъ кого-нибудь по ея выбору и выдѣлывала все то, что дѣлалъ тотъ, за чьимъ стуломъ стояла она: тотъ протянетъ руку съ ложкой въ тарелку, и она, сзади, протянетъ руку какъ бы въ тарелку; тотъ жуетъ, и она жуетъ; тотъ выпьетъ рюмку вина, и она представитъ, что выпила; тотъ крякнетъ, и она крякнетъ. Тотъ, позади котораго стоитъ она, спроситъ ее:

— Что, вкусно?
— Вкусно.
— Ты не пьяна еще?
— Пьяна.
— Наѣлась?
— Нѣтъ, еще поѣмъ.

«И перечислитъ, что она будетъ ѣсть еще, т.-е. то, что будетъ еще подано за столомъ. Ну, тотъ или подастъ ей кусочекъ или отдастъ всю тарелку. Если дастъ мало, то она: «экій скупой» и отойдетъ къ другому, и тамъ начнетъ выдѣлывать тѣ же штуки. Бары, между тѣмъ, осыпали ее со всѣхъ сторонъ и вопро-

Архангельское. Видъ на паркъ съ террасы.

сами и остротами. Тутъ она служила и оракуломъ: кому предскажетъ, а иногда и укажетъ на жениха или невѣсту, кому пожелаетъ напиться пьянымъ,—а господамъ-то любо! господа-то хохочутъ!»

Н. И—чъ унаслѣдовалъ отъ отца любовь къ пѣнію и музыкѣ до страсти. Съ чиномъ полковника онъ вышелъ въ отставку и изъ Петербурга пріѣхалъ въ свое имѣніе, село Б. Какъ артистъ, онъ, разумѣется, занялся прежде всего устройствомъ хора и оркестра. Отца его уже не было въ живыхъ, а мать тотчасъ уѣхала въ другую деревню и поселилась тамъ. Красавецъ собой, какъ бывшій придворный съ утонченными манерами, всегда любезный, ласковый, говорящій всегда съ улыбкой на устахъ, гостепріимный до крайности, онъ всякаго обвораживалъ. Не полюбить и не привязаться къ нему всею душой было нельзя, — съ перваго разу, какъ вы познакомились съ нимъ. Вы, напримѣръ, пріѣхали къ нему и не застали обѣда. Вамъ отводятъ комнату и вы можете требовать, какихъ вамъ угодно блюдъ и какихъ угодно винъ. Хозяинъ не ужинаетъ; но вы идите къ себѣ и требуйте, что вамъ угодно.

Вечеромъ, въ извѣстный часъ, баринъ отправляется въ кабинетъ. Какъ только усядется за рабочій столъ, съ противоположной стороны двумя лакеями отворяется дверь и впускается статный, важный по виду и поступи, мужчина, въ черномъ фракѣ, накрахмаленный и раздушенный, съ портфелемъ подъ мышкой. Передъ глазами барина онъ отпираетъ портфель и подаетъ ему бумаги. Господинъ этотъ—это кухмейстеръ съ огромнымъ спискомъ всевозможныхъ явствъ. Баринъ внимательно просматриваетъ его, спрашиваетъ, совѣтуется, приказываетъ и противъ нѣкоторыхъ дѣлаетъ отмѣтку карандашомъ. Это значитъ, что онъ назначилъ обѣдъ на завтрашній день. Получивши обратно списокъ, уложивши его, на глазахъ барина, въ портфель, щелкнувши замкомъ, кухмейстеръ съ поклономъ уходитъ и представляетъ списокъ на утвержденіе барынѣ, когда уже Н. И—чъ женился. Та одно утвердитъ, другое зачеркнетъ, а третье прибавитъ и возвращаетъ обратно. Отъ барыни списокъ несется къ управляющему домомъ, тотъ отсылаетъ въ контору. Писаря, въ нѣсколько рукъ, бросятся дѣлать выписки: одни — для кухни, другіе — для гостей и вообще обѣдающихъ, а третьи—снова переписывать весь списокъ, чтобы на завтра представить и на просмотръ барину и на утвержденіе барыни чистый — безъ отмѣтокъ. Списки кушаній клались передъ каждымъ обѣдавшимъ. Дворни было человѣкъ до 100. Сколько бы ни было гостей, но за обѣдомъ непремѣнно стояло по лакею за каждымъ стуломъ, и все это во фракахъ, накрахмалено, раздушено, въ бѣлыхъ перчаткахъ,—словомъ, каждый лакей—модная картинка. Чистота, вѣжливость, выдержка, или, какъ выражались господа, дрессировка прислуги была неподражаема. Несмотря на множество прислуги, не было ни шуму, ни толкотни, ни суетни, а все это какъ-то, какъ машина, невидимо и неслышимо передвигалось и перелетало.

Все идетъ до того плавно, что вы совсѣмъ не замѣчаете этого множества народу, окружающаго васъ. Въ обыкновенные, рядовые, дни вся прислуга находилась въ домѣ по дежурству; въ дни экстренные, когда собиралось много гостей, прислуживали всѣ. Пріятный въ обращеніи со всѣми, Н. И—чъ чрезвычайно ласково обращался съ прислугой: взрослыхъ онъ называлъ не иначе, какъ по имени и отчеству, напримѣръ, Виталій

Ивановичъ, Дмитрій Петровичъ, а малолѣтковъ—Ваня, Ѳедя, Ѳеденька, и т. п. и вдобавокъ самымъ нѣжнымъ, самымъ ласковымъ тономъ и съ улыбкой—непремѣнно.

Имѣніе Н. П—ча состояло изъ селъ Большаго Б., Малаго Б. и деревеньки, дворовъ въ десять, Е. Барская усадьба его, въ Большомъ Б., была чуть не уѣздный городъ: около большого барскаго дома стояло нѣсколько домовъ одноэтажныхъ и двухъэтажныхъ каменныхъ и множество деревянныхъ, и все это выкрашено, вычищено, убрано на славу. На барскомъ домѣ стояло двѣ башни, одна высокая, другая пониже (башня, что пониже, поставлена, когда Н. П—чъ женился). На одномъ изъ сосѣднихъ домовъ развѣвался зеленый флагъ на длинномъ шестѣ: подъ нимъ на крышѣ, на большой доскѣ, надпись «главный управляющій». На слѣдующемъ домѣ на шестѣ желтый флагъ и внизу вывѣска «управляющій овцеводствомъ» (овецъ было около 3000); на третьемъ—флагъ и вывѣска «управляющій конюшнями» (матокъ было штукъ 15 и штукъ 20 ѣзжалыхъ барскихъ); на четвертомъ—флагъ и вывѣска «управляющій мельницами» (два амбара и оба по 4 постава); далѣе: «управляющій винокуреннымъ заводомъ», «управляющій полями», «управляющій лѣсами» и, наконецъ, «завѣдующій хлѣбными магазинами», и все это флаги и вывѣски, флаги и вывѣски... Потомъ слѣдовали однѣ только вывѣски: главная контора, главный конторщикъ, бухгалтеръ, контролеръ, птичница главная больница, фельдшерская, аптека, кухня, людская, общая столовая, овчарня, конный дворъ, конюшня, птичій дворъ, рогатый скотъ и пр., безъ конца!.. Когда самъ владѣтель или жилецъ подъ флагомъ были дома, то флаги развѣвались; какъ только онъ оставлялъ свою резиденцію, хотя бы просто пошелъ къ сосѣду, то флагъ опускался, что означало, что жильца подъ флагомъ нѣтъ дома. Одинъ несчастный мужичонка только и зналъ, что перебѣгалъ отъ одного дома къ другому и поднималъ и опускалъ флаги.

Дворъ въ Архангельскомъ.

Механизмъ самаго управленія былъ образцовый: всякій въ точности зналъ свои обязанности, не вмѣшивался въ дѣла другого и дѣла не путалъ. Скажу фактъ, за который я ручаюсь чѣмъ угодно. Вѣдь это моя родина! Выдумывать было бы безсовѣстно, и этого себѣ я не позволю.

Пріѣзжаетъ становой приставъ для взыска податей и представляется къ Н. И—чу. Тотъ принимаетъ по обыкновенію чрезвычайно ласково и предупредительно говоритъ: «Ахъ, будьте добры, отнеситесь къ главному управляющему! Иванъ Ѳедоровичъ, —говоритъ онъ, обратясь къ лакею,—проводи господина становаго пристава къ главному управляющему!» Главный управляющій Григорій Васильевичъ Ш. принимаетъ пристава съ важностью, приглашаетъ садиться и пишетъ записку къ главному конторщику навести справки и донести ему, дѣйствительно ли за крестьянами Н. И—ча имѣются недоимки, за сколько лѣтъ и сколько всѣхъ недоимокъ слѣдуетъ къ уплатѣ. Тотъ—къ контролеру, бухгалтеру и пр. и пр. А приставъ сидитъ и ждетъ. Наконецъ, справка получается, и главный управляющій надписываетъ: «Выдать г. становому приставу недоимки всѣ сполна». Пошло опять по всѣмъ мытарствамъ. Къ вечеру уже получается донесеніе отъ главнаго казначея: «Такъ какъ въ главной кассѣ, находящейся въ моемъ завѣдываніи, налицо не имѣется ни одной копейки, то распоряженіе г. главнаго управляющаго о выдачѣ г. становому приставу всѣхъ сполна недоимокъ, числящихся за крестьянами Н. И—ча, приведено въ исполненіе быть не можетъ. О чемъ...» И становой, потерявши въ ожиданіяхъ цѣлый день, поѣхалъ ни съ чѣмъ....

Для пущей, вѣроятно, важности въ одно время у Н. И—ча всѣ начальствующіе были изъ сосѣднихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ... Но, однако, это было недолго. Всѣмъ служившимъ, и нанятымъ и крѣпостнымъ своимъ, полагалось очень приличное жалованье. Но такъ какъ случалось нерѣдко, что въ главной кассѣ не имѣлось ни копейки, то наемные ждали жалованья по нѣскольку мѣсяцевъ, но свои, какъ значилось по кассовымъ книгамъ, получали его въ свое время. За проступки первымъ наказаніемъ былъ штрафъ. Штрафъ этотъ заходилъ иногда за много мѣсяцевъ впередъ противъ жалованья; въ январѣ, напримѣръ, приходилось взыскивать штрафъ въ счетъ майскаго жалованья и т. п.

Въ хору у помѣщика большая часть дискантовъ, альтовъ и теноровъ были дѣвушки и женщины.

Однажды къ нему пріѣхала изъ Петербурга знаменитость, духовный композиторъ, теперь уже умершій, Т., а ко мнѣ пріѣхалъ братъ мой, профессоръ Р., и отправился къ Н. И—чу. Позвали пѣвчихъ; Н. И—чъ и гость его Т. всею душою впились въ пѣніе: сидятъ, слушаютъ, не шевельнутся, не дышатъ. Вдругъ Н. И—чъ самымъ нѣжнымъ, самымъ отеческимъ, преисполненнымъ ласки тономъ, протяжно сказалъ: «ахъ, Ѳеденька!» Одинъ изъ теноровъ покраснѣлъ и незамѣтно попятился назадъ, потомъ дальше и дальше, тихонько и, наконецъ, вышелъ. Минутъ черезъ 15 этотъ теноръ, красный уже совсѣмъ, пришелъ опять, незамѣтно пробрался на свое мѣсто и сталъ пѣть снова. Вечеромъ братъ мой спросилъ одного изъ прислуги:

— Что это значитъ, что баринъ вашъ сказалъ: «Ѳеденька», — одинъ изъ теноровъ покраснѣлъ, незамѣтно вышелъ и потомъ, красный совсѣмъ уже, пришелъ опять и опять сталъ пѣть?

— Это у насъ значитъ, что Өеденька ходилъ на конюшню, тамъ ему задали 25 горячихъ, вотъ онъ и покраснѣлъ.

— Но вѣдь баринъ не видитъ, можно и не сѣчь?

— Нѣтъ, у насъ этого не бываетъ. И кучера и розги для насъ всегда готовы, и тамъ сидитъ такой Іуда, что онъ отъ себя еще прибавитъ, не то, чтобъ убавить. А чтобы вовсе не сѣчь? Да баринъ на-смерть запоретъ всѣхъ!

— Ну, а если кто ошибется два и три раза?

Театръ въ Архангельскомъ.

— Такъ что жъ?! Развѣ у барина лѣсу на розги не достанетъ? Отпорятъ и два и три раза. У насъ и баринъ, и управляющіе люди добрые, лѣсу для насъ не жалѣютъ.

Въ имѣніи Н. И—чъ былъ настоящимъ пѣтухомъ, и, до женитьбы и послѣ, вся женская половина,— отъ млада до стара,—была его курами. Пойдетъ, бывало, Н. И—чъ поздно вечеромъ по селу любоваться благоденствіемъ своихъ крестьянъ, остановится противъ какой-нибудь избы, посмотритъ въ окно и легонько постучитъ въ стекло пальцемъ. Стукъ этотъ хорошо уже былъ извѣстенъ всѣмъ: постучитъ—и сію же минуту красивѣйшая изъ семьи выходитъ къ нему... А что творилось во дворѣ, —предоставляю всякому дополнить мой разсказъ своимъ воображеніемъ.

Задумалъ Н. И—чъ жениться, съѣздилъ въ П., усваталъ и привезъ карточку своей невѣсты. Невѣста его и потомъ жена Е. Н., изъ рода М., была очень красива собой и, безъ хвастовства и фатовства, необыкновенно добрая дама. Пріѣхалъ Н. И—чъ и пошелъ на ригу показать бабамъ карточку своей невѣсты. Далъ карточку и спрашиваетъ: «Что, хороша моя невѣста? Одна изъ бабъ, бойкая и пользовавшаяся особенною его благосклонностью, смѣясь, сказала: «Хороша, а я все-таки лучше!» Н. И—чъ взялъ карточку и съ обыкновенною нѣжностью сказалъ: «Өедоръ Васильевичъ! дай Дашѣ 50!» И пошелъ. Өедоръ Васильевичъ (староста) сейчасъ же и тутъ же,

на мѣстѣ преступленія, закатилъ Дашѣ 50 самыхъ горячихъ.

Однажды, въ сороковыхъ годахъ, былъ страшный голодъ; крестьяне Н. И—ча, и безъ того поголовно нищіе, совсѣмъ умирали съ голоду. Б. приказалъ отпускать имъ мѣщину (мѣсячину), по одному пуду муки на человѣка. Но мука эта была изъ 30-ти фунтовъ желудя и 10-ти ф. ржи. Народъ отощалъ, заболѣлъ, пожелтѣлъ. Разъ, въ это время, приходитъ Н. И—чъ къ бабамъ на ригу, обращается къ одной молодой и красивой бабѣ и спрашиваетъ:

— Отчего это ты, Аннушка, такая желтая?

— Да, батюшка, Н. И—чъ, пожелтѣешь съ дубовыхъ-то желудей.

— Ѳедоръ Васильевичъ! дай Аннушкѣ пятьдесятъ!

И пошелъ. И это опять было сказано такимъ медовымъ тономъ, какъ будто онъ съ полнымъ сердечнымъ участіемъ приказалъ выдать ей 50 рублей.

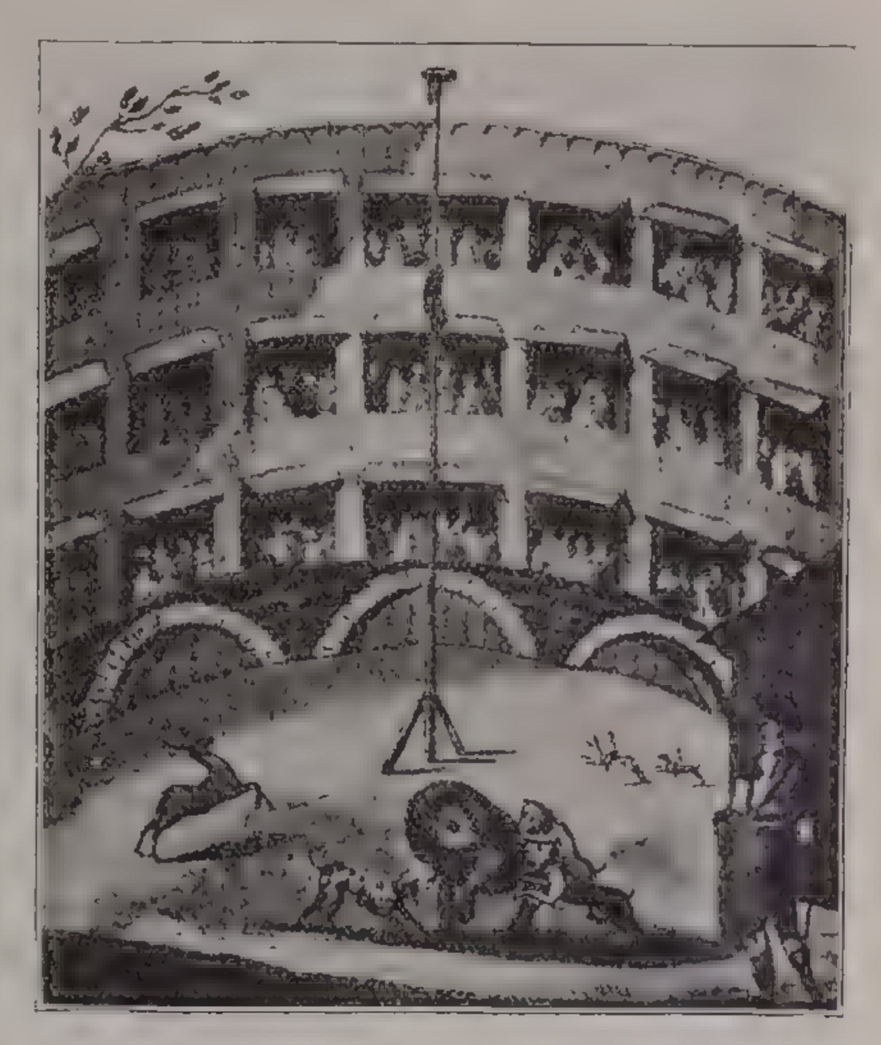
Ѳедоръ Васильевичъ сейчасъ же и опять тутъ же, на мѣстѣ преступленія, задалъ взлупку и Аннушкѣ.

Кучеръ его Кириллъ былъ видный и ловкій мужчина, — впрочемъ, у Н. И—ча, по правдѣ сказать, неловкихъ не было,—ѣздилъ и держалъ себя на козлахъ красиво. Н. И—чъ разъ и говоритъ: «Не правда ли, что у меня Кириллъ Васильевичъ молодецъ! Однажды я ѣду по Петербургу, а тихо ѣздить я не люблю; Кириллъ Васильевичъ повернулъ за уголъ, а изъ-за угла выѣзжаетъ великій князь Михаилъ Павловичъ и кучера наши соткнулись. Я вернулся домой да какъ задалъ ему 500, такъ что онъ съ мѣсяцъ ѣздилъ стоя, такъ съ тѣхъ поръ сталъ ухо держать востро. Теперь, небойсь, самъ спасибо мнѣ сказываетъ, что я сдѣлалъ его такимъ молодцомъ».

Въ 183* году уѣхалъ Н. И—чъ въ Петербургъ жениться. Мѣсяца черезъ два-три получается извѣщеніе, что такого-то числа Н. И—чъ изволятъ прибыть съ своею молодою супругою въ имѣніе. За нѣсколько дней до пріѣзда разосланы были курьеры на множество станцій. Вездѣ поднялась возня: чистка травы въ саду, по площади, у церкви, возка и посыпка песку, приготовленіе плошекъ, фонарей, ракетъ; шитье, чинка и штопанье фраковъ, крахмаленье и глаженье бѣлья; уборка дома, разстановка цвѣточныхъ кадокъ и горшковъ; сыгрыванье, спѣвка,—словомъ, адъ кромѣшный. Всѣ суетятся, бѣгаютъ и ждутъ, какъ будто, что вотъ-вотъ земля перекувырнется: просто всѣ ошалѣли,—всякій трясьмя-трясется за свою шкуру. Наконецъ первый гонецъ скачетъ и кричитъ: «Н. И—чъ съ своею молодою супругою изволили благополучно прибыть въ г. П.» (200 вер. отъ Б). Скачетъ другой: «Н. И—чъ изволили благополучно прибыть въ село Д.» А тамъ: третій, четвертый... десятый! Наконецъ карета показалась на послѣдней горѣ передъ селомъ. Начался благовѣстъ; лишь только въѣхала карета въ село, зазвонили во всѣ колокола. Старичокъ-священникъ, мой родной дѣдушка, вышелъ изъ церкви въ ризахъ, съ крестомъ въ рукахъ, съ св. водой, съ иконами и хоругвями, и всѣ встали за оградою церкви. Н. И—чъ изволили благополучно прискакать къ церкви и выйти, супругу его благополучно фрейлины вынесли изъ кареты, и оба вмѣстѣ изволили приложиться ко кресту; дѣдушка мой окропилъ ихъ св. водой и пошелъ въ церковь, за нимъ пошли пѣвчіе и запѣли тропарь святителю Николаю; за пѣвчими послѣдовала молодая чета. Тотчасъ отслуженъ былъ благодарственный молебенъ съ многолѣтіемъ благополучно прибывшей

въ свои владѣнія молодой четѣ. Чтобы задать шику по всѣмъ частямъ, по окрестнымъ деревнямъ напяты были на этотъ день отставные солдаты, которые, въ своихъ сѣрыхъ шинеляхъ, составили кругъ и охраняли отъ давки. Барскія палаты находились отъ церкви саженяхъ въ 100. По высланной изъ Петербурга программѣ церемоніала, Н. И—чъ съ супругою должны были изъ церкви до дому итти пѣшкомъ. Отъ входа въ церковь до дому всѣ, и начальство и подчиненные, встали въ двѣ шеренги; между этими рядами пошли господа. Первымъ отъ церкви всталъ главный управляющій, за нимъ управляющіе отдѣльными частями; тамъ: главный конторщикъ, главный казначей, главный контролеръ, главный аптекарь, главный лѣкарь; далѣе: канцелярскіе чиновники, камеръ-лакеи, пѣвчіе, музыканты, повара, кучера и пр. и пр. Къ самому дому стали оборванные, испитые и избитые крестьяне, впрочемъ, наружу выпихнули тѣхъ, кто одѣтъ былъ получше. Порядка въ совершенной точности, кто за кѣмъ стоялъ, я теперь не упомню, но приблизительно было такъ. Но, кажется, тутъ и не въ этомъ дѣло. Молодые пошли. Всѣ съ жадностью бросились цѣловать ихъ руки, а въ это время супругъ представлялъ своей молодой супругѣ всѣхъ, и поодиночкѣ и цѣлыя группы. На колокольнѣ между тѣмъ отжаривали во всѣ колокола.

Н. И—чъ всегда былъ хлѣбосоломъ и гостей былъ всегда полонъ домъ, но теперь молодой женѣ, родившейся и выросшей въ Петербургѣ, развлеченія были необходимы. Иначе ей житье въ с—ской глуши, да еще въ деревнѣ, было бы хуже каторги. Поэтому гости, музыка, пѣніе, фейерверки, гулянья по лѣсамъ, пикники — каждый день! Пѣніе и музыку самъ хозяинъ любилъ до страсти, и любилъ похвастаться передъ другими. Музыка въ домѣ, пѣніе въ саду, музыка въ горахъ, пѣніе

Въ московскомъ циркѣ 30—40 гг.

въ лѣсу, музыка и пѣніе днемъ, ночью, вблизи господъ, въ отдаленности и т. д. и т. д. безъ конца. Послѣ разнообразныхъ удовольствій—музыки, пѣнія, танцевъ, гуляній и пр. Н. И—чу нерѣдко приходило желаніе позабавить гостей обѣдней. Онъ обращается къ нимъ и говоритъ: «А какъ у меня пѣвчіе поютъ обѣдню! Не угодно ли послушать?» Гости, конечно, не прочь поразнообразить удовольствія. Н. И—чъ кричитъ лакею: «Дмитрій Ѳедоровичъ!

сходи къ попу и вели ему завтра служить обѣдню».

Дѣло давно за полночь. Лакей бѣжитъ, стучитъ въ окно и кричитъ: «Батюшка, вставайте! Н. И—чъ приказали завтра служить обѣдню!» Дѣдушка мой, старичокъ за 75 лѣтъ, встаетъ и начинаетъ читать молитвы, читаемыя готовящимися къ причащенію. Благовѣстъ къ обѣднѣ начинался всегда въ 10 часовъ и продолжался часъ. Въ это время дѣдушка придетъ въ церковь, облачится, совершитъ проскомидію и сядетъ ждать Н. И—ча; посядутся и всѣ другіе и ждутъ. Н. И—чъ между тѣмъ въ это время изволитъ вставать по-барски, не торопясь, дастъ одѣть себя, умыть, побрить, напьется чаю, поиграетъ на скрипкѣ что-нибудь въ родѣ Паганини, походитъ по залу и посвиститъ какую-нибудь мазурку, потолкуетъ съ гостями на балконѣ и сдѣлаетъ распоряженія о вечернемъ театрѣ. Во все это время сторожъ стоитъ на колокольнѣ и съ господскаго дому не спускаетъ глазъ. Вдругъ выбѣгаетъ лакей и машетъ платкомъ. Это значитъ, что баринъ изволятъ выходить. Послѣ часового благовѣста времени прошло уже съ часъ. Увидѣвши лакея, сторожъ бросается забирать веревки. Лишь только Н. И—чъ показалъ свои ясныя очи, сторожъ и начнетъ откатывать во всѣ, и старается выдѣлывать колоколами штуки, въ родѣ трепака.

Н. И—чъ любилъ, чтобъ у него все было образцовое, и тутъ онъ хотѣлъ, чтобъ и онъ самъ и гости его, идя въ церковь, наслаждались колокольною музыкою. А для этого онъ посылалъ сторожа въ С—въ учиться звонить; при этомъ, само собой разумѣется, не обошлось безъ того, чтобы кучера не отзвонили разъ десять у него на спинѣ. Сторожъ, дѣйствительно, откалывалъ хватски. Въ церкви мгновенно всѣ встрепенутся и встанутъ на свои мѣста: станутъ пѣвчіе на клиросъ, дѣдушка мой противъ престола, станетъ діаконъ на амвонъ и подниметъ руку. Лишь только Н. И—чъ перенесетъ одну ногу черезъ порогъ церкви, регентъ шепчетъ діакону: «Начинай, начинай!» И діаконъ забаситъ: «Благослови, Владыко!» и обѣдня пойдетъ своимъ порядкомъ. Если обѣдня была не обыкновенная праздничная, а по заказу, какъ теперь, — на потѣху гостей, то Н. И—чъ бывалъ особенно внимателенъ къ пѣнію. Тогда, если кто, къ несчастью, чуточку сфальшивитъ, т.-е. вмѣсто діезной или бемольной нотки возьметъ простую, Н. И—чъ, пропуская мимо себя, послѣ обѣдни, пѣвчихъ, говаривалъ: «Ты, Саша, опять сфальшивила: въ «Достойно» ля-діезное; а ты, Даша, въ концертѣ, въ «Пріидите» — ди-фисъ». Нѣтъ нужды повторять въ десятый разъ, что это говорилось самымъ нѣжнымъ тономъ; даже иногда Н. И—чъ, улыбаясь, по подбородку погладитъ; но всѣ ужъ очень хорошо знали, что значили эти діезы и бемоли! Регентъ сейчасъ долженъ былъ сказать объ этомъ управляющему, а тотъ вписывалъ и Сашѣ и Дашѣ уже безъ всякой фальши. Цѣна діезовъ и бемолей была извѣстна—25.

Вечеромъ эти же и Саша и Даша должны были играть въ домашнемъ театрѣ на сценѣ и разыгрывать какихъ-нибудь княгинь и графинь. Въ антрактѣ баринъ входилъ за кулисы и говорилъ: «Ты, Саша, не совсѣмъ ловко выдержала свою роль: графиня NN. должна была держать себя съ большимъ достоинствомъ». И 15—20 минутъ антракта Сашѣ доставались дорого: кучеръ поролъ ее съ полнымъ своимъ достоинствомъ!.. Затѣмъ опять та же Саша должна была или держать себя съ достоинствомъ графини или

играть въ водевилѣ и отплясывать въ балетѣ.

Да, ни одна сталь, никакой камень не выдержали бы того, что должна была выносить и выносила человѣческая натура! Какъ ни бьешься, какъ ни стараешься, но никакъ не можешь представить себѣ, чтобы люди, да еще дѣвицы, послѣ розогъ, и вдобавокъ розогъ кучерскихъ, забывая и боль и срамъ, могли мгновенно превращаться или въ важныхъ графинь «съ достоинствомъ» или прыгать, хохотать отъ всей души, любезничать, летать въ балетѣ и т. п., а между тѣмъ дѣлать были должны, и дѣлали, потому что онѣ опытомъ дознали, что если онѣ не будутъ тотчасъ изъ-подъ розогъ вертѣться, веселиться, хохотать, прыгать, то опять кучера... Онѣ знаютъ горькимъ опытомъ, что даже за малѣйшій признакъ принужденности, ихъ будутъ сѣчь опять и сѣчь ужасно. Представить ясно такого положенія невозможно, а, однакожъ, все это было. Если бъ понадобилось, то эти и Саши, и Маши, и Даши еще живы, и могли бы увѣрить всякаго лично. Я думаю, что такія усилія, чтобы тотчасъ изъ-подъ кучерскихъ розогъ хохотать и плясать, можетъ дѣлать человѣкъ только или при непомѣрномъ страхѣ или когда онъ доведенъ до скотоподобія. Впрочемъ, многіе господа такъ и смотрѣли на своихъ холопей, какъ на скотину, даже какъ на собаку; нѣтъ, даже хуже, чѣмъ на собаку. Мой короткій знакомый, съ которымъ я росъ и игралъ, помѣщикъ Кам... лакея звалъ Барбосомъ. Свиснетъ, бывало, и закричитъ: «Барбосъ!» и человѣкъ является. Всѣмъ также извѣстно, что псари на одну собаку мѣняли сотню людей. Бывали случаи, что за борзую отдавали деревни крестьянъ. Мелкопомѣстные помѣщики, у которыхъ не доставало невѣстъ,— сосѣди имѣній Ш.,—покупали у него дѣвушекъ по 25 р. Откупали за эту цѣну своихъ дочерей и многіе родители, чтобы выдать ихъ въ замужество за вольныхъ. Въ это же самое время А. А. С. покупалъ борзыхъ щенковъ по 3.000 р. Стало-быть, щенокъ, даже не собака, цѣнился въ 120 разъ дороже человѣка, или 120 дѣвокъ равнялись одной сукѣ, и выходило: какъ шарманщики палками и хлыстами заставляютъ плясать собакъ, такъ помѣщики, подобные хорошему моему знакомому Н. Н—чу, розгами и кнутьями заставляли смѣяться и плясать людей...

(Записки сельскаго священника).

Всесильный помѣщикъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ помѣстій своихъ жилъ старинный русскій баринъ, Кирилла Петровичъ Троекуровъ. Его богатство, знатный родъ и связи давали ему большой вѣсъ въ губерніи, гдѣ находилось его имѣніе.

Избалованный всѣмъ, что только окружало его, онъ привыкъ давать полную волю каждому порыву пылкаго своего нрава и всѣмъ затѣямъ довольно ограниченнаго ума. Сосѣди рады были угождать его прихотямъ; губернскіе чиновники трепетали при его имени. Кирилла Петровичъ принималъ всѣ знаки подобострастія, какъ надлежащую дань. Домъ его всегда былъ полонъ гостями, готовыми тѣшить его барскую праздность, раздѣляя шумныя, а иногда и буйныя его увеселенія. Никто не дерзалъ отказываться отъ его приглашеній или

въ извѣстные дни не являться съ должнымъ почтеніемъ въ село Покровское. Кирилла Петровичъ былъ великій хлѣбосолъ, и, несмотря на необыкновенную силу физическихъ способностей, раза два въ недѣлю страдалъ отъ обжорства и каждый вечеръ былъ навеселѣ. Рѣдкая дѣвушка изъ его дворовыхъ избѣгала сластолюбивыхъ покушеній пятидесятилѣтняго старика. Сверхъ того, въ одномъ изъ флигелей его дома жили шестнадцать горничныхъ, занимаясь рукодѣліями, свойственными ихъ полу. Окна во флигель были загорожены деревянною рѣшеткою; двери запирались замками, отъ коихъ ключи хранились у Кириллы Петровича. Молодыя затворницы въ положенные часы ходили въ садъ и прогуливались подъ надзоромъ двухъ старухъ. Отъ времени до времени Кирилла Петровичъ выдавалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ замужъ, и новыя поступали на ихъ мѣсто. Съ крестьянами и дворовыми обходился онъ строго и своенравно...

Всегдашнія занятія Троекурова состояли въ разъѣздахъ около пространныхъ его владѣній, въ продолжительныхъ пирахъ и въ проказахъ, ежедневно притомъ изобрѣтаемыхъ, жертвою коихъ бывалъ обыкновенно какой-нибудь новый знакомецъ, хотя и старинные пріятели не всегда ихъ избѣгали...

Разъ, въ началѣ осени, Кирилла Петровичъ собирался въ отъѣзжее поле. Наканунѣ отданъ былъ приказъ псарямъ и стремяннымъ быть готовыми къ пяти часамъ утра. Палатка и кухня отправлены были впередъ на мѣсто, гдѣ Кирилла Петровичъ долженъ былъ обѣдать. Хозяинъ и гости пошли на псарный дворъ, гдѣ болѣе пятисотъ гончихъ и борзыхъ жили въ довольствѣ и теплѣ, прославляя щедрость Кириллы Петровича на своемъ собачьемъ языкѣ. Тутъ же находился и лазаретъ для больныхъ собакъ, подъ присмотромъ штабъ-лѣкаря Тимошки, и отдѣленіе, гдѣ суки ощенялись и кормили своихъ щенятъ. Кирилла Петровичъ гордился симъ прекраснымъ заведеніемъ и никогда не упускалъ случая похвастать онымъ предъ своими гостями, изъ коихъ каждый осматривалъ его, по крайней мѣрѣ, уже въ двадцатый разъ...

Гости почитали обязанностью восхищаться псарнею Кириллы Петровича; одинъ Дубровскій молчалъ и хмурился...

— Что же ты хмуришься, братъ?— спросилъ его Кирилла Петровичъ.— Или псарня моя тебѣ не нравится?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Дубровскій сурово,—псарня чудная; врядъ ли людямъ вашимъ житье такое, какъ вашимъ собакамъ.

Одинъ изъ псарей обидѣлся.

— Мы на свое житье, — сказалъ онъ,— благодаря Бога и барина, не жалуемся; а что, правда, иному и дворянину не худо бы промѣнять усадьбу свою на любую здѣшнюю конуру: ему было бы и сытнѣе и теплѣе.

Кирилла Петровичъ громко засмѣялся при дерзкомъ замѣчаніи своего холопа, а гости вслѣдъ за нимъ захохотали, хотя и чувствовали, что шутка псаря могла относиться и къ нимъ. Дубровскій поблѣднѣлъ и не сказалъ ни слова. Въ сіе время поднесли Кириллѣ Петровичу въ лукошкѣ новорожденныхъ щенятъ; онъ занялся ими, выбралъ себѣ двухъ, прочихъ велѣлъ утопить.

Между тѣмъ Андрей Гавриловичъ (Дубровскій) скрылся, и никто того не замѣтилъ.

Возвратясь съ гостями со псарнаго двора, Кирилла Петровичъ сѣлъ ужинать, и тогда только, не видя Дубровскаго, хватился его.

Люди отвѣчали, что Андрей Гавриловичъ уѣхалъ домой. Троекуровъ тотчасъ велѣлъ его догнать и воротить непремѣнно. Отроду не выѣзжалъ онъ на охоту безъ Дубровскаго, опытнаго и тонкаго цѣнителя псовыхъ достоинствъ и безошибочнаго рѣшителя всѣхъ возможныхъ охотничьихъ споровъ. Слуга, поскакавшій за нимъ, воротился, какъ еще сидѣли за столомъ, и доложилъ своему господину, что, дескать, Андрей Гавриловичъ не послушался и не хотѣлъ воротиться. Кирилла Петровичъ, по обыкновенію своему, разгоряченный наливкою, осердился и вторично послалъ того же слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если онъ тотчасъ же не пріѣдетъ ночевать въ Покровское, то онъ, Троекуровъ, навѣки съ нимъ разсорится. Слуга снова поскакалъ. Кирилла Петровичъ всталъ изъ-за стола, отпустилъ гостей и отправился спать.

На другой день первый вопросъ его былъ: «Здѣсь ли Андрей Гавриловичъ?» Ему подали письмо, сложенное треугольникомъ. Кирилла Петровичъ приказалъ своему псарю читать его вслухъ и услышалъ слѣдующее:

«Государь мой премилосердный!

Я до тѣхъ поръ не намѣренъ пріѣхать въ Покровское, пока не вышлете вы мнѣ псаря Парамошку съ повинною; а будетъ моя воля наказать его или помиловать; а я терпѣть шутокъ отъ вашихъ холоповъ не намѣренъ, да и отъ васъ ихъ не стерплю, потому что я не шутъ, а старинный дворянинъ. За симъ остаюсь покорный ко услугамъ

Андрей Дубровскій».

По нынѣшнимъ понятіямъ объ этикетѣ, письмо сіе было бы весьма неприличнымъ, но оно разсердило Кириллу Петровича не страннымъ слогомъ и расположеніемъ, но только своею сущностію.

— Какъ? — закричалъ Троекуровъ, вскочивъ съ постели босой,—высылать моихъ людей къ нему съ повинною! онъ воленъ ихъ наказывать и миловать! да что онъ, въ самомъ дѣлѣ, задумалъ? да знаетъ ли онъ, съ кѣмъ связывается? Вотъ я жъ его! наплачется онъ у меня! узнаетъ, каково итти на Троекурова...

Прошло нѣсколько дней, и вражда между двумя сосѣдями не унималась...

Новое обстоятельство уничтожило и послѣднюю надежду на примиреніе.

Дубровскій объѣзжалъ однажды малое свое владѣніе; приближаясь къ березовой рощѣ, услышалъ онъ удары топора и чрезъ минуту трескъ повалившагося дерева; онъ поспѣшилъ туда и наѣхалъ на покровскихъ мужиковъ, спокойно ворующихъ у него лѣсъ. Увидя его, они бросились было бѣжать; Дубровскій со своимъ кучеромъ поймалъ изъ нихъ двоихъ и привелъ ихъ связанными къ себѣ на дворъ; три непріятельскія лошади достались тутъ въ добычу побѣдителю. Дубровскій былъ чрезвычайно сердитъ; прежде сего никогда люди Троекурова, извѣстные разбойники, не осмѣливались шалить въ предѣлахъ его владѣнія, зная короткую связь его съ ихъ господиномъ; Дубровскій увидѣлъ, что теперь пользовались они происшедшимъ разрывомъ, и рѣшился, вопреки всѣмъ понятіямъ о правѣ войны, проучить своихъ плѣнниковъ прутьями, коими запаслись они въ его же рощѣ, а лошадей отдать въ работу, приписавъ къ барскому скоту.

Слухъ о семъ происшествіи въ тотъ же день дошелъ до Кириллы Петровича. Онъ вышелъ изъ себя и въ первую минуту гнѣва хотѣлъ было со всѣми своими дворовыми учинить нападеніе на Кистеневку (такъ называ-

лась деревня его сосѣда), разорить ее до тла и осадить самого помѣщика въ его усадьбѣ; таковые подвиги были ему не въ диковинку; но мысли его приняли вскорѣ другое направленье. Расхаживая тяжелыми шагами взадъ и впередъ по залѣ, онъ взглянулъ нечаянно въ окно и увидѣлъ у воротъ остановившуюся тройку; маленькій человѣкъ въ кожаномъ картузѣ и фризовой шинели вышелъ изъ телѣги и пошелъ во флигель къ приказчику. Троекуровъ узналъ засѣдателя Шабашкина и велѣлъ его позвать. Черезъ минуту Шабашкинъ уже стоялъ предъ Кирилломъ Петровичемъ, отвѣшивая поклонъ за поклономъ и съ благоговѣніемъ ожидая его приказаній...

— У меня сосѣдъ есть, — сказалъ Троекуровъ, — мелкопомѣстный грубіянъ; я хочу взять у него имѣніе... какъ ты про то думаешь?

— Ваше превосходительство, коли есть какіе-нибудь документы...

— Врешь, братецъ! Какіе тебѣ документы? На то указы. Въ томъ-то и сила, чтобы безо всякаго права отнять имѣніе. Постой однакожъ! Это имѣніе принадлежало нѣкогда намъ, было куплено у какого-то Спицына и продано потомъ отцу Дубровскаго. Нельзя ли къ этому придраться?

— Мудрено, ваше превосходительство: вѣроятно, сія продажа совершена законнымъ порядкомъ.

— Подумай, братецъ, поищи хорошенько.

— Если бы, напримѣръ, ваше превосходительство, могли достать какимъ-нибудь образомъ отъ вашего сосѣда запись, въ силу которой владѣетъ онъ своимъ имѣніемъ, то, конечно...

— Понимаю, да вотъ бѣда: у него всѣ бумаги сгорѣли во время пожара.

— Какъ, ваше превосходительство, бумаги его сгорѣли? Чего же вамъ лучше? Въ такомъ случаѣ извольте дѣйствовать по законамъ, и безъ всякаго сомнѣнія получите совершенное удовольствіе.

— Ты думаешь? Ну, смотри же, я полагаюсь на твое усердіе, а въ благодарности моей можешь быть увѣренъ...

(Пушкинъ: «Дубровскій»).

Забавы барина.

Нрава покойникъ былъ самаго крутого. Онъ сѣкъ безъ милосердія не только крѣпостныхъ Филекъ, Степокъ, Дашекъ и Машекъ, но съ такимъ же успѣхомъ производилъ эти операціи и надъ дьячками и надъ проѣзжими, не снявшими шапки, мѣщанами...

Развлеченія и игры у него были все самыя грубыя: псовая охота, травля пойманныхъ волковъ, травля мимоидущихъ. Разъ онъ травилъ собаками даже дьякона, который въ испугѣ убѣжалъ и скрылся въ коноплянникъ, но тамъ былъ осажденъ (коноплянникъ былъ большой—десятинъ пять) два дня и двѣ ночи дворней подъ личнымъ предводительствомъ покойника, и когда, наконецъ, изнуренный голодомъ, жаждой и безсонницей, вышелъ оттуда и палъ на колѣни, прося пощады, покойникъ наградилъ его, подаривъ рыжую кривую кобылу, носившую названіе Попадьи.

— На ней ты всегда и ѣзди ко мнѣ,— сказалъ покойникъ, отпуская дьякона, при чемъ остался доволенъ, какъ охотой, такъ и каламбуромъ...

(Атава: «Бабушка»).

Безшабашный помѣщикъ.

Былъ у насъ, въ нашемъ же уѣздѣ, только далеко отъ меня, въ свое время очень богатый помѣщикъ Сергѣй Константиновичъ Илагинъ. Я былъ очень мало знакомъ съ нимъ. Мы были другъ у друга всего раза по два, по три, да и то визиты эти были чисто дѣловые:

Помѣщикъ съ собаками.

мы покупали другъ у друга лошадей. Про него ходили слухи, что онъ ужасный деспотъ и съ людьми обращается до отвращенія жестоко. Понятно, упражняться въ этомъ онъ могъ лишь до 19-го февраля. Познакомился я съ нимъ года за три до «объявленія», когда слухи объ эмансипаціи ужъ мало-по-малу превращались въ вѣроятную и даже близкую дѣйствительность.

Помню, въ разговорѣ съ нимъ объ этихъ слухахъ я замѣтилъ, что они производятъ на него самое удручающее впечатлѣніе.

Близко знавшіе его говорили, что съ появленія этихъ слуховъ онъ измѣнился до неузнаваемости. Прежде это былъ деспотъ, но въ то же время и «угаръ-малый», т.-е. радушный, веселый, безобразникъ — качества, въ то время бывшія у насъ въ самой высокой цѣнѣ. Я ужъ не засталъ его такимъ. Когда я былъ у него въ первый разъ, меня поразили чистота, порядокъ и мертвая тишина и въ домѣ, и на дворѣ, и на конюшняхъ. Люди ходили точно не по землѣ, а по воздуху,

и все это безмолвно. Онъ съ ними тоже ничего и ни о *чемъ не говорилъ*, кромѣ отдачи самыхъ коротенькихъ приказаній.

Онъ былъ холостой, въ то время лѣтъ подъ сорокъ. Росту онъ былъ высокаго, плечистый, брюнетъ, съ красивымъ, выразительнымъ, энергичнымъ лицомъ. Служилъ онъ въ какомъ-то гвардейскомъ кавалерійскомъ полку и когда, лѣтъ за десять до 19-го февраля, умеръ его отецъ, то вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ имѣніе. Лѣто обыкновенно жилъ въ деревнѣ, а осенью уѣзжалъ въ Петербургъ, въ Москву и за границу. По-своему, это былъ, пожалуй, даже и образованный человѣкъ, только очень ужъ странное было это образованіе. Оно, напримѣръ, нисколько не мѣшало ему для развлеченія загонять дьячка въ коноплянникъ и «брать» его оттуда гончими и борзыми.

Разъ онъ былъ на охотѣ и ему кто-то разсказалъ, что не въ нашемъ, а въ сосѣднемъ уѣздномъ городѣ есть квартальный такой изобрѣтательный взяточникъ, что отъ него никому житья нѣтъ.

— Что жъ его не выпорютъ?—спросилъ онъ.

— Да какъ же его выпороть?

— Какъ? Очень просто. Хотите я его выпорю, при всѣхъ, на улицѣ, въ городѣ?

И онъ дѣйствительно его выпоролъ. Тутъ же съ «мѣста», какъ былъ въ охотничьемъ платьѣ, верхомъ, одинъ, съ нагайкой, отправился въ городъ верстъ за семьдесятъ. Одни смѣялись, подзадоривали, другіе останавливали, совѣтовали бросить глупую затѣю, но онъ поѣхалъ.

— А что я его выпорю—это вы всѣ узнаете: я его буду сѣчь при всѣхъ.

Я уже сказалъ, что это былъ плечистый, сильный человѣкъ. На охотѣ волка, «взятаго» собаками, онъ обыкновенно *убивалъ кулакомъ въ лобъ*. У него была превосходная казацкая гнѣдая кобыла, на которой онъ постоянно ѣздилъ на охоту. На ней онъ отправился и сѣчь квартальнаго. Пріѣхалъ въ городъ на другой день, отдохнулъ, покормилъ лошадь на постояломъ дворѣ, разспросилъ, гдѣ и когда можно встрѣтить на улицѣ этого самаго квартальнаго, отправился, подтянулся и выѣхалъ на базарную площадь, гдѣ по расчету долженъ былъ попасться ему навстрѣчу искомый субъектъ. И точно: онъ его встрѣтилъ. Снялъ шапку, поклонился, назвался гуртовщикомъ и сталъ просить, чтобы его долго не задерживали съ гуртомъ, а поскорѣй бы освидѣтельствовали, здорова ли скотина, и пропустили. Квартальный сидѣлъ на дрожкахъ во время этого разговора. Вдругъ онъ нагнулся, схватилъ его за шиворотъ, вскинулъ къ себѣ на сѣдло, ударилъ по лошади и проскакалъ вмѣстѣ съ нимъ чрезъ всю базарную площадь, немилосердно стегая его нагайкой по чемъ попало. Потомъ бросилъ его оторопѣвшей и изумленной толпѣ—и по тѣхъ поръ его и видѣли.

Эпизодъ этотъ знаетъ вся наша губернія, и онъ самъ до сихъ поръ любимый герой народныхъ разсказовъ. О немъ у насъ и теперь вспоминаютъ положительно съ какой-то любовью: были, дескать, люди, да вывелись—такихъ ужъ нѣтъ...

Удивительнѣе всего для меня было и остается то обстоятельство, что у него въ имѣніи ни разу не было ни бунта, ни возстанія; не было, кажется, даже случаевъ единичнаго протеста... Всѣ безобразія онъ совершалъ надъ своей многочисленной дворней...

За годъ до «объявленія» въ немъ начали замѣчать разныя странности, которыхъ прежде онъ не проявлялъ.

человѣкъ вообще не религіозный, онъ, ни съ того, ни съ сего, вдругъ началъ строить у себя въ селѣ вторую церковь и притомъ какой-то удивительной архитектуры.

— Для чего это вамъ?

— Это ужъ мое дѣло.

. Потомъ, немного погодя, мы услыхали, что онъ заводитъ у себя войско. Поѣхали смотрѣть и увидали человѣкъ пятьдесятъ, одѣтыхъ въ форму, очень похожую на французскихъ кирасировъ. Все какъ слѣдуетъ, даже каски съ конскими хвостами. Это его предпріятіе вызвало даже замѣшательство между нашими властями: слѣдуетъ ли ему позволять имѣть свое войско или нѣтъ?

- Для чего это вамъ нужно?

— Мое дѣло.

— Но вѣдь вы не имѣете права этого дѣлать.

— Это я развлекаюсь...

— Помилуйте, какое же это развлеченіе?

— Какое? Мое—вотъ какое.

Войско это, впрочемъ, просуществовало недолго. Онъ, кажется, заводилъ его на всякій случай въ виду «объявленія». Оно, повидимому, должно было играть роль конвоя.

Вѣроятно, со временемъ онъ догадался, что если бы и въ самомъ дѣлѣ вспыхнуло возстаніе, то положиться на этихъ импровизированныхъ кирасировъ нельзя, да и что могутъ подѣлать какихъ-нибудь пятьдесятъ человѣкъ противъ села въ нѣсколько сотъ душъ? Во всякомъ случаѣ армія эта вскорѣ была распущена. Мы вспоминали и смѣялись, а исправникъ и прочія власти, узнавъ о прекращеніи мобилизаціи, вздохнули свободно и успокоились.

Провинціальная полиція 40 гг.

(Атава).

Барыня и баринъ.

Марья Васильевна тоже была штука! И у себя дома и въ церкви она усердно и подолгу молилась на колѣняхъ.

Стоитъ барыня дома на колѣняхъ, выкладываетъ кресты, закинетъ глаза подъ лобъ и вдругъ увидитъ, что какая-нибудь Малашка сдѣлала что-нибудь не такъ, какъ хотѣлось бы барынѣ, напримѣръ, стулъ поставила не такъ, не чисто смела и т. п. что-нибудь въ этомъ родѣ. Стоитъ барыня на колѣняхъ, занесетъ руку ко лбу и вдругъ вскочитъ: «Малашка, что ты дѣлаешь?» И... бацъ, бацъ, по лицу, и—опять на колѣна: «Господи! соблазнила меня эта... помилуй меня!» Или

стоитъ на колѣняхъ барыня и молится, а въ это время горничная убираетъ ее комнату. Сердечныя изліянія барыня всегда выражала вслухъ.

— Господи! прости мнѣ, я вчера осудила!.. А ты, Варька, нынѣ молилась?

— Молилась, сударыня.

— Ужъ я думаю, что молилась! Чай, молилась, а сама на Ѳедьку глаза пялила. Господи! не оставь дѣтей моихъ, спаси и ихъ!..

Самъ баринъ своихъ барскихъ рукъ о мужицкое рыло не поганилъ. Когда онъ бывалъ въ деревняхъ, а онъ жилъ тамъ большею частью, за нимъ два кучера съ кнутьями, какъ тѣнь, слѣдили всюду: баринъ въ поле, кучера за нимъ; баринъ на мельницу, кучера за нимъ; баринъ на гумно, въ лѣсъ на охоту съ ружьемъ и пр. и пр., кучера не отлучно. Лишь чуть что замѣтитъ баринъ неисправнаго—кучера и въ кнутья!

Однажды онъ пріѣзжаетъ въ деревню батюшкина прихода, послѣ уборки сѣна, призываетъ старосту и спрашиваетъ:

— Что, убралъ сѣно?

— Убралъ, батюшка Е. А.

— Хорошо сѣно-то?

— Хорошо, батюшка Е. А.

— Зелено?

— Зелено, батюшка Е. А.

— Кнутьевъ!

Разложили старосту и принялись въ два кнута, а баринъ сидитъ, да приговариваетъ: «Не коси траву рано, не коси!.. Вѣдь она еще росла бы, росла бы; сѣна-то было бы больше, больше... Лупи его, шельму! Позвать его отца!» Пришелъ отецъ старосты, старикъ лѣтъ восьмидесяти.

— Кнутьевъ!

Разложили старика и принялись полосовать, а баринъ: «Учи, сына, учи! Вѣдь трава-то послѣ дождей еще бы росла! А тебѣ, староста, я завтра еще задамъ». Но въ эту ночь староста удавился... У себя подъ сараемъ онъ повѣсился.

Сѣченыхъ К... приказывалъ всегда поливать соленою водкой.

Вечеромъ, послѣ работъ, десятникъ ходитъ, бывало, по окнамъ, дѣлаетъ нарядъ и кричитъ во всю улицу: «Завтра, Иванъ Митричъ, выходи на ригу, пшеницу молотить, а Ѳедосью сейчасъ (дочь-дѣвушку) посылай къ барину!» На завтра десятникъ стучитъ подъ слѣдующимъ окномъ и кричитъ: «Завтра, Иванъ Кузьмичъ, ступай вѣять пшеницу, а Арину (жену) посылай сейчасъ къ барину». И такъ каждый вечеръ! Но двѣ дѣвушки, изъ прихода моего батюшки, такъ-таки и отбились: одна утопилась, а другую онъ велѣлъ притащить къ себѣ и собственноручно избилъ палкою. Несчастная почахла недѣли двѣ и умерла...

(Записки сельскаго священника).

Отношеніе пана къ крѣпостнымъ дѣвушкамъ.

Старый нашъ панъ, покойникъ, недобрый былъ человѣкъ. Не тѣмъ бы его вспоминать, да лучшимъ не за что...

Бывало, завидишь его издали — бѣжишь отъ него зря, только бъ не встрѣтиться съ нимъ. Пуще всѣхъ боялись пана дѣвушки... Не одинъ вѣкъ дѣвичій веселый онъ сгубилъ. А что ему сдѣлаешь? Идетъ, бывало, по селу сумрачный, сердитый да поглядываетъ по сторонамъ, словно волкъ хищный.

Сидимъ мы какъ-то разъ въ хатѣ, говоримъ о немъ (и не добромъ, правда, его поминаемъ),—какъ застучитъ, загремитъ кто-то въ сѣняхъ... Смотримъ—самъ онъ въ двери, по посло-

вицѣ: «Про вовка помовка, а вовкъ въ хату!»

Вошелъ онъ, да и спрашиваетъ:

— А гдѣ твоя дочка Одарка?..

Одарка бросилась къ матери, стала подлѣ нея и стоитъ не дышитъ, моя рыбочка.

— Ей только еще пятнадцатый годокъ пошелъ; она еще дитя, — говоритъ отецъ; а мать плачетъ.

— А ты еще разговаривать станешь, вражій сынъ! такъ я тебя попотчую!—вскрикнулъ грозно панъ, а самъ снова Одаркѣ: — Скорѣй, скорѣй, Одарка, пойдемъ!

Она все стоитъ, не двинется.

— Скорѣй же!

Не идетъ, словно обмерла.

Схватилъ онъ ее за руку и потащилъ.

Словно наше солнце закатилось! Опустѣло у насъ въ хатѣ, точно обезлюдѣло.

Мукой мучились мы вплоть до вечера. Вечеромъ невѣстка побѣжала на панскій дворъ провѣдать Одарку, да скоро воротилась.

— Не пустили къ Одаркѣ, — говоритъ,—и издали ее не видала и голоска ея не слыхала!

А сама плачетъ, плачетъ!

И долгонько мы не видали своего дитяти: не пускали къ ней ни отца, ни матери, ни меня. Бывало, придешь, постоишь около панскихъ воротъ, да съ тѣмъ домой и воротишься. Не глядѣлъ бы на бѣлый свѣтъ! Разспрашивать станешь у дворовыхъ дѣвушекъ «Не знаемъ,—говорятъ,—сердце, не знаемъ. Ваше дитя словно за золотыми воротами заперта, и въ глаза ее не увидишь».

А иныя смѣются, словно у нихъ Господь разумъ отнялъ. «Что съ вашею Одаркою станется?—говорятъ.— Да то же самое что и съ нами было. И что же такое? Знатная панна ваша Одарка, что ли? А мы, небось, не отцовскія дѣти, то же? и насъ мать не любила, не жалѣла, не нѣжила? Были и мы когда-то и хорошія, и добрыя, и честныя, да вотъ привелось же!.. А все-таки на свѣтѣ живемъ и хлѣбъ жуемъ!..»

Крестьянская дѣвушка (рис. Жемчужникова).

Мы ходимъ да ходимъ каждый день: «Авось, — думаемъ, — увидимъ!» Уже третья недѣля на исходѣ...

Мы, просто, ума не приложимъ: что-то будетъ? Не знаемъ, итти ли на панскій дворъ, или дома дожидаться горя. А тутъ въ обѣденную пору приходитъ Одарка.

— Прощайте, мамо, прощайте!

Мы къ ней:

— Что такое? Что такое?

— Отдали меня молодымъ панамъ,— говоритъ:—на той недѣлѣ повезутъ меня. И васъ тоже берутъ, тетушка! Велѣно намъ къ воскресенью собраться...

Дождались мы воскресенья... Привели насъ на господскій дворъ. Возы уже стоятъ запряженные. Вышла пани съ панночками, приказываетъ служить вѣрою и правдою молодымъ панамъ. Вышелъ и самъ старый панъ.

— Трогай!—говоритъ онъ кучеру.— О чемъ тутъ толковать?—Если паны на васъ пожалуются,—пригрозилъ онъ намъ,—то узнаете, какъ козамъ рога выправляютъ!.. Трогай!

Мы поѣхали...

На четвертый день въѣхали мы въ панскій дворъ. Всѣ насъ оглядываютъ да перемигиваются: никто не заговоритъ съ нами привѣтливо. Городскіе всѣ люди, непрямые, нечистосердечные, насмѣшливые.

Повели насъ въ хоромы... Вышелъ панъ. Онъ былъ собой хорошъ, стройный такой и гордый да спесивый.

Бывало, если и взглянетъ, такъ однимъ глазомъ, черезъ плечо. Спросилъ, нѣтъ ли письма отъ отца, и вышелъ. Выбѣжали и дѣти на насъ посмотрѣть.

Пани имъ по-своему говоритъ: «Дайте этимъ холопкамъ ручки поцѣловать». Они и протянули ручонки: цѣлуйте!

Велѣли мнѣ прясть, а Одарку вышивать посадили. Вышиваетъ она юпочки панночкамъ, или что другое, да каждый вечеръ и несетъ показывать панье. Пани временемъ и добра бывала, только непремѣнно ее выбранитъ, если что тамъ нехорошо, а временемъ, какъ расходится, такъ ничѣмъ ее не уймешь, словно воду изъ мельничныхъ желобовъ. Тогда всѣмъ бѣда!

Не взлюбила она насъ,—не столько меня, сколько Одарку. Бывало, такъ и ѣстъ ее, какъ ржа желѣзо.

Говоритъ она ей однажды: «Танцуй, Одарка!» танцуй, да и только! Велѣла ее вывести на середину горницы: «Танцуй!» Пошла танцовать безсчастная, да ножки у ней подкосились — упала, а паны грохочутъ: «Притворяется,— говорятъ,—притворяется!» Такое горе!

Смотрю я—таетъ моя Одарка, какъ восковая свѣчка. Сидитъ, бывало, цѣлый Божій день и словечка не промолвитъ. Какъ пани ни допекаетъ ее, какъ ни напускается на нее, — она молчитъ; только взглянетъ иногда на нее своими тихими, кроткими глазами. А паненята вопьются въ нее, какъ пьявочки: «Ты дура! твое племя все глупое! А ну, потанцуй!» Толкаютъ ее, царапаютъ, щиплютъ. Она только поглядитъ на нихъ, моя голубка! Пани, бывало, даже разгнѣвается, да и говоритъ: «Это какая-то каменная дѣвчонка!..»

(Марко Вовчокъ: «Одарка»).

Барыня и слуги.

I.

Лѣсинская. Что это у васъ тутъ за бесѣда такая? Вишь, какіе господа! изволятъ стоять, поджавши руки, да растабарывать.

Иванъ. Я матушка, Лизавета Андреевна, полъ мету.

Лѣсинская. Да ты еще и пола-то не вымелъ? Ай да молодецъ! Вотъ я тебѣ, старому хрычу, дамъ матушку Ли-

завету Андреевну. Нѣтъ, съ вами добромъ-то, знать, не сдѣлаешься. Вишь, какъ добрый-то вашъ баринъ, не тѣмъ будь упомянутъ покойникъ, избаловалъ васъ. Нѣтъ, я примусь за васъ добрымъ порядкомъ; ужъ нечего сказать: не больно люблю баловать проклятое хамово поколѣнье; у меня всякая вина виновата. Что тутъ изволишь съ внучкой - то своей разговаривать? Чать господъ ругали...

Иванъ. Нѣтъ, матушка, Богъ видитъ, нѣтъ. Она пришла сказать, что Марья Миколавна изволила къ вамъ пожаловать.

Лѣсинская. Какая Марья Николаевна? Мамзель, что ли?

Лиза. Да-съ.

Лѣсинская. Вотъ еще нелегкая-то принесла! Да давно ли она пріѣхала?

Лиза. Да ужъ часа съ полтора-съ.

Лѣсинская. Какъ же ты, мерзавка, не доложила мнѣ? Она съ любезнымъ-то своимъ дѣдушкою заговорилась: вишь, давно не видались!

Лиза. Да она не велѣла-съ.

Лѣсинская. Кто она?

Лиза. Да Марья Миколавна-съ.

Лѣсинская. Ахъ, ты негодная! Да развѣ ты должна больше ее слушаться, а не барыню свою?

Лиза. Да вы вѣдь не приказывали.

Лѣсинская. Ахъ, мерзавка, мерзавка, да ты еще и огрызаться вздумала. Вишь, какая грубіянка! Когда барыня говоритъ тебѣ, что ты виновата, такъ какъ же ты смѣешь оправдываться?

Лиза. Да вы еще изволили почивать, такъ я не смѣла...

Лѣсинская. Да ты еще вздумала вывертываться, такъ вотъ же тебѣ! *(Бьетъ ее по щекамъ.)* Да нѣтъ, не стоишь того, чтобы я марала объ тебя свои руки. Эй, старый чортъ, отхлопай ее, да смотри хорошенько, а не то самого велю отодрать на конюшнѣ.

Иванъ. Помилуйте, сударыня, на что же это похоже?

Лѣсинская *(съ злобою)*. Ахъ, ты старая каналья! Да ты еще смѣешь отговариваться?..

Иванъ. Да что же я, сударыня, за палачъ такой? Опять же, какъ бы то ни было, вить она приходится мнѣ родная внучка.

Лѣсинская. Да развѣ хамы смѣютъ разбирать родство, когда имъ господа приказываютъ?..

Иванъ. Да развѣ мы не такіе же люди, какъ и ваша милость, сударыня?

Лѣсинская. Да ты еще смѣешь равняться съ господами!.. Бей, я приказываю тебѣ!

Иванъ. Да это, сударыня, сущая каторга. Развѣ вы нехристь какая, что ли? Господи Боже мой, до чего мы дожили! Ахъ, батюшка баринъ, на кого ты покинулъ насъ, бѣдныхъ сиротъ своихъ! То-то была душа христіанская. Зря мухи не тронетъ, бывало.

Лѣсинская *(задыхаясь отъ злобы)*. Ахъ, мошенникъ, злодѣй! Онъ убилъ меня, зарѣзалъ! Ахъ, изверги! разбойники! Они уморятъ меня, убьютъ мою душеньку! Каково покажется? Изволь терпѣть отъ своихъ же рабовъ! Ахъ, извергъ проклятый! Онъ смѣетъ равняться съ господами; не хочетъ исполнить моихъ приказаній; называетъ меня нехристью, да еще вздумалъ хвалить при мнѣ своего потатчика барина! Нѣтъ, нѣтъ: задамъ баню, хорошую баню. На конюшню, на конюшню! запорю до смерти!

Иванъ. Да чѣмъ же я прогнѣвалъ васъ, сударыня?

Лѣсинская. Тамъ узнаешь, чѣмъ. Вотъ изволь поступать съ ними мило-

ство! Охъ, грубіяны, пожили бы вы у моего братца Филиппа Андреевича. Нѣтъ ужъ, у него не такъ бы заговорили! Онъ до полусмерти колотитъ вашего брата, да не смѣй рта разинуть, не смѣй слова пикнуть. Коли станетъ орать али плакать, такъ вдвое велитъ пріударить. А то вишь какіе нѣжонки: чуть мазнешь по рожѣ, такъ и расхнычутся, точно дворяне какіе. Охъ, да я заболталась съ вами и Богу-то забыла помолиться; вы, разбойники, меня всегда въ грѣхъ вводите. Да ужъ, правда, скоро къ обѣднѣ заблаговѣстятъ. Ты, старый болванъ, скорѣе прибирай залу да готовь спину палкамъ, а ты, мерзавка, поди-ка позови сюда Сидора Андреича, Марью Николаевну, да Сонюшку, да вели подавать самоваръ...

II.

Софія. *Но что съ тобой сдѣлалось?* Ты дрожишь, какъ въ лихорадкѣ, блѣденъ, какъ полотно,— ужъ не боленъ ли ты?

Иванъ. Нѣтъ, сударыня-барышня, я здоровъ; на мое мученіе и боль меня несчастнаго не беретъ,—ужъ пора бы костямъ и на упокой.

Софія. Да отчего же ты такъ встревоженъ?

Иванъ. По милости вашей матушки Лисафеты Андреевны.

Софья (*быстро*). А что такое?

Иванъ. Да такъ-съ, пустяки-съ: Объ мою старую спину, для Божія праздника, сейчасъ обломали пучковъ съ шесть. (*Софья въ сильномъ волненіи отходитъ на другой конецъ залы и смотритъ въ окно.*)

Рудина. Боже мой! Неужели? Да за что же?

Иванъ. И, матушка Марія Миколавна, что ужъ и говорить объ этомъ? то ли еще увидимъ. Лисафета Андреевна изволила сказать, что это еще только цвѣтики. Теперь насъ человѣкъ съ пять передрали на конюшнѣ: иную за то, что тарелку разбила; иную— что самоваръ упустила; инова, что смѣлъ оправдываться; инова за грубое слово: то-то потѣха-то была! Кричатъ, плачутъ, молятся, а Андрей Петровичъ только и изволитъ приказывать: «Эй, прибавь на калачи, прибавь на калачи!» А коли кто плохо бьетъ, такъ того учнетъ изъ своихъ рукъ катать арапельникомъ.

Рудина. Ахъ, какой ужасъ! Кто же этотъ Андрей Петровичъ, дворецкій, что ли, какой?..

Софья (*быстро*). Мой братъ!..

Иванъ. Да тутъ еще нечему дивиться, матушка Марья Миколавна,— то ли еще было! Какъ покойный-то баринъ, Петръ Степановичъ (*крестится*), — дай ему Господи царство небесное,—изволилъ кончаться на смертномъ одрѣ, барыня, съ горя, изволила бить дѣвокъ; барышня у постели обливалась горючими слезами, а молодые-то господа изволили буянить по деревнѣ, да дѣлать то, о чемъ и донести вашей милости совѣстливо. Насилу, насилу могли отыскать ихъ, чтобы проститься съ отцомъ да принять его родительское благословеніе, навѣки нерушимое. Лишь успѣли зарыть его въ могилу, то и пошли пиры да балы; насъ стали мучить, какъ скотовъ какихъ. Коли учнутъ напрасно взыскивать, не моги рта разинуть, не моги пикнуть въ оправданіе,—на конюшню, да и только; ужъ порютъ, порютъ, какъ собакъ какихъ. А если кто захвораетъ, да доложатъ барынѣ, такъ только и услышишь: «Вишь, какой благородный! вишь, какой дворянинъ! Еще хворать вздумалъ, полѣчите-ка его хорошенько арапельникомъ!» Ну, такое житье, что хоть околѣвай, да и только, али ложись живой въ мать сыру землю; моготы нашей не стало,

сударыня Марья Миколавна! Иной охотникъ собакъ лучше кормитъ, какъ насъ барыня. Оставилъ насъ, грѣшныхъ, Господи! Знать, забылъ Онъ насъ, аль ужъ по грѣхамъ казнитъ.

Софья. Она мнѣ мать: я должна уважать и любить ее.

Иванъ. Тринадцать лѣтъ ходилъ я за упокойнымъ бариномъ и не то, что дурного чего не видалъ, даже дурака не слыхалъ отъ него; любилъ онъ меня, мой батюшка, словно родного. А теперь на старости вотъ до чего дожилъ: порютъ, какъ какую собаку. Охъ, наказалъ меня Господи! Хоть ужъ бы прибралъ Онъ меня...

Вотъ былъ у насъ мужичокъ Антипъ Власьевъ; упокойникъ баринъ жаловалъ его и поставилъ бурмистромъ. Богачѣе и зажиточнѣе его у насъ во всей вотчинѣ никого не было; ну, потому, т.-е. что былъ мужикъ не лѣнивый, работящій, а ужъ такая умница, что и сказать нельзя. Это у него хлѣба было всегда одоньевъ двадцать въ запасѣ, лошадокъ много, а скотинушки водилось столько, что и счету не было. Мужички его любили, т.-е., по той оказіи, что онъ никого не обижалъ, не притѣснялъ. Бывало, на праздникъ Божій позоветъ къ себѣ вотъ нашего брата, двороваго человѣка, да и мужичковъ-то, кто ему сродни, такъ вотъ какъ угоститъ, что откуда что возьмется! Однимъ Господь его обидѣлъ, у него только и былъ одинъ сынъ: парень — кровь съ молокомъ, заглядѣнье, да и только. Приглянулась ему дочь старосты Ѳедора, — ужъ и подлинно дѣвка завидная: работница, хозяйка, рукодѣльница, а мужику то и нужно. Упокойникъ баринъ позволилъ Антипу женить своего сына на ней, да еще далъ денегъ на вино. Черезъ годъ у Антипа родился внукъ; Антипъ отъ радости чуть съ ума не сошелъ, поднялъ пиръ горой.

Тутъ упокойникъ баринъ изволилъ скончаться, а барыня за что-то давно сердилась на Антипа.

Вотъ и приходитъ однимъ вечеромъ къ нему съ молодыми господами. А у него передъ избой стояли два новыхъ сруба, съ полей пріѣхали его работники, да къ этому же времени стада пригнали. Вотъ барыня на досугѣ и смекнула, что у него и скота-то, и лошадей-то, и хлѣба больно много. «А чьи это у тебя, Антипъ,

Красавица (карт. Венеціанова).

срубы?» — «Мои, сударыня». — «Да что ты больно богатъ, чѣмъ это больно разжился?» — «Да своими трудами, сударыня». — «Хорошо, братъ, ты обворовываешь господское добро-то да мужиковъ-то обиралъ!» Взяла, да и велѣла срубы-то перевезти на барскій дворъ, хлѣба-то перекласть на господское гумно, лошадей и скотъ также перегнать къ себѣ, а ему оставила сущую малость. Взвылъ нашъ мужикъ, повалился ей

въ ноги: «Матушка Лизавета Андреевна, не пусти по-міру!» — «Вотъ ты у меня, старый чортъ, не такъ завоешь, пойдемъ-ка въ клѣть-то твою да посмотримъ, что у тебя въ коробѣ-то есть». Вскрыла коробью, нашла сотняжекъ пять деньжонокъ, да всѣ до единой копейки прибрала къ себѣ. Иванъ-то, его сынъ, знаешь, парень молодой, не вытерпѣлъ, да и скажи: «Вѣдь это, сударыня, сущій разбой; вы насъ совсѣмъ изволили ограбить». — «А ты такъ-то поговариваешь со господами-то? Хорошо я тебѣ припомню это. А ты, Антипъ Власьевичъ, знать, происхожденія-то дворянскаго, самъ и работать не хочешь, а нанимаешь работниковъ; вишь, какъ съ воровства разжился! живешь какъ баринъ какой»... Настала некрутчина; очередь была на одномъ мужикѣ, у котораго было три сына, а барыня его обошла да отдала Ивана, Антипова сына. То-то жалости достойно было, какъ онъ разставался съ отцомъ да съ молодой женой. Бѣдная въ постелю слегла, захирѣла да умерла. Антипъ остался одинъ-одинехонекъ, сыну копеечки не могъ дать. Съ горя спился съ кругу да пошелъ по-міру. А все-таки его гоняютъ на барщину; онъ отъ старости да отъ горя работать не можетъ, такъ безпрестанно его колотятъ не на животъ, а на смерть...

Входитъ Андрей Лѣсинскій.

Андрей (*сухо*). Ахъ, здравствуйте, Марья Николаевна! (*Гордо кланяется.*)

Рудина. Здравствуйте, Андрей Петровичъ! Здоровы ли вы?

Андрей. Слава Богу. (*Къ Ивану, который съ трепетомъ стоитъ у дверей.*) А, любезный мой, ты изволишь жаловаться тутъ на господъ своихъ, взводить на нихъ разныя клеветы и небылицы! Хорошее дѣло! Хорошее дѣло! Ужъ я слушалъ, слушалъ, — терпѣнья не стало. Нѣтъ, братъ, знать, тебѣ мало; не тужи, не тужи, завтра еще прибавлю.

Иванъ. Воля ваша, батюшка Андрей Петровичъ! Бейте, покуда живы.

Андрей. Шкуру сдеру съ мерзавца; каждый день буду бить до полусмерти...

Является Лѣсинская.

Лѣсинская. О чемъ вы тутъ судите да рядите, чать, все объ книгахъ?

Андрей. Ну, ужъ, маменька, что было безъ васъ!

Лѣсинская. А что такое? Скажи, мой батюшка! Не нагрубилъ ли тебѣ кто-нибудь изъ людей? Отпори его, сколько душѣ твоей угодно.

Андрей. Нѣтъ, совсѣмъ не то-съ. Да ужъ я не хочу вводить васъ въ неудовольствіе и для того смолчу до времени. Ваше здоровье и спокойствіе для меня дороже всего на свѣтѣ...

(*Бѣлинскій: «Дмитрій Калининъ»*).

Лѣченье тоски.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Курскѣ проживала одна «несчастная» барыня. Ее зналъ и жалѣлъ весь городъ. Несчастье ея состояло въ странной болѣзни, которую современная медицина никакъ не могла понять и излѣчить. Время отъ времени на эту барыню нападала тоска, и она не знала, чѣмъ заглушить ее. И вдругъ счастливый случай открылъ ей лѣкарство. Разъ, когда она такъ тосковала, одна изъ крѣпостныхъ ея дѣвокъ принесла ей какую-то неоконченную работу, весьма дурно сдѣланную; бывъ въ волненіи, она, вмѣсто выговора, дала ей двѣ пощечины и — странное дѣло! — че-

резъ нѣсколько минутъ почувствовала, что ей какъ будто сдѣлалось получше... Съ этихъ поръ она постоянно прибѣгала къ такому легкому средству. Какъ только являлась тоска, она шла въ дѣвичью, придиралась къ первой попавшейся на глаза «дѣвкѣ» и лѣчилась пощечинами.

Разъ какъ-то эта «несчастная» является къ одной изъ своихъ курскихъ знакомыхъ—графинѣ Волькенштейнъ—и начинаетъ жаловаться, что «дѣвка Машка хочетъ ее въ гробъ положить ...

— Не могу найти случая дать ей пощечину. Ужъ я нарочно задавала ей разныя порученія: все сдѣлаетъ и выполнитъ такъ, что не къ чему придраться... Она, правду сказать, чудная дѣвка и по работѣ, и по нравственности, да за что же я страдаю: вѣдь отъ пощечины она бы не умерла!..

Дня черезъ два опять пріѣзжаетъ Марья Александровна веселая и какъ будто бы въ какомъ торжествѣ обнимаетъ графиню, цѣлуетъ, смѣется и плачетъ отъ радости.

— Графинюшка! сегодня Машкѣ двѣ пощечины дала!

Графиня спросила:

— За что? Развѣ она что нашалила?

— Нѣтъ, за ней этого не бываетъ. Но вы знаете, что у меня кружевная фабрика, а она кружевница; такъ я ей такой урокъ задала, что не хватитъ человѣческой силы, чтобы его выполнить...

— И вамъ это не совѣстно?

— Ахъ, ваше сіятельство! Что же, мнѣ умереть изъ деликатности къ холопкѣ? а ей вѣдь это ничего, живехонька—какъ ни въ чемъ не бывало!

Такой разговоръ происходилъ въ воскресенье, а во вторникъ, гораздо ранѣе назначеннаго времени для визитовъ, Марья Александровна пріѣзжаетъ къ графинѣ разстроенная и

Дѣвка (Брюллова).

Помѣщица въ XIX в. (карт. Венеціанова).

— Какъ же, графиня! представьте себѣ, вчера такой же урокъ задала—что же? мерзавка не спала, не ѣла, а выполнила, и все только, чтобы досадить мнѣ! Это меня такъ разсердило, что я не стерпѣла и съ досады дала ей три пощечины; спасибо, нашла причину: а, мерзавка! говорю ей, значитъ ты и третьяго дня могла выполнить, а по лѣности, изъ желанія сдѣлать непріятность, не выполнила, такъ вотъ же тебѣ! И вмѣсто двухъ дала три пощечины, а со всѣмъ тѣмъ не могу до сихъ поръ прійти въ себя, и странное дѣло: обыкновенное средство употребила, а страданія не прекращаются!..

По отъѣздѣ этой дамы графиня стала сожалѣть о ней.

При этихъ сценахъ присутствовалъ «дворовый мальчикъ». Онъ смирно слушалъ, срисовывая для своей барыни узоръ, а потомъ записалъ все это на память и въ назиданіе потомству.

почти въ отчаяніи и, входя на порогъ, даже не поздоровавшись съ хозяйкой, кричитъ, что дѣвка Машка непремѣнно хочетъ ее уморить.

Графиня спрашиваетъ, что такое случилось.

Этотъ мальчикъ былъ М. С. Щепкинъ, впослѣдствіи гордость русской сцены, другъ Гоголя, Бѣлинскаго и другихъ свѣтилъ сороковыхъ годовъ...

(Лѣткова: „Крѣпостная интеллигенція“).

Столкновенія помѣщиковъ со священниками.

Жел-нъ*) спачала, по пріѣздѣ въ деревню, ѣздилъ къ обѣднѣ каждый праздникъ. На долгія дроги посадитъ съ собою дѣвокъ шесть, пріѣдетъ къ обѣднѣ и станетъ со своей свитой предъ амвономъ. Однажды онъ и присылаетъ ко мнѣ въ алтарь своего Агаѳонова*) съ приказаніемъ, чтобы я

*) Помѣщикъ.

*) Управляющій.

подалъ ему просфору. «Передайте, говорю, вашему барину: когда онъ будетъ ѣздить молиться Богу безъ дѣвокъ, тогда я подамъ ему просфору». Съ этого времени Жел—нъ не былъ въ церкви ни разу, такъ и уѣхалъ, и я больше не видѣлъ его.

При первомъ свиданіи Агаѳоновъ грозилъ мнѣ чуть не Сибирью. «Барину,—говорилъ онъ,—стоитъ только доѣхать до архіерея, ну и смотрите, что вамъ будетъ». Я половину не вѣрилъ, но половину и вѣрилъ, что Жел—нъ дѣйствительно можетъ сдѣлать мнѣ зла много. Съ моимъ батюшкой однажды былъ такой случай: помѣщикъ Н. Б. имѣлъ обыкновеніе назначать невѣстъ женихамъ по собственному его усмотрѣнію, ни мало не обращая вниманія на желаніе или нежеланіе котораго-нибудь изъ нихъ. При этомъ онъ всегда дѣлалъ такъ: дѣвушку изъ состоятельнаго дома онъ непремѣнно назначалъ бѣдняку, а иногда и прямо нищему, — какому-нибудь бездомовому пастуху, «для уравненія состоянія», какъ говаривалъ онъ. «Какую-нибудь лошаденку, телущенку и пару овецъ мужикъ для дочери все уже дастъ. Иначе онъ въ вѣкъ не наживетъ ничего», разсуждалъ баринъ. Красиваго парня женилъ тоже непремѣнно на уродѣ или красавицу выдавалъ, наоборотъ, за урода. «Это непремѣнно такъ надо,—говаривалъ онъ,—для улучшенія племя. Какія выйдутъ дѣти, когда женится уродъ на уродѣ!» Передъ свадьбой онъ, бывало, на восьмушкѣ листа пишетъ батюшкѣ: «священнику NN. Прошу повѣнчать NN съ SS. Имѣю честь быть Н. Б.» Является однажды такая пара въ церковь. Батюшка мой спрашиваетъ жениха и потомъ невѣсту: «по собственному ли своему согласію вступаютъ они въ бракъ». Невѣста заплакала, зарыдала и рѣшительно заявила, что она или утопится или удавится, если ее обвѣнчаютъ съ этимъ женихомъ. Батюшка мой вѣнчать не сталъ. Невѣсту, прямо изъ церкви, повезли на барскій дворъ и страшно высѣкли! Черезъ нѣсколько дней эту пару привозятъ опять. Невѣста опять зарыдала и опять сказала, что «пусть засѣкутъ ее до-смерти, но она не пойдетъ за этого жениха». Повезли опять на барскій дворъ и сѣкли тамъ уже до того, что ее полумертвою стащили съ мѣста. Спустя нѣкоторое время староста привозитъ ихъ въ церковь въ третій разъ, и говоритъ, что невѣста вѣнчаться теперь согласна. Батюшка спросилъ ее и она проговорила: «Иду, батюшка, вѣнчайте»! Батюшка повѣнчалъ. Спустя мѣсяца два-три преосвященный Іаковъ (Вечерковъ) сдаетъ такую резолюцію: «по жалобѣ любителя церкви, помѣщика Н. Б., священника NN послать въ каѳедральный соборъ на двѣ недѣли на усмотрѣніе ......

(Записки сельскаго священника).

Патріархальный помѣщикъ.

Старикъ, мой прадѣдъ, былъ истиннымъ патріархомъ и въ семьѣ, и надъ дворней. Онъ былъ главою и строгимъ, и благодушнымъ...

Съ дворовыми старикъ былъ серьезенъ, взыскателенъ въ исполненіи службы, ласковъ и шутливъ въ разговорахъ, негнѣвливъ, невспыльчивъ и любилъ видѣть вокругъ себя довольство, опрятность, спокойствіе духа, веселость....

Гнѣвался баринъ рѣдко, ибо вся прислуга съ давнихъ поръ пріучена была къ исполнительности въ своей

легкой службѣ, и считала, что быть прогнану въ дальнія деревни отъ довольства, въ которомъ жили у добраго барина, было высшимъ наказаніемъ послѣ солдатства; а баринъ болѣе трехъ разъ не наказывалъ, но негодныхъ въ рекруты отсылалъ подъ началъ къ приказчикамъ бѣдныхъ бѣлорусскихъ вотчинъ своихъ.

Я говорю: не наказывалъ болѣе трехъ разъ, предполагая тѣ наказанія, которыя сопряжены были со страхомъ и всегда жестокія и для которыхъ присвоеннымъ мѣстомъ, по тогдашнему обычаю, была конюшня, куда собирали всю молодежь и тѣхъ изъ пожилыхъ, кто заслужилъ наказанія лѣтъ ужъ подъ сорокъ.

Наказанный выставлялся на позоръ, привязанный къ особому позорному столбу, посреди барскаго двора, и всякій допускался къ нему для увѣщанія или укора, при нарочномъ лакеѣ.

Но прежде чѣмъ заслужить первое, позорное наказаніе, шалунъ или негодяй проходилъ чрезъ вихры, потасовку и розги отцовъ съ матерями и дядей съ тетками, по приказанію барина, не говоря уже о наказаніяхъ, получаемыхъ имъ отъ родителей или путныхъ родственниковъ, безъ его вѣдома. На это молодой человѣкъ никогда не смѣлъ жаловаться, зная твердо, что если, по разборѣ, окажется заслужившимъ родственную проучку, то будетъ снова наказанъ тѣми же родственниками съ тою разницею, что это ужъ будетъ не потасовка или рвачка за хохолъ, нѣсколько хлестковъ жидкимъ батогомъ, но путная жаря, съ разрѣшенія барина, который призоветъ, бывало, къ себѣ проучившаго и скажетъ ласково: «Спасибо, братъ, что племянника за дѣло проучилъ; но, видно, братъ, мало: проучки не понялъ, такъ ты его прихворости-тко на порядкахъ, своимъ судомъ, такъ, этакъ лозановъ

П. П. Пѣтухъ („Гоголев. типы“ Боклевскаго).

сотнягу влѣпи, пускай узнаетъ вкусъ въ березовой кашѣ».

Объ отцахъ же и говорить нечего: патріархальная власть ихъ поддерживалась въ полной силѣ; и если бъ вздумалъ сынъ отбиваться отъ власти родительской, то, безъ всякаго разбирательства, немедленно былъ бы отданъ въ солдаты или сосланъ въ дальнія деревни, ибо старикъ былъ убѣжденъ, что люди, дослужившіе у него до сорока лѣтъ, были люди благонадежные и знающіе, за что и какъ слѣдуетъ взыскать съ дѣтей своихъ...

(Н. С. Толстой: „Дворовые люди въ старые годы".)

Собачки и воспитанницы помѣщицы княгини Мещерской.

Княгиня была всегда окружена собачками и воспитанницами. И тѣхъ и другихъ сбирали въ большомъ количествѣ съ разныхъ мѣстъ. Собачки добывались большею частью самыхъ рѣдкихъ породъ, а дѣвочекъ брали преимущественно за хорошенькія личики...

Болѣзнь Фидельки (карт. Федотова).

Но воспитанницы составляли второстепенное занятіе Александры Борисовны. Главное дѣло княгини, которому она посвящала все время, — это были собачки. Она ихъ страстно любила, чего не только не скрывала, но старалась выказать всѣмъ и каждому. Казалось, что самая чадолюбивая мать не можетъ такъ заниматься дѣтьми, какъ она занималась собачками. Къ каждой была приставлена одна изъ воспитанницъ, которая отвѣтствовала передъ княгиней за все, могущее случиться съ наблюдаемымъ ею суще-

ствомъ. Каждая воспитанница обязана была изучать характеръ и наклонности той собачки, за которой она наблюдала, и при малѣйшей опасности должна была доносить княгинѣ о всѣхъ замѣченныхъ ею перемѣнахъ въ нравѣ, увлеченіяхъ и тому подобныхъ явленіяхъ собачьей жизни: княгиня тотчасъ же принимала свои мѣры, согласно обстоятельствамъ. Все это дѣлалось съ такою важностью и торжественностью, какъ будто дѣло касалось дѣйствительно очень серьезныхъ предметовъ. Если случалось, что какая-нибудь собачка заболѣвала, то княгиня и весь домъ приходили въ уныніе, и разговоръ шелъ исключительно о бѣдной страдалицѣ, всѣ воспитанницы и прислуга ходили на цыпочкахъ, чтобы не безпокоить какую-нибудь болящую Мими или Жужу; и какъ велико было уныніе, такъ велика бывала и радость, когда больная оправлялась...

Это разное отношеніе къ собачкамъ и воспитанницамъ выказалось очень ясно, когда, отправляясь въ Крымъ на зиму, княгиня должна была отказаться отъ мысли взять съ собою свою любимую собачонку, совсѣмъ ослѣпшую отъ дряхлости и еле ходившую: боялись, что она не въ состояніи будетъ перенести потерю того комфорта, который ее окружалъ въ домѣ, и разныхъ неудобствъ путешествія; поэтому рѣшено было ее оставить въ Анновкѣ на попеченіе одной воспитанницы, Любови Григорьевны, очень милой дѣвушки, которую, конечно, не спросили, пріятно ли ей будетъ провести зиму глазъ на глазъ съ издыхающей моськой. Обязанности Любови Григорьевны были конечно не маловажны; она должна была каждую почту посылать княгинѣ бюллетени о состояніи здоровья моськи со всѣми подробностями, а равно и не покидать ея ни днемъ, ни ночью. Но, несмотря на всѣ заботы и попеченія, собачка издохла, и бѣдная Любовь Григорьевна чуть сама не заболѣла отъ горя, съ трепетомъ ожидая возвращенія хозяйки. Трупъ сохранялся на ледникѣ, въ особомъ гробикѣ до пріѣзда княгини, которую долженъ былъ на станціи встрѣтить управляющій и приготовить къ постигшему ея несчастію. Въ саду былъ сдѣланъ склепъ, гдѣ съ подобающей честью похоронена была моська, княгиня и весь домъ облеклись въ трауръ, а надъ моськой воздвигнутъ памятникъ, который я самъ видѣлъ...

(*«Дѣла минувшихъ дней»*).

Чудакъ-помѣщикъ.

И. С. Тургеневъ.

И въ пустынѣ скверно-людной
Онъ сберегъ сердечный жаръ,
Онъ возвысилъ ликъ народный,
Заклеймилъ позоромъ баръ.
Огаревъ.

Чертопхановъ, Пантелей Еремѣичъ, слылъ во всемъ околоткѣ человѣкомъ опаснымъ и сумасброднымъ, гордецомъ и забіякой первой руки... Происходилъ онъ отъ стариннаго дома, нѣкогда богатаго; дѣды его жили пышно, по степному, то-есть: принимали званыхъ и незваныхъ, кормили ихъ на убой, отпускали по четверти овса чужимъ кучерамъ на тройку, держали музыкантовъ, пѣсельниковъ, гаеровъ и собакъ, въ торжественные дни поили народъ виномъ и брагой, по зимамъ ѣздили въ Москву на своихъ, въ тяжелыхъ колымагахъ, а иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ сидѣли безъ гроша и питались домашней живностью. Отцу Пантелея Еремѣича досталось имѣніе уже разоренное; онъ, въ свою очередь, тоже сильно «пожуировалъ» и, умирая,

оставилъ единственному своему наслѣднику, Пантелею, заложенное сельцо Безсоново, съ тридцатью пятью душами мужескаго и семьюдесятью шестью женскаго пола да четырнадцать десятинъ съ осьминникомъ неудобной земли въ пустоши Колобродовой, на которыя, впрочемъ, никакихъ крѣпостей въ бумагахъ покойника не оказалось. Покойникъ, должно сознаться, престраннымъ образомъ разорился: «хозяйственный расчетъ» его сгубилъ. По его понятіямъ, дворянину не слѣдовало зависѣть отъ купцовъ, горожанъ и тому подобныхъ «разбойниковъ», какъ онъ выражался; онъ завелъ у себя всевозможныя ремесла и мастерскія. «И приличнѣе, и дешевле, — говаривалъ онъ, — «хозяйственный расчетъ»! Съ этой пагубной мыслью онъ до конца жизни не разставался; она-то его и разорила. Зато потѣшился! Ни въ одной прихоти себѣ не отказывалъ. Между прочими выдумками соорудилъ онъ однажды, по собственнымъ соображеніямъ, такую огромную, семейственную карету, что, несмотря на дружныя усилія согнанныхъ со всего села крестьянскихъ лошадей, вмѣстѣ съ ихъ владѣльцами, она на первомъ же косогорѣ завалилась и разсыпалась. Еремѣй Лукичъ (Пантелеева отца звали Еремѣемъ Лукичомъ) приказалъ памятникъ поставить на косогорѣ, а, впрочемъ, нисколько не смутился. Вздумалъ онъ также построить церковь, разумѣется, самъ, безъ помощи архитектора. Сжегъ цѣлый лѣсъ на кирпичи, заложилъ фундаментъ огромный, хоть бы подъ губернскій соборъ, вывелъ стѣны, началъ сводить куполъ: куполъ упалъ. Онъ опять, куполъ опять обрушился, онъ третій разъ — куполъ рухнулъ въ третій разъ. Призадумался мой Еремѣй Лукичъ: дѣло, думаетъ, не ладно... колдовство проклятое замѣшалось... да вдругъ и прикажи перепороть всѣхъ старыхъ бабъ на деревнѣ. Бабъ перепороли, а куполъ все-таки не свели. Избы крестьянамъ по новому плану перестраивать началъ, и все изъ хозяйственнаго расчета; по три двора вмѣстѣ ставилъ треугольникомъ, а на серединѣ воздвигалъ шестъ съ раскрашенной скворечницей и флагомъ. Каждый день, бывало, новую затѣю придумывалъ: то изъ лопуха супъ варилъ, то лошадямъ хвосты стригъ на картузы

И. С. Тургеневъ.

дворовымъ людямъ, то ленъ собирался крапивой замѣнить, свиней кормить грибами... Вычиталъ онъ однажды въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статейку харьковскаго помѣщика Хряка Хрупёрскаго о пользѣ нравственности въ крестьянскомъ быту, и на другой же день отдалъ приказъ всѣмъ крестьянамъ немедленно выучить статью харьковскаго помѣщика наизусть. Крестьяне выучили статью; баринъ спросилъ ихъ: понимаютъ ли они, что тамъ написано? Приказчикъ отвѣчалъ, что какъ, молъ, не понять! Около того же времени повелѣлъ онъ всѣхъ поддан-

ныхъ своихъ, для порядка и хозяйственнаго расчета, перенумеровать, и каждому на воротникѣ нашить его нумеръ. При встрѣчѣ съ бариномъ всякъ, бывало, такъ ужъ и кричитъ: такой-то нумеръ идетъ! а баринъ отвѣчаетъ ласково: ступай съ Богомъ! Однако, несмотря на порядокъ и хозяйственный расчетъ, Еремѣй Лукичъ понемногу пришелъ въ весьма затруднительное положеніе: началъ сперва закладывать свои деревеньки, а тамъ и къ продажѣ приступилъ; послѣднее прадѣдовское гнѣздо, село съ недостроенной церковью, продала уже казна, къ счастью, не при жизни Еремѣя Лукича, — онъ бы не вынесъ этого удара, а двѣ недѣли послѣ его кончины. Онъ успѣлъ умереть у себя въ домѣ, на своей постели, окруженный своими людьми и подъ надзоромъ своего лѣкаря, но бѣдному Пантелею досталось одно Безсоново.

(*Тургеневъ: „Зап. Ох.“ Чертопхановъ и Недопюскинъ*).

Праздность.

Василій Ивановичъ родился въ Казанской губерніи, въ деревнѣ Мордасахъ, въ которой родился и жилъ его отецъ, въ которой и ему было суждено и жить и умереть. Родился онъ въ восьмидесятыхъ годахъ и мирно развился подъ сѣнью отеческаго крова. Ребенку было привольно расти. Бѣгалъ онъ весело по господскому двору, погоняя кнутикомъ трехъ мальчишекъ, изображавшихъ тройку лошадей и постегивая весьма порядочно пристяжныхъ, когда онѣ недостаточно закидывали голову на сторону...

Отецъ Василія Ивановича, Иванъ Ѳедотовичъ, имѣлъ какъ-то несчастье испортить себѣ въ молодости желудокъ. Такъ какъ поблизости доктора не обрѣталось, то какой-то сосѣдъ присовѣтовалъ ему прибѣгнуть, для поправленія здоровья, къ постоянному употребленію травничка. Иванъ Ѳедотовичъ до того пристрастился къ своему способу лѣченія, до того усиливалъ пріемы, что скоро пріобрѣлъ въ околоткѣ весьма недиковинную славу человѣка, пьющаго запоемъ. Со временемъ барскій запой сдѣлался постояннымъ, такъ что каждый день утромъ, аккуратно въ десять часовъ, Иванъ Ѳедотовичъ съ хозяйской точностью былъ уже немножко взволнованъ, а въ одиннадцать совершенно пьянъ. А какъ пьяному человѣку скучно одному, то Иванъ Ѳедотовичъ окружилъ себя дурами и дураками, которые и услаждали его досуги. Торговалъ онъ, правда, себѣ и карлу, но карла пришелся слишкомъ дорого, и былъ тогда же отправленъ въ Петербургъ къ какому-то вельможѣ. Надлежало, слѣдовательно, довольствоваться взрослыми глупцами и уродами, которыхъ одѣвали въ затрапезныя платья съ красными фигурами и заплатами на спинѣ, съ рогами, хвостами и прочими смѣшными украшеніями. Иногда морили ихъ голодомъ для смѣха, били по носу и по щекамъ, травили собаками, кидали въ воду, и вообще употребляли на всевозможныя забавы. Въ такихъ удовольствіяхъ проходилъ цѣлый день; а когда Иванъ Ѳедотовичъ ложился почивать, пьяная старуха должна была разсказывать ему сказки; оборванные казачки щекотали ему легонько пятки и отгоняли кругомъ него мухъ. Дураки должны были ссориться въ уголку, и отнюдь не спать или утомляться, потому что кучеръ вдругъ прогонялъ дремоту и оживлялъ ихъ бесѣду звонкимъ прикосновеніемъ арапника. Мать Василья

Ивановича, Арина Аникимовна, имѣла тоже свою дуру, но ужъ больше для приличія и, такъ сказать, для штата. Она была женщина серьезная и скупая, не любила заниматься пустяками. Она сама смотрѣла за работами, знала, кого выдрать и кому водки поднести, присутствовала при молотьбѣ, свидѣтельствовала на мельницѣ закромы, надсматривала ткацкую, мужчинъ приказывала наказывать при себѣ, а женщинъ иногда и сама трепала за косу. Само собою разумѣется, что кругомъ нея образовалась цѣлая куча разностепенной дворни, приживалокъ, наушницъ, кумушекъ, нянекъ, дѣвокъ, которыя, какъ водится, цѣловали у Василья Ивановича ручку, кормили его тайкомъ медомъ, поили бражкой и угождали ему всячески, въ ожиданіи будущихъ благъ...

(*Сологубъ: «Тарантасъ»*).

Баринъ-европеецъ.

— Грѣшный человѣкъ! Я душой русскій, но не могу жить на родинѣ. Понимаете, кто привыкъ къ цивилизаціи, къ жизни интеллектуальной, тотъ безъ нихъ жить не можетъ.—Эй, вы, скоты!—прибавилъ онъ, обращаясь къ своимъ слугамъ,—возьмите ихъ кучера да дѣлайте скоро. Чего вы, канальи, смотрѣли? Я пятьсотъ палокъ вамъ, канальи. Выдрать прикажу, чтобы помнили. Русскій народъ!..—продолжалъ онъ презрительно, обращаясь къ Ивану

Щеголь въ дрожкахъ (карт. Орловскаго).

Васильевичу...—Безъ палки ни на шагъ. Мои люди остались за границей, а со мной болваны, знаете, которые еще батюшкѣ служили.

— Куда же вы ѣдете? — спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Ахъ, не спрашивайте, пожалуйста! Такая тоска, что ужасъ. Въ деревню ѣду. Нечего дѣлать. Бурмистръ оброка не высылаетъ; чортъ ихъ знаетъ, что пишутъ! Неурожай у нихъ тамъ какой-то, деревня какая-то сгорѣла. А мнѣ что за дѣло? Я человѣкъ европейскій, я не мѣшаюсь въ дѣла своихъ крестьянъ; пускай живутъ, какъ хотятъ, только чтобъ деньги доставляли аккуратно. Я ихъ насквозь знаю. Такіе мошенники, что ужасти! Они думаютъ, что я за границей, такъ они могутъ меня обманывать. Да я знаю, какъ надо поступать. Сыновей бурмистра въ рекруты, неплательщиковъ въ рабочій домъ, возьму весь доходъ на годъ впередъ, да на зиму въ Римъ... Ну, починили, что ли?

— Починили, ваше сіятельство!

— Ну, прощайте, любезный, надѣюсь съ вами еще видѣться въ Парижѣ... Недѣли черезъ двѣ я надѣюсь перебраться изъ Россіи... Откровенно говорить, я совершенно отвыкъ отъ здѣшнихъ нравовъ... Ну, пошелъ!—закричалъ онъ, высунувшись въ окно.— А ты, Степанъ, хорошенько ямщика въ спину—слышишь ли? въ спину его, каналью, чтобъ гналъ онъ клячъ, пока не издохнутъ.

Грозный кулакъ Степана поднялся надъ ямщикомъ, и карета помчалась стрѣлой...

(*Сологубъ: «Тарантасъ»*).

Любитель садовъ.

Какъ непремѣнная принадлежность всякаго знатнаго барина, у генерала Ш. были хорошій садъ, теплицы, оранжереи, цвѣтники, пѣвчіе и музыканты.

Садъ и цвѣтники у него отдѣланы были на славу. Для этого онъ вызывалъ, весною и осенью, мальчиковъ и дѣвочекъ, 10—15 лѣтъ, изъ другой деревни, одного изъ отдаленныхъ уѣздовъ, верстъ изъ-за 200, человѣкъ по 50. Тѣ, оборванные и холодные, идутъ и дорогою кормятся милостыней. Придутъ и разсыплются по чужимъ ближайшимъ деревнямъ, начнутъ собирать милостыню. Баринъ настолько былъ добръ, что давалъ имъ сроку запастись этою даровою провизіей на нѣсколько дней. Въ назначенный день ребята соберутся, выстроятся передъ барскими хоромами и ждутъ выхода барина. Выходитъ баринъ, садится на крыльцѣ въ кресло, кладетъ руки на колѣни, и всѣ бросятся цѣловать ихъ. Какъ только приложится къ его мощамъ послѣдній мальчишка, въ сторонѣ бацъ изъ пушки! Это значитъ, что «шобольная команда» должна итти въ садъ на работы. Днемъ ребята работаютъ, а вечеромъ разбредутся по чужимъ деревнямъ собирать милостыню. И такъ недѣли три, пока приведутся въ порядокъ всѣ садовыя и цвѣтниковыя работы. По окончаніи работъ баринъ опять выходитъ на балконъ, опять садится въ кресло, опять ребята прикладываются къ нему и выстрѣлъ изъ пушки возвѣщаетъ имъ, что они могутъ итти теперь домой. Во время лѣта чисткою сада занимались ребята той деревни, гдѣ былъ садъ, а осенью приходили опять тѣ, которые были весной.

Садовниковъ колотилъ онъ каждый Божій день. Старшаго садовника билъ иногда по нѣскольку разъ въ день. Тотъ однажды вышелъ изъ терпѣнія,

да и хватилъ самъ, да такъ, что его превосходительство мгновенно, какъ снопъ, бацнулось о землю. Садовникъ и ну его мять. Рабочіе бросились отбивать, а садовникъ шмыгъ въ лѣсъ,— и слѣдъ простылъ. Едва живымъ принесли Алексѣя Александровича въ домъ. Отдохнувши, онъ посылаетъ за ближайшимъ помѣщикомъ Иваномъ Ивановичемъ К. «Садовникъ, говоритъ, меня ударилъ. Вотъ вамъ довѣренность; поѣзжайте въ С—въ и совершите отпускную на волю этому мерзавцу; но только скажите ему, чтобъ онъ никому не говорилъ, что онъ ударилъ меня». И садовникъ получилъ свободу. Но молва, конечно, разнеслась во всѣ концы.

У обѣдни онъ бывалъ почти каждый праздникъ. Послѣ обѣдни приложится ко кресту, оборотится къ выходу, закинетъ голову назадъ и протянетъ впередъ руки. Народъ тотчасъ выстроится въ двѣ шеренги, отъ амвона до кареты, и почнетъ цѣловать барскія руки; а баринъ закинетъ глаза подъ лобъ и идетъ едва замѣтнымъ шагомъ...

Шаблыкино, имѣніе Кирѣевскихъ.

(Изъ записокъ сельскаго священника).

Барскій произволъ.

Овсяниковъ меня принялъ, по своему обыкновенію, ласково и величаво. Мы пустились въ разговоръ.

— А скажите-ка, Лука Петровичъ, правду,—сказалъ я, между прочимъ,— вѣдь прежде, въ ваше-то время, лучше было?..

— Нѣтъ, стараго времени мнѣ особенно хвалить не изъ чего. Вотъ хоть бы, примѣромъ сказать, вы помѣщикъ теперь, такой же помѣщикъ, какъ вашъ покойный дѣдушка, а ужъ власти вамъ такой не будетъ! Да и вы сами не такой человѣкъ. Насъ и ге-

перь другіе господа притѣсняютъ; но безъ этого обойтись, видно, нельзя. Перемелется, — авось, мука будетъ. Нѣтъ, ужъ я теперь не увижу, чего въ молодости насмотрѣлся.

— А чего бы, напримѣръ?

— А хоть бы, напримѣръ, опять-таки скажу про вашего дѣдушку. Властный былъ человѣкъ! Обижалъ нашего брата. Вѣдь вотъ вы, можетъ, знаете,—да какъ вамъ своей земли не знать,—клинъ-то, что идетъ отъ Чеплыгина къ Малинину?.. Онъ у васъ подъ овсомъ теперь... Ну, вѣдь онъ нашъ, весь, какъ есть, нашъ. Вашъ дѣдушка его у насъ отнялъ; выѣхалъ верхомъ, показалъ рукой, говоритъ: мое владѣнье,—и завладѣлъ. Отецъ-то мой, покойникъ (царство ему небесное!), человѣкъ былъ справедливый, горячій былъ тоже человѣкъ, не вытерпѣлъ,—да и кому охота свое доброе терять?—и въ судъ просьбу подалъ. Да одинъ подалъ, другіе-то не пошли,—побоялись. Вотъ вашему дѣдушкѣ и донесли, что Петръ Овсянниковъ, молъ, на васъ жалуется: землю, вишь, отнять изволили... Дѣдушка вашъ къ намъ тотчасъ и прислалъ своего ловчаго Бауша съ командой... Вотъ и взяли моего отца и въ вашу вотчину повели. Я тогда былъ мальчишка маленькій, босикомъ за нимъ побѣжалъ. Что жъ?.. Привели его къ вашему дому да подъ окнами и высѣкли. А вашъ-то дѣдушка стоитъ на балконѣ да посматриваетъ; а бабушка подъ окномъ сидитъ и тоже глядитъ. Отецъ мой кричитъ: «Матушка, Марья Васильевна, заступитесь, пощадите хоть вы!» А она только знай приподнимается да поглядываетъ. Вотъ и взяли съ отца слово отступиться отъ земли и благодарить еще велѣли, что

Шаблыкино.

живого отпустили. Такъ она и осталась за вами. Подите-ка, спросите у своихъ мужиковъ: какъ, молъ, эта земля прозывается? Дубовщиной она прозывается, потому что дубьемъ отнята. Такъ вотъ, отъ этого и нельзя намъ, маленькимъ людямъ, очень-то жалѣть о старыхъ порядкахъ.

Я не зналъ, что отвѣчать Овсяникову и не смѣлъ взглянуть ему въ лицо.

— А то другой сосѣдъ у насъ въ тѣ поры завелся,—Комовъ, Степанъ Никтополіонычъ. Замучилъ было отца совсѣмъ: не мытьемъ, такъ катаньемъ. Пьяный былъ человѣкъ и любилъ угощать... Вотъ и поднимется и говоритъ: «За здравіе моего старшаго сына, онъ у меня самый почтительный!» и заплачетъ. И бѣда, коли кто отказываться станетъ. «Застрѣлю, — говоритъ, — и хоронить не позволю!..» А то вскочитъ и закричитъ: «Пляши, народъ Божій, на свою потѣху и мое утѣшеніе!» Ну, ты и пляши, хоть умирай, а пляши. Дѣвокъ своихъ крѣпостныхъ вовсе замучилъ. Бывало, всю ночь, какъ есть, до утра хоромъ поютъ, и какая выше голосомъ забираетъ, той и награда. А станутъ уставать,—голову на руки положитъ и загорюетъ: «Охъ, сирота я сиротливая! Покидаютъ меня, голубчика!» Конюха тотчасъ дѣвокъ и пріободрятъ. Отецъ-то мой ему и полюбись: что прикажешь дѣлать? Вѣдь чуть въ гробъ отца моего не вогналъ, и точно вогналъ бы, да самъ, спасибо, умеръ: съ голубятни въ пьяномъ видѣ свалился... Такъ вотъ какіе у насъ сосѣдушки бывали!

— Какъ времена-то измѣнились!— замѣтилъ я.

— Да, да, — подтвердилъ Овсянниковъ.—Ну, и то сказать: въ старые-то годы дворяне живали пышнѣе...

(Тургеневъ: «Зап. Ох.» Однодворецъ Овсяниковъ).

Мелкопомѣстные дворяне.

Жалкіе домишки мелкопомѣстныхъ дворянъ, съ небольшими пространствами луговой и пахотной земли сзади нихъ тянулись приблизительно на версту, образуя длинную, грязную, вонючую улицу... Большая часть жилищъ мелкопомѣстныхъ дворянъ деревни Коровино была построена въ то время почти по одному образцу въ двѣ комнаты, раздѣленныя между собой сѣнями, оканчивавшимися кухнею противъ входной двери... По правую руку отъ входа изъ сѣней жили «господа», съ лѣвой стороны ихъ «крѣпостные». Лишь у трехъ или четырехъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ этой деревни были отстроены особыя избы для крестьянъ, — у остальныхъ они ютились въ одномъ и томъ же домѣ съ «панами», но на другой его половинѣ, называемой «людской», въ свою очередь, обыкновенно раздѣленною перегородкой на двѣ части... «Господская» половина, называемая «панскими хоромами», отличалась въ домахъ мелкопомѣстныхъ дворянъ отъ людской только тѣмъ, что въ ней не бѣгали ни куры, ни телята, ни песцы, но и здѣсь было много кошекъ и собакъ. Вмѣсто лавокъ по стѣнамъ, ведеръ и лохановъ, въ панскихъ хоромахъ стояли диваны, столы, стулья, но мебель была допотопная, убогая, съ оборванной обивкой, съ изломанными спинками или ножками. Отсутствіемъ чистоплотности и скученностью «господская» половина не многимъ развѣ уступала «людской»...

Какъ и всѣ тогдашніе помѣщики, мелкопомѣстные дворяне ничего не

дѣлали, не занимались никакою работою. Этому мѣшала барская спесь... Эти грубые, а часто и совершенно безграмотные люди постоянно повторяли фразы въ родѣ слѣдующихъ: «*Я столбовой дворянинъ!*»—«Это не позволяетъ мнѣ мое дворянское достоинство!..»

Однако это дворянское достоинство не мѣшало имъ браниться самымъ площаднымъ образомъ.

Живя въ близкомъ сосѣдствѣ одинъ отъ другого, они вѣчно ссорились между собой, взводили другъ на друга ужасающія обвиненія, подавали другъ на друга жалобы властямъ...

Нерѣдко среди улицы происходили жесточайшія драки: я сама была свидѣтельницей одной изъ нихъ въ 1855 году. Двѣ сосѣдки, особенно сильно враждовавшія между собой изъ-за дѣтей, ошпарили кипяткомъ одна другую. Обѣ онѣ кричали такъ, что всѣ сосѣди начали выбѣгать на улицу и ну бросать другъ въ друга камнями, обрубками, а затѣмъ сцѣпились и начали давать другъ другу пинки, таскать за волосы, царапать лицо.

Ужасающій крикъ, вопли, брань дерущихся и все усиливающійся лай собакъ привлекали на улицу все болѣе народа. Наконецъ къ двумъ враждовавшимъ сторонамъ прибѣжали ихъ дѣти, родственники и крѣпостные, уже вооруженные дубинами, ухватами, сковородами. Драка сразу приняла свирѣпый характеръ,—это уже были два враждебные отряда: они бросились молотить одинъ другого дубинами, ухватами, сковородами; нѣкоторые, сцѣпившись, таскали одинъ другого за волосы, кусали. И вдругъ вся эта дерущаяся масса людей стала представлять какой-то живой ворошившийся клубокъ. Здѣсь и тамъ валялись клоки вырванныхъ волосъ, разорванные платки, упавшія безъ чувствъ женщины, мелькали лужи крови. Это побоище окончилось бы очень печально, если бы двое стариковъ изъ дворянъ не поторопили своихъ крѣпостныхъ натаскать изъ колодца воды и не начали обливать ею сражающихся.

Мысль, что работа—позоръ для дворянина, удѣлъ только рабовъ, составляла единственный принципъ, который непоколебимо проходилъ черезъ всю жизнь мелкопомѣстныхъ и передавался изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Прямымъ послѣдствіемъ этого принципа было ихъ убѣжденіе, что крѣпостные слишкомъ мало работаютъ; они всѣмъ жаловались на это, находили, что сдѣлать ихъ болѣе трудолюбивыми можетъ только плеть и розга... «Какой вы счастливый, Михаилъ Петровичъ,—говорилъ однажды мелкопомѣстный богатому помѣщику, который разсказывалъ о томъ, какъ онъ только что велѣлъ выпороть поголовно всѣхъ крестьянъ одной своей деревеньки, — выпорете этихъ идоловъ, хоть душу отведете. А вѣдь у меня одинъ уже «въ бѣгахъ», осталось всего трое, и пороть то боюсь, чтобы всѣ не разбѣжались»...

Громадное большинство зажиточныхъ помѣщиковъ презрительно относилось къ мелкопомѣстнымъ... Иной богатый дворянинъ принималъ у себя мелкопомѣстнаго лишь тогда, когда его одолѣвала тоска одиночества. Мелкопомѣстный входилъ въ кабинетъ, садился на кончикъ стула, съ котораго вскакивалъ, когда являлся гость позначительнѣе его. Если же онъ этого не дѣлалъ, хозяинъ совершенно просто замѣчалъ ему: «Что же ты, братецъ, точно гость разсѣлся»... Громадное большинство ихъ объѣзжало богатыхъ сосѣдей, выпрашивая «сѣнца и овсеца», стремилось попасть къ нимъ въ торжественные дни именинъ и рожде-

ній, когда къ нимъ наѣзжало много гостей. Хотя мелкопомѣстные прекрасно знали, что въ такіе дни они не попадутъ за общій столъ, что послѣ обѣда имъ придется сидѣть гдѣ-нибудь въ уголку гостиной, но соблазнъ пріѣхать въ такой день къ богатымъ людямъ былъ для нихъ очень великъ...

Богатые дворяне если и сажали иногда за общій столъ мелкопомѣстныхъ, то въ большинствѣ случаевъ лишь тѣхъ изъ нихъ, которые могли и умѣли играть роль шутовъ. Мало того, тотъ, кто хорошо выполнялъ эту роль, могъ разсчитывать при «объѣздѣ» получить отъ помѣщика и лишній четверикъ ржи и овса. Къ такому хозяинъ обращался такъ, какъ вожаки къ ученому медвѣдю...

Къ намъ въ домъ часто хаживала одна мелкопомѣстная дворянка Макрина Емельяновна Прокофьева... Въ хозяйствѣ Макрины (такъ за глаза ее называли всѣ, а многіе и въ глаза) болѣе всего чувствовался недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. У нея всего на все было двое крѣпостныхъ — мужъ и жена, уже немолодые и бездѣтные: Терентій, котораго звали Терешкой, и Евфимія — Фишка...

Оба они трудились, не покладая рукъ, помогая другъ другу во всемъ...

Если бы Макрина съ дочерью дѣлали все сами въ домѣ, ея двое крѣпостныхъ, при ихъ неутомимой дѣятельности, могли бы прекрасно справиться съ хозяйствомъ, но дѣло въ томъ, что барыня обременяла ихъ еще и домашними услугами. Терешка былъ въ одно и то же время кучеромъ, разсыльнымъ, столяромъ, печникомъ, скотникомъ, садовникомъ, а по временамъ даже и лакеемъ. Что касается Фишки, то ея обязанности были просто неисчислимы: кромѣ работы съ мужемъ въ саду, огородѣ и на скотномъ, она доила коровъ, вела молочное хозяйство, была прачкою, судомойкою, кухаркою, горничною и при этомъ еще ее то и дѣло отрывали отъ ея занятій.

Будучи совсѣмъ необразованной, даже малограмотной, Макрина была преисполнена дворянскою спесью, барствомъ и гоноромъ, столь свойственными мелкопомѣстнымъ дворянамъ... Но ея крѣпостные, зная свою силу и

Коробочка. (Гоголев. типы).

значеніе, не обращали на это ни малѣйшаго вниманія и ежедневно наносили чувствительные уколы ея самолюбію и гордости.

Фишка и Терешка не боялись своей помѣщицы, ни въ грошъ не ставили ее, за глаза называли ее «чортовой куклой», и при обращеніи съ нею грубили ей на каждомъ шагу, иначе не разговаривали какъ въ грубовато-фамильярномъ тонѣ. Все это приводило въ бѣшенство Макрину...

Однажды Макрина стала просить становего, чтобы онъ, когда это ей

было нужно, пороль двухъ ея крѣпостныхъ. Онъ наотрѣзъ отказался отъ этого, говоря, что по долгу службы и безъ того обремененъ подобными занятіями. Когда возникало какое-нибудь дѣло о сопротивленіи помѣщичьей власти, наѣзжалъ земскій судъ или становой, и производилась экзекуція, въ обыкновенныхъ же случаяхъ помѣщики устраивали ее собственными средствами, но Макрина находила для себя это невозможнымъ. «У меня и Фишку выпороть силъ не хватаетъ, а какъ же справиться мнѣ съ Терешкой? Онъ не задумается выкинуть какую-нибудь гадость! Вѣдь я столбовая дворянка!»...

Вдругъ у него блеснула мысль... онъ предложилъ ей такую сдѣлку: за порку одного изъ ея крѣпостныхъ онъ долженъ получить ягодный кустъ по выбору или извѣстное количество сливъ, вишенъ и яблокъ; когда же приходилось за разъ пороть мужа и жену, вознагражденіе удваивалось.

Нарочно къ ней за поркою становой не ѣздилъ, но когда по дѣламъ службы ему приходилось проѣзжать мимо ея усадьбы, и онъ чувствовалъ потребность закусить, онъ останавливался у ея крыльца и кричалъ, чтобы Фишка скорѣе готовила ему яичницу, тащила творогъ и горлачъ (горшокъ) съ молокомъ. Поркѣ чаще всего подвергался Терешка, а если въ то же время приходилось расправляться и съ Фишкою, то становой приказывалъ ея мужу являться первымъ на экзекуцію, — Фишка должна была раньше приготовить ему все, что требовалось для закуски. Затѣмъ онъ при Макринѣ, которая при этомъ стояла на крыльцѣ, расположенномъ противъ сарая, вталкивалъ въ него Терешку. «Служба моя была собачья,—говорилъ становой,—пороть мнѣ приходилось часто, но это не доставляло мнѣ ни малѣйшаго удовольствія. Съ чего мнѣ, думаю, пороть людей Макрины? Вѣдь если вмѣсто нихъ ей дать другую пару крѣпостныхъ, она бы давно по-міру пошла. Вотъ я толкну, бывало, Терешку въ сарай, припру дверь, только небольшую щелку оставлю, самъ-то растянусь на сѣнѣ, а Терешка рожу свою къ щелкѣ приложитъ и кричитъ благимъ матомъ: «ой... ой... ой... ойейешеньки... Смертушка моя пришла!»... А я, лежа-то на сѣнѣ, кричу на него, да ругательски ругаю, какъ полагается при подобныхъ случаяхъ... Вотъ и вся порка!»

Такую же экзекуцію онъ производилъ и надъ Фишкой... При этомъ становой передавалъ множество потѣшныхъ инцидентовъ. Когда онъ однажды заѣхалъ для экзекуціи, Макрина стала умолять его, чтобы онъ послѣ порки заставилъ Терешку поцѣловать ей руку, поблагодарить ее за науку и чтобы онъ, Терешка, пообѣщалъ ей, что не будетъ больше грубить. Становой охотно согласился на это и, когда вошелъ съ Терешкой въ сарай для обычной экзекуціи, то заявилъ ему о желаніи Макрины.

«Не, баринъ, не пойду... Лучше отдери по-настоящему»...—«Какъ, говорю, не пойдешь! Ахъ, ты такой-сякой!.. Это я тебя избаловалъ! Ты, кажется, забылъ, что крѣпостной и, какъ прочіе, обязанъ цѣловать руку своей помѣщицы». Онъ отвѣчалъ на это, что у настоящей барыни онъ не прочь цѣловать руку. «А Макрина развѣ настоящая! Дурашка какая-то. Своей пользы, а нинишеньки не смыслитъ! Ежели намъ съ женкой слухать ейныхъ распоряженьевъ, такъ ей съ дочкой жрать нечего буде... да и мы съ голоду подохнемъ. А ежели мы съ женкой будемъ съ ей, какъ съ настоящей барыней, проклажаться, такъ она зачнетъ пуще дурить!.. Усе хозяйство на нѣтъ сведетъ»...

Вышли мы съ нимъ изъ сарая, а Макрина по обыкновенію на крылечкѣ стоитъ. Я оборачиваюсь къ Терешкѣ и кричу на него: «Пошелъ барыню за науку благодарить! Сейчасъ руку цѣлуй!» А онъ ни съ мѣста. «А такъ-то? Ну, пошелъ опять въ сарай!» Опять продѣлали ту же комедію... Возвращаемся... А тутъ спасибо, выручила сама Макрина. «Что же это»,—говоритъ,—видно, онъ вашихъ розогъ не боится?.. Должно-быть, вы ему легенькихъ всыпаете?..»—Что жъ, говорю, извольте обревизовать! Ваша сосѣдка послѣ порки всегда ревизуетъ спины крѣпостныхъ!.. Правда, она не столбовая дворянка»... «Что вы, что вы,—въ ужасъ приходитъ Макрина,—чтобы я да себя изъ-за хама такъ потеряла?»...

(Водовозовой: Воспоминанія).

Положеніе крѣпостныхъ у мелкопомѣстныхъ.

Возлѣ крупнаго помѣщика, обладателя 200—300 душъ (въ нашей губерніи это ужъ крупный), сидѣла масса мелкихъ, владѣвшихъ пятьюдесятью, двадцатью и даже десятью душами, и всѣ они у этого крупнаго бывали запросто, чаще, чѣмъ онъ у нихъ, конечно, но и только. Но зато отношенія мелкихъ къ своимъ крѣпостнымъ были положительно невозможныя. Надо вообще принять за аксіому, что чѣмъ мельче былъ помѣщикъ, тѣмъ хуже и тяжеле жилось его мужикамъ. И это совершенно вѣрно и совершенно понятно: сто душъ, конечно, могли легче прокормить своего барина, чѣмъ сдѣлать то же самое десять душъ. Мнѣ могутъ возразить, пожалуй, что у богатаго и затѣй было больше, чѣмъ у мелкотравчатаго и что поэтому онъ высасывалъ изъ мужиковъ столько же, сколько и мелкотравчатый; но этого, т.-е. того же точно высасыванія, не могло быть и не было на дѣлѣ уже по одному тому, что крупный не стоялъ никогда такъ близко къ домашнему обиходу мужика, какъ мелкій. Опять оговариваюсь: я имѣю въ виду большинство, а вовсе не исключенія. Эта близость мелкаго помѣщика къ домашнему обиходу мужика была для этого послѣдняго тѣмъ невыносима, что онъ у него былъ весь на виду: онъ отъ него ничего не могъ уберечь и схоронить. Каждая овца, каждая курица была извѣстна барину и дразнила его аппетитъ. Я ужъ не говорю, что за адъ представляла эта близость въ томъ еще отношеніи, что давала полную возможность барину мѣшаться въ дрязги семейнаго мужицкаго быта. Я насмотрѣлся слишкомъ достаточно примѣровъ того и другого и глубоко убѣжденъ въ справедливости своихъ словъ. Я, напримѣръ, никогда не забуду тѣхъ сценъ, на которыя я насмотрѣлся у моего сосѣда изъ мелкотравчатыхъ, Запупырина. Ѣдешь, бывало, мимо и чуть не всякій разъ натыкаешься на какую-нибудь глубоко-возмутительную исторію.

Разъ я видѣлъ такую драму изъ-за овцы, что никогда ее не забуду. Запупыринъ облюбовалъ овцу у своего мужика Ермолая (у него было восемь душъ и жили они въ двухъ дворахъ), къ чему-то придрался и, въ видѣ штрафа, рѣшилъ отнять у него эту овцу. Другой мужикъ, Петръ, былъ посланъ привести этотъ приговоръ въ исполненіе. Ермолай овцу не отдавалъ, и Петру, разумѣется, не оставалось ничего больше, какъ пойти въ третью, болѣе просторную избу, гдѣ жилъ Запупыринъ съ семьей, и доложить о такомъ сопротивленіи власти. Запупыринъ, вѣроятно, зналъ напередъ, что такъ и случится, потому что момен-

тально оттуда выскочилъ съ своимъ сыномъ, здоровымъ болваномъ, изъ недорослей, и теперь ужъ втроемъ пошли отнимать овцу. Ермолай стоялъ у плетня и держалъ овцу за заднія ноги; она билась у него и кричала. Онъ смотрѣлъ впередъ на приближавшуюся группу и ничего не замѣчалъ. Было видно, что онъ на все рѣшился и развѣ мертвый отдастъ овцу. Дѣло происходило на самомъ берегу узенькой, саженъ въ десять, рѣчки. Я стоялъ съ ружьемъ и съ собакой на другой ея сторонѣ и слышалъ каждое слово, видѣлъ каждое движеніе. Запупыринъ подошелъ къ нему и ударилъ.

Ты не отдаешь? А? Петрушка, бери у него овцу!

И только Петръ хотѣлъ ее ухватить, Ермолай нагнулся и вытащилъ изъ-за голенища, но что, я не могъ разглядѣть.

— Не подходи...

— Петрушка, бери, не смѣетъ! — кричалъ Запупыринъ.

Петръ что-то началъ говорить Ермолаю скороговоркой: отдай, дескать, покорись.

— Петрушка, тебѣ говорятъ — бери! — продолжалъ кричать Запупыринъ.

Петръ перекрестился и кинулся къ овцѣ. Я видѣлъ, какъ Ермолай ударилъ его—и не особенно размахнулся— въ бокъ рукой, продолжая въ лѣвой держать овечьи ноги. Петръ взмахнулъ руками и упалъ навзничь. Запупыринъ съ сыномъ отскочили прочь саженъ на пять. Онъ попалъ ему, должно-быть, ножомъ прямо въ сердце, потому что когда я перебѣжалъ мостикъ — ну, прошло самое большее минута—Петръ былъ уже мертвый. Это было года за три, за четыре до 19-го февраля... Его очень долго держали въ острогѣ... Потомъ мнѣ говорили, что его наказали плетьми и сослали...

Или еще вотъ примѣръ въ такомъ вкусѣ. Какъ сталъ я себя помнить, помню и Людмилу Васильевну. Это была наша сосѣдка, бѣдная дворянка и дѣвица... Людмила Васильевна владѣла пятью или семью душами, земли у нея было десятинъ пятьдесятъ, должно-быть, или около того. Она всю ее обрабатывала этими семью душами, при помощи трехъ-четырехъ государственныхъ крестьянъ, бывшихъ у нея въ вѣчномъ неоплатномъ долгу... Людмила Васильевна унаслѣдовала отъ родителей капиталецъ рублей въ пятьсотъ и дѣлала имъ обороты, т.-е. просто ростовщичала. Эти четыре государственныя души были положительно ея крѣпостными; она такъ просто и искусно опутала ихъ, какъ рѣдкій изъ современныхъ Подъугольниковыхъ или Сладкопѣвцевыхъ, несмотря на прогрессъ во всемъ, сумѣетъ опутать мужика и теперь. А она умѣла это еще тогда, лѣтъ двадцать назадъ, когда не были разработаны такъ, какъ теперь, формы «свободнаго» найма батраковъ. Но характернѣе всего ея отношенія къ «своимъ собственнымъ» душамъ. У нея было всего двѣ семьи. Одна семья состояла изъ отца и двухъ сыновей, другая — изъ отца и трехъ сыновей. И всѣхъ ихъ, т.-е. этихъ сыновей, она одного за другимъ продала въ солдаты. Тогда это дѣлалось очень просто и легко. Надо какому-нибудь кабатчику мѣщанину сдавать сына въ рекруты. Отдавать его ему жаль, деньги есть, онъ и ѣдетъ къ мелкопомѣстнымъ дворянамъ покупать рекрута. Мелкопомѣстные всѣ болѣе или менѣе занимались этимъ, но Людмила Васильевна превзошла, кажется, ихъ всѣхъ на этомъ поприщѣ. Пріѣзжаетъ къ ней такой покупатель, она сторговывается съ нимъ, онъ высматриваетъ свою жертву, даетъ задатокъ, если сладились въ цѣнѣ, и затѣмъ происходитъ

Крестьянская изба.

такая процедура. Людмила Васильевна даетъ «обреченному» отпускную, которая, однако, пока не свидѣтельствуется и не утверждается въ судѣ. Обреченный ѣдетъ съ мѣщаниномъ въ городъ, въ рекрутское присутствіе, тамъ заявляетъ, что идетъ по вольной охотѣ за сына такого-то, его принимаютъ и одновременно утверждаютъ отпускную. Подобныя комбинаціи никогда не разстраивались въ силу того обстоятельства, что «обреченный» очень хорошо зналъ, что если онъ заартачится, она все равно сдастъ его въ рекруты, продавъ въ казну (казна выплачивала 600 р.), и онъ ничего не получитъ; теперь же онъ получалъ «наградныхъ» рублей двадцать пять и, кромѣ того, нѣсколько дней пилъ и кутилъ на счетъ мѣщанина-покупателя. Понятно, такія мерзости можно было продѣлывать только при томъ мерзостномъ составѣ судовъ, какой былъ въ то время. У обоихъ мужиковъ сыновья подросли какъ-то дружно, такъ что она «ликвидировала» оба семейства года въ три или въ четыре. Два старика (отцы) остались, разумѣется, при ней. Одинъ былъ вдовецъ лѣтъ пятидесяти, и она женила его, въ расчетѣ, кажется, на дальнѣйшій приплодъ. Но тутъ черезъ нѣсколько лѣтъ пошли слухи объ «эмансипаціи», потомъ грянуло 19-е февраля, и планы ея рушились сами собою. Я помню очень хорошо разсказы сосѣдей, какъ, распродавъ такимъ образомъ свои души, она начала подыскивать себѣ еще нѣсколько се-

мѣйствъ, само собою разумѣется, опять-таки съ тою же цѣлью. Но, во имя справедливости, я долженъ сказать здѣсь, что сколько она ни хлопотала и ни искала, никто ей не продалъ ни одной семьи, и ужъ она насилу достала гдѣ-то въ Рязанской губерніи опять-таки старика отца съ тремя сыновьями. Она не успѣла ихъ покончить: 19-е февраля положило конецъ этому ужасу... Послѣ разсказаннаго, мнѣ кажется, не стоитъ распространяться о томъ, что и самая жизнь у нея этихъ несчастныхъ, до продажи ихъ въ солдаты, была не особенно сладкою.

Повторяю, никогда и нигдѣ крѣпостное право не достигало такого апогея своего ужаса, какъ у мелкопомѣстныхъ. Они ѣли, пили вмѣстѣ, или почти вмѣстѣ, съ своими крѣпостными, жили, часто при полной безграмотности, совершенно одною съ ними жизнью и были въ то же время безапелляціонными судьями ихъ и палачами...

(С. Атава).

Выродившееся панство.

Деревня была своеобразная, одна изъ тѣхъ, въ которыхъ крѣпостное право еще до формальнаго упраздненія уже дошло до явной нелѣпости... Въ ней было около сотни «помѣщиковъ», почти столько же, сколько крѣпостныхъ. Такихъ деревень къ концу крѣпостного права было, надо думать, не мало. Помѣстное сословіе множилось, разорялось, теряло черты барства Божіей милостью, выдѣляя все болѣе и болѣе паразитовъ, приживальщиковъ, владѣльцевъ одной или двухъ душъ...

Гарный Лугъ представлялъ настоящее гнѣздо такого выродившагося «панства»: уже ко времени эмансипаціи въ немъ было около 60 крестьянскихъ дворовъ и что-то около двухъ десятковъ шляхтичей - душевладѣльцевъ. Капитану одному принадлежало около трети... Капитанъ былъ отличный разсказчикъ и по временамъ, въ длинные зимніе вечера любилъ изображать эпизоды гарнолужскаго прошлаго съ его удивительными нравами. Старая, отжившая шляхетская «воля», лишенная смысла и значенія, выражалась въ карикатурныхъ формахъ. Въ деревнѣ было двѣ партіи, продолжавшія изъ-за чего-то воевать, нападать другъ на друга и тягаться въ судахъ. Центромъ этой борьбы являлось право пропинаціи, т. е. сдача въ аренду шинка... Все это вело, конечно, къ тяжбамъ, съ наѣздами приказныхъ, которые одни извлекали пользу изъ этихъ рыцарскихъ столкновеній.

Въ то время, когда мнѣ пришлось познакомиться съ Гарнымъ Лугомъ, — героическіе нравы отошли въ область легендъ. Панство еще до реформы окончательно опустилось и обнищало... Разсказывали, между прочимъ, что, вслѣдствіе какихъ-то замысловатыхъ семейно-наслѣдственныхъ комбинацій, два шляхтича, женатые на родныхъ сестрахъ, владѣли одной только крѣпостной душой и то спорной. Хуже всего при этомъ доставалось, конечно, злополучному предмету спора. Пока о «душѣ» Микиты въ судѣ шла тяжба, оба пана отдавали ему приказанія, и оба требовали покорности. Несчастный мужикъ вѣчно находился подъ воздѣйствіемъ двухъ силъ, тянувшихъ въ разныя стороны. Неудивительно, что равнодѣйствующая повлекла его въ направленіи, одинаково удаленномъ отъ обѣихъ: онъ облюбовалъ себѣ мѣсто въ шинкѣ Янкеля...

Положеніе между двумя воюющими и одной нейтральной державой развило въ Микитѣ дипломатическія способности; порой онъ заключалъ союзъ съ однимъ паномъ и вмѣстѣ съ нимъ тузилъ другого. Потомъ переходилъ на сторону противника и для возстановленія политическаго равновѣсія добросовѣстно колотилъ недавняго союзника. Суда онъ не боялся, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ исполнялъ панское приказаніе.

Бывало, конечно, и такъ, что оба пана приходили къ сознанію своего, какъ теперь принято говорить, классоваго интереса и заключали временный союзъ противъ Микиты. Тогда Микитѣ приходилось плохо, если только Янкель не успѣвалъ своевременно обезпечить ему убѣжище.

В. Г. Короленко.

Вообще, жизнь злополучнаго спорнаго мужика сложилась совсѣмъ не по-людски... Имѣть одного, но «настоящаго» пана было бы для него счастьемъ. Поэтому онъ не разъ приходилъ къ капитану, прося купить его въ нераздѣльное владѣніе и обѣщая работать за троихъ. Работникъ онъ былъ хорошій, и Янкель не имѣлъ основаній на него жаловаться. Тѣмъ не менѣе, купить его было нельзя, такъ какъ не было извѣстно, кто же, собственно, могъ его продать. А раздѣлить покупную сумму пополамъ «стороны» не соглашались: онѣ лучше согласились бы разрубить пополамъ самого Микиту.

— Хиба жъ я таки ничего не стою? — спрашивалъ бѣдняга въ отчаяніи.

— Я тебя, бѣдный человѣкъ, не хулю,— отвѣчалъ капитанъ.— Мужикъ ты стоящій, но съ тобой приходится наживать тяжбу... Иди себѣ съ Богомъ...

Микита шелъ въ корчму, напивался и становился страшенъ для обоихъ владѣльцевъ...

(В. Короленко: «Исторія моего современника»).

Крѣпостники-кулаки.

Праведный происходилъ изъ приказныхъ; это былъ мозглявый старичишка, весь словно изъѣденный желчью, весь сведенный непрерывною судорогой, которая, какъ молнія въ грозныхъ облакахъ, такъ и вилась во всемъ его бренномъ тѣлѣ. Но репутацію этотъ человѣкъ имѣлъ ужаснѣйшую. Говорили, что во время процвѣтанія крѣпостного права у него былъ цѣлый гаремъ; говорили, что онъ по ночамъ ходилъ къ своимъ крестьянамъ съ обыскомъ и что ни одинъ мужикъ не могъ укрыть ничего цѣннаго отъ

зоркаго его глаза. Весь околотокъ трепеталъ его; крестьяне, не только его собственные, но и чужіе, блѣднѣли при одномъ его имени; даже помѣщики и тѣ пожимались, когда заходила о немъ рѣчь. Пять губернаторовъ сряду порывались «упечь» его, и ни одинъ ничего не могъ сдѣлать, потому что Праведнаго защищала цѣлая неприступная стѣна, состоявшая изъ тѣхъ самыхъ людей, которые, будучи въ своемъ кругу, гадливо прижимались при его имени. Зато, какъ только пронеслась въ воздухѣ вѣсть о скорой кончинѣ крѣпостного права, Праведный, не мѣшкая много, заколотилъ свой господскій домъ, распустилъ гаремъ и уѣхалъ навсегда изъ деревни въ городъ. Здѣсь онъ занялся въ обширныхъ размѣрахъ ростовщичествомъ, ежедневно посѣщалъ клубъ, но въ карты не игралъ, а поджидалъ, не угоститъ ли его кто-нибудь изъ должниковъ чаемъ...

Напротивъ того, Гремикинъ былъ человѣкъ дѣла. Здоровенный, высокій, широкій въ кости и одаренный пространнымъ и жирнымъ затылкомъ, онъ рыкомъ своимъ поражалъ, какъ Юпитеръ громомъ. Онъ былъ не рѣчистъ и даже угрюмъ; враги даже говорили, что онъ, въ то же время, былъ глупъ и золъ, но, разумѣется, говорили это по секрету и шопотомъ, потому что Гремикинъ шутить не любилъ...

И его тоже трепетали мужики, и свои, и чужіе; но онъ и не подумалъ бѣжать изъ деревни, когда крѣпостное право было уничтожено, а, напротивъ, очень спокойно и въ краткихъ словахъ объявилъ, что «другіе какъ хотятъ, а у меня будетъ попрежнему». И до него тоже добирались пять губернаторовъ, но тоже ничего не доспѣли, потому что Гремикинъ сразу отучилъ полицію ѣздить въ свое имѣніе. «Нѣтъ тебѣ ко мнѣ въѣзду», сказалъ онъ исправнику, и исправникъ понялъ, что въѣзду дѣйствительно нѣтъ и не можетъ быть. Два раза онъ былъ присужденъ на покаяніе въ монастырь за нечаянное смертоубійство, но оба раза приговоръ остался неисполненнымъ, потому что полиція даже не пыталась, а просто наизусть доносила, что «отставной корнетъ Яковъ Филипповъ Гремикинъ находится въ тягчайшей болѣзни». Когда онъ игралъ въ преферансъ, то никто ему вистовать не отваживался, какую бы сумасшедшую игру онъ ни объявилъ...

(Щедринъ: „На зарѣ ты ее не буди“).

Хозяйственный баринъ.

Пришелъ бурмистръ и сталъ въ столовой,
А баринъ ходитъ и молчитъ;
Всегда грозы боясь новой,
Мужикъ опасливо глядитъ,
То робко ноги переставитъ,
Погладитъ бороду, вздохнетъ,
Иль кашлянетъ, кушакъ поправитъ,
Или, блѣднѣя, пальцы мнетъ.

Соскучившись прогулкой мѣрной,
Подходитъ баринъ наконецъ.
— «Ну, что? пріѣхалъ твой купецъ?»
— «Ждемъ съ часу на часъ. Будетъ вѣрно».
— «Ты у меня смотри, подлецъ,
Надуть меня съ нимъ хочешь вмѣстѣ?..»
— «Какъ можно-съ! Провалюсь на мѣстѣ ...

— «Задатокъ въ руки! И смотри,
Чтобъ было у всего обоза
Зерно получше сверху воза,
А дрянь, что ни на есть, внутри;
Да улучай и день пріема,
Когда купца не будетъ дома .
— «Кузьма просился на базаръ»...
— «Забылъ, чѣмъ пахнетъ полугаръ?
Али онъ сѣченъ не былъ сроду?
Не смѣть! Назначь его въ подводу.
Пошелъ!» И вышелъ вонъ мужикъ.
Опять молчанье домъ объемлетъ,
Опять по комнатамъ старикъ
Пошелъ бродить, какъ духъ пустынный
Въ тиши обители старинной...

(Огаревъ: «Преданіе»).

Н. П. Огаревъ.

Передовые помѣщики 30-хъ годовъ.

— Да, — говорила намъ матушка, — хотя я во многихъ взглядахъ расходилась съ вашимъ отцомъ при его жизни, но всегда понимала, особенно же ясно сознаю это теперь, что я и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи была ниже его. Вамъ трудно повѣрить, но клянусь вамъ всѣми святыми, что вашъ отецъ уже въ 30-хъ и 40-хъ гг., слѣдовательно, въ эпоху злѣйшаго крѣпостничества, проводилъ тѣ же гуманныя идеи, какимъ слѣдуете и вы. Когда я что-нибудь начинаю дѣлать, я всегда думаю: а какъ бы Николай Григорьевичъ взглянулъ на это, что бы онъ сказалъ?.. Да, онъ былъ лучшій изъ людей, которыхъ я знала!..

— Вы знаете, дѣтушки, я въ павлиныя перья наряжаться не люблю, представлять себя лучше, чѣмъ я была и есть, — не въ моемъ характерѣ, а потому и скажу вамъ, что нерѣдко, когда вашъ отецъ заводилъ разговоры съ мачехой на серьезныя темы, я не все понимала, а когда они говорили о помѣщикахъ, о крѣпостныхъ, о воспитаніи дѣтей, мнѣ не все было по нутру. Мачеха въ ту пору какъ-то больше, чѣмъ я, подходила къ его взглядамъ. Я же всѣ эти идеи воспринимала мало-помалу, медленно, многія изъ нихъ усвоила только послѣ его смерти, а коечто мнѣ стало ясно уже изъ споровъ и разговоровъ съ вами и вашими знакомыми, когда вы повыросли. При жизни же вашего отца я частенько огорчала его непониманіемъ многаго, оскорбляла его чистые помыслы, его великую душу. И при этомъ вос-

поминаніи матушка вдругъ залилась слезами.

— Мамашечка, вѣдь вы же хорошая!—утѣшали мы ее, тронутые ея искренностью. — Вѣдь если васъ всю жизнь любилъ такой человѣкъ, какъ отецъ, значитъ, онъ видѣлъ, что вы по натурѣ—человѣкъ очень хорошій, только у васъ были нѣкоторыя привычки того времени...

Собакевичъ. (Гогол. типы).

— Вотъ именно, привычки... Да, привычки были дурныя, по нынѣшнимъ временамъ даже постыдныя, — говорила она, — утѣшенная нашими словами, зная, что мы говоримъ искренно и скорѣе можемъ быть грубоватыми съ нею, но не способны льстить въ угоду ей.

— Разскажите же, голубчикъ, въ чемъ и какъ выражались у васъ идейныя размолвки съ отцомъ?

— А вотъ, бывало, М. Ѳ. говоритъ ему что-нибудь въ такомъ родѣ: «Какъ это обидно, что для насъ, помѣщиковъ, нужно какое-нибудь тяжелое горе для того, чтобы мы рѣшились быть людьми»...

— Да не всѣхъ этому и горе научаетъ,—отвѣчаетъ ей Николай Григорьевичъ,—наши помѣщики глубоко убѣждены въ томъ, что только они одни люди, а крестьяне—скоты, и что съ ними, какъ со скотами, и поступать надо.

Подобныя разсужденія ихъ обоихъ меня всегда злили, и я начинала доказывать имъ, что крестьяне, дѣйствительно, часто поступаютъ, какъ скоты, приводила примѣры, какъ они звѣрски убили того или другого помѣщика, какъ надули, обокрали и т. д.

— А отъ кого ты все это слышишь? — возражалъ мужъ. — Отъ тѣхъ же помѣщиковъ! Но тебѣ не безызвѣстно, какъ они досмерти засѣкаютъ крестьянъ, какъ въ наказаніе надѣваютъ имъ рогатки на шею? Ну, и доводятъ себя до того, что крестьяне звѣрски убиваютъ своихъ тирановъ». А то, бывало, съ сердцемъ прибавитъ: «Удивительно, Шурочка, что въ тебѣ, именно въ тебѣ, такъ крѣпко засѣла крѣпостная закваска! Съ ранняго возраста ты воспитывалась въ институтѣ, крестьяне лично не сдѣлали тебѣ ничего дурного, ты еще и теперь ребенокъ, жизни совсѣмъ не знаешь, а разсуждаешь, какъ заправская помѣщица!..

Вы, молодежь, презираете насъ за то, что мы владѣли крѣпостными, но если бы вы хорошенько знали моего мужа, вы сдѣлали бы для него исключеніе... Служилъ онъ уѣзднымъ судьею,

жалованье получалъ маленькое-премаленькое... Другіе-то во много разъ увеличивали его, а иной такъ и просто наживался... Вѣдь тѣ времена были такія, что съ живого и съ мертваго драли и деньгами и натурой... А онъ и взятками брезговалъ и добровольныхъ приношеній не допускалъ. По своему образованію онъ тоже стоялъ выше другихъ: въ подлинникѣ лучшихъ писателей и мыслителей читалъ...

— Какъ же это случилось,—спросилъ одинъ изъ моихъ братьевъ,—что отецъ, человѣкъ образованный, сумѣвшій въ такое жестокое время, въ самый разгаръ крѣпостничества, сохранить свѣтлый умъ и гуманное отношеніе къ окружающимъ, не додумался до того, что крѣпостное право—самое позорное безправіе, самая жестокая несправедливость?

Разговоръ трехъ рабочихъ.

— Ужъ не знаю, право, какъ тебѣ это объяснить!.. Можетъ-быть, онъ и

думалъ, да молчалъ, потому что ничего не могъ сдѣлать: вѣдь онъ же зналъ, что его громадной семьѣ безъ крестьянъ нечѣмъ будетъ жить!.. А можетъ-быть, онъ въ разсужденія объ этомъ не хотѣлъ вступать со мною, я далеко не всѣ мысли его тогда понимала и раздѣляла. Признаюсь, иное мнѣ казалось просто сумасбродствомъ съ его стороны. Не терплю хвастать да высказывать себя лучше, чѣмъ я есть, а потому откровенно сознаюсь вамъ, дѣтушки, очень часто огорчала я его... Теперь я иногда даже сама себѣ удивляюсь, какъ это тогда, въ крѣпостное время, мнѣ насчетъ многаго не приходили въ голову самыя элементарныя мысли. Въ примѣръ приведу хотя вотъ что: вѣдь здоровѣе меня трудно было найти другую женщину. Я неизмѣнно пользовалась такимъ прекраснымъ здоровьемъ, что у меня за всю мою жизнь никогда даже голова не болѣла... Хотя при мужѣ мы жили открыто, но я и въ то время не любила модничать: слишкомъ была большая семья, чтобы думать о своихъ нарядахъ, а между тѣмъ своихъ дѣтей грудью не кормила, брала для всѣхъ васъ кормилицъ изъ крѣпостныхъ. А почему? Кругомъ всѣ такъ дѣлали, и я поступала, какъ другіе. Меня теперь самое поражаетъ, что я не могла додуматься до такой пустой и немудрящей вещи. А вѣдь я не была ни умственно убогою, ни нравственною идіоткою! Доподлинно справедливы слова, что человѣкъ — продуктъ своего времени. Что же касается вашего отца, то скажу, что хотя онъ и не освободилъ своихъ крестьянъ, но никогда не злоупотреблялъ своимъ помѣщичьимъ правомъ. О вопіющихъ жестокостяхъ помѣщиковъ относительно крестьянъ онъ то и дѣло подавалъ жалобы и предводителю дворянства и въ разныя учрежденія, старался устроить въ своемъ имѣніи такъ, чтобы въ каждой крестьянской семьѣ была и лошадь и корова, и чтобы крестьянину оставалось время для обработки его крестьянской земли. Правда, не всегда выходило такъ, какъ онъ этого желалъ, временами сильно бѣдствовали наши крестьяне, но нужно помнить и то, какая у насъ жалкая земля, какъ часты у насъ недороды, да и его не хочу обѣлять—плохой онъ былъ хозяинъ, тратилъ изъ хозяйства больше, чѣмъ оно могло выдержать, но что онъ заботился о своихъ подданныхъ, относился къ нимъ болѣе человѣчно, чѣмъ кто бы то ни было въ нашей округѣ, въ этомъ завѣряю васъ, какъ передъ Богомъ...

(Водовозова: Воспоминанія).

Мечты передового помѣщика.

Бразды правленья взялъ я въ руки,
Изгнавъ уныніе, какъ грѣхъ,
Съ надеждой юной на успѣхъ,
Съ запасомъ мыслей и науки,
Желаньемъ лучшаго томимъ,
Съ тѣмъ уваженіемъ прямымъ
Къ лицу, къ его правамъ, свободѣ,
Которое хотѣлъ вселить въ народѣ.
Я думалъ—барщины постыдной
Взамѣнъ введу я вольный трудъ,
И мужики легко поймутъ
Разсчетъ условій безобидный.
Казалось, вызову я вдругъ
Всю жажду дѣла, силу рукъ,
Весь умъ, который есть и нынѣ,
Но какъ возможность, въ нашемъ селянинѣ.
Привычкой связанный лѣнивой,
Рабъ предразсудковъ вѣковыхъ,
Въ нововведеніяхъ моихъ
Слѣды затѣи прихотливой
Мужикъ мой только увидалъ

И молча мнѣ не довѣрялъ,
И долго я на убѣжденье
Напрасно тратилъ время и терпѣнье.
И какъ мнѣ было это ново!..
Чтобъ трудъ начатый продолжать,
Я долженъ былъ людей стращать!
Пойми насквозь ты это слово:
Я долженъ былъ стращать людей!
И чѣмъ же? — властію моей,
Которой отъ души не вѣрю,
Которою я гадко лицемѣрю.
Да! гадко! Гадко и безплодно!
Я этимъ вѣрить пріучу
Во власть мою, а хлопочу
Дать почву вольности народной!
И впереди моя судьба —
Увидѣть прежняго раба
Тамъ, гдѣ хотѣлъ я человѣка
Воспитывать для всѣхъ успѣховъ вѣка.
Что жъ выхожу передъ собою
И предъ людьми я, наконецъ?
Что? Баринъ? подданныхъ отецъ?
То-есть плантаторъ предъ толпою
Сихъ бѣлыхъ негровъ? Иль опять,
Какъ и назадъ тому лѣтъ пять,—
Мечтамъ не вѣрящій мечтатель,
Въ горячкѣ вѣчной подвиговъ искатель?
Итакъ, мой другъ, впередъ ни шагу!
Желанья тщетно пропадутъ,—
Я только на пустынный трудъ
Растрачу силу и отвагу.
Одинъ не измѣню я ходъ...
И выходъ есть одинъ: терпѣнье!..
Ужъ не бѣжать ли мнѣ отсюда?
Чтобы уйти, я мужикамъ
Имѣнье все и волю дамъ...
Но этимъ, не исправивъ нравы,
Я послужу невѣждамъ для забавы!
И все же жаль мнѣ цѣль оставить —
Устроить въ сторонѣ родной
Хоть этотъ мирный уголъ мой
Такъ, чтобъ въ немъ могъ себя поздравить
Съ свободой прочной селянинъ,
Деревни вольной гражданинъ.
Вотъ все, чего ищу... Ужели
Для этого мы даже не созрѣли?
О! если такъ, то прочь терпѣнье!
Да будетъ проклятъ этотъ край,
Гдѣ я родился невзначай!
Уйду...

(Огаревъ: «Деревня»).

Благія намѣренія.

Сходъ собрался, и съ умиленьемъ
Помѣщикъ вышелъ на крыльцо.
Раскланялся. Его лицо
Сіяло чуть не вдохновеньемъ.
Въ его умѣ тѣснилось вдругъ,
Что онъ своимъ крестьянамъ другъ,
Что патріархъ онъ благородный,
А, можетъ, и трибунъ народный!..
Безъ шляпъ стоялъ предъ нимъ народъ
(Къ чему обычай не понудитъ!),
Вперивъ глаза, разинувъ ротъ,
Всѣ ждали молча: что же будетъ?
Андрей Потапычъ рѣчь держалъ
(И очень былъ собой доволенъ);
Андрей Потапычъ имъ сказалъ,
Что человѣкъ родился воленъ,
И потому онъ даже бъ могъ
Свести ихъ съ пашни на оброкъ.
Хотѣлъ ихъ мнѣнье знать заранѣ.
Затылки почесавъ, крестьяне
Съ единогласіемъ въ отвѣтъ
Сказали: «Почему же нѣтъ?»
Потомъ онъ развилъ мысль благую,
Что надо школу бы завесть;
Въ ученьѣ видѣлъ вещь святую
И путь довольства пріобрѣсть.
Науки съ точки зрѣнья строгой
О земледѣліи начавъ,
Замялся какъ-то онъ немного —
И, слова два еще сказавъ
Объ истинномъ вредѣ засухи,
Велѣлъ имъ поднести сивухи
И воротился въ барскій домъ.
И долго мужики потомъ

Смекали въ болтовнѣ досужей:
«Что?.. Лучше будетъ или хуже?..
А Богъ вѣсть!.. Правду говорить,
Приказчика пора бъ смѣнить...»
Сначала шибко толковали,
А тамъ какъ будто бъ и устали
Терять слова по пустякамъ
И разошлися по домамъ...

И тотчасъ началъ онъ съ того,
Что съѣздилъ къ набожной сосѣдкѣ,
Подругѣ матери его,
Старухѣ, жирной домосѣдкѣ,
Хозяйкѣ истинной. Она
Уже и тѣмъ была славна,
Что сѣкла разъ середь недѣли
Дворовыхъ дѣвокъ, чтобъ въ шесть дней
Избаловаться не успѣли:
Нельзя не остеречь дѣтей!
Потомъ онъ къ старому сосѣду
Поѣхалъ, и поспѣлъ къ обѣду.

Старикъ отлично ѣлъ и пилъ;
Учтивостью извѣстенъ былъ:
Когда подчасъ лакею въ рыло
Совалъ размашистый кулакъ,
Не измѣнялъ себѣ никакъ
И приговаривалъ: «Мой милый!»
Скупясь на время вообще,
Андрей Потапычъ и еще
Къ сосѣду поспѣшилъ другому,
Коннозаводчику лихому;
Потомъ къ любителю собакъ;
Потомъ къ сутягѣ записному,
Который былъ съ судьею врагъ,
И къ господину пожилому,
Котораго призналъ весь свѣтъ
Однимъ изъ милыхъ вертопраховъ,
И къ старой дѣвѣ, съ юныхъ лѣтъ
Охотницѣ до іеромонаховъ,
И подъ наслѣдственную сѣнь
Андрей Потапычъ утомленный
Явился на четвертый день.

(Огаревъ: «Господинъ»).

Изъ воспоминаній о крѣпостномъ правѣ.

Всѣ, знавшіе мою мать, любили ее. Слуги боготворили ея память. Ради ея мадамъ Бурманъ взялась заботиться о насъ. Въ память ея Ульяна такъ любила насъ. Когда она чесала насъ или крестила предъ сномъ, она часто говаривала: «Бѣдные сиротки! Теперь ваша мамаша смотритъ на васъ съ неба и плачетъ по васъ».

Все мое дѣтство перевито воспоминаніями о ней. Какъ часто гдѣ-нибудь въ темномъ коридорѣ рука двороваго ласково касалась меня или брата Александра. Какъ часто крестьянка, встрѣтивъ насъ въ полѣ, спрашивала: «Вырастете ли вы такими же добрыми, какой была ваша мать. Она насъ жалѣла, а вы будете жалѣть?»

Насъ», означало, конечно, крѣпостныхъ. Не знаю, что стало бы съ нами, если бы мы не нашли въ нашемъ домѣ среди дворовыхъ ту атмосферу любви, которой должны быть окружены дѣти. Мы были дѣти нашей матери; мы были похожи на нее; и, въ силу этого, крѣпостные осыпали насъ заботами, подчасъ, какъ видно будетъ дальше, въ крайне трогательной формѣ...

Наше лучшее время бывало по воскресеньямъ, когда всѣ наши, кромѣ дѣтей, отправлялись на обѣдъ къ генеральшѣ Тимоѳеевой. Порой случалось также, что отпускъ получали въ этотъ день Пулэнъ и Н. П. Смирновъ. Въ такомъ случаѣ мы оставались на попеченіи Ульяны. Наскоро пообѣдавъ, мы отправлялись въ парадный залъ, куда скоро являлась и молодежь изъ горничныхъ. Затѣвались всевозможныя игры: въ жмурки, въ коршуна и т. д. Затѣмъ мастеръ на всѣ руки Тихонъ являлся со скрипкой. Начиналась пляска; не скучные, мѣрные

танцы подъ управленіемъ танцмейстера француза «на резиновыхъ ножкахъ» (танцы входили въ програму нашего воспитанія), а живой танецъ, не урокъ. Паръ двадцать кружились въ разныя стороны, но это было лишь вступленіемъ къ еще болѣе оживленному казачку. Тихонъ тогда вручалъ скрипку одному изъ стариковъ и начиналъ вывертывать ногами такія мудреныя фигуры, что въ дверяхъ показывались повара и даже кучера, желавшіе поглядѣть на любезный ихъ сердцу танецъ.

Въ девять часовъ за нашими посылалась большая карета. Тихонъ вооружившись щеткой, ползалъ по паркету, чтобы возстановить его дѣвственный блескъ. Въ домѣ воцарялся образцовый порядокъ. И если бы насъ съ братомъ на другой день подвергли самому строгому допросу, мы не обмолвились бы ни словомъ о развлеченіяхъ предыдущаго вечера. Мы ни за что не выдали бы никого изъ слугъ, точно такъ же, какъ никто изъ нихъ не выдалъ бы насъ.

Разъ въ воскресенье мы съ братомъ играли одни въ большой залѣ и набѣжали на подставку, поддерживавшую дорогую лампу. Лампа разбилась вдребезги. Немедленно же слуги собрали совѣтъ. Никто не упрекалъ насъ. Рѣшено было, что на другой день рано утромъ Тихонъ, на свой страхъ и отвѣтственность, выберется тихонько, побѣжитъ на Кузнецкій Мостъ и тамъ купитъ такую же лампу. Она стоила пятнадцать рублей для дворовыхъ—громадная сумма. Но лампу купили, а насъ никогда никто не попрекнулъ даже словомъ.

Когда я думаю теперь о прошломъ, и въ моей памяти возстаютъ всѣ эти сцены, я припоминаю также, что во время игръ мы никогда не слыхали грубыхъ словъ; не видали мы также въ танцахъ ничего такого, чѣмъ теперь угощають дѣтей даже въ пантоминахъ. Въ людской, промежъ себя, слуги, конечно, употребляли неприличныя выраженія. Но мы были дѣти, ея дѣти, и это охраняло насъ отъ всего...

Мы отправлялись лѣтомъ въ одну изъ нашихъ деревень... Моя кормилица жила въ этой деревнѣ. Ея семья была

Крестьянское семейство.
(Англ. карт. 1823 г.).

изъ бѣднѣйшихъ. Кромѣ мужа, въ семьѣ были маленькій мальчикъ, уже помощникъ, да дѣвочка, моя молочная сестра, ставшая впослѣдствіи проповѣдницей и «богородицей» въ раскольничьей сектѣ, къ которой принадлежала. Кормилица бывала страшно рада, когда я приходилъ повидать ее. Угостить меня она могла лишь сливками, яйцами, яблоками и медомъ. Но глубокое впечатлѣніе производили на меня ея любовь и ласки. Она накрывала бѣлоснѣжной скатертью (чистота — рели-

Залъ въ Останкинѣ (имѣніе гр. Шереметевыхъ).

гіозный культъ раскольниковъ), подавала угощенье въ сверкающихъ деревянныхъ тарелкахъ, ласково говорила со мной, какъ съ роднымъ сыномъ. Я долженъ сказать то же самое о кормилицахъ двухъ старшихъ братьевъ моихъ — Николая и Александра. Онѣ тоже принадлежали къ семьямъ, принимавшимъ видное участье въ двухъ раскольничьихъ толкахъ въ Никольскомъ. Немногіе знаютъ, какъ много доброты таится въ сердцѣ русскаго крестьянина, несмотря на то, что вѣка суроваго гнета, повидимому, должны были бы озлобить его...

Разъ ночью, послѣ десяти, кто-то изъ слугъ поманилъ меня знакомъ и шепнулъ, чтобы я вышелъ въ переднюю. Я вышелъ. «Идите въ людскую,— шепнулъ старый дворецкій Фролъ,— Александръ Алексѣевичъ тамъ» [1]).

Я помчался черезъ дворъ, быстро взбѣжалъ на крыльцо, въ людскую. Въ полутемной большой комнатѣ, за громаднымъ столомъ, я увидалъ Александра.

— Саша, милый мой, откуда ты?— Мы кинулись въ объятія другъ другу. Нѣкоторое время мы ничего не могли сказать отъ волненія.

— Тише! Еще услышатъ васъ!—зашептала кухарка Прасковья, утирая глаза угломъ передника.—Бѣдные си-

[1]) Александръ тайкомъ убѣжалъ изъ корпуса, чтобы повидаться съ братомъ.

ротки! Если бы ваша мамаша жива была!..

Старый Фролъ тоже стоялъ, понуривъ голову, и у него глаза мигали.

— Смотри же, Петя, никому ни слова; слышишь, никому, — сказалъ онъ.

Прасковья между тѣмъ поставила на столъ передъ Александромъ горшокъ съ кашей.

Сверкающій здоровьемъ Саша принялся уже говорить о разныхъ разностяхъ, уписывая въ то же время кашу. Горшокъ пустѣлъ. Я едва могъ добиться отъ Саши, какъ онъ явился такъ поздно. Жили мы тогда близъ Смоленскаго бульвара, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того дома, въ которомъ умерла мать; кадетскій же корпусъ находился на другомъ концѣ Москвы, верстахъ въ семи.

Саша, вмѣсто себя, уложилъ подъ одѣяло чучело, сдѣланное изъ платья, затѣмъ спустился незамѣтно черезъ окно «башни» и всѣ семь верстъ прошелъ пѣшкомъ.

— А ты не боялся проходить пустырями близъ корпуса?—спросилъ я.

— Кого мнѣ бояться. Развѣ что на меня накинулись собаки; но я ихъ самъ же раздразнилъ. Завтра захвачу съ собою тесакъ.

Кучера и другіе слуги приходили между тѣмъ. Они вздыхали, глядя на насъ, затѣмъ садились у стѣнъ и тихо перешоптывались порой, чтобы не помѣшать намъ. А мы, обнявшись, просидѣли до полуночи и бесѣдовали о туманныхъ пятнахъ и о гипотезѣ Лапласа, о строеніи вещества, о борьбѣ папской и императорской власти при Бонифаціи VIII и т. п.

Время отъ времени вбѣгалъ кто-нибудь изъ слугъ и говорилъ:

— Петенька, пойди покажись въ залѣ, а то они поднялись отъ картъ и могутъ хватиться тебя.

Я умолялъ Сашу, чтобы онъ не приходилъ на слѣдующую ночь; но онъ, тѣмъ не менѣе, явился, выдержавъ предварительно стычку съ собаками, противъ которыхъ захватилъ тесакъ. Еще быстрѣе вчерашняго помчался я на другой день, когда меня позвали въ людскую. На этотъ разъ Саша часть дороги проѣхалъ на извозчикѣ. Прошлой ночью одинъ изъ слугъ принесъ ему деньги, которыя получилъ отъ игравшихъ въ карты гостей и упросилъ принять ихъ. Саша взялъ немного мелочи на извозчика и поэтому прибылъ раньше.

Думалъ онъ пріѣхать и на слѣдующій день; но такъ какъ наши свиданія могли навлечь бѣду на слугъ, то мы рѣшили разстаться до осени. Изъ коротенькаго офиціальнаго письма, полученнаго на другой день, я узналъ, что его ночныя похожденія остались не раскрыты. Если бы про нихъ узнали въ корпусѣ, наказаніе было бы ужасно. Страшно даже подумать объ этомъ! Сѣченіе розгами предъ всѣмъ корпусомъ, до потери сознанія, покуда несчастнаго унесутъ на простынѣ въ госпиталь, а затѣмъ разжалованье въ кантонисты, все было возможно въ то время.

Не менѣе жестоко пострадали бы слуги, если бы отецъ узналъ про наши свиданія. Но они умѣли хранить тайны и не выдавали другъ друга. Всѣ они знали про посѣщенія Александра, но никто не обмолвился ни словомъ предъ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ. Лишь только они да я во всемъ домѣ знали про свиданія...

(Кропоткинъ: Записки).

Народная пѣснь о крѣпостномъ правѣ.

Ужъ мы сядемъ, посядемъ,
Посидимъ же мы, ребята,
До самаго вечера,
Споемъ пѣсню мы, ребята,
Да про наше про житье, 2.
Да про горюшко свое:
Что въ неволѣ все живемъ,
Крѣпостными вѣкъ слывемъ.
Какъ и наши господа
Все немилостивые, 2.
Неразсудливые:
На работу посылають,
Кускомъ хлѣба попрекають,
А крестьяне завидують [1]),
Что дворовому житью:
Онъ и пашенки не пашеть,
Сохи въ руки не береть,
Въ оброкъ денегъ не кладеть.
Ахъ, вы, глупые крестьяне,
Поживите-ка съ нами!
Ужъ и нѣтъ хуже на свѣтѣ,
Какъ двороваго житье:
Куда крикнутъ—бѣги скоро,
Чтобы дѣло было споро.
Обернулся назадъ,
А мнѣ палкою грозятъ.
У насъ завтра, братцы, праздникъ,
Надо намъ погулять.—
Погуляли молодцы,
Что до утра до зари.
Пришли домой поутру,
Припасъ баринъ по кнуту,
Ужъ мы стали оправдаться,
А велятъ намъ раздѣваться,
Рубашечки скинемъ съ плечъ,
Велитъ баринъ больно сѣчь.
«Ахъ, ты, барская душа!
Али нѣтъ тебѣ суда?»
Хоть и биты были больно,
Да погуляно довольно.
Хоть и спинушка больна,
Сударушка нажита.

(Изъ собранія народныхъ пѣсенъ Шейна).

[1]) Псковской губ., Опочецк. уѣз.
Позавидовали крестьяне
Все холопскому житью:
Холопъ подати не платитъ,
Въ оброкъ денегъ не несетъ,
Косы въ руки не беретъ.

На пашнѣ. (Аткинсонъ).

Туто жилъ-поживалъ господинъ Волконскій князь.

Туто жилъ-поживалъ господинъ Волконскій князь.
У этого у князя жилъ Ванюша Ключничекъ.
Ваня годъ живетъ, другой живетъ,
На третій годъ князь довѣдался;
Закричалъ князь Волконскій своимъ громкимъ голосомъ:
Какъ есть ли у меня слуги вѣрные при мнѣ?
Вы подите — приведите вора Ваньку Ключничка.
Какъ ведутъ Ванюшу широкимъ дворомъ,
Какъ у Ванюши головка вся проломана.
Коленкоровая рубашка на немъ изорвана,
Сафьянные сапожки кровью принаполнены.
Закричалъ-та господинъ Волконскій князь громкимъ голосомъ:
Вы подите-ка,— вы выройте двѣ ямы глубокіихъ,
Вы поставьте-ка два столбика дубовыихъ,
Положите перекладецъ сосновыій,
Повѣсьте двѣ петли шелковыя:
Пускай Ваня покачается,
Молодая-то княгиня попечалится!»

(Народныя пѣсни: Собр. Кирѣевскимъ).

Злоупотребленія при крѣпостномъ правѣ.

Я разскажу вамъ о новой продѣлкѣ помѣщиковъ, разсказанной мнѣ на-дняхъ здѣшнимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Здѣсь завелся такой обычай. Расторговавшійся мужикъ, разумѣется, казенный, выкупаетъ у помѣщика нѣсколько крестьянскихъ семействъ на волю, получая, разумѣется, отпускныя въ свои руки, потомъ уже по купчей крѣпости помѣщикъ продаетъ ему земли и усадьбы этихъ крестьянъ, на волю отпущенныхъ; такимъ образомъ мужикъ выходитъ владѣльцемъ земли, на которой поселены и живутъ, можетъ-быть, нѣсколько вѣковъ эти крестьяне. Хотя они и свободны, но не имѣютъ уже и того права на землю, которое имѣли при помѣщикѣ: отпускныя не въ ихъ рукахъ, и

И. С. Аксаковъ.

новый владѣлецъ деретъ съ нихъ безжалостно, чтобы выкупить двойную плату—за нихъ и за землю—помѣщику. Тиранія выходитъ страшная. Или, напр., пріобрѣтеніе крестьянами на имя помѣщика, по своими деньгами, деревни, которая платитъ имъ оброкъ и ставитъ за нихъ рекрутовъ при всякомъ наборѣ! Или, напр., продѣлки здѣшняго помѣщика, графа М., который пріѣзжаетъ сюда во время набора и беретъ съ крестьянъ деньги за откупъ отъ рекрутства, страшныя деньги, и ставитъ бѣдныхъ. А у него здѣсь 9 тысячъ душъ и 80 тысячъ десятинъ земли. Или, напр., свозъ цѣлыхъ селеній въ другія губерніи для того, чтобы здѣшнюю землю, какъ дорогую весьма, продать казеннымъ крестьянамъ и проч. и проч...

(И. Аксаковъ: «Письма»).

Самоуправство помѣщика.

Жилъ у насъ въ уѣздѣ одинъ старикъ, весьма богатый, бывшій въ теченіе, кажется, 18 лѣтъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и прославившійся своимъ самоуправствомъ и дурнымъ обхожденіемъ съ крестьянами и дворовыми людьми, С. И. Ш. Онъ былъ нѣсколько разъ подъ судомъ, но по милости денегъ всегда выходилъ чистымъ изъ самыхъ ужасныхъ дѣлъ. Онъ засѣкалъ до смерти людей, зарывалъ ихъ у себя въ саду и подавалъ объявленія о томъ, что такой-то отъ него бѣжалъ. Полиція, судъ и уѣздный стряпчій у него въ кабинетѣ покончивали всѣ его дѣла. Однажды, въ царствованіе императора Александра I, былъ присланъ для производства слѣдствія флигель-адъютантъ. Тутъ деньги были безсильны; но опытный дѣлецъ не сталъ втупикъ. Когда слѣдствіе было кончено, всѣ документы — собраны, всѣ показанія—сняты, и слѣдователь уже собирался уѣзжать, тогда въ кушанье было что-то положено; онъ уснулъ крѣпкимъ сномъ, а все дѣло было у него украдено. Затѣмъ новое слѣдствіе; присланъ былъ человѣкъ уже болѣе практичный, чѣмъ флигель-адъютантъ, и Ш. вышелъ бѣлъ, какъ снѣгъ. Дворяне почти всѣ были его должниками и онъ не иначе имъ говорилъ какъ «ты». На выборы онъ ихъ возилъ на свой счетъ. и вслѣдствіе того всегда былъ выбираемъ значительнымъ большинствомъ. Ему чрезвычайно хотѣлось получить пряжку за 35-лѣтнюю безпорочную службу; но разныя отмѣтки въ его послужномъ спискѣ были къ тому препятствіемъ, казалось, неустранимымъ. Но чего нельзя было достигнуть посредствомъ денегъ! Израсходованныя 20—30 тысячъ все побѣдили и грудь Ш. украсилась уже въ царствованіе Николая I пряжкою за безпорочную службу. Не могу не разсказать еще одного курьеза изъ жизни этого человѣка. Онъ былъ набоженъ. не пропускалъ ни обѣденъ ни заутрень, не пилъ чая до обѣдни и строго соблюдалъ всѣ посты; а между тѣмъ обычное его занятіе между заутренею и обѣднею по праздникамъ было слѣдующее: отправляясь къ заутрени, онъ говорилъ: «приготовить», т.-е. собрать въ конторѣ людей, назначенныхъ быть сѣчеными, и припасти розги. Послѣ заутрени онъ приходилъ въ контору и начиналось сѣченіе. Когда истощалось число людей, подлежащихъ наказанію, тогда онъ говорилъ: «Эй, скажи батькѣ благовѣстить». И спокойно онъ отправлялся къ самому началу часовъ.

Съ этимъ-то человѣкомъ, старцемъ уже за 70 лѣтъ, и мнѣ пришлось имѣть дѣло.

Являются ко мнѣ, какъ къ предводителю, предсѣдательствующему въ рекрутскомъ присутствіи, двое молодыхъ дворовыхъ людей С. П. Ш. и объявляютъ мнѣ, что помѣщикъ моритъ ихъ голодомъ, даетъ имъ только по одному пуду муки въ мѣсяцъ, требуетъ работъ сверхсильныхъ и наказываетъ безщадно; почему они просятъ одной милости—забрить имъ лобъ, т.-е. принять въ рекруты. Письмомъ я прошу г. Ш. пожаловать ко мнѣ въ Сапожекъ по дѣламъ службы. Сапожковскій магнатъ, разумѣется, не пріѣзжаетъ; и я пишу къ нему вторичное письмо съ добавленіемъ, что если онъ не пріѣдетъ ко мнѣ, то я пошлю за жандармскимъ офицеромъ и пріѣду къ нему самъ для производства слѣдствія по полученному мною доносу. Наконецъ является слишкомъ 70-лѣтній магнатъ къ молодому, только что избранному предводителю. Объявляю ему, въ чемъ дѣло, и требую отъ него подписки въ томъ, что онъ будетъ давать своимъ людямъ муки и крупы въ опредѣленныхъ количествахъ по полу и возрасту дворовыхъ людей; что онъ за проступки будетъ ихъ наказывать не иначе, какъ черезъ посредство земской полиціи и что двухъ молодыхъ людей, принесшихъ жалобу, онъ завтра же представитъ въ рекруты. Легко себѣ вообразить удивленіе и гнѣвъ этого закоренѣлаго самоуправца. На положительный его отказъ я преспокойно сказалъ, что даю ему время на раз-

Марьино, имѣніе гр. Паниныхъ.

Марьино.

мышленіе до 9 часовъ утра слѣдующаго дня, а что затѣмъ донесу губернатору, вытребую жандармскаго начальника и приступлю къ формальному слѣдствію. На другой день къ девяти часамъ, С. И. Ш. явился ко мнѣ, хотя гнѣвный, но съ согласіемъ на мои требованія. Всего тяжче было ему согласиться на отдачу въ рекруты одного изъ молодыхъ людей, потому что этотъ человѣкъ былъ писаремъ въ вотчинной конторѣ. Я былъ, однако, неумолимъ и онъ долженъ былъ и на это согласиться; но въ душѣ онъ поклялся мнѣ за это отомстить сторицею.

А вотъ другой случай. Въ сосѣдствѣ моемъ жилъ помѣщикъ В. И. Ч., человѣкъ недурной, пользовавшійся общимъ уваженіемъ въ дворянствѣ, но жестокій въ обращеніи съ крестьянами и дворовыми людьми. Его жестокость исходила менѣе отъ злости въ душѣ, чѣмъ отъ того, что онъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ учить своихъ людей порядочному житью, наказывать лѣнтяевъ и воровъ и строго взыскивать за всякіе проступки. Милосердіе, прощеніе считались имъ бабьими принадлежностями. Онъ ходилъ по крестьянскимъ избамъ и требовалъ, чтобы тамъ было все въ порядкѣ, чисто и опрятно. По нѣскольку разъ въ годъ онъ осматривалъ лошадей и сбрую у крестьянъ; и горе тому, у кого скотъ или упряжь оказывались въ неисправности. Нерадивыхъ крестьянъ онъ лишалъ права вести свое хозяйство и отдавалъ ихъ подъ опеку, т.-е. въ полное распоряженіе хорошихъ хозяевъ. Майоръ Ч., какъ старый военный служака, особенно любилъ военную выправку, и у него крестьяне и дворовые люди являлись всѣ съ солдатскими манерами. Жаловаться на

помѣщика никто не смѣлъ, и житье людямъ было ужасное. Такъ, при земляныхъ работахъ, чтобы работники не могли ложиться для отдыха, Ч—овъ надѣвалъ на нихъ особаго устройства рогатки, въ которыхъ они и работали. За неисправности сажалъ людей въ башню и кормилъ ихъ селедками, не давая имъ пить при этомъ. Если кто изъ людей бѣжалъ, то пойманнаго приковывали цѣпью къ столбу. Приказывалъ рыть въ лѣсу пни и ими ограждать избы и закладывать дыры; это деревнѣ его давало очень странный видъ и было крайне тяжело для крестьянъ, но давало Ч—ву легкій способъ очистки лѣса. Зимою отверстія и дыры въ избахъ Ч—въ приказывалъ обкладывать навозомъ и снѣгомъ, а пнями топить. Брань, ругательства и сѣченіе крестьянъ производились ежедневно. Я счелъ долгомъ внушить г. Ч. о необходимости измѣнить его образъ управленія крестьянами и дворовыми людьми, подъ опасеніемъ учрежденія надъ нимъ опеки. Онъ крайне этимъ обидѣлся и изумился, что предводитель дворянства вздумалъ вмѣшиваться въ его домашнія дѣла, и сказалъ мнѣ, что давно живетъ въ уѣздѣ, что никогда ни одинъ предводитель не позволялъ себѣ подобныхъ внушеній, и что онъ хорошо знаетъ свои права и обязанности. Къ этому онъ прибавилъ: что же касается до гуманности, то онъ ее считаетъ источникомъ всякихъ безпорядковъ и бѣдствій, и что о моихъ дѣйствіяхъ, клонящихся къ возмущенію крѣпостныхъ людей, онъ считаетъ долгомъ донести высшему начальству. Ч—въ поѣхалъ въ Рязань съ жалобою на меня къ губернскому

Мароно.

предводителю дворянства Н. Н. Ретькину, который нашелъ мое дѣйствіе несогласнымъ съ настоящими дворянскими чувствами и понятіями. Я же, съ своей стороны, довелъ до свѣдѣнія губернатора о дѣйствіяхъ Ч., который и былъ имъ вызванъ и получилъ нужныя внушенія. Такимъ образомъ дисциплинарная дѣятельность Ч. была нѣсколько сокращена.

Не могу здѣсь не разсказать объ одномъ случаѣ, бывшимъ впослѣдствіи съ майоромъ Ч. Этотъ случай вполнѣ оправдывалъ мои старанія къ сокращенію помѣщичьей власти. Когда я уже не былъ предводителемъ, произошло слѣдующее. Кучеръ г. Ч., проѣзжавши разъ съ своимъ бариномъ зимою по лѣсу въ саняхъ, слѣзъ съ облучка и сказалъ В. И. Ч—ву: «Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, жить у васъ больше мнѣ невмоготу». Затѣмъ снялъ вожжи, сдѣлалъ петлю и, перекинувши на толстый сукъ дерева, покончилъ свою жизнь. Какъ Ч. въ это время былъ уже разбитъ параличомъ, то ему предстояло замерзнуть въ лѣсу; но лошадь сама привезла его домой. Ч. самъ это разсказывалъ въ доказательство «глупости и грубости простого народа ...

(Кошелевъ: Записки).

Помѣщикъ Савельцевъ.

Ты, думаю, охоту на двуногихъ
Засталъ еще въ ребячествѣ своемъ.
Слыхалъ ты вопли стариковъ убогихъ
И женщинъ, засѣкаемыхъ кнутомъ?
Я думаю, ты былъ не полугода
И не забылъ порядки тѣхъ временъ.
Когда въ отвѣтъ стенаніямъ народа
Мысль русская стонала въ полутонъ?..

(Некрасовъ: Медвѣжья охота).

Усадьба Савельцевыхъ, Щучья-Заводь, находилась на берегу рѣки Вопли. Имѣніе было небольшое, всего восемьдесятъ душъ, и управлялъ имъ старикъ Абрамъ Семенычъ Савельцевъ, единственный сынъ котораго служилъ въ полку. Старикъ былъ скупъ, велъ уединенную жизнь, ни самъ ни къ кому не ѣздилъ, ни къ себѣ не принималъ. Жестокимъ его нельзя было назвать, но онъ былъ необыкновенно изобрѣтателенъ на выдумки по части отягощенія крестьянъ (про него говорили, что онъ не мучитъ, а тигоситъ)...

Пользуясь безконтрольностью помѣщичьей власти, чтобъ «тигосить» крестьянъ, Абрамъ Семенычъ въ то же время былъ до омерзительности мелоченъ и блудливъ. Воровалъ по ночамъ у крестьянъ въ огородахъ овощи, загонялъ крестьянскихъ куръ, заставлялъ своихъ подручныхъ украдкой стричь крестьянскихъ овецъ, выдаивать коровъ и т. д.

Случалось, что крестьяне ловили его съ поличнымъ, а ночью даже слегка бивали, а онъ на это не претендовалъ. Иногда, когда ужъ приставали черезчуръ вплотную, возвращалъ похищенное—ну на! жри! заткни глотку, а на завтра опять принимался за прежнее. Полегоньку скапливалъ онъ сокровище, ничѣмъ не брезгая и не обижаясь, что сосѣди гнушались имъ.

Но мало-по-малу отъ мелочей онъ перешелъ и къ крупнымъ затѣямъ. Воспользовавшись одною изъ народныхъ переписей, онъ всѣхъ крестьянъ перечислилъ въ дворовые. Затѣмъ отобралъ у нихъ избы, скотъ и землю, выстроилъ о бокъ съ усадьбой просторную казарму и поселилъ въ ней новоиспеченныхъ дворовыхъ. Все это совершилось исподтишка и такъ внезапно, что никто и не ахнулъ. Кре-

стьяне вздумали было жаловаться и даже отказывались работать, но очень скоро были усмирены простыми полицейскими мѣрами. Сосѣди не то иронически, не то съ завистью говорили: вотъ такъ молодецъ! Какую штуку удралъ! Но никто пальцемъ объ палецъ не ударилъ, чтобъ помочь крестьянамъ, ссылаясь на то, что подобныя операціи закономъ не воспрещались.

Съ тѣхъ поръ въ Щучьей-Заводи началась настоящая каторга. Все время дворовыхъ, весь день съ утра до ночи, безраздѣльно принадлежалъ барину. Даже въ праздники старикъ находилъ занятія около усадьбы, но зато кормилъ и одѣвалъ ихъ—какъ? это вопросъ особый—и заставлялъ по воскресеньямъ ходить къ обѣднѣ. На послѣднемъ онъ въ особенности настаивалъ, желая себя выказать въ глазахъ начальства христіаниномъ и благопопечительнымъ помѣщикомъ.

Хозяйство Савельцевыхъ окончательно процвѣло. Обѣздоливъ крестьянъ, старикъ обрабатывалъ уже значительное количество земли, и доходы его росли съ каждымъ годомъ...

Въ довершеніе, Савельцевъ былъ сластолюбивъ и содержалъ у себя цѣлый гаремъ, во главѣ котораго состояла дебелая, кровь съ молокомъ, лѣтъ подъ тридцать экономка Улита, мужняя жена, которую старикъ оттягалъ у собственнаго мужика.

Улита домовничала въ Щучьей-Заводи и имѣла на барина огромное вліяніе. Носились слухи, что и стариковы деньги, въ видѣ ломбардныхъ билетовъ, на имя неизвѣстнаго, переходятъ къ ней. Тѣмъ не менѣе, вольной онъ ей не давалъ—боялся, что она броситъ его, а выпустилъ на волю двоихъ ея сыновей-подростковъ и помѣстилъ ихъ въ ученье въ Москву.

Съ сыномъ онъ жилъ не въ ладахъ и помогалъ ему очень скупо. Съ своей стороны и сынъ отвѣчалъ ему полной холодностью и въ особенности точилъ зубы на Улиту...

— Придетъ и мое времечко, я изъ нея кровь выпью, жилы повытяну!—грозился онъ заранѣе. Наконецъ старикъ умеръ, и время Николая Савельцева пришло...

Николай Абрамычъ тотчасъ же взялъ отпускъ и, какъ ураганъ, налетѣлъ на

Мыза «Рябово», Всеволжскихъ.

Щучью-Заводь, въ сопровожденіи своего наперсника, денщика Семена. Выскочивъ изъ брички, онъ приказалъ встрѣтившей его на крыльцѣ Улитѣ подать самоваръ, и тотчасъ же распорядился, чтобы созвали людей.

— А съ тобой, красавица, я раздѣлаюсь! — прибавилъ онъ, обращаясь къ бывшей домоправительницѣ отца...

Созвавши дворовыхъ, онъ потребовалъ, чтобы ему указали, куда покойный отецъ пряталъ деньги. Но никто ничего не отвѣчалъ...

— Сказывайте добромъ, гдѣ деньги?—рычалъ разъяренный Савельцевъ, грозя нагайкой.

Дворовые, блѣдные, какъ смерть, стояли передъ нимъ и безмолвствовали.

— Что молчите? Сказывайте, куда покойникъ, царство ему небесное, пряталъ деньги? — настаивалъ помѣщикъ...

— Не знаете?.. и кому онъ деньги передавалъ, тоже не знаете? — продолжалъ домогаться Савельцевъ. — Ладно, я вамъ ужо развяжу языки, а теперь я съ дороги усталъ, отдохнуть хочу!

Онъ, шатаясь, пошелъ сквозь толпу народа къ крыльцу, раздавая направо и налѣво удары нагайкой и, наконецъ, стоя уже на крыльцѣ, обратился къ Улитѣ:

А ты, сударка, будь въ надеждѣ. Завтра тебѣ судъ будетъ, а покуда ступай въ холодную!

На другой день, раннимъ утромъ, началась казнь. На дворѣ стояла уже глубокая осень, и Улиту, почти окоченѣвшую отъ ночи, проведенной въ «холодной», поставили передъ крыльцомъ, на одномъ изъ приступковъ котораго сидѣлъ баринъ, на этотъ разъ еще трезвый, и курилъ трубку. Въ виду крыльца, на мокрой травѣ была разослана рогожа.

Гдѣ отцовы деньги?—допрашивалъ Улиту Савельцевъ.—Сказывай! Прощу!

— Не видала денегъ! Что хотите дѣлайте... не видала!—чуть слышно, стуча зубами, отвѣчала Улита.

— Такъ не видала? Нагайками ее! двѣсти! триста!—крикнулъ Савельцевъ денщику, постепенно свирѣпѣя.

Улиту раздѣли и обнаженную, въ виду собраннаго народа, разложили на рогожу. Семенъ засучилъ рукава. Раздался первый взмахъ нагайки, за которымъ послѣдовалъ раздирающій душу крикъ.

Коренастый инородецъ, постепенно озлобляясь, сыпалъ ударъ за ударомъ мѣрно, медленно, отсчитывая: разъ-два...

Савельцевъ безучастно выкуривалъ трубку за трубкой, пошучивая:

— Ишь, мяса-то нагуляла! Вотъ я тебѣ косточки-то попарю... сахарница!

Или:

— Полумѣсяцемъ, Семенъ, полумѣсяцемъ разрисовывай! Рубецъ возлѣ рубца укладывай... вотъ такъ! Скажетъ, подлая, скажетъ! До смерти запорю!

Но не дошло и до пятидесяти нагаекъ, какъ Улита совсѣмъ замолчала.

Улита лежала какъ пластъ на рогожѣ; даже тѣло ея не вздрагивало, когда нагайка, свистя, опускалась ей на спину.

Въ толпѣ послышался чей-то одиночный голосъ. Староста, стоявшій неподалеку отъ барина, испугался.

— Какъ бы не тово, Николай Абрамычъ! Какъ бы въ отвѣтѣ за нее не быть!—заикаясь отъ страха, предупреждалъ онъ.

— А? Что?—крикнулъ на него Савельцевъ. — Или и тебѣ того же хочется? У меня расправа короткая! Будетъ и тебѣ... всѣмъ будетъ! Кто тамъ еще закричалъ?.. запорю! И въ отвѣтѣ не буду! У меня, братъ, собственная казна есть! Хребтомъ въ полку на-

живалъ... Сыну денежками — всѣмъ рты замажу!—Однакожъ, когда отсчитано было еще нѣсколько ударовъ, онъ одумался и спросилъ:—Сколько?

— Семьдесятъ, — отвѣтилъ палачъ-денщикъ.

— Ну, до трехсотъ далеконько. А впрочемъ, будетъ съ нея на нынѣшній день! У насъ въ полку такъ велось: какъ скоро солдатикъ не выдержитъ положенное число палокъ — въ больницу его на поправку. Тамъ подправятъ, спину заживятъ, и опять въ манежъ... покуда свою порцію сполна не получитъ!

Улиту, въ одной рубашкѣ, снесли обратно въ чуланъ и заперли на ключъ, который баринъ взялъ къ себѣ. Вечеромъ онъ не утерпѣлъ и пошелъ въ холодную, чтобы произвести новый допросъ Улитѣ, но нашелъ ее уже мертвою. Въ ту же ночь призвали попа, обвертѣли замученную женщину въ рогожу и свезли на погостъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Савельцевъ не остановился бы на одной этой казни, но на другое утро, за чаемъ, староста доложилъ, что за ночь половина дворни разбѣжалась...

(Щедринъ: «Пошехонская старина»).

Жизнь средняго помѣщика.

Образъ жизни моего отца отчасти можно назвать образцомъ жизни помѣщиковъ средней руки того времени. У него было около двухсотъ душъ крестьянъ, въ двухъ деревняхъ: Карповкѣ и Тихомировкѣ. Послѣдняя населена была корелами, большая часть прислуги нашей была изъ кореловъ. Я ясно помню, какъ изъ Тихомировки привезли мальчиковъ и дѣвочекъ для выбора изъ нихъ прислуги и обученія разнымъ мастерствамъ, помню ихъ бѣдную одежду, встревоженныя лица матерей, страхъ ожиданія, пока шелъ выборъ. Забракованные въ радостномъ изступленіи выбѣгали вонъ. Избранные, глотая горькія слезы, одни бодрились, другіе стояли, понуривъ головы. «Что смотришь волкомъ - то?— говорили имъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ при наборѣ домашнихъ служителей.—Смотри на господъ весело», при этомъ рукой приподнимали подъ подбородокъ склоненную страхомъ и горемъ голову. Самые красивые и даровитые оставлялись при домѣ, прочіе шли въ разныя ученья. Такимъ образомъ въ три или четыре года у насъ въ числѣ дворовыхъ оказались свои столяры, маляры, сапожники, башмачники, слесаря, шорники и проч. Два сына нашего управляющаго, Агея Трофимовича, обучены были: старшій— поваренному искусству въ англійскомъ клубѣ, у знаменитаго тогда повара Яковлевыхъ — Алексѣя, меньшой, Ѳедоръ Агеевичъ, — кондитерскому. Стройная корелка Уляша отдана была къ цыганкамъ учиться плясать. Дорого купленный за великолѣпный голосъ шестнадцатилѣтній мальчикъ, Иванъ Пѣтуховъ, учился пѣть у Бошарова. Молодую домашнюю прислугу родители мои сами обучили танцовать. Изъ имѣвшихъ хорошіе голоса, отецъ мой, страстно любившій пѣніе и музыку, самъ сладилъ хоръ пѣвчихъ. Одинъ изъ даровитыхъ мальчиковъ выученъ былъ играть на балалайкѣ какимъ-то извѣстнымъ музыкантомъ, дававшимъ въ Москвѣ концерты на этомъ національномъ инструментѣ.

Такимъ образомъ была возможность, какъ только вздумается сдѣлать танцовальный вечеръ, слушать пѣвчихъ, любоваться *пляской*. Самъ батюшка игралъ на гитарѣ и пріятно пѣлъ. Гитарой онъ давалъ знакъ хору, какую

пѣть пѣсню, тотчасъ раздавался одинокій голосъ, хоръ подхватывалъ, голоса заступали другъ друга, сливались, выносили, отрывали, и когда умолкали, минуты двѣ дребезжали струнные звуки балалайки съ прищелкиваніемъ, съ переборами, и снова раздавался одинокій голосъ, и хоръ съ силой и увлеченіемъ подхватывалъ— и отецъ мой былъ весь упоенье, весь то же чувство, что и хоръ, и мою ребяческую душу эти пѣсни уносили въ безотчетный, но близкій мнѣ, родной умилительнѣе, тѣмъ грустнѣе становилось лицо его, и нерѣдко по нему катились хорошія слезы.

Какъ же это, скажете, бывало возможно, что иногда послѣ такихъ минутъ спокойно отдавался приказъ отодрать кого-нибудь на конюшнѣ или при появленіи гостя-помѣщика въ дыму трубокъ шелъ громкій шумный, хвастливый разговоръ о лошадяхъ, собакахъ и городскихъ сплетняхъ!—да, такъ бывало. Бывало, драли и пѣвца. Почти такую же форму жизнь я нашла

Крѣпостной оркестръ Гончаровыхъ.

мнѣ міръ. Сумерками батюшка любилъ слушать Ивана Пѣтухова; онъ приказывалъ ему стать за дверью своего кабинета, самъ садился на широкій турецкій диванъ и весь превращался въ ожиданіе и слухъ. Мы сидѣли, не смѣя шевельнуться, притаивъ дыханіе. Какъ только, какъ бы изъ дальняго далека, долетали первые звуки чистаго нѣжнаго голоса, лицо моего отца озарялось умиленіемъ, и чѣмъ дальше лилась его любимая пѣсня: «Среди долины ровныя» или «Не одна-то въ полѣ дороженька пролегала», тѣмъ въ родительскомъ домѣ и въ моей юности.

Прислугу у насъ содержали и одѣвали хорошо, обращались съ ней ласково или, лучше сказать, милостиво, но при малѣйшемъ опущеніи обязанности, за косой взглядъ, за неумѣстное возраженіе, отецъ мой, несмотря на врожденную доброту, бывалъ безпощаденъ. При этомъ невольно приходитъ на мысль, какъ при произволѣ самая доброта не надежна. Нерѣдко бывало, что подъ вліяніемъ дурного расположенія духа, прихоти, даже

каприза творилось то, о чемъ послѣ сожалѣли, старались поправить, но поправить не всегда удавалось.

Отецъ мой былъ человѣкъ хорошій и не безъ способностей, но все это нерѣдко потемнялось отъ безотчетности нравственныхъ понятій. Случалось, что одинъ и тотъ же поступокъ онъ объяснялъ различнымъ образомъ, смотря по тому, какъ ему было выгоднѣе, лишь бы общественное мнѣніе стояло за него. Глубоко подумать о правилахъ жизни онъ былъ не подготовленъ ни воспитаніемъ ни окружавшей его сферой. Сверхъ всего у него не было для этого ни охоты ни досуга. Онъ всегда былъ чѣмъ-нибудь увлеченъ, что-нибудь предпринималъ, устраивалъ, куда-нибудь ѣхалъ, семейной жизнью скучалъ, любилъ общество, велъ большую игру и нерѣдко на мѣсяцы уѣзжалъ то въ столицы, то на большія ярмарки, съ которыхъ привозилъ одновременно ковры, хрусталь, фарфоръ, громадныхъ рыбъ, женѣ шляпку, кучеру кушакъ, золотую табакерку съ музыкой, духи, икру и проч. Съ возвращеніемъ его, домъ нашъ, безъ него тихій, безмолвный, оживлялся и становился шуменъ; слуги бѣгали, суетились, гости толпились съ утра до вечера. Всѣ знакомые отца моего находили, что ни съ кѣмъ нельзя такъ прекрасно провести время, какъ съ нимъ и у него. Отецъ былъ очень привѣтливъ и краснорѣчивъ. Любилъ очаровывать любезностью, остроуміемъ, дивить блескомъ дома, прислугой, конскимъ заводомъ, борзой собакой, гостепріимствомъ. Онъ былъ бы счастливъ, если бы могъ посадить за свой столъ разомъ всю губернію и угостить пѣсенниками и танцовщиками такъ же, какъ ухой изъ волжскихъ стерлядей съ налимьими печенками, фисташковымъ мороженымъ — трудовъ Ѳедора Агеева, шампанскимъ и кормлеными индѣйками. Разговоры вертѣлись больше на мѣстныхъ интересахъ и забавныхъ анекдотахъ. Политическія свѣдѣнія почерпались изъ «Московскихъ Вѣдомостей», наукъ не касались, считали ихъ дѣломъ профессоровъ, не имѣющими близкой связи съ жизнью общества, и относились къ нимъ съ своего рода ироніей. Кромѣ газетъ, читались только романы; ихъ покупали почти что на пуды у купцовъ, пріѣзжавшихъ съ товарами...

(Т. Пассекъ: Воспоминанія).

Подарокъ.

Мы пробыли у дяди до конца сентября. Передъ нашимъ отъѣздомъ онъ подарилъ Вадиму дорогую верховую лошадь, по имени «Персикъ», богатое двухствольное ружье и молодого башмачника, мнѣ тысячу рублей серебромъ и двухъ дѣвушекъ, предложивши взять на выборъ изо всей дворни. Всѣ дворовыя и горничныя дѣвушки были собраны въ мою комнату, иныхъ сопровождали матери съ умоляющими взорами и заплаканными глазами. Я всѣхъ ласкала, старалась успокоить родныхъ; однѣ были веселы и просили, чтобы я взяла ихъ себѣ; другія робко говорили: «Воля ваша, матушка Татьяна Петровна, мы васъ знаемъ, у васъ обиды не будетъ, да со своими разстаться не хочется».

Дурная страница открывается въ моихъ воспоминаніяхъ, но ее надобно внести въ нихъ. Въ этомъ сознаніи наказаніе и отрадное чувство примиренія съ собой черезъ покаяніе. Больше всѣхъ дѣвушекъ мнѣ понравилась единственная дочь у матери-вдовы, я указала на нее. Мать упала мнѣ въ ноги, дѣвушка рыдала. Я ихъ утѣ-

щала, ласкала, дарила, обѣщала, что ей у меня будетъ жить лучше, чѣмъ въ деревнѣ и дѣвушку удержала, и это не казалось мнѣ безчеловѣчнымъ! Такъ крѣпостное право, забираясь въ сердца, портило чистѣйшія понятія, давая возможность удовлетворять прихоти.

Впослѣдствіи я эту дѣвушку возвратила матери, но слезы, пролитыя ими при разлукѣ, легли мнѣ на душу. «Что ты, дура, плачешь!—утѣшали избранную домашніе.—Благодари Бога да молись за молодую барыню — Москву посмотришь». Было за что молиться обо мнѣ.

Вторая дѣвушка сама упросила меня взять ее.

(Пассекъ: Воспоминанія).

Тетенька Анѳиса Порфирьевна.

М. Е. Щедринъ. (Салтыковъ).

Дѣйствительность, представившаяся моимъ глазамъ, была поистинѣ ужасна. Я съ дѣтства привыкъ къ грубымъ формамъ помѣщичьяго произвола, который выражался въ нашемъ домѣ въ формѣ сквернословія, пощечинъ, зуботычинъ и т. д., привыкъ до того, что онѣ почти не трогали меня. Но до истязанія у насъ не доходило. Тутъ же я увидалъ картину такого возмутительнаго свойства, что на минуту остановился, какъ вкопанный, не вѣря глазамъ своимъ. У конюшни, на кучѣ навоза, привязанная локтями къ столбу, стояла дѣвочка лѣтъ двѣнадцати и рвалась во всѣ стороны. Былъ уже часъ второй дня; солнце такъ и обливало несчастную своими лучами. Рои мухъ поднимались изъ навозной жижи, вились надъ ея головой и облѣпляли ея воспаленное, улитое слезами и слюною лицо. По мѣстамъ образовались

уже небольшія раны, изъ которыхъ сочилась сукровица. Дѣвочка терзалась, а тутъ же, въ двухъ шагахъ отъ нея, преспокойно гуторили два старика, какъ будто ничего необыкновеннаго въ ихъ глазахъ не происходило. Я самъ стоялъ въ нерѣшимости передъ смутнымъ ожиданіемъ отвѣтственности за непрошенное вмѣшательство,— до такой степени крѣпостная дисциплина смиряла даже въ дѣтяхъ человѣческіе порывы. Однакожъ сердце мое не выдержало; я тихонько подкрался къ столбу и протянулъ руки, чтобы развязать веревки.

— Не тронь... тетенька забранитъ... хуже будетъ! — остановила меня дѣвочка.—Вотъ лицо фартукомъ оботри... Баринъ! миленькій!..

(Щедринъ: «Пошехонская старина»).

Наказаніе крѣпостного ребенка за барчука.

В. И. Даль.

Когда я сталъ знать и помнить себя, то было мнѣ, видно, года четыре: названная мать моя, скотница въ барскомъ домѣ, колотила меня кулакомъ въ спину, приговаривая: Молись, молись, молись, не ложись спать, какъ собака . Эти слова остались въ памяти моей, и это первыя мои воспоминанія. Потомъ, года черезъ два, помню разительную перемѣну: барскіе покои; я попалъ туда со скотнаго двора по замѣчательному случаю. Одинъ изъ барчонковъ спалилъ что-то, и баринъ велѣлъ привести со двора какого-нибудь мальчишку и высѣчь въ барскихъ покояхъ при виноватомъ, въ острастку; на это, какъ безроднаго сироту, избрали меня. Помню, какъ большой, плотный дворецкій пришелъ, схватилъ меня за руку и потащилъ по двору, по лѣстницѣ; въ покояхъ поразилъ меня крикъ, шумъ, плачъ это баринъ сердился, бранилъ барчонка; барыня заступалась за него, а тотъ ревѣлъ. Я глядѣлъ на все это довольно спокойно, ничего не понимая, покуда, наконецъ, меня вдругъ, ни съ того ни съ сего, схватили, растянули и высѣкли. И я и три барчонка, мы всѣ выли въ голосъ, баринъ кричалъ, и все грозилъ одному изъ нихъ и приговаривалъ, а барыня объ эту пору, уже успокоились немного и отошли. Когда все это кончилось, баринъ спросили: Чей это головорѣзъ? И услышавъ, что я скотницынъ пріемышъ, которая уже вбѣжала въ переднюю, также ревѣла во всю глотку и кинулась барину въ ноги, то онъ,

сказавъ: «А ты чего тутъ ревешь, тебѣ какое дѣло? что онъ сынъ, что ли, твой? Ты чего пришла заступаться? Дура!»—приказалъ оставить меня въ покояхъ: пусть де привыкаетъ, наука эта не мѣшаетъ ему, пригодится, онъ будетъ бояться теперь и станетъ слушаться; потомъ пригрозилъ мнѣ и, притопнувъ ногой, выслалъ въ переднюю. Названная мать вынесла меня на рукахъ, обмыла, одѣла, успокоила и опять понесла въ барскіе покои: я снова ревѣть, на чемъ свѣтъ стоитъ; и тутъ ужъ поколотила меня и сама Катерина. Заглушивъ кулаками страхъ мой, она передала меня холопамъ въ переднюю...

(Даль: «Чайкинъ»).

Крѣпостной ребенокъ-игрушка.

И вдругъ я въ хоромахъ богатыхъ очутилась, всюду шелки да бархаты, стѣны расписныя, гвозди золоченые. Стою я середь горницы замираючи, а передо мной сидитъ на креслѣ барыня молодая, пригожая, разряженная. Сидѣла она и, глядючи на меня, усмѣхалась. Маленькая барышня, румяненькая, кудрявая, вертѣлась по комнатѣ да, смѣючись, все меня бѣленькимъ пальчикомъ затрогивала — вотъ словно какъ деревенскіе ребятишки галчатъ дразнятъ. Какъ схватили меня съ улицы и посередь горницы передъ барыней поставили, такъ и стою я да озираюсь: сердце у меня со страху закатилось. Понемножку я въ себя пришла и плакать стала, стала къ матушкѣ проситься. Барыня въ серебряный колокольчикъ зазвонила, и человѣкъ усатый вбѣжалъ. «Отнеси ее домой!» показываетъ ему барыня на меня, а барышня какъ закричитъ, какъ затопаетъ ножками!.. Барыня къ ней— цѣловать, унимать — барышня еще пуще... Выскочилъ изъ другой горницы баринъ щеголеватый... «Что? что?» Махнули на усатаго человѣка: Иди!» а меня не пустили, кусочекъ мнѣ сахару дали и велѣли: «Не плачь». Потомъ я помню безлюдное да безбрежное поле, да по полю дорогу змѣей черною, да помню свою тоску безпомощную. Послѣ уже, какъ я въ лѣта вошла, то отъ людей узнала, что и какъ было.

Увидала меня на улицѣ барышня гуляючи; я барышнѣ приглянулась. «Дай мнѣ эту дѣвочку, подари!» говоритъ она барынѣ.

Барыня ее уговаривать стала: «На что тебѣ такая замарашка, глупенькая!» Да барышня ничего слушать, знать, не хочетъ: «Дай дѣвочку!» Сама въ слезы ударилась. Вотъ и приказали меня въ хоромы привесть. Привели, да ужъ и не выпустили. А господа въ другую отчизну выѣзжали и на другой день у нихъ былъ отъѣздъ положенъ. «Хочу дѣвочку съ собою взять!» кричитъ барышня. Попробовали ее уговаривать, только слова даромъ потратили. Барышня опять расплакалась, раскричалась; погладили ее господа по головкѣ и велѣли меня въ дорогу съ собой снарядить.

Приходила къ нимъ моя матушка съ горькими слезами: «Отдайте дочку!»

— Я бъ тебѣ отдала, да барышня не отпускаетъ, очень ей твоя дочка понравилась,—отвѣтила моей матушкѣ барыня.—Ты не плачь, пожалуйста: она вѣдь скоро барышнѣ прискучитъ, дѣтямъ забава не надолго — тогда сейчасъ твою дочку мы перешлемъ къ тебѣ.

Вышла барыня изъ дѣвичьей и говоритъ своей ключницѣ любимой:

— Ахъ, какъ жалко мнѣ эту женщину! просто я на нее смотрѣть не

могу. Идите, душечка, Арина Ивановна, скажите ей что-нибудь, дайте ей вотъ денегъ.... ну, отдайте что-нибудь изъ моихъ вещей, что похуже. Только поскорѣе, чтобъ она шла себѣ, чтобъ тутъ не плакала.

Вышла Арина Ивановна къ моей матушкѣ и стала мою матушку изъ хоромъ гнать. Матушка пошла. На другой день, какъ мы ужъ выѣзжали, приходила она хоть проститься со мной — не допустили.

— Лучше ты не показывайся: раздразнишь дѣвочку и барышню еще въ слезы введешь и господъ, чего добраго, разгнѣвишь — твоей же дочкѣ жутче придется.

Матушка и не стала добиваться. Только какъ мы изъ деревни выѣзжали, она спряталась на выгонѣ въ конопли да издали на меня взглянула, поблагословила меня.

А мнѣ-то, глупой дѣвочкѣ, каково приходилось! Отъ страху, отъ слезъ задыхалась, а изъ всѣхъ дверей на меня грозятся, сверкаетъ на меня глазами ключница; барыня проплыветъ черезъ горницу, усмѣхается, покажется въ дверяхъ баринъ щеголеватый, пѣсенку себѣ насвистываетъ; прыгаетъ барышня, веселенькая,—и всѣ на меня глядятъ и всѣхъ-то я боюсь.

Путь-дорога моя ясно мнѣ помнится. Я ѣхала въ бричкѣ съ ключницей, съ Ариной Ивановной, слѣдомъ за господскою каретой. Арина Ивановна была и гнѣвна и придирчива; за мои слезы дѣтскія била меня, не позволяла мнѣ изъ брички выглянуть, и все мнѣ спать приказывала. Я, бывало, какъ встрѣчу ея глазъ черный, злобный да голосъ шипящій послышу, меня ужъ дрожь пронимаетъ. Тоска безутѣшная, страхъ безпрестанный да жаркое лѣто знойное совсѣмъ меня истомили — я захворала. Тогда меня перестали на всякомъ постоѣ къ барышнѣ на забаву таскать — боялись, что болѣзнью ее заражу, велѣли меня въ бричкѣ уложить и съ барскаго стола мнѣ подачки присылали. Бывало, ѣдемъ, ѣдемъ и укачаетъ меня, дремота нападетъ тяжелая да безпокойная, и вдругъ что-то зашумитъ, пахнетъ въ лицо прохладой; открою глаза — а то мы дубовый лѣсокъ проѣзжаемъ, и вѣетъ свѣжій вѣтерокъ, и зеленые листья шелестятъ полегоньку. Хочу приподняться: «Чего тебѣ? Куда?» прикрикнетъ Арина Ивановна... Я опять глаза закрою, и опять ѣдемъ, ѣдемъ подъ солнцемъ жаркимъ, и какая-то птица звонко-звонко кричитъ. Иногда, бывало, барышня вырвется изъ кареты, вскочитъ въ бричку и давай тормошить меня! «Вставай, вставай ты поскорѣй, мнѣ безъ тебя скучно!» Случалося, что и сама барыня подойдетъ: «А что, Арина Ивановна, что Игрушечка?» Меня, видите, Грушей звали. Говорятъ, какъ спрашивала барыня у моей матушки: «Какъ твою дочку зовутъ?» — «Грушечка», отвѣтила ей моя матушка. «Грушечка, Грушечка,— подхватила барышня,—пусть будетъ она лучше Игрушечка!» Господа посмѣялись, имъ полюбилась кличка такая. Съ той поры и стала я Игрушечка...

(Маркъ-Вовчокъ: «Игрушечка»).

Смерть ребенка.

Это было мрачное время, когда дикій звѣрь, заяцъ, цѣнился дороже жизни человѣческой. Сухановъ отправился на охоту и взялъ съ собою, въ числѣ прочей прислуги, 12-лѣтняго мальчишку. Этотъ ребенокъ не могъ оцѣнить всю важность возложенной на него обязанности — онъ просмотрѣлъ зайца. За эту вину Сухановъ ударилъ его ружейнымъ прикладомъ.

въ ногу, а когда онъ упалъ на землю, сталъ бить его пинками въ грудь и животъ, приговаривая: «Издыхай скорѣе». Мальчикъ остался на землѣ, а по окончаніи охоты Сухановъ сначала посадилъ его съ собою на дрожки, но такъ какъ онъ отъ слабости сидѣть не могъ, то Сухановъ столкнулъ его съ дрожекъ, высказавъ: «Ну, издыхай скорѣй!» Съ помощью другихъ лицъ мальчика кое-какъ довели домой, гдѣ онъ дня два проболѣлъ и умеръ. До священника дошли слухи о совершенномъ злодѣйствѣ, онъ отказался хоронить умершаго, потребовалось участіе властей. Врачъ и засѣдатель по обыкновенію пріѣхали черезъ недѣлю, когда тѣло, будучи въ теплой избѣ, достаточно уже разложилось, признаковъ побоевъ не открыли, хотя бывшіе при осмотрѣ понятые и указывали «на животѣ синія по обѣ стороны въ ладонь пятна». На это замѣчаніе стряпчій съ крикомъ и бранью отвѣчалъ имъ: «Развѣ вы не видите, что болѣзнь его испортила!» А когда крестьянинъ Петровъ тоже указывалъ на это мѣсто, то засѣдатель закричалъ на него: «Ты здѣсь доказываешь, а недоимки не платишь!» ударилъ его по щекѣ, а по окончаніи осмотра отправилъ въ сарай и велѣлъ выпороть. Самъ Сухановъ принялъ и другія мѣры, частью устрашающія, частью подкупающія. Всѣмъ крестьянамъ, знавшимъ и видѣвшимъ событіе, строго было приказано молчать, подъ опасеніемъ «содрать шкуру» за обнаруженіе истины. Матери покойнаго было внушено то же, частью подъ опасеніемъ угрозы, а частью съ обѣщаніемъ выгодъ...

Дѣло было замято.

(Повалишинъ: «Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные»).

Нравственный человѣкъ.

Отрывокъ.

Крестьянина я отдалъ въ повара:
Онъ удался; хорошій поваръ—счастье!
Но часто отлучался со двора
И званью неприличное пристрастье
Имѣлъ: любилъ читать и разсуждать.
Я, утомясь грозить и распекать,
Отечески посѣкъ его, каналью;
Онъ взялъ да утопился: дурь нашла!
Живя согласно съ строгою моралью,
Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла...

(Некрасовъ).

Наказаніе крѣпостныхъ дѣвокъ.

У насъ до сихъ поръ еще живетъ въ деревнѣ одна дворовая женщина Фіона—ровесница Кукушки [1]) и въ дни своей молодости «ходила» за ней. Такъ вотъ она еще недавно мнѣ какъ-то разсказывала, что рука у Кукушки была, дѣйствительно, не тяжелая.

- Изволятъ онѣ разгнѣваться и начнутъ ручками драться. Я-то была дѣвка толстая, сырая — ничего онѣ мнѣ подѣлать и не могутъ. Такъ ужъ все больше, бывало, булавками. Возьмутъ въ обѣ ручки по булавкѣ, да и колятъ въ спину, въ грудь и во всякое мѣсто.

— А ты стоишь и молчишь?

— А что жъ будешь дѣлать?..

Въ этомъ отношеніи она была преизобрѣтательная. Такъ, она придумала казнь индюками. Былъ у нея, какъ и у всѣхъ въ то время, цѣлый штабъ разныхъ горничныхъ, кружевницъ,

[1]) Прозвище барыни.

вышивальщицъ и проч. Провинится какая—сейчасъ ее она велитъ раздѣть до гола, руки и ноги связать и положить на землю. Потомъ покроютъ ее простыней, а сверхъ простыни всю обсыпятъ рожью или пшеницей. Когда это все готово, пустятъ цѣлое стадо индѣекъ. Индѣйки клюютъ зерна, долбятъ носами и при этомъ щиплятъ тѣло сквозь простыню.

— И тебя, Фіона, клевали индюшки?

— А то какъ же? Развѣ я была заповѣдная какая? И меня клевали...

— Вѣдь это же ужасная боль.

— А то развѣ легко? Кричишь благимъ матомъ. Вѣдь потомъ какъ развяжутъ, да встанешь — вся въ синякахъ... А то и до крови иной разъ исщиплятъ. Носы-то у индюшекъ, изволите знать сами, какіе: какъ гвозди. Какъ же не будетъ больно.

— А она при себѣ это дѣлала?

— При себѣ-съ. Дѣвку положатъ на траву передъ окнами, а сами сидятъ у себя въ креслѣ и чай кушаютъ...

(С. Атава: «Кукушка».)

Наказанія крѣпостныхъ.

Законъ, предоставивъ помѣщику обширное право опредѣлять составъ преступленія, допустилъ совершенный произволъ въ отношеніяхъ помѣщика къ крестьянамъ, поэтому нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что уже сами помѣщики, считая недостаточными тѣ роды наказанія, которыя точно опредѣлены въ законѣ, изобрѣли свои особыя наказанія, которыя по ихъ мнѣнію соотвѣтствовали своему назначенію, каковы—употребленіе желѣзныхъ цѣпей, рогатки, цѣпного стула. Рогатка изобрѣтена съ цѣлью не давать возможности прилечь, поэтому она употреблялась не только, какъ наказаніе, но и какъ средство, контролирующее исправную работу... При земляныхъ работахъ, говоритъ Кошелевъ, чтобы работники не могли ложиться для отдыха, Чулковъ надѣвалъ на нихъ особаго устройства рогатки, въ которыхъ они и работали. Цѣпной стулъ не давалъ возможности ходить, ибо виновный приковывался цѣпями къ деревянному чурбану, на которомъ могъ только сидѣть, а въ случаѣ желанія ходить долженъ былъ всю тяжесть чурбана нести на себѣ. Помѣщики Польскіе дворовую дѣвку Михееву посадили на цѣпь, къ коей прикрѣпленъ былъ обрубокъ дерева, вѣсомъ фунтовъ въ тридцать, а дѣвку Ефремову—въ желѣзную рогатку, вѣсомъ въ восемь фунтовъ, и держали такъ первую четыре, а послѣднюю двѣ недѣли, и въ продолженіе этого времени онѣ выпрядывали въ недѣлю каждая по три тальки нитокъ, получая въ содержаніе хлѣбъ и воду. Управляющій Григорова, вольноотпущенный Лѣтонищевъ, жестоко наказывалъ крестьянъ: двухъ изъ нихъ побилъ палками, они бѣжали въ Рязань съ жалобой къ губернатору, а когда возвратились домой, то за самовольную отлучку на одного изъ нихъ былъ надѣтъ цѣпной стулъ, а другой—закованъ въ ножныя желѣзы... Вотъ отдѣльные виды преступленій и проступковъ крестьянъ помѣщика Терскаго и наложенныя послѣднимъ наказанія за нихъ. За непріобрѣтеніе лошадиной скребницы — розги; за чистку лошади въ конюшнѣ, тогда какъ было приказано чистить на дворѣ,—розги; за взятіе безъ позволенія для топки печей крупныхъ дровъ—палки; не вычищена лошадь—розги; въ саду была накошена для лошадей трава, изъ коей было приказано отобрать вредный, дурной цвѣ-

токъ, приказаніе не исполнено—палки; за подозрѣніе въ кражѣ муки подозрѣваемый побитъ скалкою; было приказано сказать кучеру принести попоны, вышло замедленіе, исполнитель приказанія и кучеръ — оба побиты серебряною табакеркою; за самовольную отлучку ночью на свадьбу—розги; за недонесеніе о томъ, что охромѣлъ жеребенокъ,—побитъ деревяжкою отъ грабель; за оказавшуюся въ парникахъ нечистоту наложена въ рубашку и портки крапива, съ которою виновный ходилъ цѣлый день. Нужно замѣтить, что Терскій совсѣмъ не былъ жестокій помѣщикъ; крестьяне его содержаніемъ были довольны, помѣщикъ помогалъ имъ, выдавалъ и лошадей, и зерно, и деньги; помѣщикъ былъ только строгъ и требователенъ.

Помѣщикъ Чулковъ за неисправности сажалъ людей въ башню и кормилъ ихъ селедками, не давая имъ притомъ пить. Если кто изъ людей бѣжалъ, то пойманнаго приковывали цѣпью къ столбу.

Вотъ наказаніе, примѣняемое приказчикомъ въ имѣніи Тарасенко-Отрѣшкова, Потапомъ Матвѣевымъ, для виновныхъ бабъ. Провинившіяся бабы устанавливались въ рядъ, противъ вѣтра, и должны были взбрасывать кверху лопатами груды мелкаго, сыпучаго снѣгу. Взвѣваемый на вѣтеръ мелкій снѣгъ такъ мучительно набивался вѣяльницамъ въ уши, въ глаза, въ ноздри, въ ротъ, что онѣ скорехонько безъ чувствъ падали на землю.

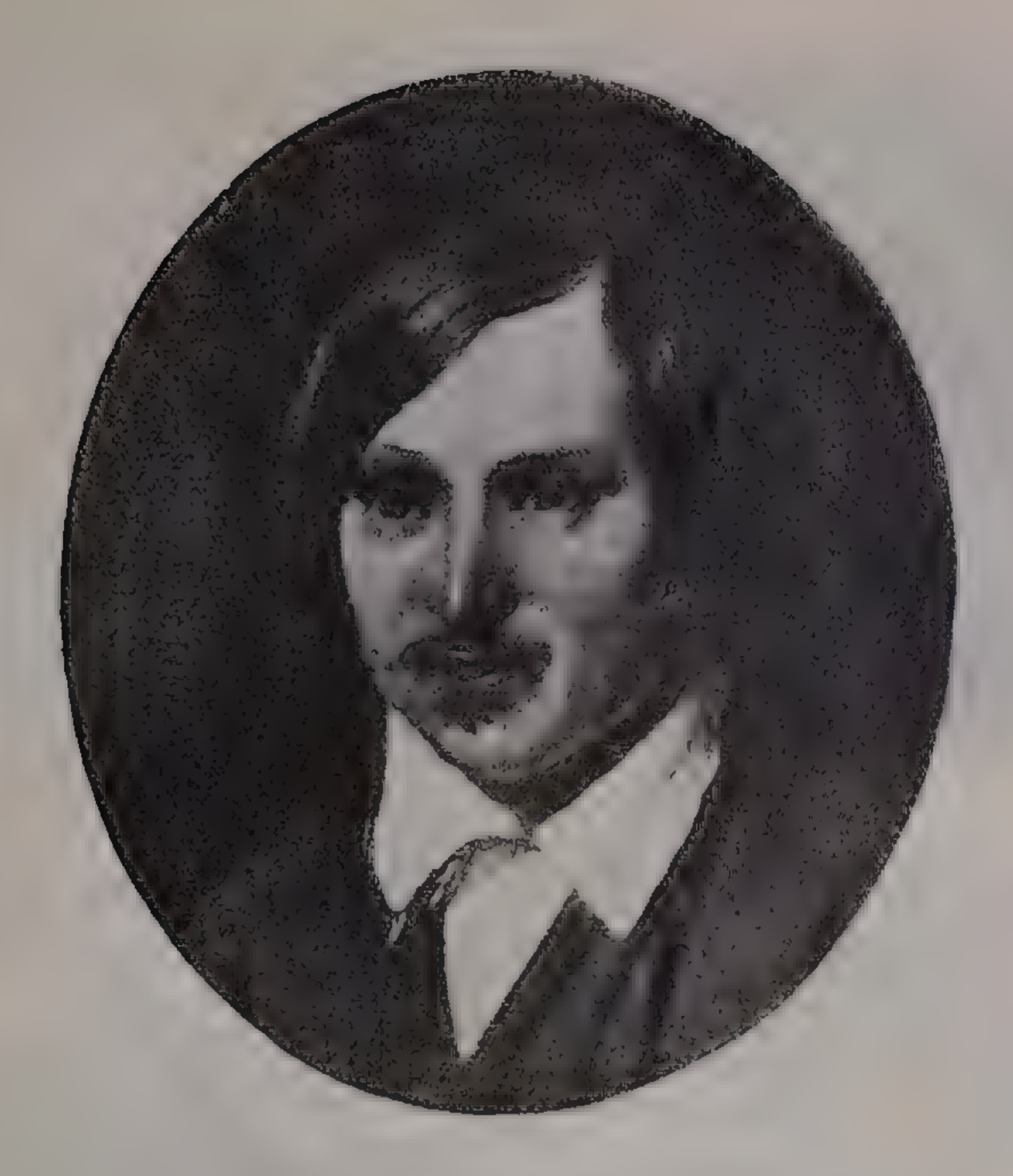
(Повалишинъ: «Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные»).

Плюшкинъ.

Покамѣстъ Чичиковъ думалъ, онъ не замѣтилъ, какъ въѣхалъ въ средину обширнаго села, со множествомъ избъ и улицъ... Какую-то особенную ветхость замѣтилъ онъ на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ: бревно на избахъ было темно и старо; многія крыши сквозили, какъ рѣшето; на иныхъ оставался только конекъ вверху, да жерди по сторонамъ въ видѣ ребръ...

Окна въ избенкахъ были безъ стеколъ, иныя были заткнуты тряпкой или зипуномъ; балкончики подъ крышами съ перилами, неизвѣстно для какихъ причинъ дѣлаемые въ иныхъ русскихъ избахъ, покосились и почернѣли даже не живописно. Изъ-за избъ тянулись во многихъ мѣстахъ рядами огромныя клади хлѣба, застоявшіяся, какъ видно, долго; цвѣтомъ походили онѣ на старый, плохо выжженный кирпичъ, на верхушкѣ ихъ росла всякая дрянь, и даже прицѣпился съ боку кустарникъ. Хлѣбъ, какъ видно, былъ господскій. Изъ-за хлѣбныхъ кладей и ветхихъ крышъ возносились и мелькали на чистомъ воздухѣ то справа, то слѣва, по мѣрѣ того, какъ бричка дѣлала повороты, двѣ сельскія церкви, одна возлѣ другой—опустѣвшая деревянная и каменная, съ желтенькими стѣнами, испятнанная, истрескавшаяся. Частями сталъ выказываться господскій домъ и, наконецъ, глянулъ весь въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь избъ прервалась, и на мѣсто ихъ остался пустыремъ огородъ или капустникъ, обнесенный низкою, мѣстами изломанною городьбою. Какимъ-то дряхлымъ инвалидомъ глядѣлъ сей странный замокъ, длинный, длинный непомѣрно...

Изъ оконъ только два были открыты, прочія были заставлены ставнями или даже забиты досками. Эти два окна, съ своей стороны, были тоже подслѣповаты; на одномъ изъ нихъ темнѣлъ

Н. В. Гоголь

наклеенный треугольникъ изъ синей сахарной бумаги...

Зеленая плѣсень уже покрыла ветхое дерево на оградѣ и воротахъ. Толпа строеній, — людскихъ, амбаровъ, погребовъ,—видимо ветшавшихъ, наполняла дворъ; возлѣ нихъ направо и налѣво видны были ворота въ другіе дворы. Все говорило, что здѣсь когда-то хозяйство текло въ обширномъ размѣрѣ, и все глядѣло нынѣ пасмурно...

У одного изъ строеній Чичиковъ скоро замѣтилъ какую-то фигуру, которая начала вздорить съ мужикомъ, пріѣхавшимъ на телѣгѣ.

Долго онъ не могъ распознать, какого пола была фигура—баба или мужикъ. Платье на ней было совершенно неопредѣленное, похожее очень на женскій капотъ; на головѣ колпакъ, какой носятъ деревенскія дворовыя бабы; только одинъ голосъ показался ему нѣсколько сиплымъ для женщины. «Конечно, баба!» наконецъ сказалъ онъ, разсмотрѣвъ попристальнѣе.

Фигура, съ своей стороны, глядѣла на него тоже пристально. Казалось, гость былъ для нея въ диковинку, потому что обсмотрѣла не только его, но и Селифана и лошадей, начиная

Деревня.

съ хвоста и до морды. По висѣвшимъ у ней за поясомъ ключамъ и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиковъ заключилъ, что это, вѣрно, ключница.

— Послушай, матушка, — сказалъ онъ, выходя изъ брички: — что баринъ?..

— Нѣтъ дома,— прервала ключница, не дожидаясь окончанія вопроса, и потомъ, спустя минуту, прибавила:— А что вамъ нужно?

— Есть дѣло.

— Идите въ комнаты!—сказала ключница, отворотившись и показавъ ему спину, запачканную мукою, съ большей прорѣхою пониже...

Пока онъ разсматривалъ все странное убранство комнаты, отворилась боковая дверь, и взошла та же самая ключница, которую встрѣтилъ онъ на дворѣ. Но тутъ увидѣлъ онъ, что это былъ скорѣе ключникъ, чѣмъ ключница; ключница, по крайней мѣрѣ, не бреетъ бороды, а этотъ, напротивъ того, брилъ, и, казалось, довольно рѣдко, потому что весь подбородокъ съ нижней частью щеки походилъ у него на скребницу изъ желѣзной проволоки, какою чистятъ на конюшнѣ лошадей. Чичиковъ, давши вопросительное выраженіе лицу своему, ожидалъ съ нетерпѣніемъ, что хочетъ сказать ему ключникъ. Ключникъ тоже, съ своей стороны, ожидалъ, что хочетъ ему сказать Чичиковъ. Наконецъ послѣдній, удивленный такимъ страннымъ недоумѣніемъ, рѣшился спросить:

— Что жъ баринъ? У себя, что ли?

— Здѣсь хозяинъ, — сказалъ ключникъ.

— Гдѣ же?—повторилъ Чичиковъ.

— Что, батюшка, слѣпы-то, что ли?— сказалъ ключникъ.—Эхва! А вить хозяинъ-то я!

Здѣсь герой нашъ поневолѣ отступилъ назадъ и поглядѣлъ на него пристально. Ему случалось видѣть не мало всякаго рода людей... но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго...

Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Никакими средствами и стараньями нельзя бы докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади, вмѣсто двухъ, болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, подвязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстукъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его такъ принаряженнаго гдѣ-нибудь у церковныхъ

дверей, то, вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ, ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно, и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но предъ нимъ стоялъ не нищій, предъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого другого столько хлѣба, зерномъ, мукою и, просто, въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушилы загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной.

Крестьянское гумно.

Заглянулъ бы кто-нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда не употреблявшейся,—ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ-нибудь въ Москву на щепной дворъ... На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него; но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ,—все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу,

Плюшкинъ. (Рис. Боклевскаго).

которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. «Вонъ, уже рыболовъ пошелъ на охоту!» говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И, въ самомъ дѣлѣ, послѣ него не зачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору,— шпора эта мигомъ отправилась въ извѣстную кучу; если баба, какъ-нибудь зазѣвавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то, у того-то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко, и все это клалъ на бюро или на окошко.

(Гоголь: «Мертвыя души»).

Изъ записокъ сельскаго священника.

Дѣвушка съ теленкомъ. (Карт. Венеціанова).

Ч..., какъ и К..., своихъ рукъ не маралъ о мужицкое рыло, но и не отвлекатъ, какъ тотъ, своихъ кучеровъ отъ ихъ прямыхъ обязанностей Расправу съ крестьянами онъ дѣлалъ еще проще: онъ надрессировалъ свою лягавую собаку такъ, что она рвала всякаго, на кого онъ притравитъ, и рвала такъ, какъ онъ скажетъ, кого за икры, а кого повыше. Лишь только какое-нибудь преступленіе—сейчасъ собака рвать: пашетъ мужикъ мелко — собака; коситъ не чисто — собака: укралъ что-нибудь мужикъ у барина — собака. Но если случались важныя преступленія, возбуждающія весь барскій гнѣвъ, тогда онъ поролъ, а собака уже на загладку. Однажды одинъ изъ дворовыхъ его людей, и вдобавокъ

живописецъ, уѣхалъ въ сосѣднее село на базаръ, не спросясь барина. Баринъ велѣлъ раздѣть его донага, вывести на средину двора, подать себѣ кресло и начать сѣчь... И плечи, и руки, и ноги, и спина все было изсѣчено; человѣкъ весь облитъ былъ кровью. Баринъ велѣлъ перестать сѣчь и заставилъ его итти домой. Едва живой, поплелся было несчастный, но баринъ натравилъ собаку, и та, тутъ же на мѣстѣ, изорвала его до смерти. Священникъ не сталъ хоронить.

Въ сосѣднемъ селѣ былъ священникомъ нѣкто Аѳанасій Ремезовъ.

Мужчина Ремезовъ былъ здоровенный, силачъ и озорникъ, какихъ мало. Впослѣдствіи, за то, что онъ разбивалъ кабаки и дѣлалъ фальшивыя деньги, его сослали въ каторгу. Три раза онъ оттуда бѣгалъ, пойманъ былъ на разбоѣ и винился въ душегубствѣ. Незадолго передъ тѣмъ временемъ, какъ Ч... затравилъ человѣка, Ремезовъ былъ переведенъ въ сосѣднее село. Услышавши, что баринъ въ несчастіи, что попъ не хоронитъ загрызеннаго собакой, онъ пріѣзжаетъ въ Л... и отправляется къ барину.

— Вы засѣкли Митьку? Андрей (священникъ) не хоронитъ? Хочешь, баринъ, коль Андрей не хоронитъ, такъ старый твой другъ Аѳанасій похоронитъ?

— Сдѣлай милость, схорони! Что возьмешь?

— Сто рублей.

А сто рублей тогда стоили много больше, чѣмъ нынѣшняя тысяча. Баринъ зналъ, что Аѳанасій молодецъ на всѣ руки, радъ случаю избавиться отъ бѣды, недолго думая и вынесъ ему мѣшокъ цѣлковыхъ. Аѳанасій взялъ деньги и говоритъ:

— Кладите въ гробъ, а я сейчасъ пойду возьму ризы и кадило!

Положили покойника въ гробъ, собрался народъ, пришелъ баринъ, ждутъ попа, а попа нѣтъ. Ждали, ждали, наконецъ, баринъ посылаетъ за нимъ на постоялый дворъ. Но хозяинъ двора говоритъ, что попъ Аѳанасій давнымъ-давно уѣхалъ, что онъ, какъ пришелъ отъ барина, то не входилъ и въ избу,— сейчасъ запрягъ лошадь, да и съѣхалъ задними воротами и, чай, давно ужъ пьянствуетъ въ своемъ кабакѣ. Такъ сто рублей и пропало. Собаку баринъ до того любилъ и такимъ считалъ ее охранителемъ, что не разставался съ ней ни днемъ ни ночью.

Затянулось слѣдствіе. Слѣдователи велѣли барину убить собаку. Разорился баринъ, но все-таки оправдался. Послѣ этого баринъ сѣкъ, накрывши тонкимъ мокрымъ полотномъ. Но, черезъ годъ, опять засѣкъ. На этотъ разъ свидѣтели дали такое почти показаніе, что мужикъ самъ себя засѣкъ, и баринъ остался совершенно чистъ. Немного спустя онъ засѣкъ третьяго. Но тутъ онъ вину свалилъ на старосту; старосту сослали въ Сибирь, и баринъ остался правъ.

Жена его, Арина Петровна, была тоже ягода!—на каждомъ шагу, каждую минуту она шипѣла, щипала и рвала дворовыхъ бабъ и дѣвокъ. Иногда она разозлится, шлепнется на стулъ, протянетъ ногу: «Разувай, дай башмакъ, становись на колѣни, заложь руки назадъ!» и начнетъ башмакомъ хлестать по лицу! Видъ крови приводилъ ее въ совершенное бѣшенство: какъ только увидитъ, что изъ носу, изо рта или ушей полила кровь, — она вскочитъ и, ужъ безъ памяти, рветъ щеки и губы и волосы; повалитъ и, какъ звѣрь, начнетъ и мять, и рвать все, что подъ ней, щиплетъ, хлещетъ, рветъ; сама растреплется, раскосматится, въ внозѣ разорветъ все и на себѣ, у рта пѣна, слюни брызжутъ,—

полнѣйшее бѣшенство! Оторвется ужъ только тогда, когда сама выбьется изъ силъ и упадетъ на стулъ совсѣмъ обезсилѣвши. Откинется на стулъ, а сама только: «А! а! а!..» Въ подобномъ состояніи мнѣ не разъ приводилось бокомъ, раскинулась и, въ совершенномъ изнеможеніи, охаетъ: «Охъ! а! измаялась я съ тобой!..» А въ сторонкѣ стоитъ женщина, коровница Пелагея, вся изорванная, и надрывается, плачетъ.

Фельдъегерь. (Рис. Орловскаго).

видѣть любителей париться: наподдастъ иной такой въ банѣ чуть не до воспламененія, залѣзетъ на полокъ и лупитъ себя вѣникомъ до неистовства, свалится, потомъ на полъ или лавку, охаетъ и мечется во всѣ стороны. Такъ бывало и съ Ариной Петровной. Въ такой именно моментъ пришла однажды къ ней моя матушка. Арина Петровна, растрепанная, съ оторваннымъ у платья

Послѣ третьяго забитаго мужика Ч... уѣхалъ въ Казань покупать другое имѣніе. Безъ него его барыня сѣкла мужика до того, что онъ не всталъ и съ мѣста, такъ подъ розгами и померъ. Порастрясли суды и барыню, но все-таки оправдали. При моемъ уже батюшкѣ она предана была церковному покаянію...

Исправникъ.

Подъ самымъ нашимъ городомъ, такъ верстахъ въ пяти отъ него, стояла, и не такъ еще давно, очень скромная, запущенная, даже похилившаяся усадьба, какія прежде обыкновенно бывали у помѣщиковъ, владѣвшихъ пятьюдесятью, шестьюдесятью душами... Въ усадьбѣ, о которой идетъ рѣчь, жилъ именно такой мелкопомѣстный баринъ Михаилъ Михайлычъ Полѣнинъ. Какъ сталъ я себя помнить — помню и его исправникомъ. Это былъ типъ тогдашнихъ исправниковъ. По первому зову помѣщика онъ летѣлъ къ нему въ имѣніе и усмирялъ. Обыкновенно эти усмиренія состояли въ томъ, что Михаилъ Михайлычъ, въ тарантасѣ съ колокольчикомъ, бубенчиками, съ разсыльнымъ на козлахъ, какъ угорѣлый, подкатывалъ къ дому, саженъ за двадцать еще крича во все горло съ побагровѣвшимъ лицомъ: «Подайте мнѣ «его» сюда!..» «Его» «подавали». Михаилъ Михайлычъ, ничего не разспрашивая, ничего не узнавая, съ ужаснымъ сквернословіемъ накидывался на виновника своего безпокойства, вышибалъ ему нѣсколько зубовъ, въ кровь разбивалъ носъ и самъ чуть не замертво падалъ тутъ же. Затѣмъ, разсыльный, при помощи лакеевъ, вносилъ его въ кабинетъ, ставилъ ему куда-то горчичникъ, надѣвалъ чистое бѣлье и, черезъ полчаса, Михаилъ Михайлычъ ужъ совершенно спокойно сидѣлъ и пилъ чай съ лимономъ, немилосердно дымя трубкой. Въ то блаженное время такая собачья способность по заказу приходить въ ярость и уродовать человѣка, ни за что ни про что, и притомъ человѣка, котораго никогда прежде и въ глаза не видывалъ,—была присуща почти всѣмъ опытнымъ исправникамъ и на выборахъ (исправники тогда были выбранные дворянами) цѣнилась особенно высоко. Оттого его и выбирали постоянно, безъ перерыва, вплоть до самой его смерти. Но внѣ этой способности и дѣятельности, онъ былъ очень добрый человѣкъ и до тошноты радушный хозяинъ. Хотя въ то время исправники съ помѣщиковъ, кромѣ исключительныхъ и рѣдкихъ случаевъ, взятокъ не брали, вполнѣ довольствуясь данью съ откупщика, государственныхъ крестьянъ, раскольниковъ и приношеніями «гражданъ», т.-е. мѣщанъ и купцовъ, но и несмотря на это, они жили на широкую ногу. Такая осетрина, такая селянка и такая икра, какъ у исправника, подавались, кромѣ предводителя, только у откупщика, городничаго да у городского головы...

Такихъ же точно нравовъ и взглядовъ, разумѣется, держался и Михаилъ Михайлычъ. Оттого у него въ «Жеребячьемъ» — такъ называлось его имѣніе — постоянно была, что называется, не толченная труба: туда съѣзжались и въ карты играть, и удивительную икру ѣсть, и удивительныя наливки пить, и любоваться, наконецъ, удивительной красотой мелкопсовыхъ борзыхъ излюбленной смуругой масти...

— Да, такого другого исправника у насъ ужъ не будетъ, — говорили мы потомъ, вспоминая его...

(С. Атава).

Мих. Макс. Куролесовъ.

Мало-по-малу стали распространяться и усиливаться слухи, что майоръ (М. М. Куролесовъ) не только строгонекъ, какъ говорили прежде, но и жестокъ, что, забравшись въ свои деревни, особенно въ Уфимскую, онъ пьетъ и развратничаетъ, что тамъ у него набрана уже своя компанія, пьянствуя съ которой, онъ доходитъ до неистовствъ всякаго рода, что главная бѣда: въ пьяномъ видѣ немилосердно дерется безо всякаго резону, и что уже два, три человѣка пошли на тотъ свѣтъ отъ его побоевъ; что исправники и судьи обоихъ уѣздовъ, гдѣ находились его новыя деревни, всѣ на его сторонѣ, что однихъ онъ задарилъ, другихъ запоилъ, а всѣхъ запугалъ; что мелкіе чиновники и дворяне передъ нимъ дрожкой дрожатъ, потому что онъ всякаго, кто осмѣливался дѣлать и говорить не по немъ, хваталъ среди бѣла дня, сажалъ въ погреба или овинныя ямы и морилъ холодомъ и голодомъ, на хлѣбѣ да на водѣ, а нѣкоторыхъ безъ церемоніи диралъ немилосердно какими-то кошками [1]). Слухи были не только справедливы, но слишкомъ умѣренны; дѣйствительность далеко превосходила робкую молву. Кровожадная натура Куролесова, воспламеняемая до бѣшенства спиртными парами, развилась на свободѣ во всей своей полнотѣ и представила одно изъ тѣхъ страшныхъ явленій, отъ которыхъ содрогается и которыми гнушается человѣчество. Это ужасное соединеніе инстинкта тигра съ разумностью человѣка...

Приближенная къ Прасковьѣ Ивановнѣ [2]) прислуга, особенно одинъ старикъ, любимецъ покойнаго ея отца, и старуха, ея нянька, которыхъ преимущественно жаловала госпожа, но съ которыми, вопреки тогдашнимъ обычаямъ, не входила она въ короткія сношенія, также ничего не могли сдѣлать. Старику и старухѣ, о которыхъ я сейчасъ сказалъ, была кровная нужда, чтобъ ихъ барыня узнала настоящую правду о своемъ супругѣ: близкіе родные ихъ, находившіеся въ прислугѣ у барина, невыносимо страдали отъ жестокости своего господина. Наконецъ старикъ и старуха рѣшились разсказать барынѣ все, и, улучивъ время, когда Прасковья Ивановна была одна, вошли къ ней оба; но только вырвалось у старушки имя Михайлы Максимовича, какъ Прасковья Ивановна до того разгнѣвалась, что вышла изъ себя; она сказала своей нянѣ, что если она когда-нибудь разинетъ ротъ о баринѣ, то болѣе никогда ее не увидитъ и будетъ сослана на вѣчное житье въ Парашино. Такимъ образомъ прекращены были всѣ пути къ доносу на Михайлу Максимовича и заткнуты всѣ рты. Прасковья Ивановна вѣрила безусловно своему мужу и любила его...

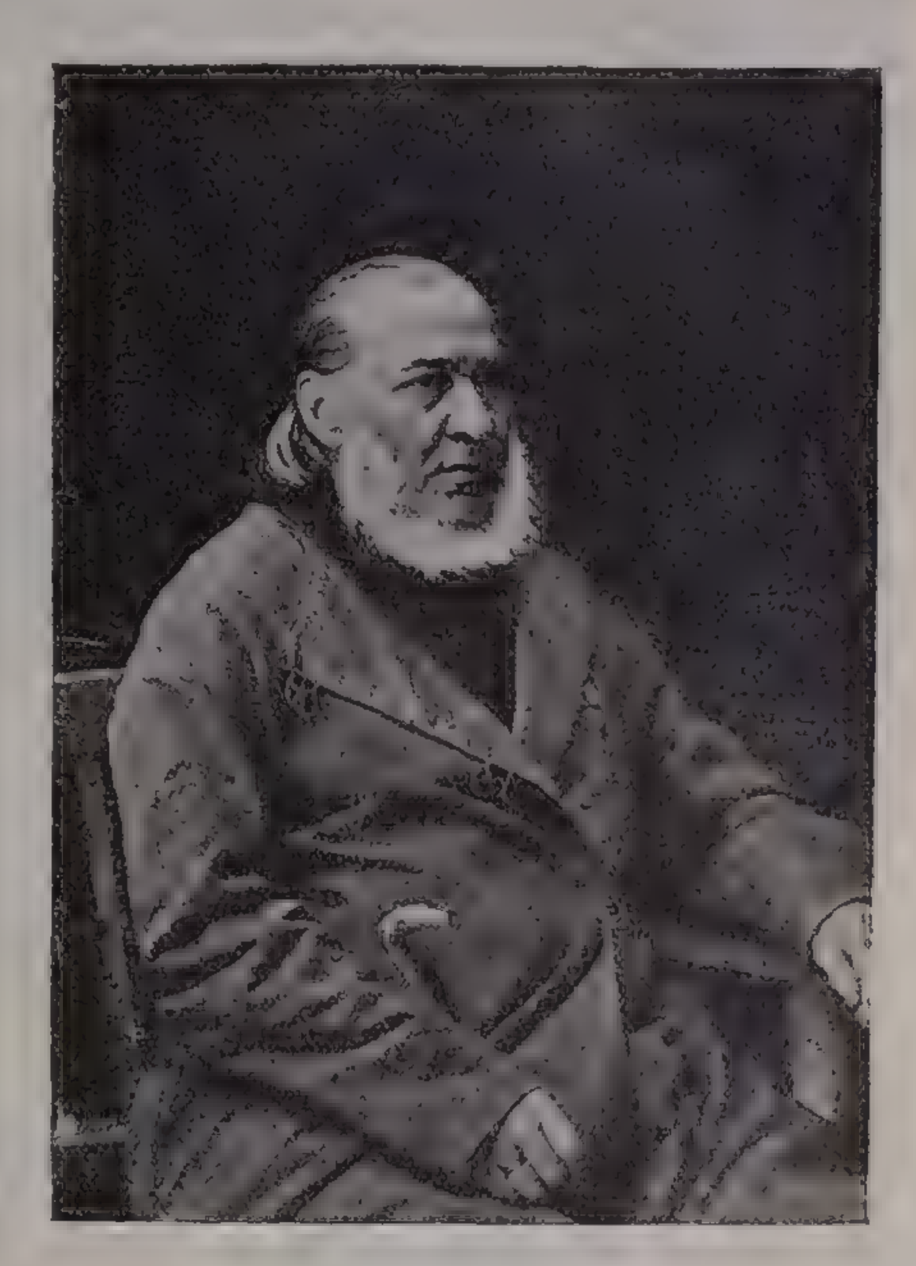
Такъ протекло нѣсколько лѣтъ. Михайла Максимовичъ предавался на свободѣ своимъ наклонностямъ, быстро развивался и, наконецъ, началъ совершать безнаказанно неслыханныя дѣла. Я не стану разсказывать подробно, какую жизнь велъ онъ въ своихъ деревняхъ, особенно въ Парашинѣ, а также въ уѣздныхъ городишкахъ, это была бы самая отвра-

[1]) Кошки были любимымъ орудіемъ наказанія у Михайлы Максимовича. Это не что иное, какъ ременныя плети, оканчивающіяся семью хвостами изъ сыромятной кожи, съ узлами на концѣ каждаго хвоста.

[2]) Жена Куролесова.

тительная повѣсть. Я скажу только то, что необходимо для полученія настоящаго понятія объ этомъ страшномъ человѣкѣ. Первые годы, занимаясь устройствомъ жениныхъ имѣній, можно сказать съ самозабвеніемъ, онъ могъ назваться самымъ умнымъ, дѣятельнымъ и попечительнымъ хозяиномъ. Всѣми безконечно разнообразными и тяжелыми заботами и хлопотами, соединенными съ дальнимъ переселеніемъ крестьянъ и водвореніемъ ихъ на мѣстахъ новаго жительства, Михайла Максимовичъ неусыпно занимался самъ, постоянно имѣя въ виду одно: благосостояніе крестьянъ. Онъ умѣлъ не жалѣть денегъ, гдѣ нужно было, смотрѣлъ, чтобы онѣ доходили до рукъ во-время, въ мѣру, и предупреждалъ всякія надобности и нужды переселенцевъ. Самъ выпроваживалъ ихъ со старины, самъ ѣхалъ съ ними большую часть дороги и самъ встрѣчалъ ихъ на новосельѣ, снабженномъ всѣмъ для ихъ пріема и помѣщенія. Правда, онъ былъ слишкомъ строгъ, жестокъ въ наказаніи виноватыхъ, но справедливъ въ разборѣ винъ и не ставилъ крестьянину всякаго лыка въ строку; онъ позволялъ себѣ отъ времени до времени гульнуть, потѣшиться денекъ, другой, завернуть куда-нибудь въ сторонку, но хмель и буйство скоро слетали съ него, какъ съ гуся вода, и съ новой бодростію являлся онъ къ своему дѣлу.

Да, дѣло лежало у него на плечахъ, занимало его умственныя способности и не давало ему предаться пагубному пьянству, которое отнимало у него умъ, снимало узду съ его страстей чудовищныхъ, безчеловѣчныхъ. Да, дѣло спасало его. Когда же онъ привелъ въ порядокъ обѣ новыя деревни: Куролесово и Парашино, устроилъ въ нихъ господскія усадьбы съ флигелями, а въ Парашинѣ небольшой помѣщичій домъ, когда у него стало мало дѣла и много свободнаго времени, — пьянство, съ его обыкновенными послѣдствіями, и буйство совершенно овладѣли имъ, а всегдашняя жестокость мало-по-малу превратилась въ неутолимую жажду мукъ и крови человѣческой. Избалованный страхомъ

С. Т. Аксаковъ.

и покорностью всѣхъ его окружающихъ людей, онъ скоро забылся и перестал знать мѣру своему бѣшеному своеволію. Онъ выбралъ себѣ изъ дворовыхъ и даже изъ крестьянъ десятка полтора головорѣзовъ, достойныхъ исполнителей его воли, и образовалъ изъ нихъ шайку разбойниковъ. Видя, что барину все сходило съ рукъ, они повѣрили его могуществу, и сами, пьяные и развратные, охотно и смѣло исполняли всѣ его безумныя приказанія. Досаждалъ ли кто Михайлѣ Максимовичу непокорнымъ словомъ или поступкомъ, напримѣръ, даже хотя тѣмъ, что не пріѣхалъ въ назначенное время на его пьяные пиры,—сейчасъ, по знаку своего барина, скакали они къ провинившемуся, хватали его тайно или явно, гдѣ бы онъ ни попался, привозили къ Михайлѣ Максимовичу, позорили, сажали въ подвалъ въ кандалы или сѣкли по его приказанію. Михайла Максимовичъ очень любилъ хорошія вещи, хорошихъ лошадей и любилъ, какъ украшеніе дома, хорошія, по его мнѣнію, картины. Если что-нибудь подобное нравилось ему въ домѣ своего сосѣда или просто въ томъ домѣ, гдѣ ему случалось быть, то онъ сейчасъ предлагалъ хозяину помѣняться; въ случаѣ несогласія его, онъ иногда предлагалъ деньги, если былъ въ хорошемъ духѣ; если и тутъ хозяинъ упрямился, то Михайла Максимовичъ предупреждалъ его, что возьметъ даромъ. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько времени являлся онъ съ своей шайкой, забиралъ все, что ему угодно, и увозилъ къ себѣ; на него жаловались, предписывали произвести слѣдствіе, но Михайла Максимовичъ съ перваго разу приказалъ сказать земскому суду, что обдеретъ кошками того изъ чиновниковъ, который покажетъ ему глаза, и, оставался правъ, а челобитчикъ между тѣмъ былъ схваченъ и высѣченъ, иногда въ собственномъ его имѣніи, въ собственномъ домѣ, посреди семейства, которое валялось въ ногахъ и просило помилованія виноватому. Бывали насилія и похуже, и также не имѣли никакихъ послѣдствій. Черезъ нѣсколько времени Михайла Максимовичъ мирился съ обиженными, удовлетворяя ихъ иногда деньгами, а чаще привлекая къ миру страхомъ, но похищенное добро оставалось его законною собственностью. Пируя съ гостями, онъ любилъ хвастаться, что «вотъ эту красотку въ золотыхъ рамахъ» отнялъ у такого-то господина, а это бюро съ бронзой у такого-то,—и всѣ эти такіе-то господа нерѣдко пировали тутъ же и притворялись, что не слышатъ словъ хозяина или, скрѣпя сердце, сами смѣялись надъ собою. Михайла Максимовичъ имѣлъ удивительно крѣпкое сложеніе; онъ пилъ много, но никогда не напивался до положенія ризъ, какъ говорится; хмель не валялъ его съ ногъ, а поднималъ его на ноги и возбуждалъ страшную дѣятельность въ его отуманенномъ умѣ, въ его разгоряченномъ тѣлѣ. Любимымъ его наслажденіемъ было — заложить нѣсколько троекъ лихихъ лошадей во всевозможные экипажи, разумѣется, съ колокольчиками, насажать въ нихъ своихъ собесѣдниковъ и собесѣдницъ, дворню, кого ни попало, и съ громкими пѣснями и криками скакать во весь духъ по окольнымъ полямъ и деревнямъ. Имѣя съ собой всегда запасъ вина, онъ особенно любилъ напоить допьяна всякаго встрѣчнаго, какого бы званія, пола и возраста онъ ни былъ, и больно сѣкалъ того, кто осмѣливался ему противиться. Наказанныхъ привязывали къ деревьямъ, къ столбамъ и заборамъ, не обращая вниманія ни на дождь, ни на стужу. О болѣе возмутительныхъ насиліяхъ я умал-

Ахтырка, имѣніе кн. Трубецкого.

чиваю. Въ такомъ расположеніи духа ѣхалъ онъ однажды черезъ какую-то деревню; проѣзжая мимо овиннаго тока, онъ замѣтилъ женщину необыкновенной красоты.

— Стой!—закричалъ Михайла Максимовичъ. — Петрушка, какова баба?

— Больно хороша,— отвѣчалъ Петрушка.

— Хочешь на ней жениться?

— Да какъ же жениться на чужой женѣ, — отвѣчалъ, ухмыляясь, Петрушка.

— А вотъ какъ! Ребята! бери ее, сажай ко мнѣ въ повозку...

Женщину схватили, посадили въ повозку, привезли прямо въ приходское село и, хотя она объявила, что у ней есть мужъ и двое дѣтей, обвѣнчали съ Петрушкой, и никакихъ просьбъ не было, не только при жизни Куролесова, но даже при жизни Прасковьи Ивановны. Когда же все имѣніе перешло въ руки ея племянника, онъ возвратилъ эту женщину вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми прежнему ея господину: первый мужъ давно уже умеръ. Наслѣдникъ, т.-е. тотъ же племянникъ, роздалъ также нѣсколько разныхъ вещей прежнимъ хозяевамъ, которые предъявили свои требованія; многія же вещи долго валялись въ кладовыхъ, пока не истлѣли отъ ветхости. Трудно повѣрить, чтобъ могли совершаться такія дѣла въ Россіи, даже и за 80 лѣтъ, но въ истинѣ разсказа нельзя сомнѣваться.

Какъ ни была ужасна и отвратительна, сама по себѣ, эта преступная, пьянаго буйства исполненная жизнь, но она повела еще къ худшему, къ болѣе страшному развитію природной жестокости Михайла Максимовича, превратившейся, наконецъ, въ лю-

тость, въ кровопійство. Терзать людей сдѣлалось его потребностью, наслажденіемъ. Въ тѣ дни, когда случалось ему не драться, онъ былъ скученъ, печаленъ, безпокоенъ, даже боленъ, и потому часъ отъ часу становились рѣже его поѣздки въ Чурасово и короче пребыванія тамъ. Зато, воротясь въ свое любимое Парашино, онъ спѣшилъ вознаградить себя. Обзоръ хозяйственныхъ заведеній представлялъ ему достаточное число жертвъ; тутъ уже всякая вина была виновата, а въ какомъ хозяйствѣ нельзя найти какихъ-нибудь мелочныхъ упущеній, если захочешь отыскать ихъ. Впрочемъ, отъ лютости Михайлы Максимовича страдали преимущественно дворовые люди. Онъ рѣдко наказывалъ крестьянъ, и то въ случаяхъ особенной важности или личной извѣстности ему виноватаго человѣка; зато старосты и приказчики терпѣли отъ него наравнѣ съ дворовыми. У него не было пощады никому, и каждый изъ его приближенныхъ, а иной и не одинъ разъ, бывалъ наказанъ на смерть. Замѣчательно, что когда Михайла Максимовичъ сердился, горячился и кричалъ, что бывало рѣдко,— онъ не дрался; когда же добирался до человѣка съ намѣреніемъ потѣшиться его муками, онъ говорилъ тихо и даже ласково: «Ну, любезный другъ, Григорій Кузьмичъ (вмѣсто обыкновеннаго: Гришка), дѣлать нечего, пойдемъ, надобно мнѣ съ тобой разсчитаться». Съ такими словами обращался онъ къ главному своему конюху, по прозванію Ковлягѣ, который, неизвѣстно почему, чаще другихъ подвергался истязаніямъ. «Поцарапайте его кошечками», говорилъ съ улыбкой Михайла Максимовичъ окружающимъ, и начиналась долговременная пытка, въ продолженіе которой баринъ пилъ чай съ водкой, курилъ трубку и отъ времени до времени пошучивалъ съ несчастной жертвой, пока она еще могла слышать... Меня увѣряли достовѣрные свидѣтели, что жизнь наказанныхъ людей спасали только тѣмъ, что завертывали истерзанное ихъ тѣло въ теплыя, только что снятыя шкуры барановъ, тутъ же зарѣзанныхъ. Осмотрѣвъ внимательно наказаннаго человѣка, Михайла Максимовичъ говорилъ, если былъ доволенъ: «Ну, будетъ съ него, приберите къ мѣсту»... и дѣлался веселъ, шутливъ и любезенъ на цѣлый день, а иногда и на нѣсколько дней. Чтобы довершить характеристику этого страшнаго существа, я приведу его собственныя слова, которыя онъ не одинъ разъ говаривалъ въ кругу пирующихъ собесѣдниковъ: «Не люблю палокъ и кнутьевъ, что въ нихъ? Какъ разъ убьешь человѣка! То ли дѣло кошечки: и больно и не опасно!» Я разсказалъ десятую долю того, что знаю, но, кажется, и этого довольно. Замѣчательно, какъ необъяснимое явленіе и противорѣчіе въ искаженной человѣческой природѣ, что Михаилъ Максимовичъ, достигнувъ высшей степени разврата и лютости, ревностно занялся построеніемъ каменной церкви въ Парашинѣ; онъ производилъ эту работу экономически... Церковь по наружности была отдѣлана, и наняты были мастеровые для внутренней отдѣлки; столяры, рѣзчики, золотари и иконописцы уже нѣсколько мѣсяцевъ работали въ Парашинѣ, занимая весь господскій домъ...

(С. Аксаковъ: «Семейная хроника»).

Знатный помѣщикъ.

Село! Село! Красивы хаты,
Красивы барскія палаты,—
Пусть лучше бъ терномъ поросли;
Чтобъ къ нимъ и слѣду не нашли,
Чтобъ и не знали ихъ!.. Когда-то
Въ селѣ томъ Божьемъ жилъ да былъ
Какой-то князь. Я не спросилъ,
Какъ онъ попалъ туда. Богато
Съ своей княгиней молодой
Жилъ князь тотъ, взысканный судьбой...

Когда-то весело тамъ было
Безъ пиршествъ дня не проходило.
Бывало, гусли день-деньской
Гудятъ, ревутъ; вино рѣкой
Гостей несытыхъ наливаетъ:
Всѣ пьютъ...
Пьянъ князь и гости пьяны,—
И повалились на диваны.
А завтра снова оживутъ,
И вновь кутятъ, и снова пьютъ.
И такъ за днями дни другіе
Мелькаютъ. Души крѣпостныя
Ужъ и не стонутъ, а пищатъ;
Въ судахъ за князя Бога молятъ,
А гости, знай, себѣ изволятъ
Имъ восторгаться, знай, кричатъ:
«Нашъ князь — мужъ правилъ самыхъ строгихъ!
И патріотъ и братъ убогихъ,
Нашъ славный князь! Виватъ! Виватъ!»
А патріотъ, убогихъ братъ,
Съ крестьянъ чуть шкуры не сдираетъ,
Послѣдней дочки не щадитъ...
Гудятъ опять, какъ въ дни былые,
Въ палатахъ гусли; на столѣ
Вино; пьянъ князь и гости пьяны,
Дрожатъ полы, звенятъ стаканы,
А голодъ стонетъ на селѣ...

(Шевченко: Кобзарь).

Дѣла о помѣщикахъ.

Дѣла о злоупотребленіи помѣщичьей власти слѣдовало сильно перетряхнуть; я сдѣлалъ все, что могъ, и одержалъ нѣсколько побѣдъ на этомъ вязкомъ поприщѣ, освободилъ отъ преслѣдованія одну молодую дѣвушку и отдалъ подъ опеку одного морского офицера. Это, кажется, единственная заслуга моя по служебной части.

Какая-то барыня держала у себя горничную, не имѣя на нее никакихъ документовъ. Горничная просила разобрать ея права на вольность. Я обратился къ губернатору и замѣтилъ ему, что не завидна будетъ судьба дѣвушки у ея барыни послѣ того, какъ она подавала на нее просьбу.

— Что же съ ней дѣлать?

— Содержать въ части.

— На чей счетъ?

— На счетъ помѣщицы, если дѣло кончится противъ нея.

— А если нѣтъ?

По счастью, въ это время взошелъ губернскій прокуроръ... Онъ тотчасъ взялъ мою сторону и привелъ десять разныхъ пунктовъ изъ Свода Законовъ. Губернаторъ, которому въ сущности еще больше было все равно, сказалъ мнѣ, насмѣшливо улыбаясь:

— Тутъ выходъ одинъ: или къ барынѣ или въ острогъ.

— Разумѣется, лучше въ острогъ, замѣтилъ я.

— Будетъ сообразнѣе съ смысломъ, изображеннымъ въ Сводѣ Законовъ,— замѣтилъ прокуроръ.

— Пусть будетъ по-вашему, — сказалъ еще болѣе смѣясь губернаторъ, услужили вы вашей протеже, какъ посидитъ въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ, поблагодаритъ васъ.

Я не продолжалъ пренія, цѣль моя была спасти дѣвушку отъ домашнихъ

преслѣдованій; помнится, мѣсяца черезъ два ее выпустили совсѣмъ на волю.

Между нерѣшенными дѣлами моего отдѣленія была сложная и длившаяся нѣсколько лѣтъ переписка о буйствѣ и всякихъ злодѣйствахъ въ своемъ имѣніи отставного морского офицера Струговщикова... Изъ показаній его матери и дворовыхъ людей видно было, что человѣкъ этотъ дѣлалъ всевозможныя неистовства... Надобно было сдѣлать представленіе въ Сенатъ, чтобъ его отдали подъ опеку, но для этого необходимъ отзывъ дворянскаго предводителя... Предводитель пріѣхалъ въ губернское правленіе... Я отвелъ предводителя въ сторону и разсказалъ ему дѣло. Предводитель жалъ плечами, показывалъ видъ негодованія, ужаса и кончилъ тѣмъ, что отозвался объ морскомъ офицерѣ, какъ объ отъявленномъ негодяѣ, «кладущемъ тѣнь на благородное общество новгородскаго дворянства

А. И. Герценъ.

— Вѣроятно,— сказалъ я,— вы такъ и отвѣтите письменно, если мы васъ спросимъ?

Предводитель, взятый врасплохъ, обѣщалъ отвѣчать по-совѣсти, прибавивъ, что «честь и правдивость безпримѣнные атрибуты россійскаго дворянства»...

Я помню очень хорошо ту сладкую минуту, когда въ мое отдѣленіе былъ переданъ сенатскій указъ, назначавшій опеку надъ имѣніемъ моряка и отдававшій его подъ надзоръ полиціи...

Роясь въ дѣлахъ, я нашелъ переписку псковскаго губернскаго правленія о какой-то помѣщицѣ Ярыжкиной. Она засѣкла двухъ горничныхъ до смерти, попалась подъ судъ за третью и была почти совсѣмъ оправдана уголовной палатой, основавшей, между прочимъ, свое рѣшеніе на томъ, что третья горничная не умерла. Женщина эта выдумывала удивительныя наказанія: била утюгомъ, сучковатыми палками, валькомъ.

Не знаю, что сдѣлала горничная, о которой идетъ рѣчь, но барыня превзошла себя. Она поставила ее на колѣни на дрань или на тесницы, въ которыхъ были набиты гвозди. Въ этомъ положеніи она била ее по спинѣ и по головѣ валькомъ и когда выбилась изъ силъ, позвала кучера на смѣну; по счастью, его не было въ людской, барыня вышла, а дѣвушка, полубезумная отъ боли, окровавленная, въ одной рубашкѣ, бросилась на улицу и въ частный домъ. Приставъ принялъ показанія, и дѣло пошло своимъ порядкомъ; полиція возилась, уголовная палата возилась съ годъ времени, наконецъ, судъ, явнымъ образомъ закупленный, рѣшилъ премудро позвать мужа Ярыжкиной и внушить ему, чтобъ онъ удерживалъ жену отъ такихъ наказаній, а ее самое, оставя въ подозрѣніи, что она

способствовала смерти двухъ горничныхъ, обязать подпиской,—ихъ впредь не наказывать. На этомъ основаніи барынѣ отдавали несчастную дѣвушку, которая въ продолженіе дѣла содержалась гдѣ-то.

Дѣвушка, перепуганная будущностью, стала писать просьбу за просьбой, дѣло дошло до государя, онъ велѣлъ преслѣдовать его и прислалъ изъ Петербурга чиновника. Вѣроятно, средства Ярыжкиной не шли до подкупа столичныхъ, министерскихъ и жандармскихъ слѣдопроизводителей, и дѣло приняло иной оборотъ. Помѣщица отправилась въ Сибирь на поселеніе, ея мужъ былъ взятъ подъ опеку. Всѣ члены уголовной палаты отданы подъ судъ; чѣмъ ихъ дѣло кончилось, не знаю...

Прибавлю еще одну дамскую исторію. Горничная жены пензенскаго жандармскаго полковника несла чайникъ, полный кипяткомъ; дитя ея барыни, бѣжавши, наткнулся на горничную и та пролила кипятокъ; ребенокъ былъ обваренъ. Барыня, чтобъ отомстить той же монетой, велѣла привести ребенка горничной и обварила ему руку изъ самовара... Губернаторъ Панчулидзевъ, узнавъ объ этомъ чудовищномъ происшествіи, душевно жалѣлъ, что находится въ деликатномъ отношеніи съ жандармскимъ полковникомъ и что, вслѣдствіе этого, считаетъ неприличнымъ начать дѣло, которое могутъ счесть за личность!

Разъ въ холодное зимнее утро пріѣзжаю я въ правленіе; въ передней стоитъ женщина лѣтъ тридцати, крестьянка; увидавши меня въ мундирѣ, она бросилась передо мной на колѣни и, обливаясь слезами, просила меня заступиться. Баринъ ея, Мусинъ-Пушкинъ, ссылалъ ее съ мужемъ на поселеніе, ихъ сынъ лѣтъ десяти оставался, она умоляла дозволить ей взять съ собой дитя. Пока она мнѣ разсказывала дѣло, взошелъ военный губернаторъ, я указалъ ей на него и передалъ ея просьбу. Губернаторъ объяснилъ ей, что дѣти старше десяти лѣтъ оставляются у помѣщика. Мать, не понимая глупаго закона, продолжала просить; ему было скучно, женщина, рыдая, цѣплялась за его ноги, и онъ сказалъ, грубо отталкивая ее отъ себя: «Да что ты за дура такая, вѣдь, по-русски тебѣ говорю, что я ничего не могу сдѣлать, что же ты пристаешь». Послѣ этого онъ пошелъ твердымъ и рѣшительнымъ шагомъ въ уголъ, гдѣ ставилъ саблю.

(Герценъ: «Былое и думы»).

Дикій помѣщикъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ помѣщикъ, жилъ и, на свѣтъ глядючи, радовался. Всего у него было довольно: и крестьянъ, и хлѣба, и скота, и земли, и садовъ. И былъ тотъ помѣщикъ глупый, читалъ газету «Вѣсть» и тѣло имѣлъ мягкое, бѣлое и разсыпчатое.

Только и взмолился однажды Богу этотъ помѣщикъ:

— Господи! всѣмъ я отъ Тебя доволенъ, всѣмъ награжденъ! Одно только сердцу моему непереносно, очень ужъ много развелось въ нашемъ царствѣ мужика!

Но Богъ зналъ, что помѣщикъ тотъ глупый, и прошенію его не внялъ.

Видитъ помѣщикъ, что мужика съ каждымъ днемъ не убываетъ, а все прибываетъ,—видитъ и опасается: «а ну, какъ онъ у меня все добро пріѣстъ?»

Заглянетъ помѣщикъ въ газету «Вѣсть», какъ въ семъ случаѣ по-

ступать должно, и прочитаетъ: «старайся!»

— Одно только слово написано, — молвитъ глупый помѣщикъ, — а золотое это слово!

И началъ онъ стараться, и не то чтобъ какъ-нибудь, а все по правилу. Курица ли крестьянская въ господскіе овсы забредетъ — сейчасъ ее, по правилу, въ супъ; дровецъ ли крестьянинъ нарубить, по секрету, въ господскомъ лѣсу соберется — сейчасъ эти самыя дрова на господскій дворъ, а съ порубщика, по правилу, штрафъ.

— Больше я нынче этими штрафами на нихъ дѣйствую, — говоритъ помѣщикъ сосѣдямъ своимъ: — потому что для нихъ это понятнѣе.

Видятъ мужики: хоть и глупый у нихъ помѣщикъ, а разумъ ему данъ большой. Сократилъ онъ ихъ такъ, что некуда носа высунуть; куда ни глянутъ—все нельзя да не позволено да не ваше! Скотинка на водопой выйдетъ—помѣщикъ кричитъ: «моя вода!» курица за околицу выбредетъ, помѣщикъ кричитъ: «моя земля!» И земля, и вода, и воздухъ все его стало! Лучины не стало мужику въ свѣтецъ зажечь; прута не стало, чѣмъ избу вымести. Вотъ и взмолились крестьяне всѣмъ міромъ къ Господу Богу:

— Господи! легче намъ пропасть и съ дѣтьми съ малыми, нежели всю жизнь такъ маяться!

Услыхалъ милостивый Богъ слезную молитву сиротскую, и не стало мужика на всемъ пространствѣ владѣній глупаго помѣщика. Куда дѣвался мужикъ — никто того не замѣтилъ, а только видѣли люди, какъ вдругъ поднялся мякинный вихрь и, словно туча черная, пронеслись въ воздухѣ посконные мужицкіе портки. Вышелъ помѣщикъ на балконъ, потянулъ носомъ и чуетъ: чистый - пречистый во всѣхъ его владѣніяхъ воздухъ сдѣлался. Натурально, остался доволенъ. Думаетъ: «Теперь-то я понѣжу свое тѣло бѣлое, тѣло бѣлое, рыхлое, разсыпчатое!»

И началъ онъ жить да поживать и сталъ думать, чѣмъ бы ему свою душу утѣшить.

«Заведу,— думаетъ,— театръ у себя! Напишу къ актеру Садовскому: пріѣзжай, молъ, любезный другъ, и актерокъ съ собой привози!»

Послушался его актеръ Садовскій: самъ пріѣхалъ и актерокъ привезъ. Только видитъ, что въ домѣ у помѣщика пусто, и ставить театръ и занавѣсъ поднимать некому.

— Куда же ты крестьянъ своихъ дѣвалъ? — спрашиваетъ Садовскій у помѣщика.

— А вотъ Богъ, по молитвѣ моей, всѣ мои владѣнія отъ мужика очистилъ!

— Однако, братъ, глупый ты помѣщикъ! Кто же тебѣ, глупому, умываться подаетъ?

— Да я ужъ и то сколько дней немытый хожу!

— Стало-быть, шампиньоны на лицѣ растить собрался!—сказалъ Садовскій, и съ этимъ словомъ и самъ уѣхалъ и актерокъ увезъ.

Вспомнилъ помѣщикъ, что есть у него поблизости четыре генерала знакомыхъ; думаетъ: «Что это я все гранъ-пасьянсъ, да гранъ-пасьянсъ раскладываю! Попробую-ка я съ генералами впятеромъ пульку - другую сыграть!»

Сказано—сдѣлано; написалъ приглашенія, назначилъ день и отправилъ письма по адресу. Генералы были хоть и настоящіе, но голодные, а потому очень скоро пріѣхали.

Пріѣхали—и не могутъ надивиться, отчего такой у помѣщика чистый воздухъ сталъ.

— А оттого это,— хвастается помѣщикъ, — что Богъ, по молитвѣ моей,

Группа крестьянъ. (Съ картины Эриксена).

всѣ владѣнія мои отъ мужика очистилъ!

— Ахъ, какъ это хорошо,—хвалятъ помѣщика генералы: — стало-быть, теперь у васъ этого холопьяго запаху нисколько не будетъ?

— Нисколько,—отвѣчалъ помѣщикъ.

Сыграли пульку, сыграли другую; чувствуютъ генералы, что пришелъ ихъ часъ водку пить, приходятъ въ безпокойство, озираются.

— Должно-быть, вамъ, господа генералы, закусить захотѣлось? — спрашиваетъ помѣщикъ.

— Не худо бы, г. помѣщикъ!

Всталъ онъ изъ-за стола, подошелъ къ шкапу и вынимаетъ оттуда по леденцу да по печатному прянику на каждаго человѣка.

— Что жъ это такое?—спрашиваютъ генералы, вытаращивъ на него глаза.

— А вотъ, закусите, чѣмъ Богъ послалъ!

— Да намъ бы говядинки, говядинки бы намъ!

— Ну, говядинки у меня про васъ нѣтъ, господа генералы, потому что съ тѣхъ поръ, какъ меня Богъ отъ мужика избавилъ, и печка на кухнѣ стоитъ нетоплена!

Разсердились на него генералы, такъ что даже зубы у нихъ застучали.

— Да вѣдь жрешь же ты что-нибудь самъ-то?—накинулись они на него.

— Сырьемъ кой-какимъ питаюсь да вотъ пряники еще покуда есть...

— Однако, братъ, глупый же ты помѣщикъ, — сказали генералы и, по

докончивъ пульки, разбрелись по домамъ.

Видитъ помѣщикъ, что его ужъ въ другой разъ дуракомъ чествуютъ, и хотѣлъ было ужъ задуматься, но такъ какъ въ это время на глаза попалась колода картъ, то махнулъ на все рукою и началъ раскладывать гранъ-пасьянсъ... Наконецъ устанетъ, пойдетъ къ зеркалу посмотрѣться—анъ тамъ ужъ пыли на вершокъ насѣло...

— Сенька! — крикнетъ онъ вдругъ, забывшись, но потомъ спохватится и скажетъ: — Ну, пускай себѣ до поры, до времени такъ постоитъ, а ужъ докажу же я этимъ либераламъ, что можетъ сдѣлать твердость души!..

Промаячитъ такимъ манеромъ покуда стемнѣетъ—и спать...

Но вотъ и сны всѣ пересмотрѣлъ: надо вставать.

— Сенька!—опять кричитъ онъ, за*бывшись*, но вдругъ вспомнитъ... и поникнетъ головою.

— Чѣмъ бы, однако, заняться?—спрашиваетъ онъ себя. — *Хоть бы лѣшаго* какого - нибудь нелегкая принесла!

И вотъ по этому его слову вдругъ пріѣзжаетъ самъ капитанъ - исправникъ. Обрадовался ему глупый помѣщикъ несказанно; побѣжалъ въ шкапъ, вынулъ два печатныхъ пряника и думаетъ: «Ну, этотъ, кажется, останется доволенъ!

— Скажите, пожалуйста, господинъ помѣщикъ, какимъ это чудомъ всѣ ваши временно - обязанные вдругъ исчезли?—спрашиваетъ исправникъ.

— А вотъ такъ и такъ, Богъ, по молитвѣ моей, всѣ владѣнія мои отъ мужика совершенно очистилъ.

— Такъ-съ; а не извѣстно ли вамъ, господинъ помѣщикъ, кто подати за нихъ платить будетъ?

— Подати?.. это они! это они сами! это *ихъ священнѣйшій долгъ и обя*занность!

— Такъ-съ; а какимъ манеромъ эту подать съ нихъ взыскать можно, коли они по вашей молитвѣ, по лицу земли разсѣяны?

— Ужъ это... не знаю... я, съ своей стороны, платить не согласенъ!

— А извѣстно ли вамъ, господинъ помѣщикъ, что казначейство безъ податей и повинностей, а тѣмъ паче безъ винной и соляной регалій существовать не можетъ?

— Я что жъ... я готовъ! рюмку водки... я заплачу.

— Да вы знаете ли, что по милости вашей у насъ на базарѣ ни куска мяса, ни фунта хлѣба купить нельзя? Знаете ли вы, чѣмъ это пахнетъ?

— Помилуйте! я, съ своей стороны, готовъ пожертвовать! Вотъ цѣлыхъ два пряника!

— Глупый же вы, господинъ помѣщикъ! — молвилъ исправникъ, повер*нулся и* уѣхалъ, не взглянувъ даже на печатные пряники.

Задумался на этотъ разъ помѣщикъ не на шутку. Вотъ ужъ третій человѣкъ его дуракомъ чествуетъ, третій человѣкъ посмотритъ - посмотритъ на него, плюнетъ и отойдетъ...

Походитъ помѣщикъ, и посидитъ, и опять походитъ. Къ чему ни подойдетъ, все, кажется, такъ и говоритъ: а глупый ты, господинъ помѣщикъ! Видитъ онъ — бѣжитъ черезъ комнату мышонокъ и крадется къ картамъ, которыми онъ гранъ - пасьянсъ дѣлалъ и достаточно уже замаслилъ, чтобъ возбудить ими мышиный аппетитъ.

— Кшш! — *бросился* онъ на мышонка.

Но мышонокъ былъ умный и понималъ, что помѣщикъ безъ Сеньки никакого вреда ему сдѣлать не можетъ...

Однажды къ самой усадьбѣ подошелъ медвѣдь, сѣлъ на корточкахъ, поглядываетъ въ окошки на помѣщика и облизывается.

— Сенька!—вскрикнулъ помѣщикъ, но вдругъ спохватился... заплакалъ.

Однако твердость души все еще не покидала его. Нѣсколько разъ онъ ослабѣвалъ, но какъ только почувствуетъ, что сердце у него начнетъ растворяться, сейчасъ бросится къ газетѣ «Вѣсть» и въ одну минуту ожесточится опять.

— Нѣтъ, лучше совсѣмъ одичаю, лучше пусть буду съ дикими звѣрьми по лѣсамъ скитаться, но да не скажетъ никто, что россійскій дворянинъ, князь Урусъ - Кучумъ-Киль - Дибаевъ, отъ принциповъ отступилъ!

И вотъ онъ одичалъ. Хоть въ это время наступила уже осень и морозцы стояли порядочные, но онъ не чувствовалъ даже холода. Весь онъ, съ головы до ногъ, обросъ волосами, словно древній Исавъ, а ногти у него сдѣлались какъ желѣзные...

Выйдетъ онъ въ свой паркъ, въ которомъ онъ когда-то нѣжилъ свое тѣло рыхлое, бѣлое, разсыпчатое, какъ кошка въ одинъ мигъ взлѣзетъ на самую вершину дерева и стережетъ оттуда. Прибѣжитъ это заяцъ, встанетъ на заднія лапки и прислушивается, нѣтъ ли откуда опасности,— а онъ ужъ тутъ какъ тутъ. Словно стрѣла соскочитъ съ дерева, вцѣпится въ свою добычу, разорветъ ее ногтями, да такъ со всѣми внутренностями, даже со шкурой, и съѣстъ.

И сдѣлался онъ силенъ ужасно, до того силенъ, что даже счелъ себя въ правѣ войти въ дружескія сношенія съ тѣмъ самымъ медвѣдемъ, который нѣкогда посматривалъ на него въ окошко.

— Хочешь, Михайло Иванычъ, походы вмѣстѣ на зайцевъ будемъ дѣлать? — сказалъ онъ медвѣдю.

— Хотѣть,—отчего не хотѣть,— отвѣчалъ медвѣдь: — только, братъ

Группа крестьянъ

ты напрасно мужика этого уничтожилъ!

— А почему такъ?

— А потому, что мужика этого ѣсть не въ примѣръ способнѣе было, нежели вашего брата—дворянина. И потому скажу тебѣ прямо: глупый ты помѣщикъ, хоть мнѣ и другъ!

Между тѣмъ капитанъ-исправникъ хоть и покровительствовалъ помѣщикамъ, но въ виду такого факта, какъ исчезновеніе съ лица земли мужика, смолчать не посмѣлъ.

Встревожилось его донесеніемъ и губернское начальство, пишетъ къ нему: «А какъ вы думаете, кто теперь подати будетъ вносить? Кто будетъ вино по кабакамъ пить? Кто будетъ невинными занятіями заниматься?»

Отвѣчаетъ капитанъ-исправникъ: «Казначейство де теперь упразднить слѣдуетъ, а невинныя де занятія и сами собой упразднились, вмѣсто же нихъ распространились въ уѣздѣ грабежи, разбой и убійства. На-дняхъ де и его, исправника, какой-то медвѣдь не медвѣдь, человѣкъ не человѣкъ едва не задралъ, въ каковомъ человѣко-медвѣдѣ и подозрѣваетъ онъ того самаго глупаго помѣщика, который всей смутѣ зачинщикъ».

Обезпокоились начальники и собрали совѣтъ. Рѣшили: мужика изловить и водворить, а глупому помѣщику, который всей смутѣ зачинщикъ, наиделикатнѣйше внушить, дабы онъ фанфаронства свои прекратилъ и поступленію въ казначейство податей препятствія не чинилъ.

Какъ нарочно, въ это время чрезъ губернскій городъ летѣлъ отроившійся рой мужиковъ и осыпалъ всю базарную площадь. Сейчасъ эту благодать убрали, посадили въ плетушку и послали въ уѣздъ.

И вдругъ опять запахло въ томъ уѣздѣ мякиной и овчинами; но въ то же время на базарѣ появились и мука, и мясо, и живность всякая, а податей въ одинъ день поступило столько, что казначей, увидавъ такую груду денегъ, только всплеснулъ руками отъ удивленія и вскрикнулъ:

— Откуда вы, шельмы, берете?!

Что же сдѣлалось, однако, съ помѣщикомъ?—спросятъ меня читатели. На это я могу сказать, что съ большимъ трудомъ, но и его изловили. Изловивши, сейчасъ же высморкали, вымыли и обстригли ногти. Затѣмъ капитанъ-исправникъ сдѣлалъ ему надлежащее внушеніе, отобралъ газету «Вѣсть» и, поручивъ его надзору Сеньки, уѣхалъ. Онъ живъ и донынѣ. Раскладываетъ гранъ-пасьянсъ, тоскуетъ по прежней жизни своей въ лѣсахъ, умывается лишь по принужденію и по временамъ мычитъ.

(Салтыковъ: «Сказки»).

Дворовые.

Скажу о положеніи нашей прислуги вообще. Ни Сенаторъ [1]), ни отецъ мой не тѣснили особенно дворовыхъ, т.-е. не тѣснили ихъ физически.

Сенаторъ былъ вспыльчивъ, нетерпѣливъ и именно потому часто грубъ и несправедливъ; но онъ такъ мало имѣлъ съ ними соприкосновенія и такъ мало ими занимался, что они почти не знали другъ друга. Отецъ мой докучалъ имъ капризами, не пропускалъ ни взгляда, ни слова, ни движенія и безпрестанно училъ; для русскаго человѣка это часто хуже побоевъ и брани.

Тѣлесныя наказанія были почти неизвѣстны въ нашемъ домѣ, и два-три

[1]) Дядя Герцена.

случая, въ которые Сенаторъ и мой отецъ прибѣгали къ гнусному средству «частнаго дома», были до того необыкновенны, что объ нихъ вся дворня говорила цѣлые мѣсяцы; сверхъ того, они были вызываемы значительными проступками.

Чаще отдавали дворовыхъ въ солдаты; наказаніе это приводило въ ужасъ всѣхъ молодыхъ людей: безъ роду, безъ племени, они все же лучше хотѣли остаться крѣпостными, нежели двадцать лѣтъ тянуть лямку. На меня сильно дѣйствовали эти страшныя сцены... являлись два полицейскіе солдата по зову помѣщика, они воровски, невзначай, врасплохъ брали назначеннаго человѣка; староста обыкновенно тутъ объявлялъ, что баринъ съ вечера приказалъ представить его въ присутствіе, и человѣкъ сквозь слезы куражился, женщины плакали, всѣ давали подарки и я отдавалъ все, что могъ, т.-е. какой-нибудь двугривенный, шейный платокъ.

Помню я еще, какъ какому-то старостѣ за то, что онъ истратилъ собранный оброкъ, отецъ мой велѣлъ обрить бороду. Я ничего не понималъ въ этомъ наказаніи, но меня поразилъ видъ старика лѣтъ шестидесяти; онъ плакалъ навзрыдъ, кланялся въ землю и просилъ положить на него, сверхъ оброка, сто цѣлковыхъ штрафу, но помиловать отъ безчестья.

Когда Сенаторъ жилъ съ нами, общая прислуга состояла изъ тридцати мужчинъ и почти стольких же женщинъ; замужнія, впрочемъ, не несли никакой службы, онѣ занимались своимъ хозяйствомъ; на службѣ были пять-шесть горничныхъ и прачки, не ходившія наверхъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить мальчишекъ и дѣвчонокъ, которыхъ пріучали къ службѣ, т.-е. къ праздности, лѣни, лганью и къ употребленію сивухи. Для характеристики тогдашней жизни въ Россіи, я не думаю, чтобъ было излишнимъ сказать нѣсколько словъ о содержаніи дворовыхъ. Сначала имъ давались 5 р. ассигн. въ мѣсяцъ на харчи, потомъ 6. Женщинамъ рублемъ меньше, дѣтямъ лѣтъ съ десяти половина. Люди составляли между собой артели и на недостатокъ не жаловались, что свидѣтельствуетъ о чрезвычайной дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ. Наибольшее жалованье состояло изъ 100 руб. ассигн. въ годъ, другіе получали половину, нѣкоторые 30 рубл. въ годъ. Мальчики лѣтъ до восемнадцати не получали жалованья. Сверхъ оклада людямъ давались платья, шинели, рубашки, простыни, одѣяла, полотенца, матрацы изъ парусины; мальчикамъ, не получавшимъ жалованья, отпускались деньги на нравственную и физическую чистоту, т.-е. на баню и говѣнье. Взявъ все въ расчетъ, слуга обходился руб. въ 300 ассигн.; если къ этому прибавить дивидендъ на лѣкарство, лѣкаря и на съѣстные припасы, случайно привозимые изъ деревни и которые не знали, куда дѣть, то мы и тогда не перейдемъ 350 рублей. Это составляетъ четвертую часть того, что слуга стоитъ въ Парижѣ или въ Лондонѣ.

(Герценъ: „Былое и думы“).

Баринъ и камердинеръ.

Въ видѣ развлеченія между дѣломъ старикъ (отецъ Герцена) журилъ Сашу, а когда я тамъ находилась, то кстати и меня, шпынялъ Егора Ивановича и прислугу, ворчалъ на Луизу Ивановну, но главнымъ паціентомъ былъ его камердинеръ Никита Андреевичъ. Маленькій, вспыльчивый, сердитый, онъ

Передъ баломъ. (Рис. гр. де Бальмена).

точно нарочно созданъ былъ для того, чтобы сердить Ивана Алексѣевича. Каждый день у нихъ происходили оригинальныя сцены, и все это дѣлалось серьезно.

Если бы у Никиты Андреевича не было своего рода развлеченій, то едва ли бы онъ былъ въ состояніи долго вынести эту жизнь, говорилъ Саша. По большей части къ обѣду онъ былъ навеселѣ. Баринъ это замѣчалъ, но ограничивался только совѣтомъ закусывать чернымъ хлѣбомъ съ солью, чтобы не пахло водкой.

Камердинеръ бормоталъ что-нибудь въ отвѣтъ и спѣшилъ выйти. Баринъ его останавливалъ и спокойнымъ голосомъ спрашивалъ, что онъ ему говоритъ.

— Я не докладывалъ ни слова, — отвѣчаетъ камердинеръ.

— Это очень опасно, — замѣчаетъ баринъ:—съ этого начинается безуміе.

Камердинеръ выходилъ изъ комнаты взбѣшенный. Чтобы отвести сердце, онъ начинаетъ свирѣпо нюхать табакъ и чихать.

Баринъ зоветъ его.

Камердинеръ бросаетъ работу и входитъ.

— Это ты чихаешь? — говорилъ баринъ.

— Я-съ.

— Желаю здравствовать.

Затѣмъ даетъ знакъ рукою, чтобы онъ удалился.

Когда камердинеръ выходилъ изъ спальной, Иванъ Алексѣевичъ приказывалъ ему дверь немного недотворять. Сколько ни старался Никита Андреевичъ недотворять по вкусу барина, никакъ не удавалось. Каждый разъ баринъ вставалъ съ своего мѣста и поправлялъ дверь. Тогда камердинеръ рѣшился на отчаянное средство. Онъ принесъ въ карманѣ кусочекъ мѣлу и, какъ только баринъ поправилъ дверь, мѣломъ провелъ черту по полу около двери. Иванъ Алексѣевичъ не озада-

чился. Онъ приказалъ позвать всю прислугу и, указывая имъ на проведенную черту, сказалъ: «Будьте осторожны, не сотрите этой черты, ее провелъ Никита Андреевичъ, должно-быть, она ему на что-нибудь надобна». Камердинеръ вышелъ отъ барина внѣ себя отъ досады.

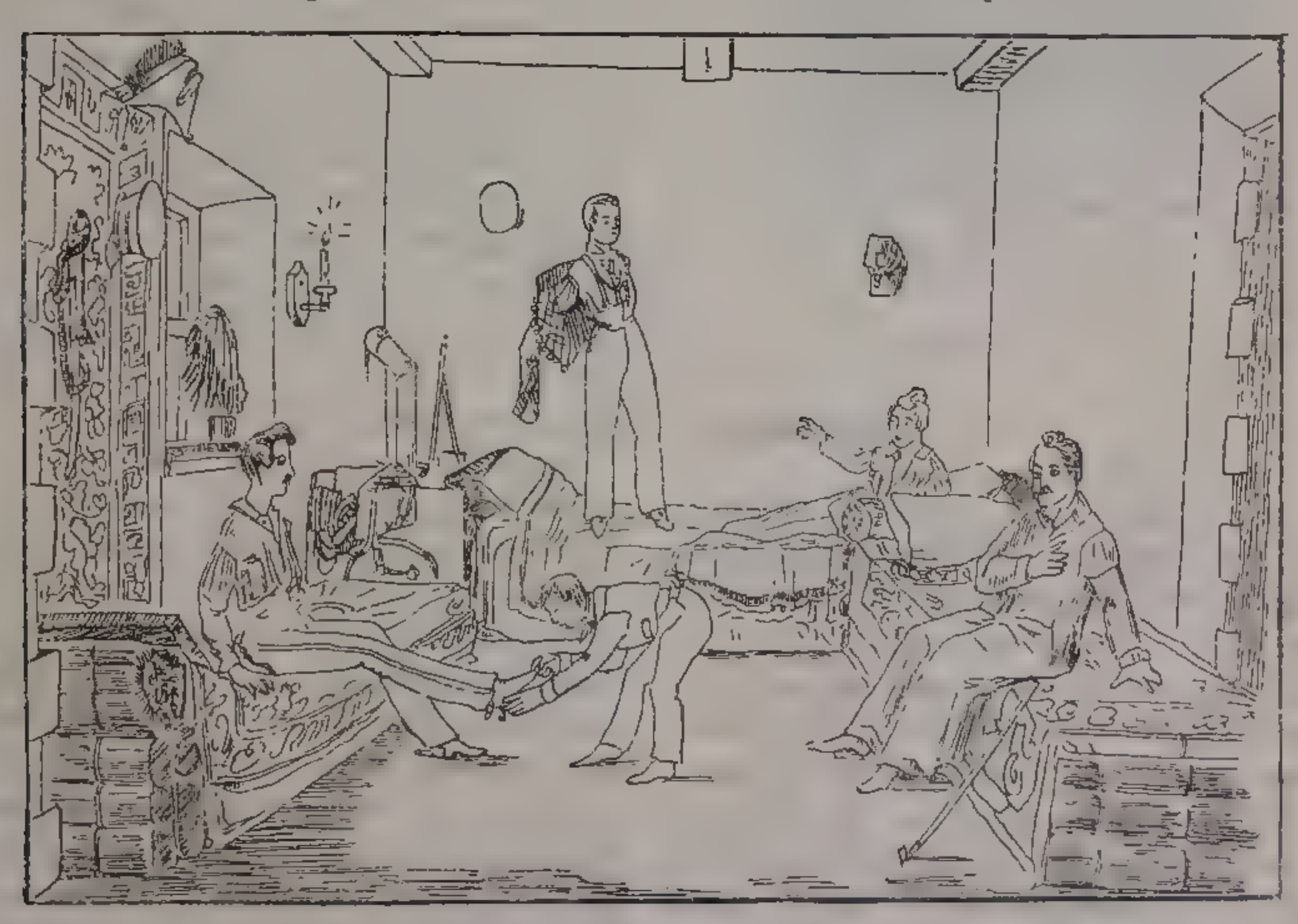
(Т. П. Пассекъ: Воспоминанія).

Эй, Иванъ!

(Типъ недавняго прошлаго.

Вотъ онъ весь, какъ намалеванъ,
Вѣрный твой Иванъ:
Не умытъ, угрюмъ, оплеванъ,
Вѣчно полупьянъ;
На желудкѣ мало пищи,
Чуть живой на взглядъ.
Не прикрыты, голенища
Рыжія торчатъ.
Вѣчно теплая шапчонка
Вся въ пуху на немъ,
Туго стянутъ сертучонко
Узкимъ ремешкомъ;
Изъ кармана кончикъ трубки
Виденъ, да кисетъ,
Развѣ новенькіе зубки
Выйдутъ — старыхъ нѣтъ...

Родъ его тысячелѣтній
Не имѣлъ угла —
На запяткахъ и въ передней
Жизнь вѣками шла.
Ремесла Иванъ не знаетъ,
Дѣлай, что даютъ:
Шьетъ, куетъ, варитъ, строгаетъ,
Не потрафилъ — бьютъ!
«Заживетъ!» Грубитъ, воруетъ,
Божится и вретъ,
И за рюмочку цѣлуетъ
Ручки у господъ.
Выпить можетъ сто стакановъ —
Только подноси...
Мало ли такихъИвановъ
На святой Руси?..

После бала. (Рис. гр. де Бальмена).

«Эй, Иванъ! иди-ка стряпать!
Эй, Иванъ! чеши собакъ!»
Удалось Ивану сцапать
Гдѣ-то четвертакъ,
Поминай, теперь, какъ звали!..
Утромъ съ бариномъ расправа:
«Гдѣ ты пропадалъ?»
— Я... нигдѣ-съ... Ей Богу... право,
У воротъ стоялъ! —
«Весь-то день?»... Отвѣты грубы,
Ложь глупа, нагла;
Были зубы — били въ зубы,
Нѣтъ — трещитъ скула.
— Виноватъ! порядкомъ струся,
Говоритъ Иванъ.
«Жарь къ обѣду съ кашей гуся,
Щи вари, болванъ!»
Ванька снова лямку тянетъ,
А потомъ опять
Что-нибудь у дворни стянетъ...
«Неужли плошать?
Коли плохо положили,
Стало, не запретъ!»
Господа давно рѣшили,
Что души въ немъ нѣтъ.
Неизвѣстно — есть ли, нѣтъ ли,
Но съ нимъ случай былъ:
Чуть живого сняли съ петли,
Передъ тѣмъ грустилъ.
Господамъ конфузно было:
— Что съ тобой, Иванъ? —
«Такъ, подъ сердце подступило»,
И глядятъ: не пьянъ!
Говоритъ: «Вы потеряли
Вѣрнаго слугу;
Все равно — помру съ печали,
Жить я не могу!
А всего бы лучше съ глотки
Петли не снимать»...
Самъ помѣщикъ выслалъ водки
Скуку разогнать.
Пилъ дѣтина Ерофеичъ,
Плакалъ да кричалъ:
«Хоть бы разъ Иванъ Мосеичъ
Кто меня назвалъ!..»
Какъ мертвецки накатали, —
Въ городъ тѣмъ же днемъ:
«Лишь бы лобъ ему забрили —
Вѣшайся потомъ!»
Понадѣялись на дружбу,
Да не та пора:
Сдать беззубаго на службу
Не пришлось. «Ура!»
Ванька снова водворился
У своихъ господъ,
И совсѣмъ отъ рукъ отбился,
Безъ просыпу пьетъ.
Хоть бы въ каторгу урода, —
Лишь бы съ рукъ долой!
Къ счастью, тутъ пришла свобода:
«Съ Богомъ, милый мой!»
И затерянный въ народѣ,
Вдругъ исчезъ Иванъ...
Какъ живешь ты на свободѣ?
Гдѣ ты?.. Эй, Иванъ!

(Некрасовъ).

Любимая горничная.

Вы вѣдь знаете, что у меня за жена: кажется, женщину добрѣе ея найти трудно, согласитесь сами. Горничнымъ ея дѣвушкамъ не житье, — просто рай воочію совершается... Но моя жена положила себѣ за правило: замужнихъ горничныхъ не держать. Оно и точно, не годится: пойдутъ дѣти, — то, сё, — ну гдѣ жъ тутъ горничной присмотрѣть за барыней, какъ слѣдуетъ, наблюдать за ея привычками: ей ужъ не до того, у ней ужъ не то на умѣ. Надо по человѣчеству судить.

Вотъ-съ, проѣзжаемъ мы разъ черезъ нашу деревню, лѣтъ тому будетъ — какъ бы вамъ сказать, не солгать — лѣтъ пятнадцать. Смотримъ, у старосты дѣвочка, дочь, прехорошенькая; такое даже, знаете, подобострастное что-то въ манерахъ. Жена моя и говоритъ мнѣ: «Коко, — т.-е., вы понимаете, она

меня такъ называетъ, — возьмемъ эту дѣвочку въ Петербургъ; она мнѣ нравится, Кокó»... Я говорю: «Возьмемъ, съ удовольствіемъ». Староста, разумѣется, намъ въ ноги; онъ такого счастья, вы понимаете, и ожидать не могъ... Ну, дѣвочка, конечно, поплакала сдуру. Оно, дѣйствительно, жутко сначала: родительскій домъ... вообще... удивительнаго тутъ ничего нѣтъ. Однако, она скоро къ намъ привыкла; сперва ее отдали въ дѣвичью; учили ее, конечно. Что жъ вы думаете?.. Дѣвочка оказываетъ удивительные успѣхи; жена моя просто къ ней пристращивается, жалуетъ ее, наконецъ, помимо другихъ, въ горничныя къ своей особѣ... замѣчайте!.. И надобно было отдать ей справедливость: не было еще такой горничной у моей жены, рѣшительно не было; услужлива, скромна, послушна — просто, все что требуется. Зато ужъ и жена ее даже, признаться, слишкомъ баловала: одѣвала отлично, кормила съ господскаго стола, чаемъ поила... ну, что только можно себѣ представить! Вотъ этакъ она лѣтъ десять у моей жены служила. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, вообразите себѣ, входитъ Арина, — ее Ариной звали, — безъ доклада ко мнѣ въ кабинетъ и бухъ мнѣ въ ноги... Я этого, скажу вамъ откровенно, терпѣть не могу. Человѣкъ никогда не долженъ забывать свое достоинство, не правда ли? «Чего тебѣ?» — «Батюшка, Александръ Силычъ, милости прошу?» — «Какой?» — «Позвольте выйти замужъ». Я, признаюсь вамъ, изумился. «Да ты знаешь, дура, что у барыни другой горничной нѣту?» — «Я буду служить барынѣ попрежнему». — «Вздоръ! вздоръ! барыня замужнихъ горничныхъ не держитъ». — «Маланья на мое мѣсто поступить можетъ». — «Прошу не разсуждать!» — «Воля ваша...» Я, признаюсь, такъ и обомлѣлъ.

Дѣвушка.

Доложу вамъ, я такой человѣкъ: ничто меня такъ не оскорбляетъ, смѣю сказать, такъ сильно не оскорбляетъ, какъ неблагодарность... Вѣдь вамъ говорить нечего — вы знаете, что у меня за жена: ангелъ во плоти, доброта неизъяснимая... Кажется, злодѣй — и тотъ бы ее пожалѣлъ. Я прогналъ Арину. Думаю, авось опомнится; не хочется, знаете ли, вѣрить злу, черной неблагодарности въ человѣкѣ. Что жъ вы думаете? Черезъ полгода опять она изволитъ жаловать ко мнѣ съ тою же самою просьбой. Тутъ я, признаюсь, ее съ сердцемъ прогналъ,

и погрозилъ ей, и сказать женѣ обѣщался. Я былъ возмущенъ... Но представьте себѣ мое изумленіе: нѣсколько времени спустя приходитъ ко мнѣ жена, въ слезахъ, взволнована такъ, что я даже испугался. «Что такое случилось?»—«Арина...» Вы понимаете... я стыжусь выговорить... «Быть не можетъ!.. кто же?»—«Петрушка лакей». Меня взорвало. Я такой человѣкъ... полумѣръ не люблю!.. Петрушка... не виноватъ. Наказать его можно, но онъ, по-моему, не виноватъ. Арина... ну, что жъ, ну, ну, что жъ тутъ еще говорить? Я, разумѣется, тотчасъ же приказалъ ее остричь, одѣть въ затрапезъ и сослать въ деревню. Жена моя лишилась отличной горничной, но дѣлать было нечего: безпорядокъ въ домѣ терпѣть, однакоже, нельзя. Больной членъ лучше отсѣчь разомъ... Ну, ну, теперь посудите сами, — ну вѣдь вы знаете мою жену, вѣдь это, это, это... накопецъ, ангелъ!.. Вѣдь она привязалась къ Аринѣ, — и Арина это знала, и не постыдилась... А? нѣтъ, скажите... А? Да что тутъ толковать! Во всякомъ случаѣ, дѣлать было нечего. Меня же, собственно меня, надолго огорчила, обидѣла неблагодарность этой дѣвушки. Что ни говорите... сердца, чувства въ этихъ людяхъ не ищите! Какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ... Впередъ наука!

(Тургеневъ: «Зап. Ох.» Ермолай и мельничиха).

Униженіе стараго слуги.

Дѣло шло о Гаврилѣ. Старый слуга стоялъ у дверей и дѣйствительно съ прискорбіемъ смотрѣлъ, какъ распекали его барина.

— Хочу и я васъ потѣшить спектаклемъ, Павелъ Семеновичъ. Эй ты, ворона, пошелъ сюда!

— Да удостойте подвинуться поближе, Гаврила Игнатьевичъ! Это, вотъ видите ли, Павелъ Семеновичъ, Гаврила; за грубость и въ наказаніе изучаетъ французскій діалектъ. Я, какъ Орфей, смягчаю здѣшніе нравы, только не пѣснями, а французскимъ діалектомъ. — Ну, французъ, мусью шематонъ,—терпѣть не можетъ, когда говорятъ ему: мусью шематонъ,—знаешь урокъ?

— Вытвердилъ, — отвѣчалъ, повѣсивъ голову, Гаврила.

— А парлэ-ву-франсе?

— Вуй, мусье, же-ле-парль-эпъ-пе...

Не знаю, грустная ли фигура Гаврилы, при произношеніи французской фразы была причиною или предугадывалось всѣми желаніе Ѳомы, чтобъ всѣ засмѣялись, но только всѣ такъ и покатились со смѣху, лишь только Гаврила пошевелилъ языкомъ. Даже генеральша изволила засмѣяться. Анфиса Петровна, упавъ на спинку дивана, взвизгивала, закрываясь вѣеромъ. Смѣшнѣе всего показалось то, что Гаврила, видя, во что превратился экзаменъ, не выдержалъ, плюнулъ и съ укоризною произнесъ: «Вотъ до какого сраму дожилъ на старости лѣтъ!»

Ѳома Ѳомичъ встрепенулся.

— Что? Что ты сказалъ? Грубіянить вздумалъ?

— Нѣтъ, Ѳома Ѳомичъ,—съ достоинствомъ отвѣчалъ Гаврила, — не грубіянство слова мои, и не слѣдъ мнѣ, холопу, передъ тобою, природнымъ господиномъ, грубіянить. Но всякъ человѣкъ образъ Божій на себѣ носитъ, образъ Его и подобіе. Мнѣ уже шестьдесятъ третій годъ отъ роду. Отецъ мой Пугачева-изверга помнитъ, а дѣда моего, вмѣстѣ съ бариномъ, Матвѣемъ Никитичемъ—дай Богъ имъ царство небесное—Пугачевъ на одной

Ѳ. М. Достоевскій.

осинѣ повѣсилъ, за что родитель мой отъ покойнаго барина, Аѳанасія Матвѣича, не въ примѣръ другимъ былъ почтенъ: камардиномъ служилъ и дворецкимъ свою жизнь скончалъ. Я же, сударь, Ѳома Ѳомичъ, хотя и господскій холопъ, а такого сраму, какъ теперь, отродясь надъ собой не видывалъ.

И съ послѣднимъ словомъ Гаврила развелъ руками и склонилъ голову. Дядя слѣдилъ за нимъ съ безпокойствомъ.

— Ну, полно, полно, Гаврила! — вскричалъ онъ. — Нечего распространяться! Полно!

— Ничего, ничего, — проговорилъ Ѳома, слегка поблѣднѣвъ и улыбаясь съ натуги. — Пусть поговоритъ; это вѣдь все ваши плоды...

— Все разскажу, — продолжалъ Гаврила съ необыкновеннымъ одушевленіемъ: — ничего не потаю! Руки свяжутъ, языкъ не завяжутъ! Ужъ на что я, Ѳома Ѳомичъ, гнусный передъ тобою

выхожу человѣкъ, одно слово: рабъ, а и мнѣ въ обиду! Услугой и подобострастьемъ я передъ тобой завсегда обязанъ, для того, что рабски рожденъ и всякую обязанность во страхѣ и трепетѣ происходить долженъ. Книжку сочинять сядешь, я докучнаго обязанъ къ тебѣ не допускать, для того—это настоящая должность моя выходитъ. Прислужить что попадобится — съ моимъ полнымъ удовольствіемъ сдѣлаю. А то что на старости лѣтъ по заморски лаять, да передъ людьми сраму набираться! Да я въ людскую теперь не могу сойти: «французъ ты,—говорятъ,—французъ!» Нѣтъ, сударь Ѳома Ѳомичъ, не одинъ я, дуракъ, а ужъ и добрые люди начали говорить въ одинъ голосъ, что вы, какъ есть злющій человѣкъ теперь стали, а что баринъ передъ вами все одно, что малый ребенокъ, что вы хоть породой и *енаральскій сынъ*, и сами, можетъ, немного до енарала не дослужили, но такой злющій, какъ, то-есть, долженъ быть настоящій фурій.

Гаврила кончилъ. Я былъ внѣ себя отъ восторга. Ѳома Ѳомичъ сидѣлъ блѣдный отъ ярости, среди всеобщаго замѣшательства и, какъ будто не могъ еще опомниться отъ неожиданнаго нападенія Гаврилы; какъ будто онъ въ эту минуту еще соображалъ: въ какой степени должно ему разсердиться? Наконецъ, воспослѣдовалъ взрывъ.

— Какъ! Онъ смѣлъ обругать меня, меня! Да это бунтъ!—завизжалъ Ѳома и вскочилъ со стула.

За нимъ вскочила генеральша и всплеснула руками. Началась суматоха. Дядя бросился выталкивать преступнаго Гаврилу.

— Въ кандалы его, въ кандалы!—кричала генеральша.—Сейчасъ же его въ городъ и въ солдаты отдай, Егорушка! Не то, не будетъ тебѣ моего благословенія. Сейчасъ же на него колодку набей и въ солдаты отдай!

— Какъ, — кричалъ Ѳома, — рабъ! Халдей! Хамлетъ! Осмѣлился обругать меня! Онъ, онъ, обтирка моего сапога! Онъ осмѣлился назвать меня фуріей?

(Достоевскій: «Село Степанчиково и его обитатели»).

Выкармливанье щенятъ крѣпостными женщинами.

— Вотъ-вотъ. Удивительное дѣло: животную тварь любилъ, а людей тиранилъ.

— Люди сдѣлали ему много зла,—сказала Лена мягко.

— Люди?.. Нѣтъ, люди ничего. Жена сбѣжала, это вѣрно. Крестьянку взялъ, крѣпостную, а *она, значитъ, съ офицеромъ* укатила. Правда, съ этихъ поръ озвѣрѣлъ. «*Я, говоритъ, ее изъ низкости вывелъ... Когда такъ, говоритъ, то я всему ея племю себя покажу. Хуже собакъ мнѣ мужики теперь*»... Ну и вѣрно, что хуже сдѣлалъ. Псарню построилъ въ родѣ господскаго дома. И которыя были у него самыя любимыя десять сукъ, и принесутъ, напримѣрно, щенятъ, и сейчасъ онъ раздаетъ ихъ по крѣпостнымъ женщинамъ. Которая, понимаешь, принесла ребеночка и имѣетъ въ грудяхъ молоко,—сейчасъ ей собачары приносятъ *щенёнка, стало-быть, для воспитанья*...

— Неправда!—вскрикнула Лена, точно ужаленная.

— Убей меня Богъ, — равнодушно вставилъ *ямщикъ и опять обратился* къ разсказу.—Ты вотъ послушай, что дальше-то, какъ Господь-Батюшка распорядился: черезъ этого человѣка всѣмъ православнымъ воля вышла...

Вотъ былъ этого барина крѣпостной человѣкъ на оброкѣ, Алексѣемъ звали. Ужъ вотъ былъ мужикъ разумный, да красивый, да удачливый, просто по всей вотчинѣ молодецъ первѣйшій. И имѣлъ у себя молодую жену. Онъ-то красивъ да пригожъ, а она и того лучше,—почти этакихъ по всему свѣту бѣлому, анъ и не сыщешь. Имуществомъ тоже Богъ не обидѣлъ: изъ хорошихъ семей оба, достаточные. Ну, только и имѣлъ этотъ Алексѣй въ себѣ маленечко гордость. Вотъ приходитъ ему, Алексѣю, въ дальній извозъ итить, а жена у него остается на сносяхъ. Дѣлать нечего. Идетъ онъ съ извозомъ, знаешь, по степи. Идутъ, ночное дѣло, возы скрыпятъ, обозчики, разный народъ, со всѣхъ, можетъ, мѣстъ, рядомъ идутъ да промежду себя разговоръ ведутъ. Извѣстно, — дѣло дорожное, какъ и мы вотъ сейчасъ: гдѣ какіе, напримѣрно, народы проживаютъ, гдѣ какой обиходъ, ну и все такое прочее. А онъ, Алексѣй, идетъ съ возами, все молчитъ, что туча. Вотъ у него другіе и спрашиваютъ: «Ты это что же, молодецъ, въ товарищахъ идешь, а съ нами, товарищами, разговаривать не хочешь. Аль самъ объ себѣ высоко понимаешь, а нами брезгуешь?»...—«Нѣтъ, говоритъ, товарищи милые, самъ я объ себѣ не высоко понимаю и вами, товарищами, не брезгую. А то я, говоритъ, невеселъ по степи иду, что дома жену оставилъ, а помѣщикъ у насъ больно лютъ. Бьютъ, колотятъ, только душу не вынимаютъ. Ну, да это все ничего, до меня бы не касающее, а что вотъ завелъ дурную моду—щенятъ женскими грудями воспитывать». Вотъ и стали тѣ люди, по степи идучи, то дѣло обсуживать. А въ степи-то, знаешь, всѣ вольные люди: который у себя дома, можетъ, и крѣпостной, и тотъ въ степи вольнымъ казакомъ объявляется. Попадается, конечно, и служивый народъ, отставные солдаты. Вотъ и говорятъ тѣ люди Алексѣю: «Дураки, видно, въ вашей деревнѣ живутъ. Этого и закону-то, покуль свѣтъ стоитъ, не бывало, чтобы животную тварь женскимъ молокомъ воспитывать. Этого и Господь не можетъ терпѣть, такъ можетъ ли барскій законъ статы выше Божьяго?»

«Вотъ и запади опять тѣ рѣчи Алексѣю. Идетъ съ обозомъ, дорога подъ нимъ горитъ, а самъ все думаетъ: нѣтъ закону, да и нѣтъ закону! Хорошо! Пріѣзжаетъ, ночное дѣло, домой, жена его не встрѣчаетъ, огня не вздуваетъ, темно въ избѣ, какъ въ могилѣ. Входитъ въ избу, младенецъ у него въ зыбкѣ плачетъ, въ углу щенята скучатъ. «Это-то что такое?» —«А это, жена говоритъ, сына Богъ далъ».—«А въ углу что?»—«А въ углу щенята, самъ понимаешь»...—«Ты-то понимаешь ли сама! Я этого терпѣть не могу! Давай собачатъ сюда!» Взялъ одного въ руку, другого въ другую, примялъ да опять положилъ на мѣстѣ. «Ну, говоритъ, молись Богу за свой грѣхъ великій, да бери младенца. Вишь, онъ у тебя въ зыбкѣ кричитъ».

«А на утро нарядчики приходятъ, собачары: «Анна, показывай щенятъ, здоровы ли они у тебя!»—«Да они, молъ, съ чегой-то поколѣли».—«Какъ, оба?»—«Оба, молъ, и поколѣли».—«Что за причина? Ну, дѣло не наше, барину доложимъ». А тутъ Алексѣй въ избу входитъ: «Что вамъ надо? Зачѣмъ пришли? Гдѣ законъ? Ребенокъ въ зыбкѣ кричи, а щенята у женщины груди сосутъ. Прочь изъ избы, чтобы мнѣ васъ, собачаровъ, и не видать?» «А ты, Алексѣй, собачаръ ему говоритъ, больно-то не кричи. Не отъ себя пришли, барину доложимъ». Ну, конечно, пошли, господину и обсказали. Что же ты думаешь: велитъ онъ

сейчасъ тѣхъ щенятъ на холсты положить, какъ упокойниковъ. Принесли ихъ на холстахъ, ощупалъ, «убиты, говоритъ, злодѣемъ твари невинныя». И заплакалъ. Потомъ позвалъ собачьихъ поваровъ, велитъ для псарни овсянку готовить покруче.

«Все, бывало, такъ: овсянку готовили для всей псарни ведеръ на сорокъ и болѣе: овсянку сготовятъ, станутъ собакъ кормить, а онъ тутъ же въ стулу сидитъ, смотритъ, да изъ своихъ рукъ подкармливаетъ. Вотъ и на тотъ разъ, сѣлъ у котла, щенятъ на холстахъ рядомъ положилъ. «Позвать Алексѣя!» Пришелъ Алексѣй. «Видишь, говоритъ, невинно убіенныхъ».—«Вижу, молъ. Да что жъ, баринъ, на человѣка и то причина бываетъ, не то что на тварь животную».—«Ты имъ конецъ сдѣлалъ, варваръ?»—«Я имъ конца не дѣлалъ, а что вотъ вы не по закону поступаете. Ребенокъ, хоть и мужицкое дитя, все у Бога человѣческая душа считается. И долженъ онъ въ зыбкѣ лежать, а вы у бабы груди псиной пакостите. Передохни они всѣ у васъ. И то народъ глупъ: всѣхъ бы передавить надо!» Какъ онъ эти слова сказалъ... снялся, милая ты моя, баринъ Панкратовъ со стула...

Онъ повернулся весь на козлахъ и впился своими глубокими глазами въ испуганные глаза дѣвушки.

Она чувствовала какой-то надвигающійся ужасъ и хотѣла бы защититься отъ него, но была безсильна.

— Снялся онъ со стула, да ка-акъ толкнетъ этого Алексѣя въ грудь... Упалъ тотъ навзничь, да прямо... голубушка ты моя! барышня милая, прямо головой-те... въ котелъ...

— Ну?—вся вздрогнувъ, спросила Лепа.

— Да что! Пикнуть не успѣлъ... Кинулись собачары, вытащили... весь обварился... Пошелъ по собачарамъ шумъ, пошла по дворнѣ булга. А одинъ собачаръ тому Алексѣю братъ былъ... Кинулся въ хоромы, схватилъ ружье... Баринъ къ дворнѣ, а ужъ дворня, понимаешь, волками смотритъ.

Вскипѣло холопье сердце...

(Короленко: «Въ облачный день»).

Судьба двороваго.

Босоногій, оборванный и взъерошенный Сучокъ казался съ виду отставнымъ дворовымъ, лѣтъ шестидесяти.

— Есть у тебя лодка? — спросилъ я.

— Лодка есть,—отвѣчалъ онъ глухимъ и разбитымъ голосомъ,—да больно плоха.

— А что?

— Расклеилась: да изъ дырьевъ клепки повывалились.

— Велика бѣда!—подхватилъ Ермолай.—Паклей затянуть можно.

— Извѣстно, можно,—подтвердилъ Сучокъ.

— Да ты кто?

— Господскій рыболовъ.

— Какъ же это ты рыболовъ, а лодка у тебя въ такой неисправности?

— Да въ нашей рѣкѣ рыбы-то нѣту...

— Скажи, пожалуйста,—началъ я:—давно ты здѣсь рыбакомъ?

— Седьмой годъ пошелъ,—отвѣчалъ онъ, встрепенувшись.

— А прежде чѣмъ ты занимался?

— Прежде ѣздилъ кучеромъ.

— Кто жъ тебя изъ кучеровъ разжаловалъ?

— А новая барыня.

— Какая барыня?

— А что насъ-то купила. Вы не изволите знать: Алена Тимоѳеевна, толстая такая... немолодая.

— Съ чего жъ она вздумала тебя въ рыболовы произвести.

— А Богъ ее знаетъ. Пріѣхала къ намъ изъ своей вотчины, изъ Тамбова, велѣла всю дворню собрать, да и вышла къ намъ. Мы сперва къ ручкѣ, и она ничего: не серчаетъ... А потомъ и стала по порядку насъ разспрашивать: чѣмъ занимался, въ какой должности состоялъ? Дошла очередь до меня; вотъ и спрашиваетъ: «Ты чѣмъ былъ?» Говорю: кучеромъ. «Кучеромъ? Ну, какой ты кучеръ, посмотри на себя: какой ты кучеръ? Не слѣдъ тебѣ быть кучеромъ, а будь у меня рыболовомъ, и бороду сбрей. На случай моего пріѣзда къ господскому столу рыбу поставляй, слышишь?..» Съ тѣхъ поръ, вотъ, я въ рыболовахъ и числюсь. «Да прудъ у меня, смотри, содержать въ порядкѣ...» А какъ его содержать въ порядкѣ?

— Чьи же вы прежде были?

— А Сергѣя Сергѣевича Пехтерева. По наслѣдствію ему достались. Да и онъ нами недолго владѣлъ, всего шесть годовъ. У него-то вотъ я кучеромъ и ѣздилъ... да не въ городѣ— тамъ у него другіе были, а въ деревнѣ.

— И ты смолоду все былъ кучеромъ?

— Какое все кучеромъ! Въ кучера-то я попалъ при Сергѣѣ Сергѣичѣ, а прежде поваромъ былъ, но не городскимъ поваромъ, а такъ, въ деревнѣ.

— У кого жъ ты былъ поваромъ?

— А у прежняго барина, у Аѳанасія Нефедыча, у Сергѣя Сергѣичина дяди... Сперва, точно, былъ поваромъ, а то и въ кофишенки попалъ.

— Во что?

— Въ кофишенки.

- Это что за должность такая?

— А не знаю, батюшка. При буфетѣ состоялъ, и Антономъ назывался, а не Кузьмой. Такъ барыня приказать изволила.

— Твое настоящее имя Кузьма?

— Кузьма.

— И ты все время былъ кофишенкомъ?

— Нѣтъ, не все время: былъ и ахтеромъ.

— Неужели?

— Какъ же, былъ... на кеятрѣ игралъ. Барыня наша кеятръ у себя завела.

— Какія же ты роли занималъ?

— Чего изволите-съ?

— Что ты дѣлалъ на театрѣ?

— А вы не знаете? Вотъ меня возьмутъ и нарядятъ; я такъ и хожу наряженый, или стою, или сижу, какъ тамъ придется. Говорятъ: вотъ что говори,—я и говорю. Разъ слѣпого представлялъ... Подъ каждую вѣку мнѣ по горошинѣ положили... Какъ же!

— А потомъ чѣмъ былъ?

— А потомъ опять въ повара поступилъ.

— За что же тебя въ повара разжаловали?

— А братъ у меня сбѣжалъ.

— Ну, а у отца твоей первой барыни чѣмъ ты былъ?

— А въ разныхъ должностяхъ состоялъ: сперва въ казачкахъ находился, фалеторомъ былъ, садовникомъ, а то и доѣзжачимъ.

— Доѣзжачимъ?.. И съ собаками ѣздилъ?

— Ѣздилъ и съ собаками, да убился: съ лошадью упалъ и лошадь зашибъ. Старый-то баринъ у насъ былъ престрогій; велѣлъ меня выпороть да въ ученье отдать въ Москву, къ сапожнику.

— Какъ въ ученье? Да ты, чай, не ребенкомъ въ доѣзжачіе попалъ?

— Да лѣтъ, этакъ, мнѣ было двадцать слишкомъ.

— Какое жъ тутъ ученье въ двадцать лѣтъ?

— Стало-быть, ничего, можно, коли баринъ приказалъ. Да онъ, благо, скоро

умеръ, — меня въ деревню и вернули.

— Когда же ты поварскому-то мастерству обучился?

Сучокъ приподнялъ свое худенькое и желтенькое лицо и усмѣхнулся.

— Да развѣ этому учатся?.. Стряпаютъ же бабы!

— Ну,— промолвилъ я,— видалъ ты, Кузьма, виды на своемъ вѣку! Что жъ ты теперь въ рыболовахъ дѣлаешь, коль у васъ рыбы нѣту?

— А я, батюшка, не жалуюсь. И славу Богу, что въ рыболовы произвели. А то вотъ другого, такого же, какъ я, старика Андрея Пупыря въ бумажную фабрику, въ черпальную барыня приказала поставить. Грѣшно, говоритъ, даромъ хлѣбъ ѣсть... А Пупырь-то еще на милость надѣялся: у него двоюродный племянникъ въ барской конторѣ сидитъ конторщикомъ: доложить обѣщался объ немъ барынѣ, напомнить. Вотъ-те и напомнилъ!.. А Пупырь въ моихъ глазахъ племяннику-то въ ножки кланялся.

— Есть у тебя семейство? Былъ женатъ?

— Нѣтъ, батюшка, не былъ. Татьяна Васильевна покойница—царство ей небесное! — никому не позволяла жениться. Сохрани Богъ! Бывало, говоритъ: вѣдь живу же я такъ, въ дѣвкахъ, что за баловство! Чего имъ надо?

— Чѣмъ же ты живешь теперь? Жалованье получаешь?

— Какое, батюшка, жалованье!... Харчи выдаются и то слава Тебѣ, Господи! Много доволенъ. Продли Богъ вѣка нашей госпожѣ!..

(Тургеневъ: „Зап. Ох.“. „Льговъ“).

Крѣпостная идиллія.

Одно время служилъ у отца кучеръ Іохимъ, человѣкъ небольшого роста, съ смуглымъ лицомъ и очень свѣтлыми усами и бородкой. У него были глубокіе и добрые синіе глаза, и онъ прекрасно игралъ на дудкѣ. Онъ былъ какой-то удачливый, и всѣ во дворѣ его любили, а мы, дѣти, такъ и липли къ нему, особенно въ сумерки, когда онъ садился въ конюшнѣ на свою незатѣйливую постель и бралъ дудку.

У Коляновской была любимая горничная, дворовая дѣвушка Марья. Я тогда былъ плохой цѣнитель женской красоты, помню только, что у Марьи были густыя черныя брови, точно нарисованныя, и черные же, жгучіе глаза. Іохимъ полюбилъ эту дѣвушку, и она полюбила его, но, когда моя мать по просьбѣ Іохима пошла къ Коляновской просить отдать ему Марью, то властная барыня очень разсердилась, чуть ли не заплакала сама, такъ какъ и она и ея двѣ дочери «очень любили Марью», взяли ее изъ деревни, осыпали всякими благодѣяніями и теперь считали, что она неблагодарная. Исторія эта тянулась что-то около двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Разсказывали у насъ на кухнѣ, что Іохимъ хотѣлъ самъ «итти въ крѣпаки», лишь бы ему позволи жениться на любимой дѣвушкѣ, а про Марью говорили, что она съ каждымъ днемъ «марніе и сохне» и, пожалуй, наложитъ на себя руки.

Однажды я забрался на высокую густую грушу. Подъ грушей въ затѣненной части сада стояла скамья, и на эту скамью пришла Марья. Я съ удивленіемъ услышалъ, что она плачетъ, и не то бормочетъ что-то, не то поетъ. Потомъ подошелъ Іохимъ и какъ-то робко и вмѣстѣ ласково хотѣлъ обнять дѣвушку за талію. Она рѣзко оттолкнула его и заплакала сильнѣе. Онъ сталъ утѣшать ее, увѣряя,

что его «пани» (моя мать) упроситъ-таки Коляновскую, и все будетъ хорошо. Но Марья продолжала плакать и то сама порывисто обнимала Іохима, то принималась упрекать и гнать его, увѣряя, что она умретъ, повѣсится, зарѣжется, утопится въ криницѣ и вообще покончитъ жизнь всевозможными способами. Я съ простодушнымъ дѣтскимъ любопытствомъ слушалъ, притаившись въ густыхъ вѣтвяхъ, проявленія этихъ незнакомыхъ мнѣ еще бурныхъ чувствъ.

Кончилось все это совершенно благополучно. Коляновская въ сущности была женщина властная, но очень добрая и, согласившись, наконецъ, уступить свою любимицу, — дала ей приданое и устроила на свой счетъ свадьбу. Осенью пришли во дворъ молодые съ «музыками», и на посыпанной пескомъ площадкѣ двора Іохимъ со «свахами и дружинами» отплясывалъ такого казачка, какого я уже никогда не видывалъ впослѣдствіи.

Послѣ этого молодые поселились въ собственной хаткѣ надъ Тетеревомъ, и мы часто заходили къ нимъ, отправляясь купаться. Хатка стояла на склонѣ, вся въ зелени, усыпанной яркими цвѣтами высокой мальвы, и воспоминаніе объ этомъ уголкѣ и объ этой счастливой парѣ осталось въ моей

Крестьянская дѣвушка.

душѣ свѣтлымъ пятнышкомъ, обвѣяннымъ своеобразной поэзіей.

И только впослѣдствіи раскрылся передо мной внутренній смыслъ и жестокая неправда, служившіе фономъ и началомъ для этой крѣпостной идилліи, которая могла кончиться совсѣмъ иначе...

(Короленко: «Исторія моего современника»).

Положеніе крѣпостныхъ.

Внезапно наступаетъ затишье. Отецъ садится за столъ и пишетъ записку: «Пошлите Макара съ этой запиской на съѣзжую. Тамъ ему закатятъ сто розогъ».

Въ домѣ ужасъ и оцѣпенѣніе.

Бьетъ четыре. Мы всѣ спускаемся къ обѣду, но ни у кого нѣтъ охоты ѣсть. Никто не дотрагивается до супа. Насъ за столомъ десять человѣкъ. За каждымъ стоитъ скрипка или тромбонъ, съ чистой тарелкой въ лѣвой рукѣ, но Макара нѣтъ.

— Гдѣ Макаръ? — спрашиваетъ мачеха, — позвать его. Макаръ не является, и приказъ отдается снова. Входитъ Макаръ, блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, пристыженный, съ опущенными глазами. Отецъ глядитъ въ тарелку. Мачеха, видя, что никто изъ насъ не дотронулся до супа, пробуетъ оживить насъ.

— Не находите ли вы, дѣти,—говорить она по-французски,—что супъ сегодня превосходный.

Слезы душатъ меня. Послѣ обѣда я выбѣгаю, нагоняю Макара въ темномъ коридорѣ и хочу поцѣловать его руку; но онъ вырываетъ ее и говоритъ, не то съ упрекомъ, не то вопросительно:

—Оставь меня; небось, когда вырастешь, и ты такой же будешь?

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда!

Благословеніе на крестьянской свадьбѣ.

А между тѣмъ отецъ мой былъ не изъ жестокихъ помѣщиковъ. Наоборотъ, даже слуги и мужики считали его хорошимъ бариномъ. Но то, что я только что описалъ, происходило всюду, часто въ гораздо болѣе жестокой формѣ. Сѣченіе крѣпостныхъ входило въ кругъ обязанностей полиціи и пожарныхъ.

Одинъ помѣщикъ разъ спросилъ другого: «Почему это въ вашемъ имѣніи число душъ такъ медленно прибываетъ? Вы, по всей вѣроятности, мало слѣдите за тѣмъ, чтобы люди женились».

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого генералъ возвратился въ свою деревню. Онъ велѣлъ принести себѣ списокъ всѣхъ крестьянъ, отмѣтилъ имена всѣхъ парней, достигшихъ восемнадцати лѣтъ, и дѣвушекъ, которымъ исполнилось шестнадцать, т.-е. всѣхъ тѣхъ, которыхъ уже по закону можно вѣнчать. Затѣмъ генералъ отдалъ приказъ: «Ивану жениться на Аннѣ, Павлу на Парашкѣ, Ѳедору на Прасковьѣ» и т. д. Такъ онъ намѣтилъ пять паръ. «Пять свадьбъ, — гласилъ приказъ, — должны состояться въ воскресенье, черезъ десять дней». Вой поднялся по всей деревнѣ. Въ каждомъ домѣ вопили женщины, молодыя и старыя. Анна надѣялась выйти за Григорія. Павловы старики уже сговорились съ Ѳедотовыми насчетъ ихъ дочери, которая скоро входила въ возрастъ. На придачу, время было пахать, а не свадьбы играть. Да и какъ можно приготовиться къ свадьбѣ въ десять дней! Десятки крестьянъ приходили, чтобы повидать барина. Группы бабъ, съ кусками тонкаго полотна въ рукахъ, дожидались у чернаго входа барыни, чтобы заручиться ея заступничествомъ. Но все было напрасно. Помѣщикъ заявилъ, что свадьбы должны быть черезъ десять дней; такъ оно и быть должно.

Въ назначенный день свадебныя процессіи, скорѣе напоминавшія похороны, направились въ церковь. Женщины вопили и причитывали, какъ по покойникамъ. Одного изъ лакеевъ командировали въ церковь, чтобы доложить, когда обрядъ свершится. Скоро, однако, лакей прибѣжалъ блѣдный и разстроенный, съ шапкой въ рукахъ.

— Парашка упрямится, — доложилъ онъ. — Она не хочетъ выходить за Павла. Когда батюшка спросилъ: «Согласна ты?» Она громко крикнула: Нѣтъ, не согласна!»

Помѣщикъ разсвирѣпѣлъ. «Ступай и скажи ему, долгогривому, что если онъ не обвѣнчаетъ Парашку, я донесу архіерею, что онъ пьяница. Какъ смѣетъ онъ, мерзавецъ, не слушаться меня. Скажи, что я его сгною въ монастырѣ. Парашкиныхъ же родителей сошлю въ степную деревню».

Лакей передалъ приказъ. Парашку обступили попъ и родители ея. Мать на колѣняхъ молила не губить всѣхъ. Дѣвушка твердила все «не хочу»; но все болѣе и болѣе слабымъ голосомъ; потомъ шопотомъ, наконецъ, совсѣмъ замолчала. Ей возложили вѣнецъ. Она не сопротивилась. Лакей помчался въ барскій домъ съ докладомъ «повѣнчали!»

Полчаса спустя у воротъ помѣщичьяго дома забряцали бубенчики свадебнаго поѣзда. Пять паръ слѣзли съ телѣгъ, перешли дворъ и вошли въ переднюю. Помѣщикъ принялъ ихъ и велѣлъ поднести по рюмкѣ водки. Родители, стоявшіе позади плакавшихъ дочерей, велѣли имъ кланяться въ ноги барину...

(Кропоткинъ: Записки).

Крѣпостной столяръ.

У помѣщика былъ мастеровой, одаренный золотыми руками, кажется, столяръ. Помѣщикъ былъ охотникъ заниматься работами мебели и другими затѣями столярнаго производства: столяръ былъ у него не одинъ, а потому работа шла успѣшно. Одному изъ столяровъ, о которомъ именно идетъ дѣло, непремѣнно захотѣлось быть на оброкѣ, во что бы то ни стало, тѣмъ болѣе что помѣщикъ накладывалъ на мастеровыхъ, жившихъ внѣ дома, оброкъ самый умѣренный. Столяръ приходилъ проситься на оброкъ; ему было представлено, что онъ нуженъ дома, что есть много домашней работы и потому онъ отпущенъ быть не можетъ. Вмѣсто этого, чтобы спокойно покориться своей участи, онъ бормоталъ что-то о проклятой жизни, о каторжной жизни и проч. и вышелъ изъ передней барскаго дома, сильно хлопнувъ дверью, онъ немедленно началъ портить работу, всякій разъ когда только представлялся случай, грубилъ барину и словомъ и дѣломъ. Баринъ взыскивалъ, когда бранью, когда угрозой или толчкомъ, и все надѣялся, что столяръ опомнится,

Въ столярной мастерской. (Карт. Плахова 1830 г.).

но, наконецъ, мѣра его терпѣнія исполнилась. Накапунѣ безсонной ночи, уже передъ вечеромъ баринъ, войдя въ мастерскую, нашелъ, тамъ страшный безпорядокъ; а на замѣчаніе его столяръ сдѣлалъ дерзость. Помѣщикъ вспыхнулъ и, въ порывѣ гнѣва, велѣлъ готовить лошадей, чтобъ на другой же день везти грубіяна въ губернскій городъ для представленія въ рекрутское присутствіе...

Безотчетно шелъ онъ къ тому краю, гдѣ вышедшая изъ околицы дорога проходила возлѣ самой опушки рощи,— и вдругъ снова плачъ, и рыданія, и вопли начали долетать до его слуха. Помѣщикъ хотѣлъ было свернуть на ближнюю дорожку, но было уже поздно — его замѣтили. «Баринъ, баринъ!» раздалось съ телѣги,—и столяръ, вырвавшись изъ рукъ стерегшихъ его мужиковъ, бросился черезъ канаву, черезъ плетень, и стремглавъ упалъ въ ноги барину, прежде нежели тотъ опомнился.

— Баринъ, помилуйте, простите!— кричалъ онъ задыхающимся отъ отчаянія голосомъ.

Спокойно посмотрѣлъ онъ на валявшагося у ногъ его преступника и твердымъ голосомъ сказалъ:

— Возьмите его и везите, куда велѣно.

— Баринъ, родимый, отецъ ты нашъ, помилуй,—раздались вопли женщинъ.

Столяръ схватилъ его ноги и крѣпко держался за нихъ, вырываясь отъ тащившихъ его мужиковъ. Бабы ловили барина за руки и обливали ихъ слезами.

— Будешь ли ты вести себя хорошо? Даешь ли ты слово не грубить впередъ?

— Помилуйте,—кричалъ столяръ,— не буду! Разрази меня Господь, не буду!

— Довольно,—сказалъ помѣщикъ,— Богъ съ тобою, я прощаю тебя для твоей матери-старухи, ступай домой, но помни, что я прощаю тебя теперь въ послѣдній разъ!..

(Селивановъ: Воспоминанія).

Добрые господа.

Ульяна эта у Софіи Николаевны при комнатѣ находилась, и барыня ее жаловали, умница такая была. Былъ у насъ тоже-съ человѣкъ Ѳедоръ, человѣкъ пьющій, но, впрочемъ, игралъ на скрипкѣ отмѣнно; только рука ужъ очень дрожала отъ горячихъ напитковъ, а чести былъ примѣрной. Вотъ Ѳедоръ этотъ возьми и обучи пѣсни пѣть Ульяну, голосомъ она брала-съ и на музыку препонятливая. Такъ шло это годъ-другой и никто и подумать не могъ; что за катавасія выйдетъ. Баринъ нашъ слышали нѣсколько разъ, какъ Ульяна поетъ, и говорятъ сестрицѣ, вѣдь это кладъ, дайте ей, молъ, вольную, а я ее пѣвицей сдѣлаю. Вотъ изволили замѣтить, какая душа, не хотѣли, чтобы, обучившись, крѣпостной осталась. Сестрица имъ въ глаза смотрѣли; сейчасъ, молъ, Енюша, и отпускную совершила. Учитель ходилъ изъ нѣмцевъ, иной разъ съ нами вступалъ въ разговоръ, шинель когда подаешь или что, пріостановится, не гордый, былъ простой... «Ну, говорилъ онъ, а помѣщикъ вашъ въ музыкѣ собаку съѣлъ, мнѣ у него учиться приходится и голосъ у фрейленъ Юльхенъ оченно прекрасенъ; да и глаза-то у нея недурны, философъ-то вашъ знаетъ, гдѣ раки зимуютъ». Однако мы стали замѣчать ужъ и промежъ себя, что Евгеній Николаевичъ очень руководствуются Ульяной. Ужъ и сестрица перепужались, что, молъ, много воли заберетъ. Но только она никому вреда никогда не дѣлала.

Къ тому случаю у Евгенія Николаевича будь камердинеромъ Архипъ. Съ дѣтства при нихъ состоялъ, только былъ года четыре помоложе, казачкомъ такъ поступилъ съ малолѣтства къ Евгенію Николаевичу на половину. И кто его знаетъ, какой человѣкъ, не то что дурной, а безалаберной и нерегулярной. Пить пойдетъ, весь домъ поитъ до положенія ризъ и съ себя все спуститъ—часы, жилетку, исподнее. Баринъ его жаловали очень, съ дѣтства, напримѣръ, росли вмѣстѣ и, что ему давали, невѣроятно, они же забывчивы. Евгеній Николаевичъ ему вѣрили, какъ самому себѣ. Вотъ этотъ самый Архипъ и сбилъ съ толку Ульяну... Сначала все шло благополучно, вдругъ только случись такая бѣда, что у насъ въ домѣ отродясь не бывало: у барина изъ шкатулки пропало двѣ тысячи рублевъ... Поднялся въ домѣ гвалтъ, Архипъ нашъ суетится, ищетъ, платья швыряетъ, волосы на себѣ рветъ—денегъ нѣтъ. Баринъ-то и ничего, словно не его дѣло, но Софья Николаевна расходилась, говоритъ. «Это дѣло Ѳедьки музыканта, онъ все пьянъ, откуда деньги беретъ»... Ѳедора отправили при запискѣ во вторую адмиралтейскую. Жаль мнѣ стало старика, такъ, мочи нѣтъ, сошелъ я въ людскую, да и говорю: ребята, если воръ дома, слѣдуетъ его сыскать и выдать, а стараго человѣка и невиннаго не приходится отдать на терзаніе, хоша на то и барская воля, но мы, въ очистку себя и его, вора поймать должны. Всѣ наши говорятъ въ одно слово, какъ не сыскать вора, коли дома. Вижу я-съ, эдакъ въ Архипѣ перемѣну. Э, братъ, это не модель,—суетится слишкомъ Архипъ, ищетъ послѣ обѣда за диваномъ...

Да какъ же, молъ, деньгамъ попасть за диванъ? А онъ мнѣ въ отвѣтъ: «Да вотъ, молъ, подите съ полоумнаго спрашивайте отчетъ, все побросаетъ, а потомъ ищи за нимъ, да еще, чего добраго, скажутъ, что кто-нибудь укралъ».

Посмотрѣлъ я ему въ глаза, вижу взглядъ не хорошъ, ну, думаю, была не была, т.-е. Ѳедора мнѣ было смерть жаль, да и на домъ похула нехороша,—я-таки, не говоря худого слова, хвать его въ грудь, да и на полъ, тутъ я его колѣнкой прижалъ да и говорю: «Ну, признавайся, мошенникъ, твое это дѣло, а другихъ не марай и за себя не губи». Онъ такъ оторопѣлъ, что ни слова. На этотъ шумъ выходитъ баринъ. Я ему докладываю: батюшка, молъ, Евгеній Николаевичъ, извольте меня на поселенье послать, какъ угодно, а деньгамъ вашимъ воръ не кто иной, какъ Архипъ... Баринъ эдакъ пріостановился, подумалъ и такимъ тихимъ и грустнымъ голосомъ сказалъ: «Архипъ, неужели въ самомъ дѣлѣ?» Не выдержалъ Архипъ, въ три ручья залился, рванулся отъ меня и барину въ ноги. «Виноватъ, говоритъ, кругомъ виноватъ и запираться не намѣренъ. Запутался я въ одномъ нечистомъ дѣлѣ, мнѣ приходилось въ острогъ итти или выкупиться, ну, лукавый подтолкнулъ меня. Готовъ я всякое наказаніе принять, а деньги ваши, Евгеній Николаевичъ, еще цѣлы». При этомъ онъ въ азартѣ, расплаканный, вытащилъ изъ кармана ассигнаціи, завернутыя въ бумажку, и подалъ.

Баринъ все время не говорили ни слова, только взявши деньги, они вздрогнули и вышли вонъ. А Архипъ такъ и взвылъ: «Посажу себѣ пулю въ лобъ, не хочу больше горя мыкать. лучшаго я не достоинъ. Господи, что надѣлалъ, вѣдь деньги-то были завернуты въ Ульянино письмо; сгубилъ я себя и ее».

— Спиридонъ,—позвалъ баринъ изъ кабинета, — я взошелъ... Спиридонъ,

никто въ домѣ не знаетъ, что было. Такъ вотъ поди сюда, вотъ отпускная Архипа и еще отпускная,—тутъ они остановились, однако такъ и не сказали,—такъ ты имъ отдай, да устрой, чтобы сейчасъ изъ дому переѣхали, только сейчасъ, не мѣшкая, возьми, сколько надобно денегъ изъ тѣхъ. Да ты, Спиридонъ, сдѣлай это все помягче, понимаешь, ну, да хорошо, ступай,—прибавилъ онъ, видя, что слова-то не выходятъ.

Ну, ужъ, какъ бѣдная Ульяна плакала...

Пока я съ ней хлопоталъ, привелъ полицейской Ѳедора и комиссаръ съ нимъ, говоритъ: «Сколько мы его не принимались сѣчь, не признается, видно, деньги не онъ укралъ». Я посмотрѣлъ, Ѳедоръ въ лицѣ нехорошъ. Комиссаръ говоритъ: «Барынѣ слѣдуетъ допросить другихъ, на кого есть подозрѣніе». Она пошла къ братцу, что-то по-французски потолковать, вдругъ она выходитъ въ залъ и говоритъ комиссару:

— Представьте, какой случай, братъ мой нашелъ деньги, мнѣ, право, совѣстно, что васъ даромъ обезпокоили.

— Помилуйте, это наша обязанность,—говоритъ комиссаръ, а она ему красненькую, да Ѳедора приказала чаемъ попоить...

Съ тѣхъ поръ и помину не было объ этой исторіи. Тѣмъ дѣло почитай и кончилось. Ну, только Ѳедоръ слегъ въ постель, да мѣсяца черезъ два и померъ. Невинную душу загубила Софья Николаевна. Наше крѣпостное дѣло, не приведи Богъ...

(Герценъ: «Поврежденный»).

Дворовый.

А я,—какъ песъ,
Я, какъ щенокъ, средь дворни росъ;
Ѣлъ, что попало. Съ тумаками
Всей барской челяди знакомъ.
Отецъ мой, знаешь, былъ псаремъ,
Да умеръ. Баринъ жилъ на-славу:
Давалъ пиры, держалъ собакъ;
Чужой ли, свой ли,—чуть не такъ,
Своей рукой чинилъ расправу.
Жилъ я, не думалъ, не гадалъ,
Да въ музыканты и попалъ.
Ну, воля барская, извѣстно,
Ужъ и пришло тогда мнѣ тѣсно!
Одѣли, выдали фаготъ,
Играй! Бывало, потъ пробьетъ,
Что силы дую,—все нескладно!
Растянутъ, выдерутъ изрядно,—
Опять играй! Да цѣлый годъ
Такимъ порядкомъ дулъ въ фаготъ!
И вдругъ въ отставку: не годился!
Я радъ—молебенъ отслужилъ,
Да, видно, много согрѣшилъ:
У насъ ахтеръ вина опился—
Меня въ ахтеры... Стало,—рокъ!
Пошла мнѣ грамота не впрокъ!
Бывало, что: рога приставятъ,
Твердить на память рѣчь заставятъ,
Ошибся, въ зубы! Въ гробъ бы легъ,—
Евграфъ Антипычъ мнѣ помогъ.
Я, значитъ, зналъ его довольно,
Ну, вижу, добръ; давай просить:
«Нельзя ль на волю откупить?
Вѣдь откупилъ! А было больно!—
И пятерней Семенъ хватилъ
Объ столъ.—Эхъ-ма! Собакой жилъ!»

(Никитинъ: «Поѣздка на хуторъ»).

Типы крѣпостныхъ дворовыхъ.

Я довольно наглядѣлся, какъ страшное сознаніе крѣпостного состоянія убиваетъ, отравляетъ существованіе дворовыхъ, какъ оно гнететъ, одуряетъ ихъ душу. Мужики, особенно оброчные, меньше чувствуютъ личную неволю, они какъ-то умѣютъ не вѣрить своему полному рабству. Но тутъ,

Помѣщикъ въ деревнѣ. (Картина Бенуа).

сидя на грязномъ залавкѣ передней съ утра до ночи или стоя съ тарелкой за столомъ, нѣтъ мѣста сомнѣнію.

Въ этомъ отношеніи было у насъ лицо чрезвычайно интересное, нашъ старый лакей Бакай. Человѣкъ атлетическаго сложенія и высокаго роста, съ крупными и важными чертами лица, съ видомъ величайшаго глубокомыслія, онъ дожилъ до преклонныхъ лѣтъ, воображая, что положеніе лакея одно изъ самыхъ значительныхъ.

Почтенный старецъ этотъ постоянно былъ сердитъ или выпивши, или выпивши и сердитъ вмѣстѣ. Должность свою онъ исполнялъ съ какой-то высшей точки зрѣнія и придавалъ ей торжественную важность; онъ умѣлъ съ особеннымъ шумомъ и трескомъ отбросить ступеньки кареты и хлопалъ дверцами сильнѣе ружейнаго выстрѣла. Сумрачно и на вытяжкѣ стоялъ на запяткахъ, и всякій разъ, когда его подтряхивало на рытвинѣ, онъ густымъ и недовольнымъ голосомъ кричалъ кучеру: «легче», несмотря на то, что рытвина уже была на пять шаговъ сзади.

Главное занятіе его сверхъ ѣзды за каретой, занятіе, добровольно возложенное имъ на себя, состояло въ обученіи мальчиковъ аристократическимъ манерамъ передней. Когда онъ былъ трезвъ, дѣло еще шло кой-какъ съ рукъ; но когда у него въ головѣ шумѣло, онъ становился педантомъ и

тираномъ до невѣроятной степени. Я иногда вступался за моихъ пріятелей, но мой авторитетъ мало дѣйствовалъ на римскій характеръ Бакая; онъ отворялъ мнѣ дверь въ залу и говорилъ: «вамъ здѣсь не мѣсто, извольте итти, а не то я на рукахъ снесу». Онъ не пропускалъ ни одного движенія ни одного слова, чтобъ не разбранить мальчишекъ; къ словамъ нерѣдко прибавлялъ онъ тумакъ или «ковырялъ масло», т.-е. щелкалъ какъ-то хитро и искусно, какъ пружиной, большимъ пальцемъ и мизинцемъ по головѣ.

Когда онъ разгонялъ, наконецъ, мальчишекъ и оставался одинъ, его преслѣдованія обращались на единственнаго друга его Макбета, большую ньюфаундлендскую собаку, которую онъ кормилъ, любилъ, чесалъ и холилъ...

Прежде Макбета у насъ была легавая собака Берта; она сильно занемогла, Бакай ее взялъ на свой матрацъ и двѣ-три недѣли ухаживалъ за ней. Утромъ рано выхожу я разъ въ переднюю. Бакай хотѣлъ мнѣ что-то сказать, но голосъ у него перемѣнился и крупная слеза скатилась по щекѣ,—собака умерла...

Но рядомъ съ этимъ дилетантомъ рабства, какіе мрачные образы мучениковъ, безнадежныхъ страдальцевъ печально проходятъ въ моей памяти. У Сенатора былъ поваръ, необычайнаго таланта, трудолюбивый, трезвый, онъ шелъ въ гору; самъ Сенаторъ хлопоталъ, чтобъ его приняли въ кухню государя, гдѣ тогда былъ знаменитый поваръ французъ. Поучившись тамъ, онъ опредѣлился въ англійскій клубъ, разбогатѣлъ, женился, жилъ бариномъ; но веревка крѣпостного состоянія не давала ему ни покойно спать ни наслаждаться своимъ положеніемъ.

Собравшись съ духомъ и отслуживши молебенъ Иверской, Алексѣй явился къ Сенатору съ просьбой отпустить его за пять тысячъ асс. Сенаторъ гордился своимъ поваромъ точно такъ, какъ гордился своимъ живописцемъ, а вслѣдствіе того денегъ не взялъ и сказалъ повару, что отпуститъ его даромъ послѣ своей смерти. Поваръ былъ пораженъ, какъ громомъ; погрустилъ перемѣнился въ лицѣ, сталъ сѣдѣть и... русскій человѣкъ принялся попивать. Дѣла свои повелъ спустя рукава, англійскій клубъ ему отказалъ. Онъ нанялся у княгини Трубецкой; княгиня преслѣдовала его мелкимъ скряжничествомъ. Обиженный разъ ею черезъ мѣру, Алексѣй, любившій выражаться краснорѣчиво, сказалъ ей съ своимъ важнымъ видомъ своимъ голосомъ въ носъ: «какая непрозрачная душа обитаетъ въ вашемъ свѣтлѣйшемъ тѣлѣ!» Княгиня взбѣсилась, прогнала повара и, какъ слѣдуетъ русской барынѣ, написала жалобу Сенатору. Сенаторъ ничего бы не сдѣлалъ, но, какъ учтивый кавалеръ, призвалъ повара, разругалъ его и велѣлъ ему итти къ княгинѣ просить прощенія.

Поваръ къ княгинѣ не пошелъ, а пошелъ въ кабакъ. Въ годъ времени онъ все спустилъ: отъ капитала, приготовленнаго для взноса, до послѣдняго фартука. Жена побилась, побилась съ нимъ, да и пошла въ няньки куда-то въ отъѣздъ. Объ немъ долго не было слуха. Потомъ какъ-то полиція привела Алексѣя, обтерханнаго, одичалаго; его подняли на улицѣ, квартиры у него не было, онъ кочевалъ изъ кабака въ кабакъ. Полиція требовала, чтобъ помѣщикъ его прибралъ. Больно было Сенатору, а, можетъ, и совѣстно; онъ его принялъ довольно кротко и далъ комнату. Алексѣй продолжалъ пить, пьяный шу-

мѣлъ и воображалъ, что сочиняетъ стихи; онъ, дѣйствительно, не былъ лишенъ какой-то безпорядочной фантазіи. Мы были тогда въ Васильевскомъ. Сенаторъ, не зная, что дѣлать съ поваромъ, прислалъ его туда, воображая, что мой отецъ уговоритъ его. Но человѣкъ былъ слишкомъ сломленъ. Я тутъ разглядѣлъ, какая сосредоточенная ненависть и злоба противъ господъ лежатъ на сердцѣ у крѣпостного человѣка: онъ говорилъ со скрипомъ зубовъ и съ мимикой, которая особенно въ поварѣ могла быть опасна. При мнѣ онъ не боялся давать волю языку; онъ меня любилъ и часто, фамильярно трепля меня по плечу, говорилъ: «добрая вѣтвь испорченнаго древа».

Послѣ смерти Сенатора, мой отецъ далъ ему тотчасъ отпускную; это было поздно, и значило сбыть его съ рукъ; онъ такъ и пропалъ.

Рядомъ съ нимъ не могу не вспомнить другой жертвы крѣпостного состоянія. У Сенатора былъ, въ родѣ письмоводителя, дворовый человѣкъ лѣтъ 35. Старшій братъ моего отца, умершій въ 1813 году, имѣя въ виду устроить деревенскую больницу, отдалъ его мальчикомъ какому-то знакомому врачу для обученія фельдшерскому искусству. Докторъ выпросилъ ему позволеніе ходить на лекціи медико-хирургической академіи; молодой человѣкъ былъ съ способностями, выучился по-латыни, по-нѣмецки и лѣчилъ кой-какъ. Лѣтъ двадцати пяти онъ влюбился въ дочь какого-то офицера, скрылъ отъ нея свое состояніе и женился на ней. Долго обманъ не могъ продолжаться, жена съ ужасомъ узнала послѣ смерти барина, что они крѣпостные. Сенаторъ, новый владѣлецъ его, нисколько ихъ не тѣснилъ, онъ даже любилъ молодого Толочанова, но ссора его съ женой продолжалась, она не могла ему простить обмана и бѣжала отъ него съ другимъ. Толочановъ, должно-быть, очень любилъ ее, онъ съ этого времени впалъ въ задумчивость, близкую къ помѣшательству, прогуливалъ ночи и, не имѣя своихъ средствъ, тратилъ господскія деньги; когда онъ увидѣлъ, что нельзя свести концовъ, онъ 31 декабря 1821 г. отравился. Сенатора не было дома; Толочановъ взошелъ при мнѣ къ моему отцу и сказалъ ему, что онъ пришелъ съ нимъ проститься и просить его сказать Сенатору, что деньги, которыхъ недостаетъ, истратилъ онъ.

— Ты пьянъ, — сказалъ ему мой отецъ, — поди и выспись.

— Я скоро пойду спать надолго,— сказалъ лѣкарь,—и прошу только не поминать меня зломъ.

Спокойный видъ Толочанова испугалъ моего отца, и онъ, пристальнѣе посмотрѣвъ на него, спросилъ:

— Что съ тобой? Ты бредишь?

— Ничего - съ, я только принялъ рюмку мышьяку.

Послали за докторомъ, за полиціей, дали ему рвотное, дали молока... Когда его начало тошнить, онъ удерживался и говорилъ: «Сиди, сиди тамъ, я не съ тѣмъ тебя проглотилъ». Я слышалъ потомъ, когда ядъ сталъ сильнѣе дѣйствовать, его стонъ и страдальческій голосъ, повторявшій: «Жжетъ, жжетъ! Огонь!» Кто-то посовѣтовалъ ему послать за священникомъ, онъ не хотѣлъ и говорилъ, что жизни за гробомъ быть не можетъ, что онъ настолько знаетъ анатомію. Часу въ двѣнадцатомъ вечера, онъ спросилъ штабъ-лѣкаря, по-нѣмецки, который часъ, потомъ сказавши: «Вотъ и новый годъ, поздравляю васъ», умеръ...

(Герценъ: «Былое и думы»).

Барынѣ не угодно.

Жилъ я-съ въ деревнѣ... Вдругъ, приглянись мнѣ дѣвушка, ахъ, да какая же дѣвушка была... красавица, умница, а ужъ добрая какая! Звали ее Матреной-съ. А дѣвка она была простая, т.-е., вы понимаете, крѣпостная, просто холопка-съ. Да не моя дѣвка, а чужая, вотъ въ чемъ бѣда. Ну, вотъ, я ее полюбилъ,—такой, право, анекдотъ-съ,—ну, и она. Вотъ, и стала Матрена меня просить: выкупи ее, дескать, отъ госпожи; да и я самъ уже объ эфтомъ подумывалъ... А госпожа-то у ней была богатая, старушенція страшная; жила отъ меня верстахъ въ пятнадцати. Ну, вотъ въ одинъ, какъ говорится, прекрасный день, я и велѣлъ заложить себѣ дрожки тройкой...

Одѣлся получше и поѣхалъ къ Матрениной барынѣ. Пріѣзжаю: домъ большой, съ флигелями, съ садомъ...

Я вхожу въ гостиную. Сидитъ на креслахъ маленькая, желтенькая старушонка и глазами моргаетъ. «Что вамъ угодно?» Я сперва, знаете ли, почелъ за нужное объявить, что, дескать, радъ знакомству. «Вы ошибаетесь, я не здѣшняя хозяйка, а ея родственница... Что вамъ угодно?» Я замѣтилъ ей тутъ же, что мнѣ съ хозяйкой-то и нужно переговорить. «Марья Ильинична не принимаетъ сегодня: она нездорова... Что вамъ угодно?» Дѣлать нечего, подумалъ я про себя, объясню ей мое обстоятельство. Старуха меня выслушала. «Матрена? какая Матрена?» — «Матрена Ѳедорова, Куликова дочь». — «Ѳедора Кулика дочь... да какъ вы ее знаете?»— Случайнымъ манеромъ».—«А извѣстно ей ваше намѣреніе?» — «Извѣстно». Старуха замолчала. «Да я ее, негодную!

Я, признаюсь, удивился. «За что же, помилуйте!.. Я за нее готовъ внести сумму, только извольте назначить».

Старая хрычовка такъ и зашипѣла. «Вотъ, вздумали чѣмъ удивить: нужны намъ очень ваши деньги!.. А вотъ я ее ужо, вотъ я ее... Дурь-то изъ нея выбью».

Раскашлялась старуха со злости. «Нехорошо ей у насъ, что ли?.. Ахъ, она чертовка, прости, Господи, мое согрѣшенье!» Я, признаюсь, вспыхнулъ. «За что же вы грозите бѣдной дѣвкѣ? Чѣмъ она, т.-е., виновата?» Старуха перекрестилась. «Ахъ, ты, мой Господи, да развѣ я...»—«Да вѣдь она не ваша!»—«Ну, ужъ про это Марья Ильинична знаетъ; не ваше, батюшка, дѣло; а вотъ, я ужо Матрешкѣ-то покажу, чья она холопка...»

«Ну,—прошамшила вѣдьма,—я скажу Марьѣ Ильиничнѣ; какъ она прикажетъ; а вы заѣзжайте дня черезъ два»...

Дня черезъ два отправился я къ барынѣ. Привели меня въ кабинетъ...

Сама сидитъ въ такихъ мудреныхъ креслахъ и голову назадъ завалила на подушки...

Старуха загнусила: «Прошу садиться». Я сѣлъ. Стала меня разспрашивать о томъ, сколько мнѣ лѣтъ, да гдѣ я служилъ, да что намѣренъ дѣлать, и такъ все свысока, важно. Я отвѣчалъ подробно. Старуха взяла со стола платокъ, помахала на себя... «Мнѣ,—говоритъ,—докладывала Катерина Карповна объ вашемъ намѣреніи, докладывала, говоритъ, но я себѣ, говоритъ, положила за правило: людей въ услуженіе не отпускать. Оно и неприлично, да и не годится въ порядочномъ домѣ: это непорядокъ. Я уже распорядилась, говоритъ, вамъ

уже болѣе безпокоиться, говоритъ, нечего».—«Какое безпокойство, помилуйте... А можетъ, вамъ Матрена Ѳедоровна нужна?» — «Нѣтъ, говоритъ, не нужна».—«Такъ отчего же вы мнѣ ее уступить не хотите?»—«Оттого, что мнѣ не угодно, не угодно, да и все тутъ.. Я ужъ, говоритъ, распорядилась: она въ степную деревню посылается ...

(Тургеневъ: «Петръ Петровичъ Коротаевъ»).

„Крѣпостные—не люди".

Судьба одной изъ горничныхъ, Пелагеи или Поли, какъ ее звали, была трагична. Въ дѣтствѣ ее сдали въ магазинъ, гдѣ она въ совершенствѣ изучила тонкое вышиванье.

Въ Никольскомъ ея пяльцы стояли въ комнатѣ Лены. Она часто принимала участье въ разговорахъ между сестрой и жившей въ той же комнатѣ сестрой мачехи. Какъ по разговору, такъ и по манерамъ Поля скорѣе была похожа на барышню, чѣмъ на горничную.

Съ ней случилось несчастье. Она убѣдилась, что должна скоро стать матерью. Она разсказала все мачехѣ, которая разразилась упреками: «Не хочу больше имѣть въ домѣ эту тварь! Не допущу подобнаго стыда въ моемъ домѣ. О, безстыдница, дрянь!» и т. д. На слезы Лены не обратили вниманія. Полѣ отрѣзали косу и сослали на скотный дворъ. Но такъ какъ она какъ разъ въ то время вышивала удивительную юбку, то работу приказано было кончать на скотномъ, въ грязной избѣ у микроскопическаго оконца.

Поля закончила работу и сдѣлала еще много другихъ тонкихъ вышивокъ, въ надеждѣ получить прощеніе. Но оно не приходило.

Отецъ ребенка, дворовый нашего сосѣда, молилъ о разрѣшеніи жениться. Но такъ какъ у него не было

Кузьминки—имѣніе кн. Голицына (близъ Москвы).

денегъ, то разрѣшенія не дали. «Дворянскія манеры» Поли приняли, какъ отягчающія вину обстоятельства. Ей готовилась горькая доля. Среди нашихъ дворовыхъ былъ одинъ, который, за малый ростъ, ѣздилъ форейторомъ. Звали его Филька Косолапый. Въ дѣтствѣ его жестоко зашибла лошадь и онъ не росъ больше. Ноги у него были колесомъ, ступни выворочены во внутрь, носъ сломанъ и согнутъ въ сторону, а челюсть обезображена. За этого-то урода рѣшили отдать Полю и отдали. Выдали ее силой. Новобрачныхъ послали на крестьянскую работу въ рязанскую деревню.

Человѣческія чувства не признавались, даже не подозрѣвались въ крѣпостныхъ. Когда Тургеневъ написалъ «Муму», а Григоровичъ—свои повѣсти, въ которыхъ заставлялъ публику плакать надъ несчастьями крѣпостныхъ, для многихъ читателей то было настоящимъ откровеніемъ.

«Возможно ли это? крѣпостные любятъ совсѣмъ, какъ мы!» восклицали сентиментальныя дамы, которыя, при чтеніи французскихъ романовъ, горько оплакивали злосчастія героевъ и героинь.

Образованіе, которое давали иногда помѣщики своимъ крѣпостнымъ, являлось для нихъ лишь новымъ источникомъ несчастій. Отецъ мой разъ выбралъ въ крестьянской избѣ способнаго мальчика и отдалъ его въ фельдшерскую школу. Мальчикъ былъ прилежный и черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлалъ значительные успѣхи. Когда онъ возвратился домой, отецъ купилъ все необходимое для хорошей аптеки. Ее устроили очень удобно въ одномъ изъ флигелей въ Никольскомъ. Лѣтомъ «Саша докторъ», какъ звали въ домѣ молодого человѣка, усердно собиралъ и сушилъ различныя цѣлебныя травы. Въ короткое время онъ сталъ очень популяренъ въ Никольскомъ и во всей округѣ: больные крестьяне приходили изъ сосѣднихъ деревень. Отецъ очень гордился успѣхомъ своей аптеки. Но это продолжалось недолго.

Разъ зимой отецъ пріѣхалъ въ Никольское, прожилъ здѣсь нѣсколько дней, затѣмъ уѣхалъ. Въ ту же ночь Саша докторъ застрѣлился, нечаянно, какъ говорили. Но причиной была любовная исторія. Онъ любилъ дѣвушку, на которой не могъ жениться, такъ какъ она была крѣпостная другого помѣщика.

Судьба другого молодого человѣка, Герасима Круглова, котораго отецъ отдалъ въ московское земледѣльческое училище, была почти такъ же печальна. Онъ блестяще окончилъ съ золотой медалью. Директоръ училища употребилъ всѣ усилія, чтобы убѣдить отца дать Круглову вольную и открыть ему доступъ въ университетъ, куда крѣпостныхъ не принимали. «Кругловъ, навѣрное, будетъ замѣчательнымъ человѣкомъ,—говорилъ директоръ,—быть-можетъ, гордостью Россіи. Вы сможете гордиться тѣмъ, что оцѣнили его способности и дали такого человѣка русской наукѣ».

— Онъ мнѣ надобенъ въ моей деревнѣ,—отвѣчалъ отецъ на настойчивыя ходатайства за молодого человѣка. Въ дѣйствительности, при первобытномъ способѣ веденія хозяйства, отъ котораго отецъ ни за что не отступилъ бы, Герасимъ Кругловъ былъ совершенно безполезенъ. Онъ снялъ планъ деревни, а затѣмъ ему приказали сидѣть въ лакейской и стоять съ тарелкой въ рукахъ за обѣдомъ. Конечно, на Герасима это должно было сильно подѣйствовать. Онъ мечталъ объ университетѣ, объ ученой дѣятельности. Его взглядъ выражалъ страданія; мачеха же находила особое

удовольствіе въ оскорбленіи Герасима при всякомъ удобномъ случаѣ. Разъ осенью порывъ вѣтра открылъ ворота. Мачеха крикнула: «Гараська, ступай запереть ворота!»

То была послѣдняя капля. Герасимъ отвѣтилъ: «На то у васъ дворникъ», и пошелъ своей дорогой.

Мачеха вбѣжала съ плачемъ въ кабинетъ къ отцу и принялась ему выговаривать: «Ваши люди оскорбляютъ меня въ вашемъ домѣ!..

Герасима немедленно заковали и посадили подъ караулъ, чтобы сдать въ солдаты.

Прощанье съ нимъ стариковъ родителей было одною изъ самыхъ тяжелыхъ сценъ, которыя я когда-либо видѣлъ.

На этотъ разъ судьба, однако, отомстила. Николай I умеръ и военная служба стала менѣе несносной. Замѣчательныя способности Герасима были скоро замѣчены, и черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сталъ однимъ изъ главныхъ письмоводителей и въ сущности душой одного изъ департаментовъ Военнаго Министерства.

Случилось такъ, что мой отецъ, человѣкъ абсолютно честный, никогда не бравшій взятокъ — и это въ такое время, когда взятками всѣ наживали состоянія, — нарушилъ разъ строгія правила службы и допустилъ неправильность, чтобы угодить своему корпусному командиру: записалъ въ разрядъ неспособныхъ одного изъ солдатъ, служившаго у корпусного за управляющаго. Отцу это едва не стоило генеральскаго чина, который должны были дать ему. Главная, единственная цѣль его тридцатипятилѣтней службы была въ опасности. Мачеха помчалась въ Петербургъ, чтобы уладить исторію. Послѣ долгихъ хлопотъ, ей сказали, наконецъ, что единственно, что остается, обратиться къ одному

Тріумфальная арка въ Кузьминкахъ—имѣніи Голицыныхъ.

изъ письмоводителей такого-то департамента. «Хотя онъ лишь простой главный писарь,—сказали ей,—но въ дѣйствительности руководитъ всѣмъ и можетъ сдѣлать, что захочетъ. Зовутъ его Герасимъ Ивановичъ Кругловъ.

— Представь себѣ, — разсказывала мачеха мнѣ потомъ,— нашъ Гараська! Я всегда знала, что у него большія способности. Пошла я къ нему и сказала ему о дѣлѣ, а онъ мнѣ въ отвѣтъ: «Я ничего не имѣю противъ стараго князя и сдѣлаю все, что могу для него».

Герасимъ сдержалъ слово: онъ сдѣлалъ благопріятный докладъ и отца произвели. Наконецъ-то онъ могъ надѣть такъ давно желанные красные штаны, шинель на красной подкладкѣ и каску съ плюмажемъ.

Таковы были дѣла, которыя я самъ видѣлъ въ дѣтствѣ. Картина получилась бы гораздо болѣе мрачная, если бы я сталъ передавать, что слышалъ въ тѣ годы: разсказы про то, какъ мужчинъ и женщинъ отрывали отъ семьи, продавали, проигрывали въ карты либо вымѣнивали на пару борзыхъ собакъ, а потомъ переселяли на окраину Россіи, чтобы образовать новое село; разсказы про то, какъ отнимали дѣтей у родителей и продавали жестокимъ или же развратнымъ помѣщикамъ; про то, какъ ежедневно, съ неслыханной жестокостью пороли на конюшнѣ; про дѣвушку, утопившуюся, чтобы спастись отъ насилія; про старика, посѣдѣвшаго на службѣ у барина и потомъ повѣсившагося у него подъ окнами; про крестьянскіе бунты, укрощаемые николаевскими генералами: запарываніемъ до смерти десятаго или же пятаго и опустошеніемъ деревни. Послѣ военной экзекуціи остававшіеся въ живыхъ крестьяне отправлялись побираться подъ окнами. Что же касается той бѣдности, которую во время поѣздокъ я видѣлъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ, въ особенности въ удѣльныхъ, которыя принадлежали членамъ императорской фамиліи, то нѣтъ словъ для описанія всего.

Кузьминки, конный дворъ.

Завѣтной мечтой крѣпостныхъ было получить вольную. Но мечту эту очень трудно было осуществить, такъ какъ за вольную приходилось уплатить помѣщику большую сумму денегъ.

— Знаешь ли, — сказалъ мнѣ разъ отецъ, — ваша мать являлась ко мнѣ послѣ смерти. Вы, молодежь, не вѣрите въ такія вещи, а между тѣмъ это правда. Дремлю я разъ поздно ночью въ креслѣ, у письменнаго стола. Вдругъ вижу, она входитъ, вся въ бѣломъ, блѣдная, съ горящими глазами. Когда твоя мать умирала, она взяла съ меня обѣщаніе, что я дамъ вольную горничной Машѣ. Потомъ, то за тѣмъ, то за другимъ дѣломъ цѣлый годъ я не могъ исполнить обѣщанія.

Ну вотъ, твоя мать явилась и говоритъ мнѣ глухимъ голосомъ: «ты обѣщалъ мнѣ дать вольную Машѣ; неужели забылъ?» Я былъ пораженъ ужасомъ. Вскакиваю изъ креселъ, а она исчезла. Зову людей; но никто изъ нихъ ничего не видѣлъ. На другой день я отслужилъ панихиду на могилѣ и сейчасъ же отпустилъ Машу на волю. Когда отецъ умеръ, Маша явилась на похороны, и я говорилъ съ ней. Она была замужемъ и очень счастлива.

Братъ Александръ шутливо передалъ Машѣ разсказъ отца, и мы спросили, что она знаетъ о привидѣніи.

— Все это было уже очень давно, такъ что я могу вамъ сказать правду,— отвѣтила Маша.

— Вижу я, что князь совершенно забылъ о своемъ обѣщаніи; тогда я одѣлась въ бѣлое, какъ ваша мамаша, и напомнила князю его обѣщаніе. Вы вѣдь не будете сердиться за это на меня?

— Разумѣется, нѣтъ!

Десять или двѣнадцать лѣтъ послѣ того, какъ произошли событія, описанныя въ началѣ главы, я разъ ночью бесѣдовалъ съ отцомъ въ его кабинетѣ о прошломъ.

Крѣпостное право было отмѣнено: отецъ жаловался, хотя не сильно, на новый порядокъ дѣлъ. Онъ принялъ его безъ особеннаго ропота.

— А вѣдь сознайтесь,—сказалъ я,— что вы часто жестоко наказывали слугъ, иногда даже безъ всякаго основанія.

— Съ этимъ народомъ,—отвѣтилъ онъ,—иначе нельзя было.

Затѣмъ отецъ откинулся на спинку кресла и задумался на нѣкоторое время.

— Но что я дѣлалъ,— началъ онъ опять, послѣ долгой паузы,—были пустяки, и говорить не стоитъ. А вотъ, хоть этотъ самый Саблевъ: ужъ на что кажется мягкимъ, и говоритъ такимъ сладкимъ голоскомъ; а между тѣмъ съ крѣпостными чего онъ не дѣлалъ! Сколько разъ они покушались убить его! Я, по крайней мѣрѣ, хоть никогда не трогалъ своихъ дѣвокъ. А вотъ этотъ старый чортъ Т. такой былъ, что крѣпостные собирались жестоко изувѣчить его...

Ну, прощай. Bonne nuit!..

(Кропоткинъ: Записки).

Любовь крѣпостного.

Я... такъ страшно и подумать!..
Въ солдаты я охотой шелъ.
Да слушай вотъ: въ своемъ селеньѣ
Невѣсту я себѣ нашелъ;
И мать ея—вдова-старуха
Была согласна дочь отдать.
Пошелъ я къ барину,—отвѣтилъ:
«Мала еще!»—Пришлося ждать!
Вотъ черезъ годъ опять пошелъ я,
Старуху-матку захватилъ:—
Опять отвѣтъ: «Коль хочетъ свадьбы,
Пятьсотъ, а меньше бъ не носилъ!
Ахъ, бѣдный я! Что было дѣлать?
Гдѣ столько сразу денегъ взять?..
Пошелъ я, братецъ мой, работать,
Пошелъ я денегъ добывать!
И гдѣ я только не работалъ?—
На Черноморьѣ, на Дону...
Раздобылся; купивъ подарковъ,
Шелъ, думу думая одну: —
Приду домой да и за свадьбу!
Пришелъ домой уже въ ночи,
Взошелъ въ знакомую избушку,—
Лежитъ старуха на печи,

А печь разваливаться стала:
Зажегъ огня я надъ больной.—
Она меня не узнавала:
Отъ старой пахло ужъ землей!
Я побѣжалъ къ попу скорѣе,
Чтобы старуху пріобщить,
Пришелъ съ попомъ, да поздно было:
Она велѣла долго жить!..
И сталъ я спрашивать сосѣда:
«Гдѣ жъ дочь ея? Что жъ не идетъ?»
—«Ты развѣ, говоритъ, не знаешь.
Она въ Сибири вѣдь живетъ!..
Такъ вотъ тебѣ судьба моя,—
Оставилъ мать свою и батьку
И продался въ солдаты я!
А и теперь бываетъ страшно,
Когда я вспомню о быломъ:—
Хотѣлъ себя лишить я жизни
И барскій домъ спалить огнемъ.
Да Богъ помиловалъ!..

(Шевченко; «Кобзарь»).

Кузьминки. ворота.

Талантъ—проклятье.

Одинъ русскій баринъ, разсказываетъ Де-Пассенансъ, имѣвшій у себя громадный оркестръ изъ крѣпостныхъ, послалъ самаго талантливаго изъ своихъ музыкантовъ въ Италію учиться. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ уже удивлялъ итальянцевъ своимъ громаднымъ дарованіемъ. «Бояринъ», гордый репутаціей своего виртуоза, приказалъ ему вернуться въ Россію. Артистъ сейчасъ же поспѣшилъ исполнить волю своего господина. Въ одинъ изъ первыхъ дней его пріѣзда его заставили играть при огромномъ обществѣ, и для каждаго вновь прибывшаго онъ долженъ былъ повторять блестящій концертъ Віоти. Послѣ трехчасовой игры онъ очень усталъ и просилъ своего барина позволенія отдохнуть. «Нѣтъ, играй,— отвѣтилъ тотъ,—а если будешь каприз-.

ничать, то вспомни, что ты мой рабъ; вспомни о палкахъ»... Молодой человѣкъ въ отчаяніи выбѣжалъ изъ залы, спустился въ кухню, схватилъ топоръ и отрубилъ себѣ палецъ на лѣвой рукѣ, воскликнувъ: «Будь проклятъ талантъ, если онъ не могъ избавить меня отъ рабства ...

(Лятковa: Крѣпостная интеллигенція»).

Интеллигентный крѣпостной.

Дмитрій. Мои родители были дворовые люди Лѣсинскаго. Будучи шести лѣтъ, я лишился нхъ. Мой господинъ принялъ меня въ свой домъ, въ качествѣ воспитанника. Говорятъ, что онъ оказывалъ мнѣ особенную любовь почти со дня моего рожденія. Я слышалъ стороною, что онъ жестоко обидѣлъ моего покойнаго отца и, вѣроятно, чтобы загладить свой поступокъ, обратилъ на меня особенное вниманіе. У него были два сына и дочь трехъ лѣтъ. Онъ воспитывалъ меня, совершенно ничѣмъ не отличая отъ своихъ дѣтей: но, несмотря на это, мое положеніе было очень незавидно. Кажется, что судьба съ перваго дня моего рожденія заклялась противъ меня непримиримой враждой.

Сурскій. Понимаю: вѣрно, его жена...

Дмитрій. Ты угадалъ: эта надутая, суевѣрная змѣя женщина есть всегдашняя моя гонительница. Она ненавидѣла меня за то, что я, будучи ея лакеемъ, пользовался любовію ея мужа и обходился съ ея дѣтьми, какъ съ равными себѣ. Какъ часто за меня происходили у ней съ мужемъ неудовольствія, споры и даже самыя ссоры! Ея сыновья, которыхъ она любила до безумія и баловала, раздѣляли ея ненависть и дѣлали со мною всякія пакости. Я жилъ въ домѣ моего благодѣтеля отчужденный отъ всѣхъ. Только его ласки немного оживляли меня; но я и ихъ избѣгалъ, зная, что онѣ болѣе и болѣе раздражали моихъ недоброжелателей... О, какъ горестно, какъ больно было мнѣ сносить ненависть Лѣсинской и ея сыновей! Нерѣдко я втайнѣ плакалъ, но при нихъ всегда казался спокойнымъ, хотя сердце мое стѣснялось, хотя душа страдала. Я не хотѣлъ показать имъ, что ихъ обиды для меня чувствительны. Видя сіе, они еще болѣе раздражались и, наконецъ, изобрѣли еще новый способъ мученія стали называть меня... рабомъ!.. О, какое убійственное, какое ужасное дѣйствіе производило на мою душу это слово! Оно было для меня остреемъ кинжала, гибельнымъ жаломъ змѣи, которое уязвляя мое сердце, пожирало его ядовитымъ огнемъ!.. Когда съ злобною улыбкой они произносили это слово, то я выходилъ изъ самого себя. Я весь превращался въ злобу и неистовство, и часто готовъ былъ предаться влеченію моей вспыльчивости, если бы мысль, что могу оскорбить моего благодѣтеля, не обезоруживала меня.

Сурскій. Да, это немного досадно; но гораздо благоразумнѣе презирать скотовъ, нежели сердиться на нихъ. Я бы, на твоемъ мѣстѣ, просто сказалъ имъ, что они глупцы и что сердиться на нихъ—значитъ дѣлать имъ честь...

Ѳедоръ. Письмо, сударь, письмо!..

Дмитрій. Письмо?.. Письмо?.. Гдѣ оно?.. Дай сюда скорѣй!.. Оставь насъ однихъ.

Сурскій. Читай скорѣй!..

Дмитрій *(съ отчаянною улыбкою)* Прекрасныя вѣсти! Прекрасныя вѣсти! Мой благодѣтель умеръ...

Сурскій. Ты читалъ эти строки? Кто писалъ ихъ? Что въ нихъ еще есть утѣшительнаго?.. Дай мнѣ ихъ. «Почтеннѣйшій, высокоименитый господинъ, пылкая голова, молодой мечтатель, маленькій философъ!» Какъ! Это что значитъ? Га! Какая адская злоба, какая черная ненависть! «Вашъ благодѣтель, не успѣвши излить на васъ остатки щедротъ своихъ, изволилъ отправиться на тотъ свѣтъ! Ваша отпускная... уничтожена, сестра наша выходитъ замужъ за князя Кизлева, и такъ какъ у насъ недостаетъ лакеевъ для служенія при свадебномъ столѣ, то и просимъ васъ всепокорнѣйше, какъ можно поскорѣе пожаловать... къ намъ».

Дмитрій. Сурскій! Что это значитъ? Насмѣшка или истина?.. А! Понимаю. Софья выходитъ замужъ; отпускная моя уничтожена—я рабъ!.. Ха! ха! ха!..

(Бѣлинскій: «Дмитрій Калининъ»).

Дѣтство Н. И. Костомарова.

Н. И. росъ въ домѣ своихъ родителей, не испытывая ничего, кромѣ родительскихъ ласкъ и радостнаго настроенія. Мать была занята домашнимъ хозяйствомъ, отецъ много читалъ и мальчику также страстно хотѣлось читать. Неудивительно поэтому, что даровитый мальчикъ выучился читать въ очень короткое время и это приводило въ восхищеніе его отца.

«Ты у меня умница, — говаривалъ онъ,—и честный мальчикъ. Терпѣть не могу лгунишекъ—и если ты хоть разъ солжешь, то я тебѣ не отецъ, а ты мнѣ не сынъ!» Эти изреченія отца Н. И. истолковывалъ тѣмъ, что узналъ впослѣдствіи о супружеской жизни своей матери. Взятая изъ московскаго дѣвичьяго пансіона, куда отдавалъ ее Иванъ Петровичъ Костомаровъ, ея помѣщикъ, она, какъ подневольная дѣвушка, была помѣщена въ его домѣ и должна была подчиниться его барской волѣ... Когда беременность ея стала явною, Ивану Петровичу его лакеи трубили въ уши, что одинъ Господь вѣдаетъ, чей будетъ у нея ребенокъ...

Однако Иванъ Петровичъ не прогналъ «Таню» отъ себя, хотя и держалъ ее въ почтительномъ отъ себя отдаленіи. Она занимала въ домѣ двѣ комнаты и жила въ нихъ одиноко со своимъ груднымъ «Николаемъ». Иногда Иванъ Петровичъ входилъ въ ея отдѣленіе полюбоваться на мальчика, но она не входила въ другія комнаты безъ особаго призыва. Когда мальчикъ сталъ ходить и бѣгать, ему было дозволено открывать дверь изъ материнской спальной въ большой залъ. Тамъ отецъ игралъ съ нимъ и представлялъ его своимъ родственникамъ и знакомымъ, изрѣдка посѣщавшимъ Ивана Петровича, около этого времени обвѣнчавшагося со своей Таней.

— Вотъ мой сынъ и наслѣдникъ,— говаривалъ онъ своимъ племянникамъ Ровневымъ и пріятелю сосѣду Станкевичу,—а вотъ и жена моя, Татьяна Петровна. Рекомендую! —При подобныхъ представленіяхъ онъ вызывалъ жену свою изъ ея комнатъ, куда она вслѣдъ за тѣмъ торопливо уходила, видя озлобленные взгляды племянниковъ, имѣвшихъ законное право наслѣдованія въ родовомъ имѣніи послѣ дяди, остававшагося старымъ холостякомъ и вдругъ обзаведшагося законной женой и незаконнорожденнымъ сыномъ, объ усыновленіи котораго собирался ходатайствовать передъ государемъ. Иванъ Петровичъ имѣлъ неосторожность говорить всѣмъ и каждому о предстоящей поѣздкѣ его въ

Петербургѣ по дѣлу усыновленія сына Николая, а крестьянамъ своимъ и въ особенности своей многочисленной дворнѣ то и дѣло твердилъ: «Берегите вашего барчука, моего Николая, и угождайте ему во всемъ!»

Мальчику очень нравились поѣздки съ отцомъ по лѣсамъ, которыхъ въ то время было обиліе въ имѣніи Ивана Петровича при селѣ Юрасовкѣ, мѣстѣ жительства его. Николай былъ отвезенъ отцомъ въ Москву и помѣщенъ въ мужской пансіонъ Ге, гдѣ въ продолженіе годичнаго своего пребыванія мальчикъ приводилъ въ изумленіе своихъ учителей богатствомъ своихъ способностей по отношенію ко всѣмъ наукамъ. Привезя къ себѣ на каникулы сына изъ пансіона, Иванъ Петровичъ болѣе прежняго приходилъ въ восхищеніе отъ даровитости его, чаще прежняго возилъ его по лѣсамъ и твердилъ ему при кучерахъ своихъ и лакеяхъ:

— Поѣдемъ, Николай, обозрѣвать твои лѣса.

Наконецъ, всякому встрѣчному онъ говорилъ: «Откладывать больше не стану, отвезу съ каникулъ Николая въ пансіонъ, а самъ направлюсь изъ Москвы въ Петербургъ для усыновленія моего дорогого мальчика».

И вотъ однажды, садясь въ тарантасикъ для такой поѣздки по лѣсамъ, Иванъ Петровичъ крикнулъ сыну, игравшему во дворѣ:

— Садись, Николай, поѣдемъ въ лѣсъ.

— Я не поѣду сегодня въ лѣсъ, папенька, буду стрѣлять изъ лука!

— Стрѣляй, а я поѣду,—и уѣхалъ въ лѣсъ, откуда не суждено было ему вернуться.

Иванъ Петровичъ былъ убитъ въ лѣсу своими крестьянами. Безпокойно ждала его къ ужину Татьяна Петровна. Съ наступленіемъ сумерекъ прибѣжалъ къ ней кучеръ, возившій своего барина въ лѣсъ, и объявилъ съ притворнымъ ужасомъ, что лошади испугались чего-то въ лѣсу, понесли, его, кучера, толчкомъ тарантаса о пни деревъ вы-

Н. И. Костомаровъ.

швырнули, а барина потомъ опрокинули и такъ разбили ему голову, что кровь струится, а самъ онъ безъ чувствъ. Татьяна Петровна тотчасъ съ сыномъ поѣхала въ указанный лѣсъ и, не заставши мужа въ живыхъ, вернулась ночью домой. Въ ея отсутствіе была похищена изъ кабинета Ивана Петровича шкатул-

ка съ большими по тому времени деньгами.

Пріѣзжалъ исправникъ, было произведено слѣдствіе по поводу трагической кончины Ивана Петровича, но никакихъ слѣдовъ преступленія не обнаружено и убійцы остались ненаказанными, а жизнь вдовы и сына Ивана Петровича потекла инымъ, тернистымъ путемъ. Пріѣхали въ Юрасовку законные наслѣдники покойнаго, его племянники Ровневы, и объявили Татьянѣ Петровнѣ, что сынъ ея Николай, какъ рожденный до брака ея съ Иваномъ Петровичемъ, состоялъ по закону его крѣпостнымъ и теперь поступитъ во владѣніе одного изъ новыхъ владѣльцевъ.

Одинъ изъ Ровневыхъ назначилъ его себѣ въ «казачки», чтобы со временемъ сдѣлать себѣ изъ него лакея и, потѣшаясь надъ разбитымъ барствомъ мальчика, повелѣлъ ему быть на «своемъ мѣстѣ въ прихожей». Бѣдный мальчикъ не зналъ о своемъ «незаконномъ» рожденіи, не понималъ, почему онъ изъ барчука превращается въ «казачка» и, разумѣется, возмущался.

Его усмиряли угрозами, обѣщали сѣчь, а лакеи, злорадствуя, говорили ему: «Полно барствовать, Николашка,— ты вѣдь такой же холопъ, какъ и мы!»

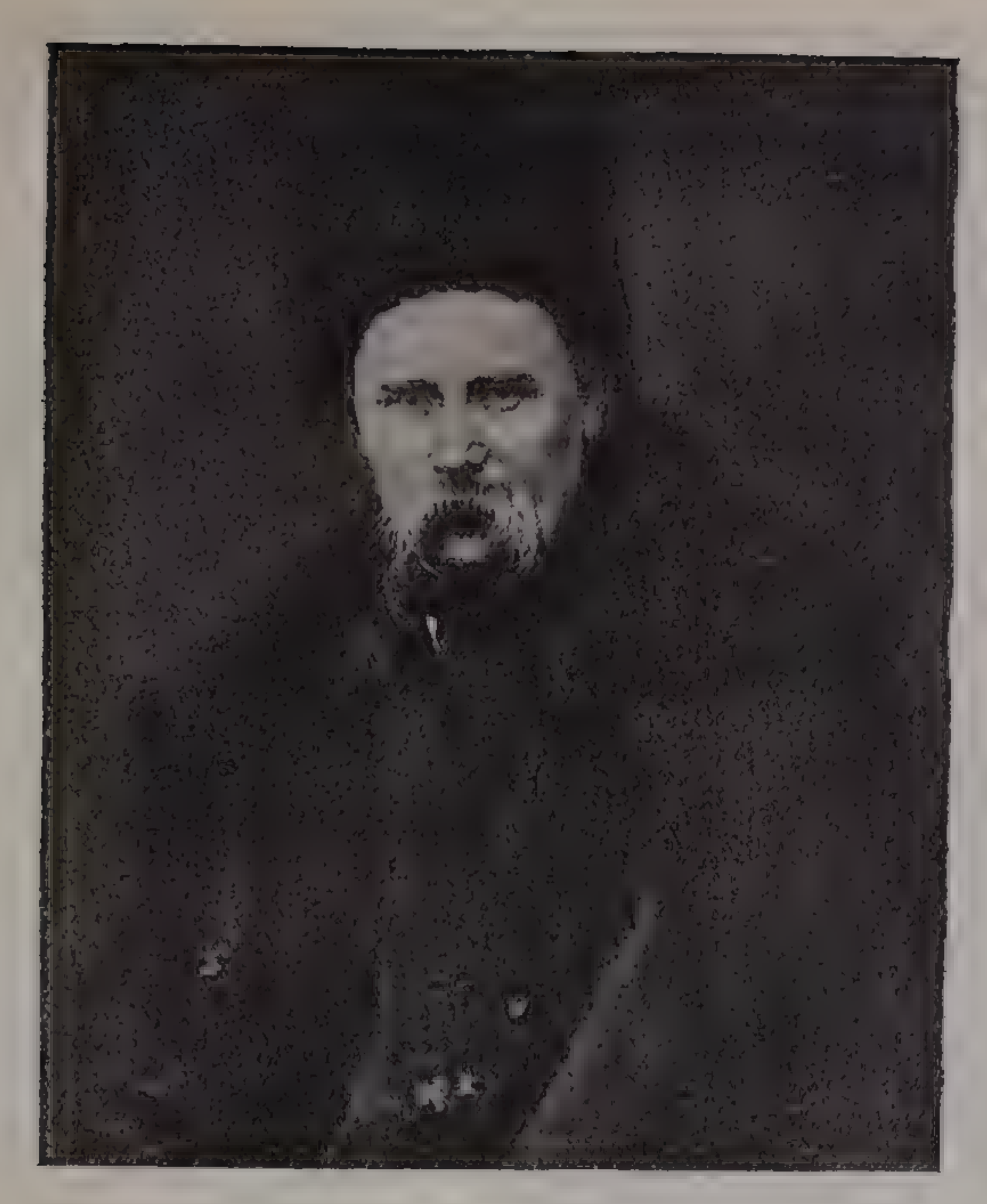
Татьяна Петровна растерялась и только тогда поняла, въ чемъ дѣло, когда новые владѣльцы предложили ей не мечтать о выдѣлѣ ей законной вдовьей доли имущества, а совѣтовали взять то, что ей дадутъ: при такомъ условіи участь ея можетъ быть облегчена!

Одинъ изъ Ровневыхъ кричалъ: «Не отпущу мальчика на волю, поверну его въ лакеи: пусть будетъ на своемъ мѣстѣ!» Другой изъ братьевъ Ровневыхъ говорилъ: «Оставь, братъ, не мсти ребенку, да и за что? Вѣдь онъ не отниметъ у насъ имѣній дяди; мы должны, въ память дяди, дать волю мальчику, котораго онъ такъ горячо любилъ, и если мы этого не сдѣлаемъ— великій грѣхъ сотворимъ!»

У покойнаго Ивана Петровича было небольшое число крѣпостныхъ, какъ кажется, около 300 человѣкъ, но въ помѣстьяхъ его состояло 14.000 десятинъ прекрасной земли, съ богатыми сѣнокосами и лѣсами. Ровневы предложили Татьянѣ Петровнѣ, въ видѣ вдовьей части, всего 50.000 рублей ассигнаціями и при такомъ выдѣлѣ— свободу мальчику. Понятно, что Татьяна Петровна согласилась безпрекословно.

Получивъ этотъ ничтожный, по сравненію со слѣдовавшей ей законной вдовьей долей имущества, капиталъ, Татьяна Петровна, счастливая освобожденіемъ своего Николая отъ крѣпостной зависимости, купила небольшое имѣньице въ томъ же селѣ Юрасовкѣ, гдѣ, казалось бы, ей тяжело было оставаться на жительство послѣ всего происшедшаго. Первой заботой ея было продолжать ученіе сына, но она не рѣшилась везти его снова въ Москву, а, по совѣту сосѣдей, отвезла его въ Воронежъ, въ частный пансіонъ, для приготовленія къ поступленію въ гимназію.

(Изъ воспоминаній А. Костомаровой).

Т. Г. Шевченко.

Шевченко — крѣпостной.

Ой, взгляну ли, посмотрю ли
Я на степь, на поле,—
Неужели хоть подъ старость
Не дождусь я воли?
Я пошелъ бы на Украйну,
Къ хутору родному:
Какъ бы мнѣ тамъ были рады
Старику сѣдому!
Отдохнулъ бы тамъ немного,
Богу сталъ молиться,
Сталъ бы я... Да что и думать.
Ничему не сбыться!
Безъ надежды и безъ воли
Какъ я вѣкъ пробьюся?
Научите, люди!—или
Я ума лишуся!..

Шевченко: „Кобзарь“).

Самъ Шевченко—полный представитель той страшной драмы, о которой говоритъ онъ. Онъ мыслилъ и чувствовалъ, пока жилъ и прошелъ, рыдая всю драму жизни. Рабство, тяготѣвшее надъ нимъ съ рожденія, дало ему всѣ страданія, какія только можетъ дать оно. Прежде всего и главнѣе всего эти страданія были связаны съ талантомъ, проявившимся въ немъ съ ранняго дѣтства — съ талантомъ живописи. Онъ такъ любилъ рисовать, что гдѣ только было возможно: на стѣнахъ, на дверяхъ, на воротахъ — онъ постоянно малевалъ углемъ или мѣломъ... Его за это били, драли за

уши. Онъ ни унимался. Отъ полуграмотнаго дьячка, бившаго его, онъ попалъ къ пьяницѣ дьякону. Онъ также билъ мальчика, и Тарасъ бѣжалъ отъ него къ маляру. Этотъ хоть и нашелъ его способнымъ къ живописи, но, боясь отвѣтственности за пристанодержательство крѣпостного мальчика безъ вида, посовѣтовалъ Тарасу выхлопотать сперва разрѣшеніе у помѣщика на свободное жительство и тогда уже поступить къ нему въ науку. Шевченко отправился къ управляющему своего помѣщика—Энгельгардта, Дмитренко, и сталъ просить у него видъ на жительство у Хлѣбновскаго маляра. Но Дмитренко, замѣтивъ смѣтливость мальчика, взялъ его въ число своей дворовой челяди и не далъ никакого вида. Шевченко тогда уже было 15 лѣтъ.

Помѣщикъ Энгельгардтъ, по словамъ г. Чалаго, наслѣдовавъ отцовское достояніе, задумалъ жить на широкую ногу и пожелалъ имѣть въ своей дворнѣ людей спеціально подготовленныхъ: кучера, лакея, комнатнаго живописца. Управляющему, Дмитренко, было предписано набрать изъ крестьянскихъ дѣтей около дюжины мальчиковъ и, испытавъ ихъ способности въ Ольшаной, препроводить въ Вильно. И вотъ однимъ почеркомъ пера всесильнаго самодура у родителей отняты дѣти (не всѣ же были сироты, подобно Шевченко) и приведены въ центральное имѣніе, «до двору»... Шевченко также попалъ въ этотъ транспортъ въ должности поваренка, подъ команду главнаго повара-артиста. Его заставляли чистить кастрюли, носить на кухню дрова и выносить помои. Но позже, въ «перечневой вѣдомости, онъ былъ отмѣченъ годнымъ на комнатнаго живописца. Вѣдомость эта, въ видѣ накладной, какая обыкновенно дается отправителями кладей извозчикамъ, представляющимъ товары въ разныя мѣста Россійской имперіи, была препровождена къ барину, вмѣстѣ съ его движимой живностью»...

Но и тутъ Шевченко не попалъ въ живописцы. Баринъ велѣлъ нарядить его въ тиковую куртку и взялъ его къ себѣ въ казачки. Вся его обязанность состояла въ «молчаніи и неподвижности въ углу передней». Но душа Шевченко рвалась на просторъ и онъ постоянно нарушалъ барскій приказъ, напѣвая чуть слышнымъ голосомъ унылыя гайдамацкія пѣсни и срисовывая украдкой картины «суздальской школы».

Какъ только выдавалась свободная минутка, Шевченко хваталъ карандашъ и начиналъ рисовать. Разъ, когда господъ не было дома, онъ засѣлъ за портретъ казака Платова. Пріѣхалъ баринъ, увидалъ это и наказалъ Тараса. «Онъ съ остервененіемъ выдралъ меня за уши,—разсказываетъ Шевченко,—и надавалъ пощечинъ, не за мое искусство—нѣтъ, (на искусство онъ не обратилъ вниманія), а за то, что я могъ бы сжечь не только домъ, но и городъ. На другой день онъ велѣлъ кучеру Сидоркѣ выпороть меня хорошенько, что и было исполнено съ достодолжнымъ усердіемъ»...

Наконецъ Шевченко удалось попасть въ науку къ комнатному живописцу въ Варшавѣ. Но здѣсь подготовлялось возстаніе, баринъ испугался, уѣхалъ въ Петербургъ и потребовалъ туда всю свою дворню. Тараса вмѣстѣ съ прочими дворовыми отправили въ Петербургъ по этапу.

Здѣсь Шевченко опять сталъ учиться живописи и рвался въ академію. Но, къ его несчастью, только что передъ этимъ крѣпостнымъ людямъ былъ запрещенъ входъ въ это святилище свободнаго искусства... Рѣшено было требовать отпускной при пріемѣ въ Ака-

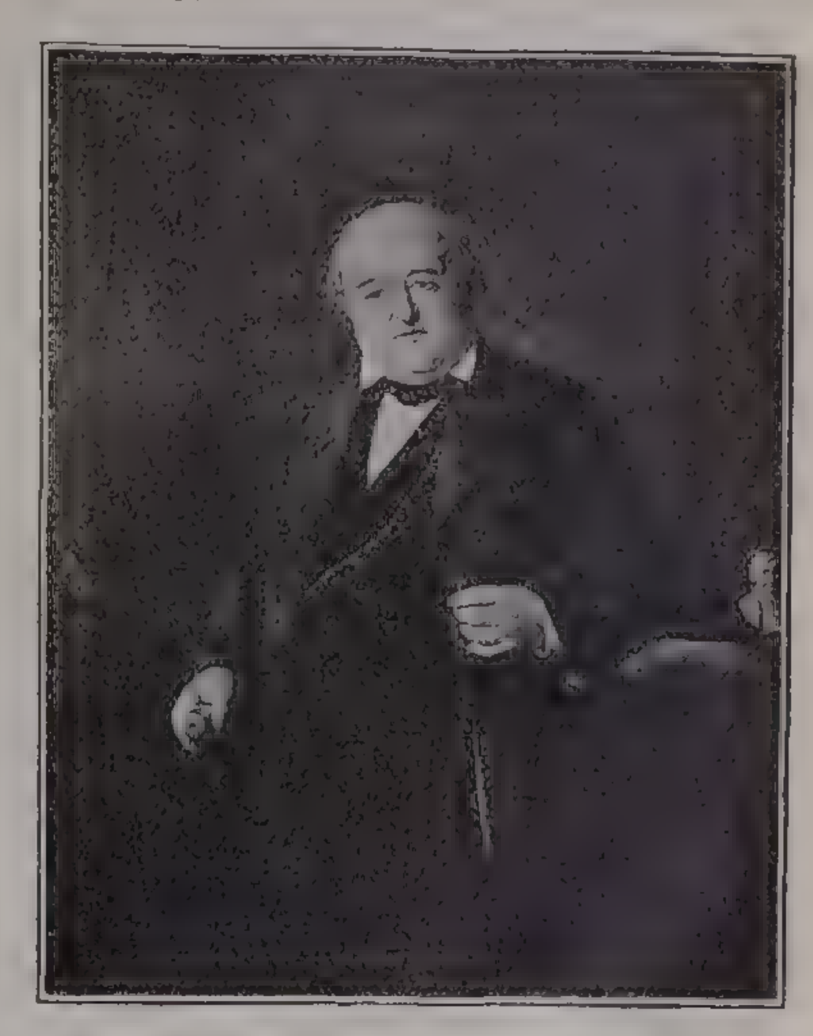
демію Художествъ. Отпускной Шевченко отъ барина не получилъ и не могъ поступить въ Академію. Уже позже К. П. Брюловъ написалъ портретъ Жуковскаго, разыгралъ его въ лотерею и на эти деньги выкупилъ Шевченко...

(*Лѣткова: «Крѣпостная интеллигенція»*).

Артистъ Щепкинъ—крѣпостной.

Щепкинъ былъ одною изъ тысячъ душъ, принадлежавшихъ графу Волькенштейну. Уже четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ поражалъ всѣхъ своимъ талантомъ, играя на домашнемъ театрѣ графа. Щепкина скоро узналъ весь городъ, всѣ восхищались имъ и звали не иначе, какъ «милый Миша, умный Миша».

Его стали выпрашивать у графа официантомъ и почти ни одно торжество въ Курскѣ не обходилось безъ него. И вотъ тутъ-то ему приходилось переживать минуты, о которыхъ онъ потомъ говорилъ: «я обезумѣлъ», «я старался скрыть свое волненіе», «у меня разлилась желчь». Вотъ одинъ изъ такихъ эпизодовъ: «Когда кончилась кампанія 12-го года, ополченные возвратились домой, а крѣпостные—къ своимъ господамъ; за тѣхъ, которые не возвратились, правительство выдало рекрутскія квитанціи, и одна дама, очень образованная по времени и обществу (даже крѣпостные отзывались о ней, какъ о доброй женщинѣ), у графини на именинахъ за обѣдомъ, не краснѣя, позволила себѣ сказать въ разговорѣ о прошедшей кампаніи: «Вообразите какое счастье Ивану Васильевичу: онъ отдавалъ въ ополченіе 9 человѣкъ, а возвратился всего одинъ, такъ что онъ получилъ 8 рекрутскихъ квитанцій и всѣ продалъ по три тысячи, а я отдавала 26 человѣкъ и на мою бѣду всѣ возвратились — такое несчастіе!» При этихъ словахъ, ни на одномъ лицѣ не показалось даже признака неудовольствія противъ говорившей. Всѣ согласились, а нѣкоторые даже прибавили: «Да, такое счастіе, какое Богъ даетъ Ивану Васильевичу, немногимъ дается! ...

М. П. Щепкинъ.

Что долженъ былъ чувствовать при всемъ этомъ Щепкинъ, смирно перемѣнявшій тарелки господамъ? Онъ былъ крѣпостнымъ, но въ немъ уже горѣлъ тотъ огонь, что черезъ нѣсколько лѣтъ заставлялъ тысячи зрителей и скорбѣть, и смѣяться, и ненавидѣть, и плакать... Такова одна изъ драмъ крѣпостного быта...

(*Лѣткова: «Крѣпостная интеллигенція»*).

Художникъ Тропининъ—крѣпостной.

Тропининъ родился крѣпостнымъ человѣкомъ графа Миниха. Въ немъ съ дѣтства проявилась страсть къ рисованію. Но его еще мальчикомъ взяли въ барскій домъ на побѣгушки, и на его талантъ никто не обращалъ никакого вниманія. Позже Тропининъ попалъ къ гр. Моркову въ приданое за дочерью Миниха. Графъ Морковъ не

Тропининъ.

былъ ни знатокомъ, ни любителемъ живописи и потому смотрѣлъ равнодушно на проявляющееся въ мальчикѣ дарованіе. Тропинина отдали въ ученье къ кондитеру. Здѣсь за его страсть къ живописи ему доставались потасовки и дранье за уши. Наконецъ родственникъ гр. Моркова обратилъ вниманіе на талантъ Тропинина и отдалъ его на обученіе «къ совѣтнику Академіи Художествъ, С. С. Щукину». Тропининъ дѣлалъ чрезвычайно быстрые успѣхи и уже черезъ четыре года обратилъ на себя общее вниманіе выставленною картиной. Самъ Щукинъ поторопился предупредить графа о томъ, что «если онъ не желаетъ лишиться своего крѣпостного человѣка, то взялъ бы его къ себѣ поскорѣе». И Тропинина сейчасъ же отправили въ деревню, въ глушь, гдѣ заставляли его красить колодцы, стѣны и каретныя колеса. Послѣ громаднаго успѣха въ столицѣ, послѣ общества талантливыхъ товарищей, какъ Кипренскій и Варнекъ, Тропининъ очутился сразу опять въ положеніи «крѣпостной души».

Когда вспыхнула война 12-го года, графъ поручилъ ему, какъ самому честному человѣку изо всей дворни, отвезти въ Москву обозомъ все свое имущество. Ѣзда по Россіи и укрывательство отъ непріятеля взяла у Тропинина цѣлый годъ. Но талантъ его все-таки не увядалъ. Онъ работалъ когда только было возможно и въ 1815 году написалъ большую картину (понятно, въ собственность господина). Когда онъ работалъ надъ ней, графа Моркова «посѣтилъ какой-то ученый французъ, которому предложено было отъ хозяина взглянуть на трудъ художника. Войдя въ мастерскую Тропинина, бывшую во второмъ этажѣ барскаго дома, французъ, пораженный работою живописца, много хвалилъ его и одобрительно пожималъ ему руку. Когда въ тотъ же день графъ съ семействомъ садились за обѣденный столъ, къ которому приглашенъ былъ и французъ, въ многочисленной прислугѣ явился изъ передней, наряженный парадно, Тропининъ.

Живой французъ, увидавъ вошедшаго художника, схватилъ порожній стулъ и принялся усаживать на него Тропинина за графскій столъ. Графъ и его семейство этимъ поступкомъ иностранца были совершенно скоп-

фужены, какъ и самъ художникъ-слуга»...

Тропининъ работалъ безъ-устали. По приказанію барина, онъ написалъ портреты всей его семьи, писалъ картины, кромѣ того, училъ рисовать пятерыхъ дочерей и сыновей своего господина и дочь гувернантки, и самъ рисовалъ для нихъ оригиналы. За все это ему давалось съ женой и сыномъ жалованья 36 руб. и харчевыхъ 7 руб. ассигнаціями въ годъ. И, несмотря на то, что о талантѣ Тропинина говорили кругомъ, что въ немъ принимали участіе вліятельные люди, онъ оставался крѣпостнымъ до сорока семи лѣтъ. Только въ 1823 году графъ Морковъ далъ ему волю, ему одному, безъ сына.

Нетрудно себѣ представить, что пришлось испытать талантливому человѣку въ теченіе полувѣкового рабства. Сколько мелкихъ униженій, сколько невидимыхъ слезъ, оскорбленнаго самолюбія — страшныхъ страданій далъ ему его талантъ. Вся молодость, всѣ лучшіе годы жизни прошли въ этихъ страданіяхъ и утопили въ нихъ, можетъ-быть лучшія, творенія...

(*Лѣткова: «Крѣпостная интеллигенція»*).

Судьба крѣпостного талантливаго музыканта.

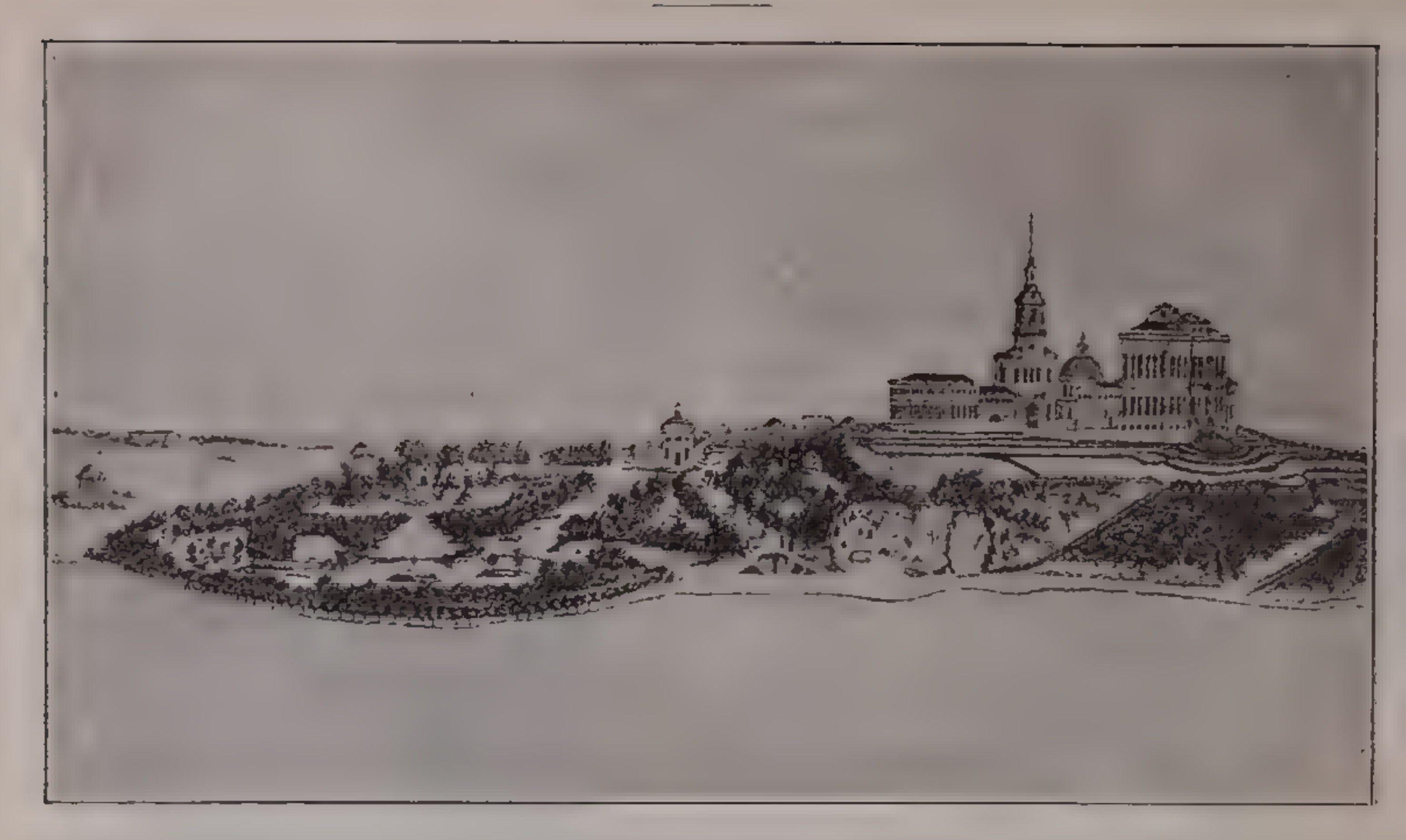
Лѣтъ за 12 — 13 до описываемаго времени мой покойный отецъ сталъ приглядываться къ одному 18—19 лѣтнему парню, Васькѣ, къ имени котораго крестьяне прибавляли — музыкантъ. Гдѣ бы въ праздникъ ни собирался народъ пѣть и плясать, Васька былъ тутъ, какъ тутъ.

Играть на свадьбахъ его приглашали даже крестьяне изъ чужихъ деревень; онъ всюду игралъ, пѣлъ и плясалъ... Но когда отецъ добылъ для него на время настоящую хорошую скрипку и заставилъ его сыграть ему на ней, Васька просто поразилъ его: онъ долго настраивалъ ее, долго приноравливался къ новому для него инструменту, долго подбиралъ то одно, то другое и вдругъ заигралъ знакомый отцу ноктюрнъ Шопена. На вопросъ изумленнаго отца, откуда онъ взялъ то, что играетъ, Васька объяснилъ, что когда въ нашей усадьбѣ въ прошлое лѣто гостила одна барыня, она часто играла это у насъ на фортепіано; онъ нерѣдко слушалъ ее, стоя подъ окномъ, и съ тѣхъ поръ эта «пѣсня» (онъ такъ называлъ ноктюрнъ) не давала ему покоя, но ему не удавалось подобрать ее на своей простяцкой скрипкѣ.

Это обстоятельство рѣшило судьбу Васьки. Отецъ написалъ о немъ князю Г., одному изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ средней полосы Россіи... Князь охотно принялъ Ваську въ свой оркестръ, а черезъ года два предлагалъ уже за него моему отцу большія по тогдашнему времени деньги. Онъ писалъ, что Васька, какъ по мнѣнію его жены-артистки, такъ и по мнѣнію проживающихъ у него иноземныхъ учителей музыки, обладаетъ феноменальными музыкальными способностями... Быстро, между дѣломъ, научился грамотѣ, имѣетъ большую склонность къ чтенію и еще легче усвоиваетъ музыкальную грамотность и преодолѣваетъ техническія затрудненія.

Но мой отецъ уже давно самъ мечталъ устроить у себя театръ и оркестръ... Съ этою цѣлью отецъ и отдалъ въ обученіе Ваську, а вовсе не для того, чтобы устроить музыкальную карьеру своего крѣпостного...

Какъ бы то ни было, но онъ наотрѣзъ отказался отъ предложенія

Богородицкъ—имѣніе гр. Бобринскихъ.

князя продать ему Ваську. Продержавъ его у князя еще нѣкоторое время, отецъ взялъ его обратно къ себѣ и устроилъ съ его помощью собственный театръ, при которомъ тотъ и состоялъ все время.

И вотъ теперь (послѣ смерти отца) матушка приказываетъ ему выбирать одно изъ двухъ: итти на оброкъ или взять участокъ земли и поступить въ одинъ разрядъ съ крестьянами-землепашцами.

Въ то время Васькѣ уже перевалило за 30 лѣтъ; онъ былъ женатъ, но на его счастье у него не было дѣтей. Хотя онъ, конечно, зналъ о перемѣнѣ судьбы многихъ дворовыхъ, но когда дѣло коснулось его лично, онъ просто потерялъ голову: онъ то и дѣло бѣгалъ изъ людской въ господскій домъ, о чемъ-то шептался со своею женою Минодорою, то приходилъ къ матушкѣ упрашивать ее дать ему землю, то отказывался и отъ нея и отъ того, чтобы перейти на оброкъ... Его жена Минодора, которую онъ, видимо, горячо любилъ и которую даже въ ту пору всеобщаго дранья онъ никогда не трогалъ пальцемъ, была ему совершенно подъ пару. Говорили, что она была плодомъ любви несчастной одного нашего родственника и красавицы коровницы на нашемъ скотномъ дворѣ. Какъ бы то ни было, но Минодора осталась круглой сиротой въ самомъ раннемъ дѣтствѣ и была взята въ комнаты. Она училась вмѣстѣ съ моими старшими сестрами, умершими во время холеры, была вполнѣ грамотной, даже читала и понимала по-французски, вмѣстѣ съ сестрами подвизалась на театральныхъ подмосткахъ, но была горничною, хотя и очень любимою въ домѣ. Театральная дѣятельность Минодоры сблизила ее съ Ваською,—они поженились, такъ какъ для ихъ брака не было никакихъ препятствій со стороны моихъ родителей...

Положеніе Минодоры, жены Васьки музыканта, можно было назвать весьма сноснымъ для крѣпостной: въ то время, когда при жизни отца моя семья жила на широкую ногу, ея работа въ качествѣ горничной моихъ старшихъ

сестеръ была совсѣмъ нетрудная, и никакой обиды она не испытывала... И вотъ теперь положеніе Минодоры въ нашемъ домѣ становилось все болѣе неприглядным: страхъ, что она будетъ вынуждена взяться за земледѣльческую работу, если ея мужу навяжутъ землю, боязнь за него и вѣчныя простуды ухудшали ея слабое здоровье: она все сильнѣе кашляла, худѣла и блѣднѣла. Выбѣгая на улицу по порученіямъ и въ дождь, и въ холодъ, она опасалась накинуть даже платокъ, чтобы не подвергнуться попрекамъ за «барство»...

Какъ-то послѣ ужина матушкѣ докладываютъ, что Васька проситъ дозволенія переговорить съ нею...

Василій со слезами бросился передъ матушкой на колѣни, умоляя ее выслушать его.

— Не могу, видитъ Богъ не могу, сударыня, ни съ землею орудовать, ни оброкъ вамъ выплачивать... Вѣдь когда я простымъ деревенскимъ парнемъ состоялъ, я косилъ и пахалъ, все дѣлалъ, отъ земли не отлынивалъ. Покойный баринъ изволили приказать по музыкѣ итти... По музыкѣ пошелъ, вѣдь этому уже теперь тринадцать годовъ, какъ я отъ земли оторвался... Какъ же мнѣ къ ней теперь приспособиться? Тоже и насчетъ музыки. Два съ половиной года обучался, но вѣдь я же отъ сохи попалъ въ княжескій оркестръ, значитъ пока обломался, пока что, время-то и прошло. Разбирать-то ноты я научился, да вѣдь если въ окрестръ проситься, не то, что въ столицу, а даже въ большой городъ, такъ сказываютъ—читка

Останкино. Театральный залъ.

нотъ безъ запинки требуется, быстрота, легкость игры... Куда же мнѣ! Вѣдь у покойнаго барина я въ музыкѣ дальше не пошелъ,— они вѣдь приказывали мнѣ другихъ обучать или играть то, что знаю. А развѣ я *виноватъ*, что баринъ не дозволили мнѣ дольше учиться? Можетъ, о ту пору я изъ-за этого самаго по ночамъ слезы кулаками утиралъ! А пикнуть, поперечить не посмѣлъ!.. Какъ же я посмѣю обѣщать выплачивать вамъ оброкъ своей скрипкой? Матушка! будьте благодѣтельницей, позвольте мнѣ съ женой остаться при вашей милости, мы какъ передъ Богомъ заслужимъ вамъ!

— Ты съ ума сошелъ! Да что же ты наигрывать, что ли, мнѣ собираешься «По улицѣ мостовой», когда я съ поля возвращаюсь? Если ты самъ находишь, что у князя ты по музыкѣ настолько не научился, чтобы сю теперь хлѣбъ зарабатывать, такъ ты просто лѣнтяй и болванъ! Два съ половиною года отъ тебя не было никакой прибыли въ хозяйствѣ, два съ половиною года ты былъ предоставленъ этому дурацкому ученью, а теперь, извольте радоваться—изъ этого ничего не вышло!.. Трынкать-то «Ванька Таньку полюбилъ», ты могъ и безъ ученія, и безъ ущерба для господскаго хозяйства! Но если ты ничего не знаешь и ничѣмъ не можешь зарабатывать денегъ, я тебя, конечно, не могу пустить на оброкъ, никакихъ денегъ отъ тебя не дождешься... Только знай — я тебя даромъ съ женой хлѣбомъ кормить не буду! Ты у меня научишься крестьянской работѣ!.. Будешь у меня и косить, и пахать, и молотить! А теперь пошелъ вонъ!

— Ну, что ты скажешь?—обратилась матушка къ старостѣ послѣ ухода Василія.

Почесывая затылокъ, староста началъ:

— Да что же, матушка-барыня... не извольте гнѣваться! Вѣдь толку-то изъ евойной работы не буде... Что изъ того, что енъ эвту работу допрежъ справлялъ!.. не... къ землѣ ему не *приспоровиться*!..

— Ахъ, Боже мой!—вскричала матушка въ отчаяніи.—Да пожалѣйте вы меня! Значитъ, я его съ женой даромъ хлѣбомъ кормить должна?

— Зачѣмъ, сударыня, задарма кормить! Можно на что другое переставить: на скотный, на починку построекъ али тамъ на рубку дровъ... А ежели, значитъ, ни па что не загодится, такъ и тутъ же опять... есть средствіе...

— Какое средство?.. Говори, въ чемъ дѣло?

— Такое, сударыня, какое у всѣхъ сусѣдей... значитъ, какъ знатно отпороть на конюшнѣ, такъ дурь-то евойная уся и соскочитъ!..

Хотя матушка думала, что, дѣйствительно, ничего другого не остается дѣлать съ «такимъ мерзавцемъ, какъ Васька», но не рѣшилась пообѣщать старостѣ примѣнить это средство, а сказала ему только, что сама теперь возьмется за него...

Однако мало-по-малу матушка все рѣже начала сокрушаться о томъ, что она не можетъ получать отъ Васьки всей той выгоды, на которую она считала себя въ правѣ, какъ помѣщица. Произошло это отъ того, что жалобы на Васькино бездѣльничество становились все менѣе основательными. Будучи по натурѣ толковымъ, трезвымъ, безукоризненно честнымъ и грамотнымъ, онъ точно былъ созданъ для того, чтобы выполнять въ хозяйствѣ наиболѣе сложныя порученія. Хозяйство, пущенное въ ходъ энергическою рукою матушки, все усложнялось, все настойчивѣе требовало особаго человѣка для выполненія чрез-

вычайно разнообразныхъ порученій: староста чуть не каждый день просилъ у матушки позволенія отправить Ваську то въ кузницу — «справить порченый струментъ», то ковать лошадей, то на мельницу. По домашнимъ дѣламъ тоже часто приходилось его посылать то въ волость съ письмами, то за покупками, то по дѣламъ въ городъ. Въ виду того, что все это Васька выполнялъ вполнѣ хорошо, матушка, все болѣе развивавшая свою необыкновенную практичность, стала подумывать о томъ, какъ бы еще съ большею выгодою утилизировать проявившіяся у него способности... И вотъ она рѣшилась сдѣлать попытку — отправить Ваську съ сельскими сбереженіями. Каково же было ея изумленіе, когда онъ, по возвращеніи, выложилъ ей на столъ сумму, въ четыре раза большую, чѣмъ его предшественники. При этомъ, чтобы дать возможность себя провѣрить, онъ аккуратнѣйшимъ образомъ записалъ, гдѣ и что продалъ, сколько и за что выручилъ. Матушка была поражена... Хотя Васька въ концѣ-концовъ былъ такъ заваленъ порученіями, что у него иногда не хватало времени выполнить все, что требовалось, хотя онъ продажею хозяйственныхъ сбереженій началъ приносить весьма осязательную выгоду, но онъ съ ужасомъ думалъ о матушкиной угрозѣ: «Ну, а какъ вдругъ да забреютъ лобъ?» Но зато положеніе его жены Минодоры въ качествѣ нашей горничной совершенно упрочилось. Нельзя было не полюбить это безотвѣтное существо, всегда готовое дѣлать все, что приказываютъ; кромѣ уборки большого дома, было много починки и шитья, и матушка какъ будто убѣдилась, что и это нужно дѣлать кому-нибудь. Хотя она не говорила о томъ, что Минодора и Василій навсегда останутся въ нашемъ домѣ, но мы, ея дѣти, очень любившіе эту пару, успокоились насчетъ ея судьбы...

Она рѣшила теперь такъ вести свое хозяйство, чтобы оставалось побольше для продажи ржи, овса, гречи, живности, масла и т. п. Забывая о недавнемъ еще презрѣніи къ Васькѣ и о своихъ жалобахъ на его дармоѣдство, она теперь передъ всѣми выставляла его неподкупную честность и ту пользу, которую онъ приноситъ въ хозяйствѣ: «И воды натаскаетъ, и дровъ наколетъ, все успѣваетъ сдѣлать, ну а насчетъ исполненія порученій и продажи такъ ужъ на это у него настоящій талантъ, даже больше, чѣмъ къ этой дурацкой музыкѣ!» Такъ говорила матушка, не предчувствуя, что и съ этой стороны она получитъ огромную выгоду.

Во всякомъ случаѣ матушка стала благоволить къ Василію и его женѣ и осыпать ихъ своими милостями...

Во второй половинѣ зимы слѣдующаго года матушкѣ доложили, что къ ней явился человѣкъ съ письмомъ княгини Г., мужъ которой держалъ Ваську у себя для обученія музыкѣ. Княгиня сообщала, что ея покойный мужъ всегда имѣлъ желаніе купить Василія. Въ виду огромныхъ музыкальныхъ способностей этого человѣка онъ рѣшилъ подарить ему свободу... При этомъ княгиня проситъ мою мать сообщить ей, можетъ ли состояться такая продажа и на какихъ условіяхъ... Поступокъ княгини, какъ объ этомъ матушка говорила впослѣдствіи, она отнесла къ разряду «барскихъ затѣй».

Хотя моя мать признавала уже заслуги Васьки, но отъ времени до времени ей приходила въ голову мысль, что не сегодня — завтра ея сосѣди явятся ея конкурентами по части продажи домашнихъ сбереженій, и тогда, несмотря на геніальныя способности

Комната въ Пріютинѣ — имѣніи Олениныхъ.

Васьки въ этомъ отношеніи, ея торговля будетъ сведена на-нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, ей очень не хотѣлось, очень жалко было разставаться съ Ваською и его женою, которыхъ она вполнѣ оцѣнила въ послѣднее время. Всѣ эти причины заставили ее назначить за эту супружескую чету 1500 рублей, въ расчетѣ, что княгиня никакъ не дастъ такой суммы.

Каково же было ея изумленіе, когда черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого къ крыльцу подкатила пустая бричка, запряженная парой. Кучеръ, управлявшій экипажемъ, подалъ матушкѣ пакетъ съ деньгами и письмо отъ княгини: она не только посылала всю затребованную отъ нея сумму, но прибавляла еще нѣсколько десятковъ рублей на хлопоты для того, чтобы всѣ бумаги о продажѣ ихъ были какъ можно скорѣй оформлены и доставлены ей.

Это событіе поразило не только нашу семью, но и всѣхъ крестьянъ. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по деревнямъ.

На другой день (это было воскресенье) весь нашъ огромный дворъ былъ запруженъ мужиками, бабами и крестьянскими ребятами. Несмотря на насмѣшки надъ этой четой, всѣ пришли съ нею проститься и посмотрѣть на невиданное до тѣхъ поръ у насъ зрѣлище. Взглядъ крестьянъ на этотъ инцидентъ былъ почти такой же, какъ и у ихъ барыни: они допускали, что княгиня могла купить Ваську и Миподору за неслыханно высокую цѣну, — «вѣдь, паны даже за собакъ платили тысячи», но они не могли переварить того, что Ваську покупаютъ, дарятъ ему свободу, оказываютъ ему барскую честь, — посылаютъ за нимъ не простую, мужицкую телѣгу, а панскій экипажъ съ куче-

ромъ на козлахъ, и все это за его «трыканье на скрипкѣ», — вотъ это было для нихъ чѣмъ-то головокружительнымъ.

Многіе изъ крестьянъ полагали, что виновники торжества «задерутъ теперь носъ» передъ ними, будутъ корить ихъ за насмѣшки... Никто изъ нихъ не ожидалъ того, что пришлось увидѣть: Минодора и особенно Васька оказались совершенно убитыми, послѣдній даже еле держался на ногахъ.

Мы всѣ высыпали на парадное крыльцо. Сразу водворилось какое-то торжественное молчаніе. Васька рыдалъ такъ отчаянно, что весь его сутоловатый, высокій станъ судорожно сотрясался. Пошатываясь изъ стороны въ сторону, онъ подошелъ къ матушкѣ и бухнулъ ей въ ноги. Она тоже плакала, дрожащими руками поднимала надъ нимъ образъ и благословляла его. Но Васька уже не могъ встать: двое парней подскочили къ нему съ той и другой стороны и помогли ему подняться. Послѣ этого онъ упалъ на колѣни передъ нянею, а затѣмъ и передъ каждымъ изъ насъ, парни каждый разъ поднимали его подъ руки; такъ же до земли кланялся онъ и толпѣ собравшихся крестьянъ. Но тутъ поднялся такой общій плачъ и рыданія, что мы всѣ бросились въ комнаты.

Слезы крестьянъ были вполнѣ искренними и не противорѣчили ихъ прежнему отношенію къ уѣзжавшимъ. Они смѣялись надъ Ваською и его женою, потому что они, будучи такими же крѣпостными, какъ и остальные, сторонились ихъ. Теперь же они тронули крестьянъ тѣмъ, что, хотя ихъ купили «за такія деньжищи и везутъ съ почетомъ, они не только не возгордились, но все приняли со смиреніемъ, земно кланялись народу».

— Ахъ, Господи! — говорила няня, вытирая слезы и входя въ комнаты, гдѣ мы ее ожидали. — Ужъ такъ-то жалостливо Васька прощался, такъ жалостливо!.. Всю душеньку вымоталъ... Вѣдь его еле живого усадили. Тяжко было ему, бѣдненькому, съ гнѣздышкомъ родименькимъ разставаться!.. Видно, боязно ему къ княгинюшкѣ ѣхать...

— Да что ему княгиня! Теперь онъ вольный казакъ! — перебила ее матушка.

- Вотъ онъ изъ-за того-то такъ и убивался, сердечный!

— Какъ изъ-за того?

— Извѣстно, матушка-барыня, изъза этой самой воли! Я вотъ какъ разсуждаю: былъ онъ крѣпостной, значитъ, подначальный, и весь предѣлъ ему былъ обозначенъ... Съ утра до поздней поченьки зналъ онъ, что дѣлать: дровъ поди наколи, а теперь маршъ въ кузницу, али тамъ на мельницу, и такъ всякій часокъ... Значитъ, нечего тебѣ голову думкой ломать, али какой заботой... сердце сушить... И ѣшь ты свой хлѣбушко безпрепятственно... Извѣстно, какъ полагается простому человѣку, безъ барскихъ затѣевъ, безъ соусовъ... Но вѣдь на то ты и простой мужикъ, рабъ, крѣпостной человѣкъ!.. Ну, а теперь на волѣ безъ старшаго изволь самъ все удумать... Каждое дѣльце свое, каждое словцо самъ обмозгуй...

— Ахъ, няня: и не глупый ты человѣкъ, а вѣдь какой вздоръ ты городишь! Развѣ можно сравнивать положеніе крѣпостного съ свободнымъ человѣкомъ! Развѣ ты не видишь, что творится кругомъ, какое тиранство, безчеловѣчье повсюду!

— Такъ вѣдь я, матушка-барыня, про нашего Ваську вспоминаю! Какъ ему, значитъ, было жить у насъ. А какъ вы изволите сказывать насчетъ безчеловѣчныхъ помѣщиковъ, такъ я вамъ осмѣлюсь доложить, что у такихъ-то еще лучше крѣпостному: если со смиреніемъ крестъ свой принять, такъ къ лику святыхъ угодниковъ сопричтенъ будешь.

— Ну, ужъ ты насильно даже въ рай собираешься гнать!..

Матушка съ сокрушеніемъ вспоминала Ваську...

Чтобы покончить съ Васькой, скажу только, что полученныя нами свѣдѣнія о его судьбѣ были крайне скудны. Черезъ полгода послѣ своего отъѣзда онъ написалъ Сашѣ о томъ, что онъ и его жена живутъ съ княгинею въ Москвѣ, что жена его исполняетъ роль горничной, но на жалованьѣ, а онъ служитъ въ оркестрѣ при одномъ изъ московскихъ театровъ. Затѣмъ онъ извѣстилъ сестру о томъ, что княгиня Г. ликвидируетъ всѣ свои дѣла въ Россіи и уѣзжаетъ навсегда за границу, куда съ нею отправляется и онъ и его жена. Но уже изъ-за границы Василій ничего не писалъ никому изъ насъ, и мы никогда ничего не узнали о дальнѣйшей судьбѣ этихъ двухъ нашихъ бывшихъ крѣпостныхъ.

(Водовозова: Воспоминанія).

Мавруша-Новоторка.

Она была новоторжская мѣщанка и добровольно закрѣпостилась. Живописецъ Павелъ (мой первый учитель грамотѣ), скитаясь по оброку, между прочимъ, работалъ въ Торжкѣ, гдѣ и заприметилъ Маврушу. Они полюбили другъ друга, и матушка, почти никогда не допускавшая браковъ между дворовыми, на этотъ разъ охотно дала разрѣшеніе, потому что Павелъ приводилъ въ домъ лишнюю рабу.

Года черезъ два послѣ этого Павла вызвали въ Малиновецъ для домашнихъ работъ. Очевидно, онъ не предвидѣлъ этой случайности, и она настолько его поразила, что хотя онъ и не ослушался барскаго приказа, но явился одинъ, безъ жены. Жаль ему было молодую жену съ вольной воли навсегда заточить въ крѣпостной адъ; думалось: подержатъ господа мѣсяцъ, другой, и опять по оброку отпустятъ.

Но матушка разсудила иначе. Работы нашлось много: весь иконостасъ въ малиновецкой церкви предстояло возобновить, такъ что и срокъ опредѣлить было нельзя. Поэтому Павлу было приказано вытребовать жену къ себѣ. Тщетно молилъ онъ отпустить его, предлагая двойной оброкъ и даже обязываясь поставить за себя другого живописца; тщетно увѣрялъ, что жена у него хворая, къ работѣ непривычная,— матушка слышать ничего не хотѣла.

— И для хворой здѣсь работа найдется,— говорила она,— а ежели, ты говоришь, она не привычна къ работѣ, такъ за это я возьмусь: у меня скорехонько привыкнетъ.

Мавруша, однакожъ, нѣкоторое время упорствовала и не являлась. Тогда ее привели въ Малиновецъ по этапу.

При первомъ же взглядѣ на новую *рабу матушка* убѣдилась, что Павелъ былъ правъ. Дѣйствительно, это было слабое и малокровное существо, деликатное сложеніе котораго совсѣмъ не мирилось съ представленіемъ о крѣпостной каторгѣ.

— Да вѣдь что же нибудь ты, голубушка, дома дѣлала? — спросила она Маврушу.

— Что дѣлала! Хлѣбы на продажу пекла.

— Ну, и здѣсь будешь хлѣбы печь.

И приставила Маврушу для барскаго стола ситные и бѣлые хлѣбы печь, да кстати и печенье просвиръ для церковныхъ службъ на нее же возложили.

Мавруша повиновалась; но, повидимому, она съ перваго же раза поняла значеніе шага, который сдѣлала, вышедши замужъ за крѣпостного человѣка...

Поселили ихъ довольно удобно, особнякомъ... Даже мѣсячину имъ назначили, несмотря на то, что она уже была уничтожена. И работой не отягощали, потому что трудъ Павла былъ незаурядный и ускользалъ отъ контроля, а что касается до Мавруши то матушка, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ махнула на нее рукой, словно поняла, что существуетъ на свѣтѣ горе, растравлять которое совѣсть зазритъ.

Павелъ былъ кроткій и послушный человѣкъ... Дворовые любили его настолько, что не завидовали сравнительно льготному житью, которымъ онъ пользовался. Съ такимъ же сочувствіемъ отнеслись они и къ Маврушѣ, но она дичилась и избѣгала сближеній... Она являлась наверхъ всего два раза въ недѣлю, да и то въ сумерки. Въ первый разъ, по пятницамъ, приходила за мукой, а во второй, по субботамъ, Павелъ приносилъ громадный лотокъ, уставленный стопками бѣлаго хлѣба и просвиръ, а она слѣдовала за нимъ и сдавала напеченное съ вѣса ключницѣ. Но за семейными нашими обѣдами разговоръ о ней возникалъ нерѣдко.

— Нечего сказать, нещечко взялъ за себя Павлушка! — негодовала матушка, постепенно забывая кратковременную симпатію, которую она высказала къ новой рабѣ. — Сидятъ съ утра до вечера, другъ другомъ любуются; онъ образа малюетъ, она чулокъ вяжетъ. И чулокъ-то не барскій, а свой! Не знаю, что отъ нея дальше будетъ, а только ежели... ну ужъ не знаю! не знаю! не знаю!

— Вольная вѣдь она была, еще не привыкла, — косвенно заступался за Маврушу отецъ.

— А развѣ чортъ ее за рога тянулъ за крѣпостного выходить! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! По-моему, ежели за крѣпостного замужъ пошла, такъ должна понимать, что и сама крѣпостною сдѣлалась. И хоть бы разъ она догада-

лась! хоть бы разъ пришла: позвольте, молъ, барыня, мнѣ господскую работу поработать!..

Иногда матушка подсылала ключницу посмотрѣть, что дѣлаютъ «дворяне». Акулина исполняла барское приказаніе, но не засиживалась и черезъ нѣсколько минутъ уже являлась съ докладомъ.

— Ну что?

— Ничего. Сидятъ смирно, промежду себя разговариваютъ.

— Вотъ я имъ дамъ «разговариваютъ»! Да ты бы подольше у нихъ побыла, хорошенько бы высмотрѣла.

— Нечего смотрѣть. Сидятъ тихо; онъ образъ пишетъ, она краску третъ.

— Небось, чаемъ потчевали?

— Не пивала ихняго чаю; не знаю.

— И ты съ ними заодно... потатчица!..

По временамъ она, впрочемъ, призывала самого Павла.

— Долго ли твоя дворянка будетъ сложа ручки сидѣть? — приступала она къ нему.

— Простите ее, сударыня! — умолялъ Павелъ, становясь на колѣни.

— Нѣтъ, ты мнѣ отвѣчай: долго ли дворянка твоя будетъ праздновать?

— Не умѣетъ она работу работать. Хлѣбы вотъ печетъ.

— Это въ недѣлю-то три, четыре часа... А ты знаешь ли, какъ другіе работаютъ?

— Знаю, сударыня, да хворая она у меня.

— Вотъ я эту хворь изъ нея выбью! Ладно! подожду еще немножко, посмотрю, что отъ нея будетъ. Да и ты хорошъ гусь! Чѣмъ бы жену уму-разуму учить, а онъ цѣлуется да милуется... Пошелъ съ моихъ глазъ... Тихоня!

Натурально, эти разговоры и сцены въ высшей степени удручали Павла... Павелъ не разъ пытался силою убѣжденія примирить жену съ новымъ положеніемъ (разсказывали, что онъ пробовалъ и «учить» ее), но всѣ усилія его въ этомъ смыслѣ оказались напрасными. Повидимому, она еще любила мужа, но надъ этою привязанностью уже господствовало представленіе о добровольномъ закрѣпощеніи, силу котораго она только теперь поняла...

— Не стану я господскую работу работать, не поклонюсь господамъ! — твердила Мавруша, — я вольная!

— Какая же ты вольная, коли за крѣпостнымъ замужемъ! Такая же крѣпостная, какъ и прочіе! — убѣждалъ ее мужъ.

— Нѣтъ, я природная вольная; вольною родилась, вольною и умру! Не стану на господъ работать!..

— А ежели барыня отстегать тебя велитъ?

— И пускай. Пускай, какъ хотятъ, тиранятъ, пускай хоть кожу съ живой снимутъ — я воли своей не отдамъ!

И, дѣйствительно, въ одну изъ пятницъ ключница доложила матушкѣ, что Мавруша не пришла за мукой.

— Это еще что за моды такія? — вспылила матушка.

— Не знаю. Говоритъ: «не слуга я вашимъ господамъ, я вольная».

— А вотъ распишу я ей вольную на спинѣ. Привести ее, да и оболтуса мужа кстати позвать.

Предсказаніе Павла сбылось: Маврушу высѣкли. Но на первый разъ поступили по-отечески: наказывали не на конюшнѣ, а въ дѣвичьей, и сѣчь заставили самого Павла. Когда экзекуція кончилась, она встала со скамейки, поклонилась мужу въ ноги и тихо произнесла:

— Спасибо за науку!

Но хлѣбовъ все-таки болѣе не пекла. Съ этихъ поръ она затосковала. Къ прежней, сокрушившей ее боли, при-

бавилась еще новая, которую нанесъ уже Павелъ, такъ легко рѣшившійся исполнить господское приказаніе. По мнѣнію ея, онъ обязанъ былъ всякую муку принять, но ни въ какомъ случаѣ не прикасаться лозой къ ея тѣлу.

— Срамникъ ты!—сказала она, когда они воротились въ свой уголъ. И Павелъ понялъ, что съ этой минуты согласной ихъ жизни наступилъ безповоротный конецъ...

Матушка между тѣмъ каждодневно справлялась, продолжаетъ ли Мавруша стоять на своемъ, и получала въ отвѣтъ, что продолжаетъ. Тогда вышло крутое рѣшеніе: мѣсячины непокорнымъ рабамъ не выдавать и продовольствовать ихъ, на ряду съ другими дворовыми, въ застольной. Но Мавруша и тутъ оказала сопротивленіе и отвѣтила черезъ ключницу, что въ застольную добровольно не пойдетъ.

— Да вѣдь захочетъ же она жрать?!— удивлялась матушка.

— Не знаю. Говоритъ: «ежели насильно меня въ застольную сведутъ, такъ я все-таки тамъ ѣсть не буду!»

— Вретъ, лиходѣйка! Голодъ не тетка... будетъ жрать! Ведите въ застольную!

Но Мавруша не лгала. Два дня сряду сидѣла она не ѣвши и въ застольную не шла, а на третій день матушка обезпокоилась и призвала Павла.

— Да что она у тебя, порченая, что ли? — спросила она.

— Не знаю, сударыня. Хворая, стало-быть.

— Хворые-то смирно сидятъ, не бунтуютъ; нѣтъ, она не хворая, а просто фордыбака... Дворянку разыгрываетъ изъ себя.

— Съ чего бы, кажется...

— Насквозь я ее, мерзавку, вижу! да и тебя, тихоня! Берегись! Не посмотрю, что ты изъ лѣтъ вышелъ, такъ-то не въ зачетъ въ солдаты отдамъ, что любо!

— Отпустите насъ, сударыня! Я и за себя и за нее оброкъ заплачу.

— Ни за что! Даже когда иконостасъ кончишь, и тогда не пущу! Сгною въ Малиновцѣ. Сиди здѣсь, любуйся на свою женушку милую!..

Ничего подобнаго матушка въ помѣщичьей своей практикѣ не встрѣчала, и потому находилась въ великомъ смущеніи... И, тѣмъ не менѣе, все-таки пришлось, въ концѣ-концовъ, отступить.

Распоряженія самыя суровыя слѣдовали одни за другими, и одни же за другими немедленно отмѣнялись...

— Ведите, ведите ее на конюшню! приказывала она, но черезъ нѣсколько минутъ одумывалась и говорила: — Инъ прахъ ее побери! Не троньте! Подожду, что еще будетъ!

Было даже отдано приказаніе отлучить жену отъ мужа и силкомъ водворить Маврушу въ застольную; но когда внизу, изъ Павловой каморки, послышался шумъ, свидѣтельствовавшій о приступѣ къ выполненію барскаго приказанія, матушка испугалась... «А ну, какъ она, въ самомъ дѣлѣ, голодомъ себя уморитъ!» мелькнуло въ ея головѣ. Всѣ домочадцы съ удивленіемъ и страхомъ слѣдили за этой борьбой ничтожной рабы съ всесильной госпожой. Матушка видѣла это, мучилась, но ничего подѣлать не могла.

— Ѣстъ? — безпрерывно освѣдомлялась она у ключницы.

— Не иначе, какъ Павлуша потихоньку ей носитъ. Сказать ему, негодяю, что если онъ хоть корку хлѣба ей передастъ, то я—видитъ Богъ!—въ Сибирь обоихъ упеку!

Но едва, вслѣдъ за тѣмъ, приносили въ дѣвичью завтракъ или обѣдъ, матушка призывала которую-нибудь изъ

дѣвушекъ (даже передъ ними она уже не скрывалась) и говорила:

— Отказывается покуда...

— Снеси... ну, этой!.. щецъ, что ли... Да не сказывай, что я велѣла, а будто бы отъ себя...

Повторяю, всесильная барыня вынуждена была сознаться, что если она поведетъ эту борьбу дальше, то ей придется всѣ дѣла бросить и всю себя посвятить усмиренію строптивой рабы...

Жизнь Павла была погублена. Мавруша не только отшатнулась отъ него, но даже совсѣмъ перестала съ нимъ говорить. Побѣда, которую она одержала надъ властной барыней, наводившей трепетъ на все окружающее, далеко не удовлетворила ее... Любовь, постепенно потухая, прошла черезъ всѣ фазисы равнодушія и, наконецъ, превратилась въ положительную ненависть. Мавруша не высказывалась, но всѣми поступками, наружнымъ видомъ, тѣлодвиженіями, — всѣмъ показывала, что въ ея сердцѣ нѣтъ къ мужу никакого другого чувства, кромѣ глубокаго и непримиримаго отвращенія...

Раннимъ осеннимъ утромъ, было еще темно, какъ я былъ разбуженъ поднявшеюся въ домѣ бѣготнею. Вскочивъ съ постели, полуодѣтый, я сбѣжалъ внизъ и отъ первой встрѣтив-

Крестьянинъ иконописецъ (карт. Архипова).

шейся дѣвушки узналъ, что Мавруша повѣсилась.

Драма кончилась. Въ видѣ эпилога, я могу, впрочемъ, прибавить, что за утреннимъ чаемъ, на мой вопросъ: «когда будутъ хоронить Маврушу?» матушка отвѣчала:

— А вотъ завтра обернутъ въ рогожу и свезутъ въ болото.

И, дѣйствительно, на другое утро пріѣхалъ изъ земскаго суда сельскій засѣдатель, разрѣшилъ похоронить самоубійцу, и я изъ окна видѣлъ, какъ Маврушино тѣло, обернутое въ дырявую рогожу, взвалили на роспуски и увезли въ болото.

(Щедринъ: Пошехонская старина»).

Уничтоженіе секты помѣщикомъ.

Лѣтъ шесть или больше тому назадъ помѣщикъ Соковнинъ купилъ имѣніе въ Тульской губерніи и узналъ, что крестьяне всѣ держатся какой-то ереси и не ѣдятъ свиного мяса. Помѣщикъ задалъ праздникъ, пригласилъ крестьянъ, попотчевалъ ихъ сначала водкой, а потомъ и свининой; никто не сталъ ѣсть и на спросъ: почему? они признались, что держатся какого-то толка. Тогда Соковнинъ всѣхъ отказавшихся отъ свинины пересѣкъ, приставилъ къ нимъ пять приказчиковъ, заставилъ крестьянъ всѣхъ окрестить и, наконецъ, уничтожилъ ересь...

(И. Аксаковъ: Письма).

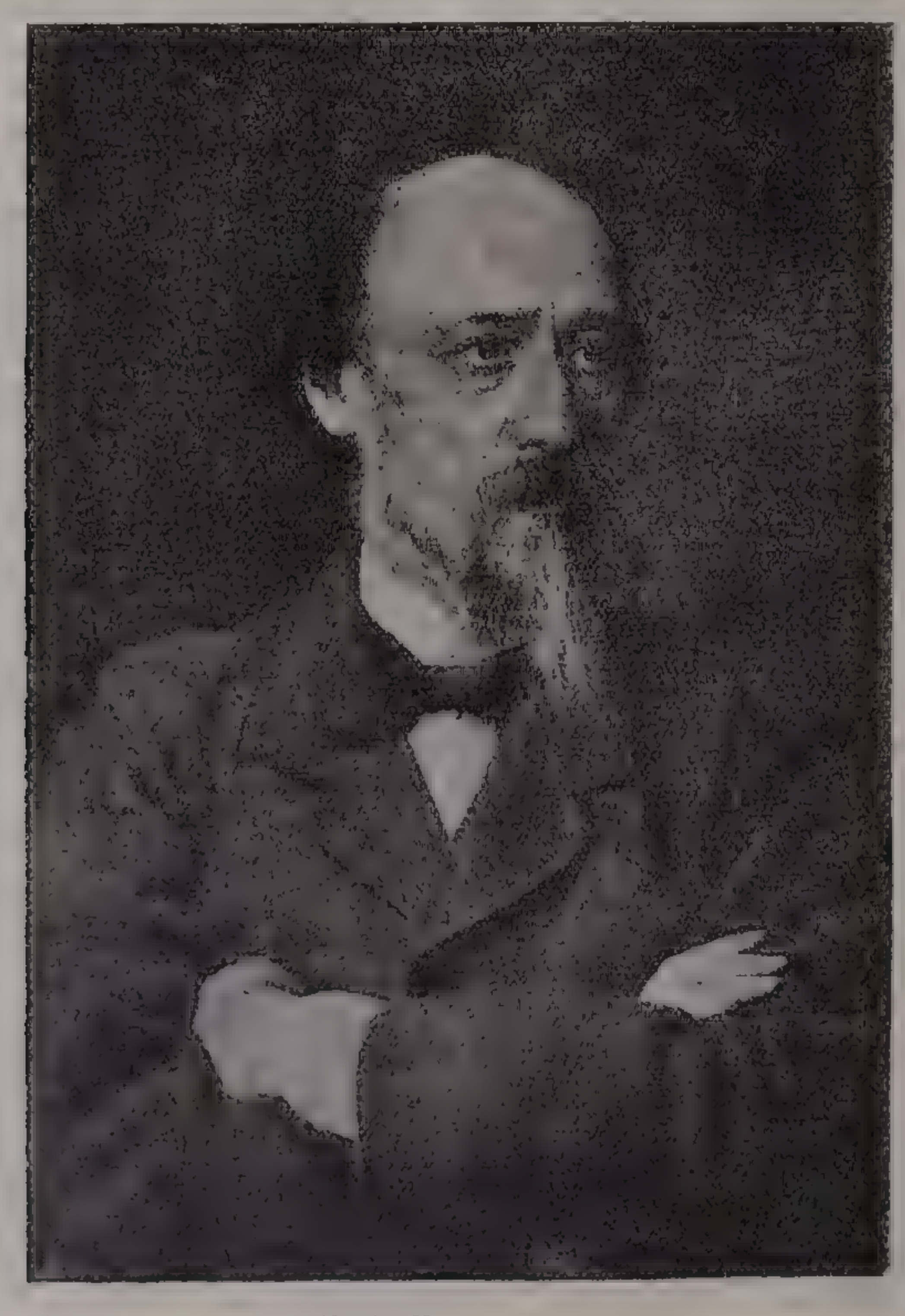
Старый слуга.

Сохнетъ старикъ отъ печали,
Ночи не спитъ напролетъ:
Барскимъ добромъ поклепали,
Воромъ вся дворня зоветъ.
Не ждалъ онъ горькой невзгоды,
Барину вѣрно служилъ...
Какъ его въ прежніе годы
Старый слуга мой любилъ!
Въ курточкѣ красной, бывало,
Веселъ, завитъ и румянъ,
Прыгаетъ, бьетъ, какъ попало,
Рѣзвый барчукъ въ барабанъ;
Бьетъ и кричитъ и смѣется,
Дѣтскою саблей звенитъ;
Вдругъ къ старику повернется —
«Смирно!..» и ножкой стучитъ.
Ниткой его зануздаетъ,
На спину сядетъ верхомъ,
Въ шутку кнутомъ погоняетъ,
Ѣдетъ по залѣ кругомъ.
Радъ мой старикъ—и проворно
На четвереанькахъ ползетъ.
«Стой!» и онъ станетъ покорно,
Бровью сѣдой не моргнетъ.
Ручку ль барчукъ шаловливый,
Ножку ль убьетъ за игрой,—
Вздрогнетъ слуга боязливый:
«Баринъ ты мой золотой!»
Шопотомъ тужитъ, горюетъ:
Не досмотрѣлъ я, злодѣй!
Барскую ножку цѣлуетъ...
«Бей меня, батюшка, бей!»
Тошно подъ барской опалой!
Недруговъ страшенъ навѣтъ!
Пусть бы ужъ много пропало,—
Ложки серебряной нѣтъ!
Смотритъ старикъ за овцами,
На ноги лапти надѣлъ,
Плечи покрылъ лоскутами,
Такъ ему баринъ велѣлъ.
Плакалъ бѣднякъ, убивался,
Вслухъ не винилъ никого.
Рабъ своей тѣни боялся,—
Такъ напугали его.
Господи, горе и голодъ!..
Долго ли чахнуть въ тоскѣ?..
Вырвался какъ-то онъ въ городъ
И—загулялъ въ кабакѣ.
Пей, безталанная доля!
Пилъ онъ и пѣлъ и плясалъ...

Волюшка, милая воля,
Гдѣ же твой свѣтъ запропалъ?
И потащился полями
Пьяный въ родное село.
Вьюга неслась облаками,
Вѣтромъ лицо его жгло.
Снѣгъ заметалъ одежонку,
Сонъ горемыку клонилъ...
Легъ онъ, надвинулъ шапчонку
И середь поля застылъ. *(Никитинъ)*.

Преданный дворовый.

Какъ воля намъ готовилась,
Такъ онъ не вѣрилъ ей:
«Шалишь! князья Утятины
Останутся безъ вотчины!
Нѣтъ, руки коротки!»
Явилось «Положеніе»,

Н. А. Некрасовъ.

Ипатъ сказалъ: «Балуйтесь вы!
А я князей Утятиныхъ
Холопъ—и весь тутъ сказъ!»
Не можетъ барскихъ милостей
Забыть Ипатъ! Потѣшные
О дѣтствѣ и о младости,
Да и о самой старости
Разсказы у него
(Придешь, бывало, къ барину,
Ждешь, ждешь... Неволей слушаешь,
Сто разъ я слышалъ ихъ):
«Какъ былъ я малъ, нашъ князюшка
Меня рукою собственной
Въ телѣжку запрягалъ.
Достигъ я рѣзвой младости:
Пріѣхалъ въ отпускъ князюшка
И, подгулявши, выкупалъ
Меня, раба послѣдняго,
Зимою въ проруби!
Да какъ чудно! Двѣ проруби:
Въ одну опуститъ въ неводѣ,
Въ другую мигомъ вытянетъ—
И водки поднесетъ.
Клониться сталъ я къ старости...
Зимой дороги узкія,
Такъ часто съ княземъ ѣздили
Мы гусемъ въ пять коней.
Однажды князь—затѣйникъ же!—
И посади фалейторомъ
Меня, раба послѣдняго,
Со скрипкой—впереди.
Любилъ онъ крѣпко музыку.
«Играй, Ипатъ!» А кучеру
Кричитъ: «пошелъ живѣй!»
Мятель была изрядная,
Игралъ я: руки заняты,
А лошадь спотыкливая!—
Свалился я съ нея!
Ну, сани, разумѣется,
Черезъ меня проѣхали,
Попридавили грудь.
Не то бѣда: а холодно,
Замерзнешь—нѣтъ спасенія,
Кругомъ пустыня, снѣгъ...
Гляжу на звѣзды частыя
Да каюсь во грѣхахъ.
Такъ что же, другъ ты истинный?
Послышалъ я бубенчики,
Чу, ближе! Чу, звончѣй!
Вернулся князь (закапали
Тутъ слезы у двороваго,
И сколько ни разсказывалъ,
Всегда тутъ плакалъ онъ!),
Одѣлъ меня, согрѣлъ меня,
И рядомъ, недостойнаго,
Съ своей особой княжеской
Въ саняхъ привезъ домой!»

(Некрасовъ: «Кому на Руси жить хорошо»).

Крѣпостная женская прислуга.

Кормилица у меня была своя, крѣпостная, Домна, къ которой я впослѣдствіи любилъ бѣгать украдкой въ деревню. Она готовила для меня яичницу и подливала сливками; и тѣмъ и другимъ я съ жадностью насыщался, потому что дома насъ держали впроголодь. Въ кормилицы бабы шли охотно, потому что это, во-первыхъ, освобождало ихъ на время отъ барщины, во-вторыхъ, исправная выкормка барчонка или барышни обыкновенно сопровождалась отпускомъ на волю когонибудь изъ кормилкиныхъ дѣтей. Впрочемъ, отпускали исключительно дѣвочекъ, такъ какъ увольненіе мальчика (будущаго тяглеца) считалось убыточнымъ; дѣвка же, и по достиженіи совершенныхъ лѣтъ, продавалась на выводъ не дороже пятидесяти рублей ассигнаціями. Моей кормилицѣ не повезло въ этомъ случаѣ. Домъ ея былъ изъ бѣдныхъ, и «вольную» ея дочь Дашутку не удалось выдать замужъ на сторону за вольнаго человѣка. Поэтому она вошла въ семью своего же однодеревенца и такимъ образомъ закрѣпостилась вновь. Нянекъ я помню

очень смутно. Онѣ мѣнялись почти безпрерывно, потому что матушка была вообще гнѣвлива и, сверхъ того, держалась своеобразной системы, въ силу которой крѣпостные, не изнывавшіе съ утра до ночи на работѣ, считались дармоѣдами.

— Зажирѣла въ нянькахъ, ишь, мясища-то нагуляла! — говорила она и, не откладывая дѣла въ дальній ящикъ,

Пряха (карт. Венеціанова).

опредѣляла няньку въ прачки, въ ткачихи или засаживала за пяльцы и пряжу.

Въ горькомъ положеніи была женская прислуга, и въ особенности сѣнныя дѣвушки, которыя на тогдашнемъ циническомъ языкѣ назывались «дѣвками».

Дѣвка» была существо не только безотвѣтное, но и дешевое, что въ значительной степени увеличивало ея безотвѣтность. О «дѣвкѣ» говорили: дешевле пареной рѣпы», или: «по грошу пара» — и соотвѣтственно съ этимъ цѣнили ея услуги. Дворовымъ человѣкомъ до извѣстной степени дорожили. Во-первыхъ, въ большинствѣ случаевъ, это былъ мастеровой или искусникъ, котораго не такъ-то легко замѣнить. Во-вторыхъ, если за нимъ и не водилось ремесла, то онъ зналъ барскія привычки, умѣлъ подавать брюки, обладалъ споровкой, разговоромъ и т. д. Въ-третьихъ, дороваго человѣка можно было отдать въ солдаты, въ зачетъ будущихъ наборовъ, и квитанцію съ выгодою продать. Ничего подобнаго «дѣвки» не представляли. Изъ нихъ былъ поводъ дорожить только ключницей, барыниной горничной, да, можетъ-быть, какой - нибудь особенно искусной мастерицей, обученной въ Москвѣ на Кузнецкомъ Мосту. Всѣ прочія составляли безразличную массу, каждый членъ которой могъ быть безъ труда замѣненъ другимъ. Всѣ пряли, всѣ вязали чулки, вышивали въ пяльцахъ, плели кружева. И изъ-за взрослыхъ всегда выглядывалъ на смѣну контингентъ подростковъ. Поэтому ихъ плохо кормили, одѣвали въ затрапезъ и мало давали спать, изнуряя почти непрерывной работой.

И было ихъ у всѣхъ помѣщиковъ великое множество.

Въ нашемъ домѣ ихъ тоже было не меньше тридцати штукъ. Всѣ онѣ занимались разнаго рода шитьемъ и плетеньемъ, покуда свѣтло, а съ наступленіемъ сумерекъ ихъ загоняли въ небольшую дѣвичью, гдѣ онѣ пряли, при свѣтѣ сальнаго огарка, часовъ до одиннадцати ночи. Тутъ же онѣ обѣдали, ужинали и спали на полу, вповалку, на войлокахъ.

Вслѣдствіе непосильной работы и худого питанія, дѣвушки очень часто недомогали, и всѣ имѣли уныло-заспанный видъ и землистый цвѣтъ лица. Красивыхъ не было. Многія были удивительно терпѣливы, кротки и горячо вѣрили, что смерть возмѣститъ имъ тѣ радости и услады, въ которыхъ такъ сурово отказала жизнь. Въ послѣдніе дни Страстной недѣли, подъ вліяніемъ ежедневныхъ службъ, эта вѣра въ особенности оживлялась, такъ что вся дѣвичья наполнялась тихими, сосредоточенными вздохами. Затѣмъ наступившій Свѣтлый праздникъ былъ едва ли не единственнымъ днемъ, когда лица рабовъ и рабынь расцвѣтали, и крѣпостное право какъ бы упразднялось.

Но что было всего циничнѣе и возмутительнѣе—это необыкновенно настойчивое выслѣживаніе «дѣвокъ».

У большинства помѣщиковъ было принято за правило не допускать браковъ между дворовыми людьми. Говорилось прямо: «разъ вышла дѣвка замужъ — она ужъ не слуга; ей впору дѣтей родить, а не господамъ служить». А иные къ этому цинично прибавляли: «на нихъ, кобылъ, и жеребцовъ не напасешься». Съ дѣвки всегда спрашивалось больше, нежели съ замужней женщины, и лишняя талька пряжи, и лишній вершокъ кружева и т. д. Поэтому былъ прямой расчетъ, чтобы дѣвичье цѣломудріе не нарушалось.

Процедура выслѣживанья была омерзительна до послѣдней степени. Устраивали засады, подстерегали по ночамъ и проч. И когда, наконецъ, улики были налицо, начинался цѣлый адъ.

Иногда, не дождавшись разрѣшенія отъ бремени, виновную выдавали за крестьянина дальней деревни, непремѣнно за бѣднаго и притомъ вдовца съ большимъ семействомъ. Словомъ сказать, трагедіи самыя несомнѣнныя совершались на каждомъ шагу, и никто не подозрѣвалъ, что эта трагедія, а говорили резонно, что съ «подлянками» иначе поступать нельзя.

И мы, дѣти, были свидѣтелями этихъ трагедій, и глядѣли на нихъ не только безъ ужаса, но совершенно равнодушными глазами. Кажется, и мы не прочь были думать, что съ «подлянками» иначе нельзя... Были, впрочемъ, и либеральные помѣщики. Эти не выслѣживали дѣвичьихъ беременностей, но замужъ выходить все-таки не позволяли, такъ что, сколько бы ни было у «дѣвки» дѣтей, ее продолжали считать «дѣвкою» до смерти, а дѣти ея отдавались въ дальнія деревни, въ дѣти крестьянамъ. И все это хитросплетеніе допускалось ради лишней тальки пряжи, ради лишняго вершка кружева.

(Щедринъ: «Пошехонская старина»).

Безсчастная Матренка.

Однимъ утромъ пришелъ въ дѣвичью Ѳедотъ и сообщилъ Акулинѣ, чтобъ Матренка готовилась: изъ Украйны пріѣхалъ женихъ.

Распорядиться, за отсутствіемъ матушки, было некому, но общее любопытство было такъ возбуждено, что Ѳедота упросили показать жениха, когда баринъ, послѣ обѣда, ляжетъ отдыхать. Даже мы, дѣти, высыпали въ дѣвичью посмотрѣть на жениха, узнавши, что его привели.

Женихъ былъ такъ малъ ростомъ, до того глядѣлъ мальчикомъ, что никакъ нельзя было дать ему больше пятнадцати лѣтъ. На немъ былъ новенькій съ иголочки азямъ сѣраго крестьянскаго сукна; на ногахъ—но-

вые лапти. Атмосфера господскихъ хоромъ до того отуманила его, что онъ, какъ окаменѣлый, стоялъ, разинувъ ротъ, у входной двери. Даже Акулина, какъ ни свыклась съ сюрпризами, которые всегда были наготовѣ у матушки, ахнула, взглянувъ на него.

— Тебѣ который же годъ? — спросила она его, внезапно проникаясь глубокимъ состраданіемъ къ Матренкѣ.

— Объ Рождествѣ осьмнадцать минуло,—отвѣтилъ онъ робко.

— Ну; признаться...

Матренка совсѣмъ взволновалась.

— Ни за что въ свѣтѣ я за тебя, за гаденка, не пойду!—кричала она, подступая къ жениху съ кулаками.— Такъ и въ церкви попу объявлю: не согласна! А ежели силкомъ выдадутъ, такъ я, и до мѣста доѣхать не успѣемъ, тебя изведу!

Жениха слегка передернуло...

— Слышишь! — продолжала волноваться невѣста. — Такъ ты и знай! Лучше добромъ уѣзжай отсюда, а ужъ я что сказала, то сдѣлаю! не пойду я за тебя! не пойду!

— Да и мнѣ неохота,—пробормоталъ мальчишка мрачно.

— Зачѣмъ же ты ѣхалъ, постылый?

— Староста велѣлъ... оттого...

— Ступай съ моихъ глазъ! ступай!

Мальчишка повернулся и вышелъ. Матренка заплакала. Всего можно было ожидать, но не такого надругательства... Ей не приходило въ голову, что это надругательство гораздо мучительнѣе настигаетъ ничѣмъ неповиннаго мальчишку, нежели ее...

Матренка... чувствовала, какъ съ каждымъ днемъ въ ея сердце все глубже и глубже впивается тоска, и съ нетерпѣніемъ выслушивала сожалѣнія товарокъ. Не сожалѣнія ей были нужны, а развязка. Не та развязка, которой всѣ ждали, а совсѣмъ другая. Одно желаніе всецѣло овладѣло ею: погибнуть, пропасть!

И развязка не заставила себя ждать. Въ темную ночь, когда на дворѣ бушевала вьюга, а въ дѣвичьей все улеглось по мѣстамъ, Матренка въ одной рубашкѣ, босикомъ, вышла на крыльцо и сѣла. Снѣгъ хлесталъ ей въ лицо, стужа пронизывала все тѣло. Но она не шевелилась и безстрашно глядѣла въ глаза развязкѣ, которую сама придумала. Смерть приходила не вдругъ и процессъ ея не былъ мучителенъ. Скорѣе это былъ сонъ, который до тѣхъ поръ убаюкивалъ виноватую, пока сердце ея не застыло.

Утромъ на крыльцѣ нашли окоченѣвшій Матренкинъ трупъ.

Похоронили виноватую на сельскомъ кладбищѣ по христіанскому обряду, не доводя до полиціи и приписавъ ея смерть простому случаю. Егорку, котораго миссія кончилась, въ тотъ же день отправили въ украинскую деревню.

(Щедринъ: «Пошехонская старина»).

Ванька-Каинъ.

Настоящее его имя было Иванъ Макаровъ, но братъ Степанъ съ перваго же раза прозвалъ его Ванькой-Каиномъ...

По профессіи онъ былъ цырюльникъ. Года два назадъ, по выходѣ изъ ученья, его отпустили по оброку; но такъ какъ онъ, въ теченіе всего времени, не заплатилъ ни копейки, то его вызвали въ деревню. И вотъ однажды утромъ матушкѣ доложили, что въ дѣвичьей дожидается Иванъ-цырюльникъ.

— А! золото! добро пожаловать! Ты, что же, молодчикъ, оброка не платишь? — привѣтствовала его матушка.

Но Иванъ, вмѣсто отвѣта, развязно подошелъ къ барынѣ и сказалъ:

— Позвольте, сударыня, ручку поцѣловать.

— Прочь... негодяй! Смотрите, шута разыгрывать вздумалъ! Сказывай, почему ты оброка не платишь?

— Помилуйте, сударыня, я бы съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ, да, признаться сказать, самому деньги были нужны.

Но въ этомъ потокѣ шутовскихъ словъ она поняла только одно, что передъ нею стоитъ человѣкъ, котораго при первомъ же случаѣ надлежитъ подъ красную шапку упечь и дальнѣйшія объясненія съ которымъ могутъ повлечь лишь къ еще болѣе неожиданнымъ репримандамъ.

— Вонъ!— крикнула она, дѣлая угрожающій жестъ и въ то же время благоразумно ретируясь.

Крестьянское веселье (Орловскій).

— А вотъ я тебя сгною въ деревнѣ. Я тебѣ покажу, какъ шута передъ барыней разыгрывать! Посмотрю, какъ «тебѣ самому деньги были нужны»!

Это какъ вамъ будетъ угодно. Я и здѣсь въ превосходномъ видѣ проживу.

— Ахъ, ты хамово отродье! Скажите на милость!..

— Мерси-бонжуръ. Что за оплеуха, коли не достала уха! Очень вами за ласку благодаренъ!

Матушка широко раскрыла глаза отъ удивленія. Въ этомъ нескладномъ по-

— «Же-ву-фелиситъ. Не доходя прошедши. Не извольте безпокоиться, получать не желаю.

Словомъ сказать, онъ съ перваго же шага ознаменовалъ свое водвореніе въ Малиновцѣ настолько характеристично, что никто ужъ не сомнѣвался насчетъ предстоящей ему участи...

— Какъ это... какъ онъ сказалъ?.. «Же-ву-фелиситъ...», а дальше какъ? припоминала матушка, возвратившись въ дѣвичью и становясь у окна, чтобы поглядѣть, куда пойдетъ балагуръ...

— А вотъ я его ужо! Смотрите! ишь, мерзавецъ, шляется! Именно не идетъ, а шляется! Батюшки! да никакъ онъ на гармоніи играетъ! Бѣгите, бѣгите, отнимите у него гармонію!..

Гармонику принесли; но вслѣдъ за тѣмъ на лѣстницѣ раздались шаги. Заслышавши ихъ, матушка поспѣшно схватила гармонику и буквально бѣжала изъ дѣвичьей.

— Это ужъ не манеръ!—во все горло бушевалъ воротившійся балагуръ.— Словно на большой дорогѣ грабятъ! А я-то, дуракъ, шелъ изъ Москвы и думалъ, призоветъ меня барыня и скажетъ: сыграй мнѣ, Иванъ, на гармоніи штучку!

Наконецъ дѣвушки всей толпой обступили его и увели. А вслѣдъ за тѣмъ кучеръ Алемпій (онъ исправлялъ при усадьбѣ должность заплечнаго мастера), какъ говорится, на обѣ корки отодралъ московскаго гостя.

Въ тотъ же день матушка за обѣдомъ говорила:

— Вотъ и еще готовый солдатъ явился. Посмотрю немного, и ежели что, такъ и набора ждать не стану...

Ремесло цырюльника считалось самымъ пустымъ изъ всѣхъ, которымъ помѣщичье досужество обучало дворовыхъ для домашняго обихода. Цырюльники, ходившіе по оброку, очень рѣдко оказывались исправными плательщиками. Это были люди, съ юныхъ лѣтъ испорченные легкимъ трудомъ и балагурствомъ съ посѣтителями цырюленъ; поэтому большинство ихъ почти постоянно слонялось по Москвѣ безъ мѣстъ... Надо было пріискать для Ваньки-Каина стороннюю работу, на которой онъ изнывалъ бы непрестанно. Матушка, разумѣется, и занялась этимъ, потому что она даже въ мысляхъ не могла допустить, чтобы кто-нибудь изъ дворовыхъ даромъ хлѣбъ ѣлъ... Думала, думала матушка и, наконецъ, рѣшила: благо начался сѣнокосъ, послать Ваньку-Каина сѣно косить. И съ вечера же, какъ только явился староста Өедотъ за приказаніями, *она сообщила ему о своей* затѣѣ.

— Врядъ ли онъ и косу въ руку взять умѣетъ,—предупреждалъ Өедотъ:—грѣхъ только съ нимъ одинъ.

— Не умѣетъ, такъ будетъ умѣть. Почаще плеткой вспрыскивай—скорехонько научится.

— То-то что... Ты его плеткой, а онъ на тебя съ косой...

— Ну, Богъ милостивъ... съ Богомъ!

Но на утро, едва выглянула матушка въ окно, какъ убѣдилась, что Ванька-Каинъ преспокойно шляется по красному двору, размахивая руками.

— Отчего Ванька не на сѣнокосѣ?— обратилась она къ ключницѣ.

— Стало-быть, не пошелъ.

— Позвать его, подлеца!

— Лучше бы вы, сударыня, съ нимъ не связывались!

— Нѣтъ, нѣтъ... позвать его... сейчасъ позвать!

И черезъ нѣсколько минутъ въ дѣвичьей уже поднялся обычный содомъ.

— Ты, что же, голубчикъ, на сѣнокосъ не идешь?—кричала матушка.

— Позвольте, сударыня! «Здѣсь стригутъ и бреютъ, и кровь отворяютъ», а вы меня съ косой посылаете! Развѣ благородные господа такъ дѣлаютъ?

— Ахъ, мерзавецъ! онъ еще шутки шутитъ!.. Сейчасъ же къ Алемпію самъ ступай! Пускай онъ тебѣ *по-намеднишнему* засыплетъ.

— Однажды шелъ дождикъ дважды... Вчера засыпали, сегодня засыплютъ... Объ этомъ еще подумать надо, сударыня...

Само собою разумѣется, что Ивану въ концѣ-концовъ все-таки засыпали, но матушка, тѣмъ не менѣе, рѣшила до времени съ Ванькой-Каиномъ въ

разговоры не вступать, и какъ только полевыя работы дадутъ сколько-нибудь досуга, такъ сейчасъ же отправить его въ рекрутское присутствіе...

Послѣ этого матушка какъ будто успокоилась, но спокойствіе это было только наружное, и въ сущности мысль о Ванькѣ-Каинѣ продолжала преслѣдовать ее.

— Сбѣгай, посмотри, что подлецъ дѣлаетъ?—по нѣскольку разъ въ день посылала она дѣвчонку на конюшню.

И когда дѣвчонка возвращалась съ отвѣтомъ: «сидитъ на приступочкѣ и посвистываетъ», то матушка приходила въ такое волненіе, что губы у нея бѣлѣли и тряслись...

Дни проходили за днями; Ванька-Каинъ не только не винился, но, повидимому, совсѣмъ прижился. Онъ даже пріобрѣталъ симпатію дворовыхъ...

Но по мѣрѣ того, какъ росла популярность Ивана, и время, въ свою очередь, нарастало. Сентябрь уже подходилъ къ половинѣ... Ванька-Каинъ догадывался, что для него готовится что-то недоброе, и догадка эта, повидимому, начинала оказывать на него нѣкоторое дѣйствіе. Не то, чтобъ онъ унялся, но нерѣдко замѣчали, что онъ ходитъ какъ сонный, и только вслѣдствіе сторонняго подстрекательства начинаетъ шутки шутить... На его счастье, у матушки случились дѣла въ Москвѣ. Съ отъѣздомъ барыни опасенія Ваньки-Каина настолько угомонились, что къ нему возвратилась прежняя проказливость. Каждый вечеръ приходилъ онъ въ дѣвичью, ужиналъ вмѣстѣ съ дѣвушками и шутки шутилъ...

Наконецъ матушка воротилась. И едва успѣла поздороваться съ домочадцами и водвориться въ спальнѣ, какъ ужъ справилась, что дѣлаетъ Ванька-Каинъ. Разумѣется, ключница доложила, что онъ отбился отъ рукъ и все время сидьмя-сидѣлъ въ дѣвичьей.

— Ну, больше сидѣть не будетъ,— рѣшительно молвила матушка и въ тотъ же вечеръ приказала старостѣ, чтобъ на завтра готовить дальнюю подводу.

Въ то время обрядъ отсылки строптивыхъ рабовъ въ рекрутское присутствіе совершался самымъ коварнымъ образомъ. За намѣченнымъ субъектомъ потихоньку слѣдили, чтобъ онъ не бѣжалъ или не повредилъ себѣ чего-нибудь, а затѣмъ въ условленный моментъ внезапно со всѣхъ сторонъ окружали его, набивали на ноги колодки и сдавали съ рукъ на руки отдатчику.

Съ Иваномъ поступили еще коварнѣе. Его разбудили чуть свѣтъ, полусонному связали руки и, забивши въ колодки ноги, взвалили на телѣгу. Черезъ недѣлю отдатчикъ вернулся и доложилъ, что рекрута приняли, но не въ зачетъ, такъ что никакой матеріальной выгоды отъ отдачи на этотъ разъ не получилось. Однако матушка даже выговора отдатчику не сдѣлала: она и тому была рада, что крѣпостная правда восторжествовала...

(Щедринъ: «Пошехонская старина»).

Убѣжденная крѣпостная.

Подобно отцу, тетеньки-сестрицы не особенно налегали на трудъ и личность своихъ крѣпостныхъ, хотя послѣдніе терпѣли не мало отъ ихъ чудачествъ и безалаберности.

Поэтому на всѣхъ уголковскихъ крестьянахъ (имѣніе тетенекъ называлось «Уголкомъ») лежалъ особый отпечатокъ: они хотя и чувствовали на себѣ иго рабства, но несли его безъ ропота

и были, такъ сказать, рабами *по убѣжденію.* Аннушка принадлежала къ числу такихъ убѣжденныхъ; у нея даже сложился свой рабскій кодексъ, котораго она не скрывала. Кодексъ этотъ былъ немногосложенъ и имѣлъ въ основаніи своемъ афоризмъ, что рабство есть временное испытаніе, предоставленное лишь избранникамъ, которыхъ за это ждетъ вѣчное блаженство въ будущемъ.

— Христосъ-то для черняди съ небеси сходилъ,—говорила Аннушка,— чтобы черный народъ спасти, и для того благословилъ его рабствомъ. Сказалъ: «Рабы, господамъ повинуйтесь, и за это сподобитесь вѣнцовъ небесныхъ».

Но о томъ, какихъ вѣнцовъ сподобятся въ будущей жизни господа, она, конечно, умалчивала. Доктрина эта въ то время была довольно распространенною въ крѣпостной средѣ и, повидимому, даже подтверждала крѣпостное право. Но помѣщики чутьемъ угадывали въ ней нѣчто злокачественное (въ понятіяхъ пуристовъ-крѣпостниковъ самое «разсужденіе» о послушаніи уже представлялось крамольнымъ), и потому если не прямо преслѣдовали адептовъ ея, то всячески къ нимъ придирались.

Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ не обидно было, напримѣръ, Фролу Терентьичу Балаболкину слышать, что онъ, «столбовой дворянинъ», на вѣчныя времена осужденъ въ аду раскаленную сковороду лизать, тогда какъ Мишка-чумичка или Ванька-подлецъ будутъ по райскимъ садамъ гулять, золотыя яблоки рвать и вмѣстѣ съ ангелами славословить?!

— И добро бы они «настоящій» рай понимали! — негодуя, прибавила сестрица Фрола Терентьича, Ненила Терентьевна,—а то какой у нихъ рай! Имъ бы только жрать, да сложа ручки сидѣть, да пѣсни орать! Вотъ, по-ихнему, рай!

Этому толкованію всѣ смѣялись, но въ то же время наматывали на усъ, что даже и такой грубый рай всетаки предпочтительнѣе, нежели обязательное лизаніе раскаленной сковороды.

— И какъ вѣдь, канальи, притворяются!—все больше и больше распалялся господинъ Балаболкинъ,—«баринушко!» да «кормилецъ!» да «вы наши отцы, мы ваши дѣти!»—только и словъ! На конюшню бы васъ, мерзавцевъ, да драть, покуда небо съ овчинку не покажется! Да еще что! давеча иду я мимо лакейской, слышу Паладкинъ голосъ и остановился. И что жъ, вы думаете, онъ проповѣдуетъ? «Христосъ-то батюшка, говоритъ, что сказалъ? Ежели тебя въ ланиту ударятъ,—подставь другую!» Не вытерпѣлъ я, вошелъ, да какъ гаркну: вотъ я тебя разомъ, шельмецъ, по обѣимъ ланитамъ вздую, чтобъ ты уже и не подставлялъ!.. Такъ вѣдь вотъ какой закоренѣлый, даже и тутъ не очнулся. «Извольте, сударь! Мы изъ вашей воли не выходимъ»...

— Бѣда, какъ этотъ духъ въ дворнѣ заведется,—говаривала матушка,—ходятъ тихони, на цыпочкахъ, ровно святые! Ни ты ему слова не скажи, ни пальцемъ его не тронь! «Слушаю-съ, вся ваша воля»—только и словъ... И ни усмѣшечки въ лицѣ, ни въ голосѣ повышенія... привязаться не къ чему! А посмотри на него—всякая жилка у него говоритъ: «что же, молъ, ты не бьешь?—бей! зато въ будущемъ вѣкѣ отольются кошкѣ мышкины слезки! Ну, посмотришь, посмотришь, увидишь, что дѣло идетъ своимъ чередомъ, поневолѣ и остережешься! Потому что расправься-ка съ нимъ, такъ онъ расправу-то за награду себѣ почтетъ!

— И я, признаться, этихъ тихонь не долюбливаю,—обыкновенно отзывался на эти сѣтованія отецъ,—тихи-тихи, а что у нихъ на умѣ — не угадаешь. Строже съ нихъ спрашивать надо!

— Какъ же ты спросишь, коли у него въ порядкѣ все, привязаться не къ чему!

— Ну, ты найдешь. Была бы спина, а то будетъ вина! Что говорить объ этомъ!

Аннушка была насквозь пропитана указаніями выработаннаго ею кодекса, и не только не скрывала этого отъ своихъ «барышень», но даже и отъ матушки. Она родилась въ Малиновцѣ и страстно любила не только мѣсто своей родины, но и все относившееся къ нему, не исключая и господъ. Къ отцу она относилась, какъ къ патріарху; «барышнямъ» была безконечно предана...

Я не назову ее сознательной пропагандисткой, но поучать она любила. Во время всякой ѣды въ дѣвичьей немолчно гудѣлъ ея голосъ, какъ будто она вознаграждала себя за то мертвое молчаніе, на которое была осуждена въ боковушкѣ. У матушки всегда раскипалось сердце, когда до слуха ея долетало это гудѣніе, такъ что, даже не различая явственно Аннушкиныхъ рѣчей, она ужъ угадывала ихъ смыслъ.

Рѣчи эти были въ высшей степени однообразны и по существу и по формѣ. Преслѣдуя исключительно одну и ту же мысль, онѣ давнымъ-давно исчерпали все ея содержаніе, но имѣли за собой то преимущество, что обращались къ такой средѣ, которая никогда не могла достаточно насытиться ими. «Повинуйтесь! повинуйтесь! повинуйтесь! Причастницами свѣта небеснаго будете!» твердила она безпрестанно и приводила примѣры изъ Евангелія и житій святыхъ (какъ на грѣхъ, она церковныя книги читать могла). А такъ какъ и безъ того въ основѣ установившихся порядковъ лежало безусловное повиновеніе, во имя котораго только и разрѣшалось дышать, то всѣмъ становилось какъ будто легче при напоминаніи, что удручающія вериги рабства не были дѣйствіемъ фаталистическаго озорства, но представляли собой временное испытаніе, въ концѣ котораго обѣщалось возсіяніе въ присносущемъ небесномъ свѣтѣ.

Возражательницъ не случалось; только Акулина ключница не упускала случая, чтобы не прикрикнуть на нее.

— Закаркала ворона, слушать тошно! Повинуйтесь да повинуйтесь! и безъ тебя знаютъ!

Да еще матушка, подслушавши разговоръ, откликалась изъ коридора:

— Ты что, бунтовщица, мутишь? Доѣдай свое, да и отправляйся въ боковушку!

— Я не мучу, а добру учу,—возражала Аннушка. — Я говорю: «ежели господинъ слово бранное скажетъ—не ропщи; ежели рану причинитъ—прими съ благодарностью!»

— Такъ по-твоему, значитъ, господа только и дѣлаютъ, что ругаются да причиняютъ раны рабамъ?

— Я не говорю: только и дѣлаютъ, я говорю: если господинъ раны причинитъ...

— Ну, хорошо; пусть будетъ по-твоему: если причинитъ... а дальше что?

— А потомъ, сударыня, Богъ разсудитъ.

— То-то «Богъ разсудитъ»! Велю я тебя отодрать на конюшнѣ и увижу, какъ ты благодарить меня будешь!

— И буду благодарить. Въ ножки, сударыня, поклонюсь.

Дальнѣйшихъ послѣдствій стычки эти не имѣли. Во-первыхъ, не за что

было ухватиться, а во-вторыхъ, Аннушку ограждала общая любовь дворовыхъ. Нельзя же было вести ее на конюшню за то, что она учила рабовъ съ благодарностью принимать отъ господъ раны! Если бы въ самомъ-то дѣлѣ по ея сталось, тогда бы и разговоръ совсѣмъ другой былъ. Но то-то вотъ и есть: на словахъ: «повинуйтесь! да благодарите!»—а на дѣлѣ... Держи карманъ! могутъ они что-нибудь чувствовать... Хамы! Легонько его поучишь, а онъ ужъ зубы на тебя точитъ!

— Ѣшь-ка! ѣшь! лучше не слушать тебя, срамницу!—заключала матушка, удаляясь во-свояси.

(Щедринъ: «Пошехонская старина»).

Воспитанницы барыни.

Леонидъ *(все еще задумавшись)*. Вѣдь все это, Потапычъ, мое будетъ.

Потапычъ. Все, сударь, ваше и мы всѣ ваши будемъ... Какъ, значитъ, при баринѣ, при покойникѣ, такъ все равно и вамъ должны... Потому одна кровь... Ужъ это прямое дѣло. Конечно, продли Богъ вѣку вашей маменькѣ...

Леонидъ. Я ужъ тогда, Потапычъ, служить не стану, прямо въ деревню пріѣду, здѣсь и буду жить.

Потапычъ. Нельзя, сударь, вамъ не служить.

Леонидъ. Ну, да, какъ же! Нужно мнѣ очень. Еще писать заставятъ! *(Садится на скамейку.)*

Потапычъ. Нѣтъ, сударь, зачѣмъ же вамъ самимъ дѣло дѣлать! Ужъ это не порядокъ! Вамъ такую службу найдутъ—самую барственную, великатную; работать будутъ приказные, а вы будете надъ ними надо всѣми начальникомъ. А чины сами собой пойдутъ.

Леонидъ. Развѣ вицъ-губернаторомъ сдѣлаютъ, либо въ предводители выберутъ!

Потапычъ. Что жъ мудренаго!

Леонидъ. А что, какъ я буду вицъ-губернаторомъ, ты меня будешь бояться?

Потапычъ. Чего же мнѣ бояться? Это другіе точно должны раболѣпствоваться, а намъ все равно, вы нашъ баринъ; для насъ даже еще чести больше.

Леонидъ *(не слушая)*. А что, Потапычъ, много у насъ хорошенькихъ дѣвушекъ?

Потапычъ. Вотъ видите ли, сударь, если взять въ разсужденіе, такъ оно точно, какъ дѣвушекъ не быть! Есть и въ вотчинѣ и въ дворнѣ; только притомъ же надобно сказать, что у насъ насчетъ этого строгости большія. Наша барыня, по ихъ строгой жизни и по своему богомольству, очень за этимъ наблюдаютъ. Теперича возьмите то: воспитанницъ и горничныхъ, которыхъ любятъ, сами замужъ отдаютъ. Коли гдѣ имъ человѣкъ понравится, за того и отдаютъ, и приданое даютъ, небольшое—этого нельзя сказать. У насъ всегда воспитанницы двѣ или три не переводятся. Возьмутъ у кого-нибудь дѣвочку, воспитаютъ ее; а какъ минетъ лѣтъ семнадцать или восемнадцать такъ, безъ всякаго разговора, и отдаютъ замужъ за приказнаго или за мѣщанина въ городъ, какъ имъ вздумается, а иногда и за благороднаго. Да, сударь, да! Только какое житье этимъ воспитанницамъ, сударь! Бѣда!

Леонидъ. А что?

Потапычъ. Ужъ очень строго. Скажутъ: я тебѣ нашла жениха, и вотъ, скажутъ, тогда-то свадьба, ну и конецъ, тутъ ужъ разговаривать ни одна не смѣй! За кого прикажутъ, за того и ступай. Потому что, сударь, я разсуждаю такъ, кому же пріятно, давши воспитаніе, да видѣть непокорность. А бываетъ, сударь, и такъ, что и женихъ невѣстѣ не нравится и невѣста жениху: такъ ужъ тутъ очень гнѣваются. Такъ даже изъ себя выходятъ. Пожелали онѣ одну воспитанницу отдать за лавочника въ городъ, а онъ, человѣкъ неполированный, вздумалъ было сопротивляться. Мнѣ, говоритъ, невѣста не нравится, да я и жениться-то не хочу еще. Такъ въ тѣ поры и городничему жаловались и отцу протопопу: ну, и уломали дурака.

Леонидъ. Вотъ какъ!

Потапычъ. Да-съ. Онѣ даже и у знакомыхъ у кого, если увидятъ дѣвушку, такъ сейчасъ и ищутъ ей жениха...

Леонидъ. Такъ она и чужихъ точно такъ же?

Потапычъ. И чужихъ. На всѣхъ свою заботливость простираютъ. Такое доброе сердце имѣютъ, что обо всѣхъ безпокоются. И ужъ очень сердятся, когда безъ ихъ спросу дѣлаютъ. А ужъ какъ о своихъ воспитанницахъ заботятся, такъ это на рѣдкость. Одѣваютъ ихъ, какъ бы истинно своихъ родныхъ дочерей, и иногда съ собой кушать сажаютъ и работать ничего не заставляютъ. Пускай, говорятъ, смотрятъ всѣ, какъ у меня воспитанницы живутъ; хочу, говорятъ, чтобъ всѣ имъ завидовали.

Леонидъ. Что жъ, это хорошо, Потапычъ.

Въ дѣвичьей (*карт. Вицмана*).

Потапычъ. И какое трогательное поученіе дѣлаютъ, когда замужъ отдаютъ! Вы, говоритъ, жили у меня въ богатствѣ и въ роскоши, и ничего не дѣлали; теперь ты выходишь за бѣднаго, и живи всю жизнь въ бѣдности, и работай, и свой долгъ исполняй. И позабудь, говорятъ, какъ ты у меня жила, потому что не для тебя я это дѣлала: я себя только тѣшила, а ты не должна никогда объ такой жизни и думать, и всегда ты помни свое ничтожество, и изъ какого ты званія. И такъ чувствительно, даже у самихъ слезки.

Леонидъ. Что жъ, это хорошо.

Потапычъ. Не знаю, какъ сказать, сударь. Какъ-то все скучаютъ замужествомъ-то потомъ, сохнутъ больше.

Леонидъ. Отчего же, Потапычъ, сохнутъ?

Потапычъ. Должно-быть, не сладко, коли сохнутъ.

Леонидъ. Странно это.

Потапычъ. Мужья-то больше все разбойники попадаются.

Леонидъ. А, вотъ что!

Потапычъ. Ужъ очень всѣ льстятся на нашихъ воспитанницъ, потому что барыня сейчасъ свою протекцію оказываютъ...

(Островскій: «Воспитанница»).

Л. Н. Толстой.

Наталья Саввишна.

(Крѣпостная няня).

Въ половинѣ прошлаго (XVIII-го) столѣтія, по дворамъ села Хабаровки бѣгала въ затрапезномъ платьѣ босоногая, но веселая, толстая и краснощекая дѣвка Наташка. По заслугамъ и просьбѣ отца ея, кларнетиста Саввы, дѣдъ мой взялъ ее вверхъ — находиться въ числѣ женской прислуги бабушки. Горничная Наташка отличалась въ этой должности кротостью нрава и усердіемъ. Когда родилась матушка и понадобилась няня, эту обязанность возложили на Наташку. И на этомъ новомъ поприщѣ она заслужила похвалы и награды за свою дѣятельность, вѣрность и привязанность къ молодой госпожѣ. Но напудренная голова и чулки съ пряжками молодого, бойкаго официанта Фоки, имѣвшаго по службѣ частыя сношенія съ Натальей, плѣнили ея грубое, но любящее сердце. Она даже сама рѣшилась итти къ дѣдушкѣ просить позволенія выйти за Фоку замужъ. Дѣдушка принялъ ея желаніе за неблагодарность, прогнѣвался и сослалъ бѣдную Наталью въ наказаніе на скот-

ный дворъ въ степную деревню. Черезъ шесть мѣсяцевъ, однако, такъ какъ никто не могъ замѣнить Наталью, она была возвращена во дворъ и въ прежнюю должность. Возвратившись въ затрапезкѣ изъ изгнанія, она явилась къ дѣдушкѣ, упала ему въ ноги и просила возвратить ей милость, ласку и забыть ту дурь, которая на нее нашла было и которая, она клялась, уже больше не возвратится. И дѣйствительно, она сдержала свое слово. Съ тѣхъ поръ Наташка сдѣлалась Натальей Саввишной и надѣла чепецъ; весь запасъ любви, который въ ней хранился, она перенесла на барышню свою.

Когда подлѣ матушки замѣнила ее гувернантка, она получила ключи отъ кладовой, и ей на руки сданы были бѣлье и вся провизія. Новыя обязанности эти она исполняла съ тѣмъ же усердіемъ и любовью. Она вся жила въ барскомъ добрѣ, во всемъ видѣла трату, порчу, расхищеніе и всѣми средствами старалась противодѣйствовать. Когда матушка вышла замужъ, желая чѣмъ-нибудь отблагодарить Наталью Саввишну за ея двадцатилѣтніе труды и привязанность, она позвала ее къ себѣ и, выразивъ въ самыхъ лестныхъ словахъ всю свою къ ней признательность и любовь, вручила ей листъ гербовой бумаги, на которой была написана вольная Натальѣ Саввишнѣ, и сказала, что, несмотря на то, будетъ ли она, или нѣтъ продолжать служить въ нашемъ домѣ, она всегда будетъ получать ежегодную пенсію въ 300 рублей. Наталья Саввишна молча выслушала все это, потомъ, взявъ въ руки документъ, злобно взглянула на него, пробормотала что-то сквозь зубы и выбѣжала изъ комнаты, хлопнувъ дверью. Не понимая причины такого страннаго поступка, матушка, немного погодя, вошла въ комнату Натальи Саввишны. Она сидѣла съ заплаканными глазами на сундукѣ, перебирая пальцами носовой платокъ, и пристально смотрѣла на валявшіеся на полу передъ ней клочки изорванной вольной.

— Что съ вами, голубушка Наталья Саввишна? — спросила матушка, взявъ ее за руку.

— Ничего, матушка, — отвѣчала она: — должно - быть, я вамъ чѣмъ-нибудь противна, что вы меня со двора гоните... Что жъ, я пойду.

Она вырвала свою руку, и едва удерживаясь отъ слезъ, хотѣла уйти изъ комнаты. Матушка удержала ее, обняла и онѣ обѣ расплакались.

Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, я помню и Наталью Саввишну, ея любовь и ласки; но теперь только умѣю цѣнить ихъ, тогда же мнѣ и въ голову не

приходило, какое рѣдкое, чудесное созданіе была эта старушка. Она не только никогда не говорила, но и не думала, кажется, о себѣ: вся жизнь ея была любовь и самопожертвованіе. Я такъ привыкъ къ ея безкорыстной, нѣжной любви къ намъ, что и не воображалъ, чтобы это могло быть иначе, нисколько не былъ благодаренъ ей и никогда не задавалъ себѣ вопросовъ: а что, счастлива ли она? довольна ли?...

(Толстой: «Дѣтство и отрочество»).

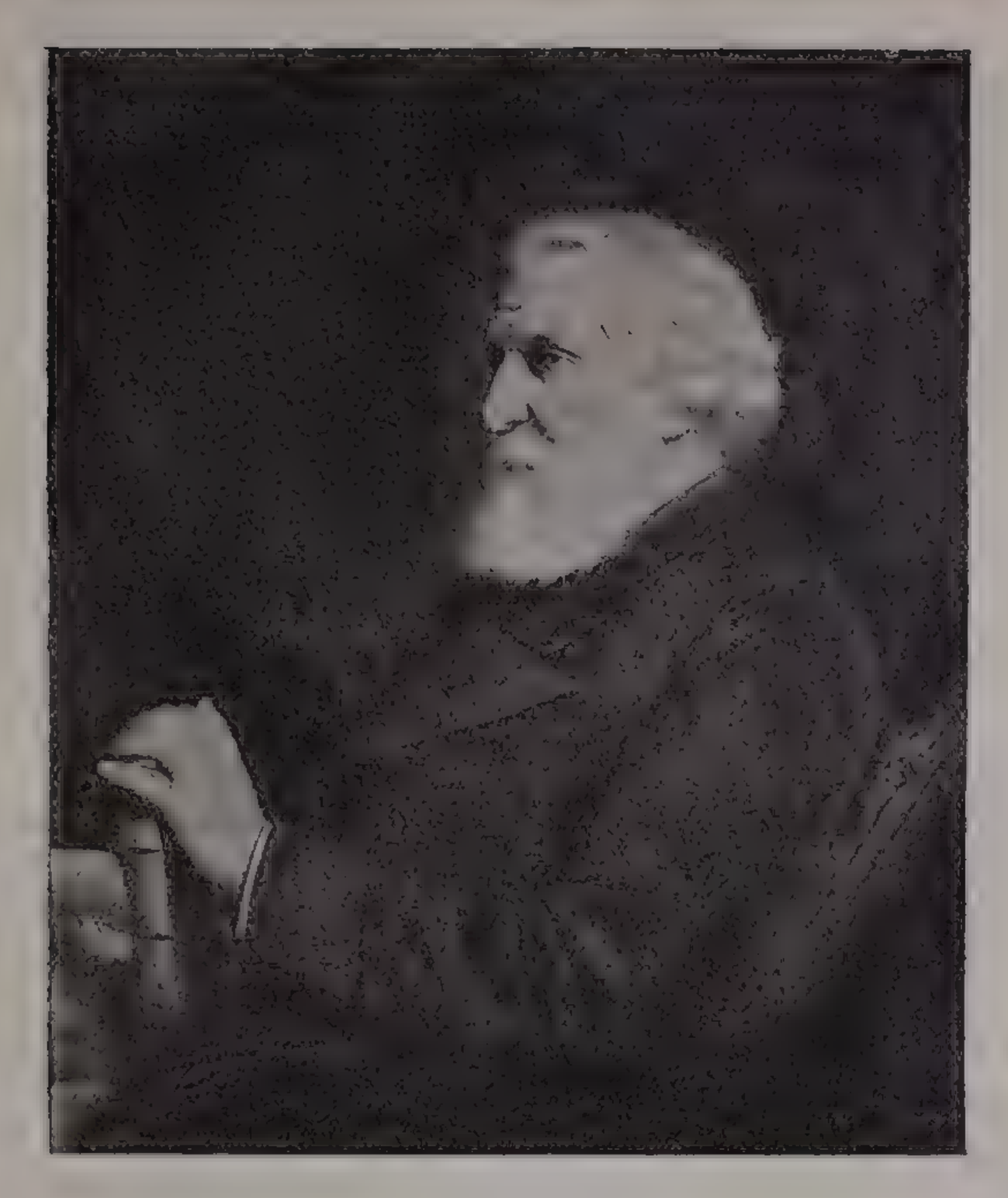
Дворовый.

— Чего вы тутъ расхвастались
Своимъ мужицкимъ счастіемъ?
Кричитъ разбитый на ноги
Дворовый человѣкъ. —
А вы меня попотчуйте:
Я счастливъ, видитъ Богъ!
У перваго боярина
У князя Переметьева
Я былъ любимый рабъ.
Жена—раба любимая,
А дочка вмѣстѣ съ барышней
Училась и французскому
И всякимъ языкамъ:
Садиться позволялось ей
Въ присутствіи княжны!..
Ой! Какъ кольнуло!.. батюшки!..
(И началъ ногу правую
Ладонями тереть).
Крестьяне разсмѣялися.
— Чего смѣетесь, глупые? —
Озлившись неожиданно,
Дворовый закричалъ. —
Я боленъ; а сказать ли вамъ,
О чемъ молюсь я Господу,
Вставая и ложась?
Молюсь: «Оставь мнѣ, Господи,
Болѣзнь мою почетную —
По ней я дворянинъ!»
Не вашей подлой хворостью,
Не хрипотой, не грыжею —
Болѣзнью благородною,
Какая только водится
У первыхъ лицъ въ имперіи,
Я боленъ, мужичье!
По-да-грой именуется!
Чтобъ получить ее —
Шампанское, бургонское,
Токайское, венгерское
Лѣтъ тридцать надо пить...
За стуломъ у свѣтлѣйшаго
У князя Переметьева
Я сорокъ лѣтъ стоялъ.
Съ французскимъ лучшимъ трюфелемъ
Тарелки я лизалъ,
Напитки иностранные
Изъ рюмокъ допивалъ...
Ну, наливай!
— Проваливай!
У насъ вино мужицкое,
Простое, не заморское —
Не по твоимъ губамъ!

(Некрасовъ: «Кому на Руси жить хорошо»).

Бирюкъ.

«Подождите здѣсь», шепнулъ мнѣ лѣсникъ, нагнулся и, поднявъ ружье кверху, исчезъ между кустами. Я сталъ прислушиваться съ напряженіемъ. Сквозь постоянный шумъ вѣтра чудились мнѣ невдалекѣ слабые звуки: топоръ осторожно стучалъ по сучьямъ, колеса скрипѣли, лошадь фыркала... «Куда? стой!» загремѣлъ вдругъ желѣзный голосъ Бирюка. Другой голосъ закричалъ жалобно, по-заячьи... Началась борьба. «Вре-ешь, вре-ешь!— твердилъ, задыхаясь, Бирюкъ. — Не уйдешь»... Я бросился въ направленіи шума и прибѣжалъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, на мѣсто битвы. У

И. С. Тургеневъ.

срубленнаго дерева, на землѣ, копошился лѣсникъ; онъ держалъ подъ собою вора и закручивалъ ему кушакомъ руки на спину. Я подошелъ. Бирюкъ поднялся и поставилъ его на ноги. Я увидалъ мужика мокраго, въ лохмотьяхъ, съ длинной растрепанной бородой. Дрянная лошаденка, до половины закрытая угловатой рогожкой, стояла тутъ же вмѣстѣ съ телѣжнымъ ходомъ. Лѣсникъ не говорилъ ни слова; мужикъ тоже молчалъ и только головой потряхивалъ.

— Отпусти его,—шепнулъ я на ухо Бирюку:—я заплачу за дерево.

Бирюкъ молча взялъ лошадь за чолку лѣвой рукой: правой онъ держалъ вора за поясъ. «Ну, поворачивайся, ворона!» промолвилъ онъ сурово. Топорикъ-то, вонъ, возьмите», пробормоталъ мужикъ. «Зачѣмъ ему пропадать!» сказалъ лѣсникъ и поднялъ топоръ. Мы отправились. Я шелъ позади... Дождикъ началъ опять накрапывать и скоро полилъ ручьями. Съ трудомъ добрались мы до избы; Бирюкъ ввелъ мужика въ комнату, ослабилъ узелъ кушака и посадилъ его въ уголъ...

Мужикъ глянулъ на меня исподлобья. Я внутренно далъ себѣ слово,

во что бы то ни стало, освободить бѣдняка. Онъ сидѣлъ неподвижно на лавкѣ. При свѣтѣ фонаря я могъ разглядѣть его испитое, морщинистое лицо, нависшія желтыя брови, безпокойные глаза, худые члены... Дѣвочка улеглась на полу, у самыхъ его ногъ, и опять заснула. Бирюкъ сидѣлъ возлѣ стола, опершись головою на руки. Кузнечикъ кричалъ въ углу... дождикъ стучалъ по крышѣ и скользилъ по окнамъ; мы всѣ молчали.

— Ѳома Кузьмичъ, — заговорилъ вдругъ мужикъ голосомъ глухимъ и разбитымъ:—а Ѳома Кузьмичъ!

— Чего тебѣ?

— Отпусти.

Бирюкъ не отвѣчалъ.

— Отпусти... съ голодухи... отпусти.

— Знаю я васъ,—угрюмо возразилъ лѣсникъ: — ваша вся слобода такая—воръ на ворѣ.

— Отпусти, — твердилъ мужикъ: — приказчикъ... разорены, вò какъ... отпусти!

— Разорены!.. Воровать никому не слѣдъ.

— Отпусти, Ѳома Кузьмичъ... не погуби. Вашъ-то, самъ знаешь, заѣстъ, вò какъ.

Бирюкъ отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Онъ встряхивалъ головой и дышалъ неровно.

— Отпусти,—повторилъ онъ съ унылымъ отчаяньемъ: — отпусти, ей Богу, отпусти! Я заплачу, вò какъ, ей Богу. Ей Богу, съ голодухи... дѣтки пищатъ, самъ знаешь. Круто, вò какъ, приходится.

— А ты все-таки воровать не ходи.

— Лошаденку, — продолжалъ мужикъ: — лошаденку-то, хоть ее-то... одинъ животъ и есть... отпусти!

— Говорятъ, нельзя. Я тоже человѣкъ подневольный: съ меня взыщутъ. Васъ баловать тоже не приходится.

— Отпусти! Нужда, Ѳома Кузьмичъ, нужда, какъ есть того... отпусти!

— Знаю я васъ!

— Да отпусти!

— Э, да что съ тобой толковать; сиди смирно, а то у меня, знаешь? Не видишь, что ли, барина?

Бѣднякъ потупился... Бирюкъ зѣвнулъ и положилъ голову на столъ. Дождикъ все не переставалъ. Я ждалъ, что будетъ.

Мужикъ внезапно выпрямился. Глаза у него загорѣлись, и на лицѣ выступила краска.

— Ну, на, ѣшь, на, подавись, на,— началъ онъ, прищуривъ глаза и опустивъ углы губъ: — на, душегубецъ окаянный, пей христіанскую кровь, пей...

Лѣсникъ обернулся.

— Тебѣ говорю, тебѣ, азіатъ кровопійца, тебѣ!

— Пьянъ ты, что ли, что ругаться вздумалъ?—заговорилъ съ изумленіемъ лѣсникъ.—Съ ума сошелъ, что ли?

— Пьянъ! не на твои ли деньги, душегубецъ окаянный, звѣрь, звѣрь, звѣрь!...

— Ахъ, ты... Да я тебя!..

— А мнѣ что? Все едино пропадать; куда я безъ лошади пойду? Пришиби—одинъ конецъ; что съ голоду, что такъ—все едино. Пропадай все: жена, дѣти,—околѣвай все... А до тебя, погоди, доберемся!

Бирюкъ приподнялся.

— Бей, бей, — подхватилъ мужикъ свирѣпымъ голосомъ: — бей, на, на, бей... (Дѣвочка торопливо вскочила съ полу и уставилась на него). Бей, бей!

— Молчать!—загремѣлъ лѣсникъ и шагнулъ два раза.

— Полно, полно, Ѳома,— закричалъ я:—оставь его... Богъ съ нимъ.

— Не стану я молчать,—продолжалъ несчастный.—Все едино околѣвать-то. Душегубецъ ты, звѣрь, погибели на

тебя нѣту... Да постой, недолго тебѣ чваниться! Затянутъ тебѣ глотку, постой!

Бирюкъ схватилъ его за плечо. Я бросился на помощь мужику...

— Не троньте, баринъ!—крикнулъ на меня лѣсникъ.

Я бы не побоялся его угрозы и уже протянулъ было руку; но, къ крайнему моему изумленію, онъ однимъ поворотомъ сдернулъ съ локтей мужика кушакъ, схватилъ его за шиворотъ, нахлобучилъ ему шапку на глаза, растворилъ дверь и вытолкнулъ его вонъ.

— Убирайся къ чорту съ своей лошадью!—закричалъ онъ ему вслѣдъ.— Да смотри, въ другой разъ у меня...

Онъ вернулся въ избу и сталъ копаться въ углу.

— Ну, Бирюкъ,—промолвилъ я, наконецъ,—удивилъ ты меня: ты, я вижу, славный малый.

— Э, полноте, баринъ,—перебилъ онъ меня съ досадой:—не извольте только сказывать. Да ужъ я лучше васъ провожу,—прибавилъ онъ:—знать, дождика-то вамъ не переждать...

На дворѣ застучали колеса мужицкой телѣги.

— Вишь, поплелся!—пробормоталъ онъ,—да я его!..

Черезъ полчаса онъ простился со мной на опушкѣ лѣса.

(Тургеневъ: «Зап. Охотн.» Бирюкъ).

Крѣпостная масса.

Крестьянамъ при крѣпостномъ правѣ дышалось гораздо легче, нежели дворовымъ. Они жили за глазами и имѣли начальство, преимущественно назначавшееся изъ среды одновотчинниковъ, а свой братъ, будь онъ хоть и съ норовомъ, все-таки знаетъ крестьянскую нужду и снизойдетъ къ ней. Онъ грѣшенъ тѣми же грѣхами, какъ и прочіе—это главное; затѣмъ онъ имѣетъ между односельцами родню, друзей, что тоже остерегаетъ отъ черезчуръ рѣзкихъ проявленій произвола. Даже барщинскіе крестьяне и тѣ не до конца претерпѣвали, потому что имѣли свое хозяйство, въ которомъ самостоятельно распоряжались, и свои избы, въ которыхъ хоть на время могли укрыться отъ взора помѣщика и уберечься отъ случайности.

Конечно, и тутъ бывали нерѣдкія исключенія. Встрѣчались помѣщики, которые буквально выжимали изъ барщинскихъ крестьянъ послѣдній сокъ, поголовно томя на господской работѣ мужиковъ и бабъ шесть дней въ недѣлю и предоставляя имъ управляться съ своими работами только по праздникамъ. О такихъ помѣщикахъ такъ и говорили, что крестьяне у нихъ только по имени крестьяне, а въ сущности *тѣ же дворовые.* Но въ большинствѣ случаевъ это водилось только между мелкопомѣстными и сходило съ рукъ лишь до тѣхъ поръ, покуда міръ волилъ предводитель дворянства. Я зналъ, напримѣръ, одного помѣщика-сосѣда, за которымъ числилось не больше семидесяти душъ крестьянъ... Онъ не имѣлъ старосты, самъ вставалъ до свѣту, ходилъ по деревнѣ и выгонялъ крестьянъ на работу. Даже приготовленіе пищи разрѣшалось крестьянамъ, въ страдное время, только разъ на цѣлую недѣлю, и именно въ воскресенье, когда барщина закрывалась. Поэтому крестьяне жали свой хлѣбъ и косили траву урывками по ночамъ, а днемъ дѣти и подростки сушили сѣно и вязали снопы.

Само собой разумѣется, что такая работа не особенно спорилась тѣмъ больше, что помѣщикъ не давалъ за-

сиживаться въ подросткахъ, и мальчика пятнадцати лѣтъ уже сажалъ на тягло. И никто не называлъ его мучителемъ, а, напротивъ, всѣ указывали на него какъ на образцоваго хозяина.

Другой случай крестьянскаго безвременья (настигавшій и оброчныхъ) представлялся тогда, когда баринъ ввѣрялся какому-нибудь излюбленному лакею и поручалъ ему управленіе имѣніемъ. Главный контингентъ этого рода управляющихъ доставляли люди до мозга костей развращенные и выслужившіеся при помощи разныхъ зазорныхъ услугъ. По одному капризу, имъ ничего не стоило, въ самое короткое время, зажиточнаго крестьянина довести до нищенства, а ради удовлетворенія минутнымъ вспышкамъ любострастія отнять у мужа жену или обезчестить крестьянскую дѣвушку. Жестоки они были неимовѣрно, но такъ какъ въ то же время строго блюли барскій интересъ, то никакія жалобы на нихъ не принимались. Много горя приняли отъ нихъ крестьяне, но зато и глубоко ненавидѣли ихъ, такъ что зачастую приходилось слышать, что тамъ-то или тамъ-то укокошили управителя... При такихъ извѣстіяхъ вся помѣщичья среда обыкновенно затихала, но спустя короткое время забывала о случившемся и вновь съ легкимъ сердцемъ принималась за старые подвиги.

Крестьянскій парень *(карт. Венеціанова)*.

За всѣмъ тѣмъ все-таки повторяю, что крестьянское житье было льготнѣе, нежели житье дворовыхъ людей...

Вообще мужика берегли, потому что видѣли въ немъ тягло, которое производило полезную и для всѣхъ наглядную работу. Изнурять эту рабочую силу не представлялось расчета, потому что подобный образъ дѣйствія сократилъ бы барщину и внесъ бы неурядицу въ хозяйственныя распоряженія. Поэтому главный секретъ добраго помѣщичьяго управленія заключался въ томъ, чтобы не изнурять мужика, но въ то же время и не давать ему «гулять». И матушка настолько прониклась этимъ хозяйственнымъ афоризмомъ и такъ ловко сумѣла провести его на практикѣ, что и самимъ крестьянамъ не приходило въ голову усомниться въ его справедливости. Они, дѣйствительно, не «гуляли», но и на тягости не жаловались.

Что касается дворни, то существованіе ея въ нашемъ домѣ представлялось болѣе чѣмъ незавиднымъ. Я не боюсь ошибиться, сказавъ, что это

въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ взгляда, установившагося вообще между помѣщиками на трудъ дворовыхъ людей. Трудъ этотъ, состоявшій преимущественно изъ мелкихъ домашнихъ послугъ, не требовавшихъ ни умственной ни даже мускульной силы («Палашка! сбѣгай на погребъ за квасомъ!» «Палашка! подай платокъ! и т. д.»), считался не только легкимъ, но даже какъ бы отрицаніемъ дѣйствительнаго труда. Казалось, что люди не работаютъ, а суетятся, «мечутся какъ угорѣлые». Отсюда—эпитеты, которыми такъ охотно награждали дворовыхъ: лежебоки, дармоѣды, хлѣбогады. Сгинетъ онъ, лежебокъ — его безъ труда можно замѣнить другимъ, другого—третьимъ и т. д. Во всякой помѣщичьей усадьбѣ этого добра было безъ счету. Исключеніе составляли мастера и мастерицы....

Однакожъ и въ средѣ дворовыхъ мужской прислугѣ жилось все-таки снос нѣе. Ея было меньше и она не скучивалась въ такой массѣ въ лакейской. Сверхъ того, она не металась безперерывно передъ глазами, потому что услуги ея не такъ часто требовались, а въ большинствѣ и работа ея была заглазная (столяры, ткачи и проч.). Вдобавокъ встрѣчались въ ея средѣ такія личности, которыя могли за себя постоять. Это тоже нельзя было не принять въ расчетъ. Всѣхъ подъ красную шапку не отдашь—есть люди нужные, безъ которыхъ въ домѣ нельзя обойтись. Они-то именно и «грубятъ». Матушка на собственномъ горькомъ опытѣ убѣдилась въ этой

Гулянье въ деревнѣ подъ Москвой. (Съ масляной картины 1830 года).

цстинѣ, и хотя большого труда ей стоило сдерживать себя, но она все-таки сдерживалась...

Но такъ называемая дѣвичья положительно могла назваться убѣжищемъ скорби. По всему дому раздавался оттуда крикъ и гамъ, и неслись звуки, свидѣтельствовавшіе о расходившейся барской рукѣ. «Дѣвка» была всегда на глазахъ, всегда подъ рукой и притомъ вполнѣ безотвѣтна. Поэтому съ ней окончательно не церемонились. Помимо барыни, ее тѣснили и барынины фаворитки. Съ утра до вечера она или неподвижно сидѣла наклоненная надъ пяльцами или бѣгала сломя голову, исполняя барскія приказанія. Даже праздника у нея не было, потому что и въ праздникъ требовалась услуга. И за всю эту муку она пользовалась названіемъ дармоѣдки и была единственнымъ существомъ, къ которому, даже изъ расчета, ни въ комъ не пробуждалось состраданія.

— У меня полонъ домъ дармоѣдокъ, — говаривала матушка: — а что въ нихъ проку, только хлѣбъ ѣдятъ!

И, высказавши этотъ суровый приговоръ, она была вполнѣ убѣждена, что устами ея говоритъ сама правда.

Кормили всѣхъ вообще дворовыхъ очень скудно и притомъ давали пищу, которую не всегда можно было назвать годною для употребленія. Когда въ дѣвичью приносили обѣдъ или ужинъ, то не только тамъ, но и по всему коридору чувствовался отвратительный запахъ, такъ что матушка, отъ природы неприхотливая, приказывала отворять настежь выходныя двери, чтобы сколько-нибудь освѣжить комнаты. Пустыя щи—тюря съ квасомъ и льнянымъ масломъ, толокно, таковы были обычныя меню завтраковъ и обѣдовъ. По праздникамъ давали размазню на водѣ, чуть-чуть подправленную гусинымъ жиромъ, пироги изъ ржаной муки, отличавшіеся отъ простого хлѣба только тѣмъ, что середка была проложена тонкимъ слоемъ каши, и снятое молоко. Хлѣбъ отпускался съ вѣсу и строго учитывался. Словомъ сказать, было настолько голодно, что даже безотвѣтныя дѣвушки и тѣ отъ времени до времени позволяли себѣ роптать.

— Извольте, сударыня, попробовать! — говорила какая-нибудь изъ нихъ побойчѣе, вбѣгая въ матушкину спальню и принося небольшую деревянную чашку съ какою-то мутною и вонючею жидкостью.

Матушка зачерпывала въ ложку, пробовала и мгновенно сплевывала. Нѣсколько дней послѣ этого пища давалась болѣе сносная, но черезъ короткое время опять принимались за старые порядки, и система голода торжествовала.

Но, кромѣ голода, у женской прислуги былъ еще бичъ, отъ котораго хоть отчасти избавлялась мужская прислуга. Я разумѣю душныя и вонючія помѣщенія, въ которыхъ скучивались сѣнныя дѣвушки на ночь. И дѣвичья и прилегавшіе къ ней темные закоулки представляли ночью въ полномъ смыслѣ слова клоаку. За недостаткомъ ларей, большинство спало вповалку на полу, такъ что нельзя было пройти черезъ комнату, не наступивъ на кого-нибудь. Кажется, и домъ былъ просторный и мѣста для всѣхъ вдоволь, но такъ въ этомъ домѣ все жестоко сложилось, что на каждомъ шагу говорило о какой-то преднамѣренной системѣ изнуренія...

(Щедринъ: «Пошехонская старина»).

Старовѣрческая крѣпостная деревня.

Сдали насъ барину важному, въ вотчину... Да Господь смилосердился: барина этого мы и доселѣ не знаемъ... Живетъ, вишь ты, онъ въ столицѣ, при самомъ царѣ, и много такихъ вотчинъ подарено ему... Насъ на оброкѣ онъ держитъ; знаемъ одну мы контору, что верстъ за пятнадцать отсюда, гдѣ также есть вотчина наша: туда мы отвозимъ оброки... Слава Создателю! Ноньче хотя и частенько начальство на насъ налетаетъ, да мы ужъ вызнали, что ему по губѣ и какъ отъ него борониться: собьемъ поскорѣй со двора по полтинѣ да стариковъ, нарядивши въ кафтаны, съ хлѣбомъ и солью да съ низкимъ поклономъ, и вышлемъ навстрѣчу ему. Сами же все, что подцѣннѣй, подороже да лучше, припрячемъ подальше, въ подвалы и клѣти, одѣнемъ руно на себя, что подырявѣй; скотину оставимъ во дворѣ пожиже, а показистѣй угонимъ всю въ лѣсъ... На ноги старые лапти обуемъ, да и ждемъ къ себѣ добрыхъ гостей... А старики да старухи молитвы читаютъ; разныя молитвы были у насъ: противъ сердецъ злыхъ; противъ жестокихъ властей; на неправедныхъ судей; на алчныхъ и жадныхъ слугъ...

Подмосковная деревня.

Тѣмъ только и живы! Пріѣдетъ начальникъ, посмотритъ: бѣдно, неуютно «Ну, скажетъ, должно, ужъ наши тутъ до меня покутили!» Деньги возьметъ, что старики соберутъ, да съ тѣмъ и уѣдетъ...

Упаси только Богъ, ежели кто найдется изъ насъ да начальству окажетъ!..

Одного мужичонку такъ-то совсѣмъ самосудомъ забили... Тѣмъ только и крѣпки!

Давно бы и міръ развалился, и всѣ въ разоренье пришли бы, коли бъ старики строго насъ на міру не казнили, какъ вздумаетъ кто ссорой иль буйствомъ или худымъ поведеньемъ міръ довесть до отвѣта передъ строгимъ начальствомъ!...

(Златовратскій: «Между старой и новою правдой»).

Страдная пора *(карт. Мясоѣдова).*

Жница.

Она на барскомъ полѣ жала
И тихо побрела къ снопамъ,—
Не отдохнуть, хоть и устала,
А покормить ребенка тамъ.
Въ тѣни лежалъ и плакалъ онъ;
Она его распеленала,
Кормила, няньчила, ласкала
И незамѣтно впала въ сонъ.
И снится ей, житьемъ довольный,
Ея Иванъ: пригожъ, богатъ;
На вольной, кажется, женатъ,
И потому, что самъ ужъ вольный.
Они съ лицомъ веселымъ жнутъ
На полѣ собственномъ пшеницу,
А дѣтки имъ обѣдъ несутъ...
И тихо улыбнулась жница.
Но тутъ проснулась... Тяжко ей!
И, спеленавъ малютку быстро,
Взялась за серпъ—дожать скорѣй
Урочный снопъ свой до бурмистра.

(Шевченко: «Кобзарь»).

На работу.

О ту пору помер наш старый пан; стал молодой хозяйничать. И старик недобрый был, а ужъ этотъ такой лютый, что сохрани Господи! Людей гоняетъ пуще воловъ. Три дня на панщинѣ мы отбываемъ, четвертый день идетъ за подушное, а тамъ на пятницу да на субботу какіе-то толочные уроки выдумали. А какая это тамъ толока? Не только обѣда,—хлѣба не даютъ. День въ день работаемъ. Прежде мы все чаяли: молодой панъ будетъ милостивый, добрый.

Вотъ и дождались добраго!

Былъ онъ не очень богатъ, а жить ему хотѣлось роскошно, пышно, по-барски. Люди, бывало, на работѣ съ устали падаютъ, а ему что? Заведетъ себѣ коней такихъ, что твои змѣи, а не то—коляску новую купитъ, да въ городъ поѣдетъ, да и протратится.

Говорятъ намъ, бывало, сосѣдніе панки (они часто рѣчь заводятъ съ чужими людьми, а своихъ бьютъ не хуже великихъ господъ: лишь бы рука достала), говорятъ они:

На нивѣ (*карт. Венеціанова*).

— Очень ужъ добръ панъ у васъ теперь: такъ добръ, говорятъ, что бѣда! Вашъ панъ надумалъ, что мужика учить надо наукамъ всякимъ и жалѣть его слѣдуетъ, какъ брата родного, и нивѣсть что! Премудрый вашъ панъ!

И точно онъ сперва говорилъ, что я де и хаты вамъ новыя поставлю, въ три окошка; а потомъ вышло такъ, что и старыя-то развалились. Можетъ-быть, его точно добру учили, да, знать, панскую природу не передѣлаешь.

Все село пріуныло; такіе печальные ходятъ всѣ, что глянуть на нихъ— тоска разбираетъ. Только Горпина немножко веселѣй другихъ: утѣшается дочкою малою, и про мірское горе забываетъ. Да не минуло и ее горе.

Захворала у ней дочка, кричитъ, плачетъ. Горпина и сама плачетъ надъ нею, да нечѣмъ пособить. Бѣгалъ старый свекоръ къ лѣкаркѣ, не нашелъ ее дома, да и молодицъ-то никого не было: всѣ на панщину ушли. Наконецъ и за Горпиною пришли, спрашиваютъ:

— Отчего не идешь на работу?

— У меня дитя больное,—говоритъ она, а сама плачетъ.

— Пану работа нужна, а до твоего ребенка какое ему дѣло?

— Надо итти, нечего дѣлать.

Взяла она свое дитя, закутала и побрела. Дитя, бѣдненькое, кричитъ да кричитъ. Стала Горпина подходить, а навстрѣчу ей самъ панъ, да такой гнѣвный, оборони Матерь Божія! Сталъ онъ Горпину словами обижать, а дитя на рукахъ у ней такъ и бьется,— кричитъ.

Панъ и пуще разгнѣвался.

— Прочь дитя! прочь! Работать надо, а не съ дѣтьми возиться!

И велѣлъ десятнику отнести дитя домой.

— Ой, паночку, голубчику!—молитъ его со слезами Горпина.—Хоть мнѣ самой отнести ее позвольте! Паночку мой! будьте милостивы! Это мое дитя, мое единое дитя!

— Неси, неси,—говоритъ панъ десятнику.—А ты свое дѣло дѣлай, коли бѣды не хочешь нажить.

Понесли дитя черезъ поле домой. Долго еще, долго слышала Горпина дѣтскій плачъ, болѣзненный; потомъ все тише, тише, наконецъ, совсѣмъ затихло...

(Марко Вовчокъ: «Горпина»).

Жестокая помѣщица.

Слуга. Дмитрій Васильевичъ! какой-то мужикъ проситъ позволенія васъ видѣть. Онъ говоритъ, что слышалъ, будто вы покупаете ихъ деревню, такъ онъ пришелъ...

Б—скій. Вели ему войти. *(Слуга уходитъ.)*

Тѣ же и мужикъ *(входитъ и бросается Б—скому въ ноги).*

Б—скій. Встань! встань! Что тебѣ надобно, другъ мой?

Мужикъ *(на колѣняхъ).* Мы слышали, что ты, кормилецъ, хочешь купить насъ, такъ я пришелъ... *(Кланяется.)* Мы слышали, что ты добрый...

Б—скій. Да встань, братецъ, а потомъ говори!

Мужикъ *(вставъ).* Не прогнѣвайся, отецъ родной, коли я...

Б—скій. Да говори же...

Мужикъ *(кланяясь).* Я присланъ отъ всего села къ тебѣ, кормилецъ, кланяться, чтобы ты сталъ нашимъ защитникомъ... всѣ бы стали Бога молить о тебѣ! Будь нашимъ спасителемъ!

Б—скій. Что же? Вамъ не хочется съ своей госпожой разставаться, что ли?

Мужикъ (*кланяясь въ ноги*). Нѣтъ, купи, купи насъ, родимый!

Б—скій (*въ сторону*). Странное приключеніе! (*Мужику.*) А! такъ вы, вѣрно, недовольны своей помѣщицей?

Мужикъ. Охъ! тяжко!.. за грѣхи наши!..

Б—скій. Ну, говори смѣлѣй! Жестоко, что ли, госпожа поступаетъ съ вами?

Мужикъ. Да такъ, баринъ, что вѣдь, ей Богу, терпѣнья ужъ нѣтъ... Долго мы переносили, однако, пришелъ конецъ... хоть въ воду!..

Владиміръ (*мрачно*). Что же она дѣлаетъ?

Мужикъ. Да что вздумается ея милости.

Б—скій. Напримѣръ, сѣчетъ часто?

Мужикъ. Сѣчетъ, батюшка, да какъ еще! при себѣ... больно сѣчетъ, кормилецъ! за всякую малость, а чаще безъ вины... У нея управитель, вишь, въ милости; онъ и творитъ, что ему любо. Не сними-ка передъ нимъ шапки, такъ и нивѣсть что сдѣлаетъ! За версту увидишь, такъ тотчасъ шапку долой, да такъ и работай на жару, пока не прикажетъ надѣть, а коли сердитъ или позабудетъ, такъ иногда цѣлый день промаетъ...

Б—скій. Какія злоупотребленія!

Мужикъ. Разъ какъ-то барынѣ донесли, что, дескать, Өедька дурно про тебя говорилъ и хочетъ въ городѣ жаловаться... а Өедька мужикъ былъ славный, вотъ она и приказала руки ему вывертывать на станкѣ... а управитель былъ на него сердитъ... какъ повели его на барскій дворъ, дѣти кричали, жена плакала... вотъ стали руки вывертывать. «Господинъ управитель,—сказалъ Өедька,—что я тебѣ сдѣлалъ? Вѣдь ты меня губишь!» — «Вздоръ!» сказалъ управитель... да вывертывали, да ломали... Өедька и сталъ безрукой; на печкѣ такъ и лежитъ, да клянетъ свое рожденіе...

Б—скій. Да что же, въ самомъ дѣлѣ, кто-нибудь не пожалуется въ городѣ? На это вѣдь есть у насъ судъ. Вашей госпожѣ достанется, а управителя въ Сибирь...

Мужикъ. Гдѣ намъ, бѣднымъ людямъ! У насъ, кормилецъ, всѣ судьи-то подкуплены нашимъ же оброкомъ... Плохо стало намъ! Посмотришь въ другое село—сердце кровью обливается!..—живутъ спокойно да весело; а у насъ такъ и пѣсенъ не слышно стало на посидѣлкахъ... Разсказываютъ горничныя: разъ барыня разсердилась — такъ вѣдь ножницами стала имъ кожу рѣзать... охъ, больно... а какъ бороду велитъ щипать волосокъ по волоску, батюшка... ну, такъ тутъ и святыхъ забудешь, батюшка... (*Упадаетъ въ ноги Б—скому.*) О! кабы ты помогъ намъ! Купи насъ, купи, отецъ родной!..

(*Лермонтовъ: «Странный человѣкъ»*).

Отношеніе помѣщика къ браку крѣпостныхъ.

Доложили, что мужички пришли и просятъ позволенія лично поговорить съ его милостью. Баринъ отправился въ прихожую, гдѣ крестьяне въ молчаніи ожидали его появленія.

Старый кузнецъ Силантій, его жена, братъ и старшій сынъ, парень превзродный, рыжій, какъ кумачъ, полинявшій на солнцѣ, вооруженные, какъ водится, яйцами, медомъ, короваемъ и

пѣтухомъ, повалились на полъ, едва завидѣли господина.

— Встаньте, встаньте,—проговорилъ съ достоинствомъ помѣщикъ: — вы знаете, я этого не люблю... встаньте, говорятъ вамъ...

Семейство кузнеца медленно и какъ бы нехотя приподнялось съ пола.

Одна жена Силантія противилась исполнить приказаніе и съ замѣтнымъ упрямствомъ продолжала валяться по землѣ, такъ что баринъ вынужденъ былъ на нее, наконецъ, вскрикнуть.

— Что вамъ надо?—спросилъ помѣщикъ.

Вотъ, батюшка,—началъ Силантій:—не побрезгуй, отецъ ты нашъ... Вы отцы наши, мы ваши дѣти, прими хлѣбъ-соль.

— Какіе вы глупые, право; сколько разъ говорено было не носить ко мнѣ ничего!.. Ну, куда мнѣ все это?

— Ужъ такъ водится у насъ, батюшка Иванъ Гаврилычъ, не обидь насъ, кормилецъ...

— Ну, ну... отдайте людямъ.

Вручивъ принесенное близъ стоявшимъ лакеямъ, старый кузнецъ снова повалился на земь и, какъ бы почувствовавъ себя теперь облегченнымъ отъ огромной тяжести, сказалъ гораздо развязнѣе и бойчѣе прежняго:

— Къ твоей милости пришли, Иванъ Гаврилычъ.

— Что такое?

— Заставь, батюшка, за себя вѣчно Богу молить...

— Ну, ну, ну...

– Да вотъ, отецъ ты нашъ... парню-то моему не то двадцатый годокъ пошелъ, не то болѣе, такъ пришли просить твоей милости, не пожалуешь ли ему невѣсты?..

— Пускай, братецъ, парень твой выберетъ себѣ какую ему угодно не-

Имѣніе гр. Потоцкаго—Северинки (Херс. губ.).

вѣсту... изъ любка любую выбираетъ; я не прочь, отнюдь не прочь.

— Дѣло-то, батюшка, Иванъ Гаврилычъ, такое приспѣло, что вотъ что хошь дѣлай: нѣтъ на деревнѣ у насъ ни одной дѣвки, да и полно, и не знать куда это подѣвались онѣ... Мы на тебя и понадѣялись, отецъ нашъ... Заставь вѣчно Бога молить.

— Откуда же мнѣ взять невѣсту, братецъ, когда самъ ты говоришь, что ихъ нѣтъ у насъ?

— Дѣло знамое; оно, вѣстимо, такъ, батюшка... Да мы чаяли, буде твоей милости заугодно буде... вотъ въ сосѣднемъ-то селѣ — Посыпкино... такъ ему кличка, — вотъ есть дѣвка, добрая, куда какая... Лѣтось еще, батюшка Иванъ Гаврилычъ, смотрѣли мы ее и сваху засылали, да отецъ съ матерью дорого больно просятъ... а дѣвка знатная, спорая... Вотъ, батюшка, мы на ту пору и понадѣялись на тебя, чаяли, буде Господь Богъ дастъ, пожалуешь ты къ намъ, да не будетъ ли твоей милости... не заплатишь ли выводного за дѣвку...а ужъ онъ, Иванъ Гаврилычъ, куда парень гораздый, на всяко дѣло такой, что и... Батюшка! сдѣлай божеску милость, не откажи намъ...

Церковь въ Дубровицахъ. (Имѣніе кн. Голицына).

— Постой, постой! — прервалъ баринъ. — Какъ же, братецъ, говоришь ты, нѣтъ у насъ невѣстъ... постой... да я знаю одну... Эй! крикнуть старосту.

Староста, стоявшій въ это время за дверью и, по обыкновенію своему, или, лучше сказать, по обыкновенію всѣхъ старостъ, не пропустившій ни единаго слова изъ того, что говорилось между мужиками и бариномъ, не замедлилъ явиться въ переднюю.

— Что, Демьянъ, есть у насъ въ Кузьминскомъ невѣста?

— Есть, батюшка Иванъ Гаврилычъ.

— Гдѣ?.. Въ какой семьѣ?

— Вотъ, сударь, примѣрно, хошь на скотномъ дворѣ у скотницы есть работница...

— Ахъ, да, да, я и забылъ... какъ бишь ее зовутъ-то?

— Акулиною, сударь.

— Да, Акулина, Акулина...

Кузнецъ и жена его замѣтно смутились; баринъ продолжалъ:

— Такъ что же ты врешь, Силантій. А? Что жъ ты приходишь меня безпокоить по пустякамъ!

— Помилуй, отецъ ты нашъ! — сказалъ Силантій. — Помилуй, — продолжалъ онъ, — не обиждай ты насъ, кор-

милецъ. Вы... вы вѣдь отцы наши, мы ваши дѣти... батюшка Иванъ Гаврилычъ, какая же эта невѣста?

— Что жъ?

— Сирота, батюшка, бездомная, и дѣвка-то совсѣмъ хворая... Опричь того, батюшка, позволь слово молвить, больно ломлива, куды ломлива! умаешься съ нею... Ни на какую работу негодна... рубахи состябать не сможетъ... А я-то старъ сталъ, да и старуха моя тожъ... перестарились, батюшка... Вѣстимо, мы твои, Иванъ Гаврилычъ, изъ воли твоей выступить не можемъ, а просимъ только твоей милости, не прочь ты ее моему парню.

— Ахъ ты, старый дуралей!—сказалъ баринъ, сердито топнувъ ногою.—Если ужъ сирота, такъ, по-твоему, ей и въ дѣвкахъ оставаться, а для олуха твоего сына искать невѣстъ у сосѣдей!.. Что ты мнѣ белендрясы-то пришелъ плесть? А?.. Староста! дѣвка эта дурного поведенія, что ли?

— Кажись, ничего не слыхать про нее на деревнѣ... дѣвка хорошая.

Нѣтъ сомнѣнія, что староста жилъ не въ ладу съ кузнецомъ Силантіемъ.

— Такъ что жъ ты? А?..

— Не гнѣвись...

— Молчать!.. Слушай, Силантій! сейчасъ же, сію жъ минуту сватай Акулишу за твоего сына... Слышишь ли?

— Слушаю, батюшка Иванъ Гаврилычъ...

— Отправляйся же на скотный дворъ... Смотри, братъ... да чтобъ свадьбу сыграть у меня въ нынѣшнее же воскресенье... Вотъ еще вздоръ выдумалъ, если сирота, такъ и пренебрегать ею... А?

Старуха Силантія не выдержала. Съ плачемъ и воплемъ бросилась она обнимать ноги своего господина.

— Батюшка!—вопила баба.—Отецъ ты нашъ! не губи парня-то... Дѣвка совсѣмъ негодная, кормилецъ; на всей деревнѣ просвѣту намъ съ нею не дадутъ, кажинный чураться насъ станетъ: чѣмъ погрѣшили мы передъ тобою, касатикъ ты нашъ?.. Весь свѣтъ осуду на насъ положитъ за такую ахаверницу...

— Что ты врешь, глупая баба? Встань, встань, говорятъ тебѣ... Пошла вонъ... А ты, Силантій, понялъ мой приказъ? Ну, чтобъ все было исполнено, да живо, слышишь ли?

— Слушаю, батюшка Иванъ Гаврилычъ, — отвѣчалъ кузнецъ, кланяясь въ поясъ...

Когда дверь передней затворилась за кузнецомъ, Иванъ Гаврилычъ отправился во внутренніе покои. Проходя мимо большой залы, выходившей боковымъ фасадомъ на улицу, онъ подошелъ къ окну. Ему пришла вдругъ, совершенно безсознательно, мысль взглянуть на мину, которую сдѣлаетъ Силантій, получивъ отъ него такое неожиданное приказаніе касательно свадьбы сына.

Иванъ Гавриловичъ, къ крайнему своему удивленію, замѣтилъ, что всѣ члены семейства кузнеца шли понуря голову и являя во всѣхъ своихъ движеніяхъ признаки величайшаго неудовольствія. (*Григоровичъ: «Деревня»*).

Забытая деревня.

I.

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лѣсу попросила.
Отвѣчалъ: нѣтъ лѣсу, и не жди — не будетъ!
Вотъ пріѣдетъ баринъ—баринъ насъ разсудитъ,
Баринъ самъ увидитъ, что плоха избушка,
И велитъ дать лѣсу», думаетъ старушка.

2.

Кто-то по сосѣдству, лихоимецъ жадный,
У крестьянъ землицы косячокъ изрядный
Оттягалъ, отрѣзалъ плутовскимъ маперомъ —
«Вотъ пріѣдетъ баринъ: будетъ землемѣрамъ!—
Думаютъ крестьяне.—Скажетъ баринъ слово—
И землицу нашу отдадутъ намъ снова».

3.

Полюбилъ Наташу хлѣбопашецъ вольный,
Да перечитъ дѣвкѣ нѣмецъ сердобольный,
Главный управитель. «Погодимъ, Игнаша,
Вотъ пріѣдетъ баринъ!» говоритъ Наташа.
Малые, большіе — дѣло чуть за споромъ—
«Вотъ пріѣдетъ баринъ!» повторяютъ хоромъ...

4.

Умерла Ненила; на чужой землицѣ
У сосѣда—плута—урожай сторицей;
Прежніе парнишки ходятъ бородаты,
Хлѣбопашецъ вольный угодилъ въ солдаты,
И сама Наташа свадьбой ужъ не бредитъ...
Барина все нѣту... баринъ все не ѣдетъ!

5.

Наконецъ однажды середи дороги
Шестернею цугомъ показались дроги:

Шинокъ по Мещевской дорогѣ.

На дрогахъ высокихъ гробъ стоитъ дубовый
А въ гробу-то баринъ; а за гробомъ—новый.
Стараго отпѣли, новый слезы вытеръ,
Сѣлъ въ свою карету — и уѣхалъ въ Питеръ.

(Некрасовъ).

Управляющій.

Скоро послѣ нашего переселенія въ деревню къ моей матери то и дѣло начали ходить крестьяне изъ Бухонова съ жалобами на своего управляющаго. Это помѣстье принадлежало старшему брату моей матери, Ивану Степановичу Гонецкому, и имъ распоряжался нѣмецъ управляющій, Карлъ Карловичъ; по фамиліи его никто никогда не называлъ, а крестьяне прозвали его «Карлою».

Прежде, чѣмъ явиться къ матушкѣ, мужики и бабы вызывали няню и умоляли ее просить «барыню» заступиться за нихъ, «обуздать Карлу». Но матушка ст. ого запретила ей пускать ихъ къ себѣ. Она говорила, что вѣритъ въ основательность ихъ жалобъ,

такъ какъ всѣ кругомъ подтверждаютъ ихъ, но что она лично ничего не можетъ сдѣлать: она не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла по имѣнію своего брата, который поручилъ его управляющему и далъ ему законную довѣренность.

Но вотъ однажды весною, въ праздничный день, у нашего крыльца собралась огромная толпа дядиныхъ крѣпостныхъ. Несмотря на дождь, они стали на колѣни передъ крыльцомъ, обнажили головы и объявили, что не тронутся съ мѣста, пока «барыня» не выслушаетъ ихъ. Матушка вышла разсерженная и подтвердила то, что уже много разъ посылала сказать имъ. Но выдѣлившійся изъ толпы сѣдой старикъ сумѣлъ заставить ее иначе отнестись къ нимъ. Онъ напомнилъ ей о томъ, «что милосердіе къ своимъ крестьянамъ покойнаго батюшки Николая Григорьевича извѣстно во всей округѣ, что онъ навѣрное пожалѣлъ бы и крестьянъ своего сродственника», что единственно, о чемъ они просятъ барыню, это то, чтобы она выслушала ихъ, затѣмъ сама бы пріѣхала въ Бухоново, убѣдилась въ справедливости ихъ словъ и все бы это описала своему братцу, ихъ барину. Матушка смягчилась, приказала имъ встать съ колѣнъ, пойти на скотный просушиться, выбрать нѣсколько человѣкъ, которые бы и явились къ ней въ переднюю, но чтобы эти выборные «враки не несли и пустого не мололи»,—иначе, чуть что не подтвердится, она писать брату откажется...

Въ Бухоново мы отправились въ одинъ изъ воскресныхъ дней...

Прежде чѣмъ лодка окончательно причаливала къ берегу, управляющій Карлъ Карлычъ уже стоялъ, ожидая насъ на берегу...

Матушка была человѣкъ прямодушный, ненавидящій подходы и изворо-ты, а потому прямо заявила ему, что не можетъ принять его угощенія, что пріѣхала она не къ нему, а съ цѣлью осмотрѣть житье-бытье крестьянъ, принадлежащихъ ея родному брату, чтобы потомъ описать ему все, что она увидитъ. «Карла» сейчасъ же перемѣнилъ тонъ и изъ заискивающаго сдѣлался наглымъ. Онъ крайне запальчиво и рѣзко отвѣчалъ, что матушка не имѣетъ права устраивать подобныхъ ревизій, которыя могутъ породить лишь смуту среди крестьянъ, что она не смѣетъ устраивать подобныхъ вещей даже съ разрѣшенія своего брата, который самъ выдалъ ему формальную довѣренность на управленіе его имѣніемъ, что въ силу этого онъ здѣсь единственный полновластный хозяинъ и распорядитель. При этомъ онъ какъ-то грозно подошелъ къ матушкѣ. Няня въ ужасѣ всплеснула руками...

Я разревѣлась, но матушка была совсѣмъ не изъ трусливаго десятка. Она гордо подняла голову и съ презрѣніемъ крикнула: «Смѣйте только прикоснуться къ кому-нибудь изъ моего семейства или изъ моихъ крестьянъ! Прочь съ дороги!.. Можете сейчасъ же послать верхового за становымъ и за кѣмъ угодно,—я буду дѣлать то, что мнѣ надо». И она смѣло двинулась впередъ въ сопровожденіи насъ, приказавъ и тремъ нашимъ крестьянамъ слѣдовать за нею...

Матушка входила въ каждую избу съ нами, а если она не вмѣщала всѣхъ насъ, то только съ Лукою. Она разспрашивала каждаго хозяина, есть ли въ его хозяйствѣ лошадь, корова и другія домашнія животныя, о томъ, много ли дней работаетъ онъ на управляющаго и какія повинности онъ уплачиваетъ, когда и за что былъ наказанъ, приказывала подать ей хлѣба и приварокъ, пробовала то и другое, осматрива-

ла дѣтей, заходила въ хлѣвъ и другія постройки, если онѣ были, и всѣ свои наблюденія заносила въ свою записную книжку. Показанія крестьянъ одной избы она провѣряла показаніями другихъ крестьянъ. Весь день она употребила на осмотръ избъ бухоновскихъ крестьянъ...

Вотъ ее письмо по этому поводу.

«Драгоцѣннѣйшій и всею душою и сердцемъ почитаемый братецъ мой, Иванъ Степановичъ... Жалобы на мучительства, причиняемыя крестьянамъ ихъ управляющимъ, поступали ко мнѣ уже болѣе года, но, не имѣя Вашей конфиденціи на сей предметъ, я боялась вмѣшательства въ сіе щекотливое дѣло, пока вопли Вашихъ подданныхъ не понудили меня выступить ихъ заступницей передъ Вами, но не иначе, какъ послѣ самоличнаго строгаго разслѣдованія ихъ жалобъ. И вотъ, братецъ, считаю долгомъ довести до Вашего свѣдѣнія обо всемъ, что видѣли мои глаза, что слышали мои уши.

Всѣ Ваши крестьяне совершенно разорены, изнурены, въ конецъ замучены и искалѣчены никѣмъ другимъ, какъ Вашимъ управителемъ, нѣмцемъ Карломъ, прозваннымъ у насъ «Карлою», который есть лютый звѣрь, мучитель, столь жестоковыйный и развращенный человѣкъ, что если бы ненарокомъ проѣзжалъ по нашей захолустной мѣстности знаменитый сочинитель, чего, конечно, не можетъ случиться, онъ бы на страницахъ своего творенія описалъ «Карлу», какъ изверга человѣческаго рода. Извольте сами разсудить, безцѣнный братецъ: въ нашихъ мѣстахъ «барщина» состоитъ въ томъ, что крестьянинъ работаетъ на барина три и не болѣе четырехъ дней въ недѣлю. У «Карлы» же барщину отбываютъ 6 дней, съ утра до вечера, а на обработку крестьянской земли онъ даетъ Вашимъ подданнымъ только ночи и праздники. Ночью и рабочій скотъ отдыхаетъ, можетъ ли человѣкъ работать безъ отды-

Старо-Никольское, имѣніе Мусина-Пушкина.

ха? Въ одни же праздники, если бы даже никогда не мѣшали дожди, крестьянинъ не могъ бы управиться съ своимъ надѣломъ. А потому и произошло то, что гораздо болѣе половины Вашихъ крестьянъ оставляютъ землю безъ обработки. Какъ хозяйка

Мальчикъ, просящій милостыню.

уже съ нѣкоторымъ опытомъ, я могу сказать Вамъ, мой братецъ любимый, что изъ сего выйдетъ то, что Вы, когда кончится контрактъ съ Карлою, потеряете весь профитъ, который можете получить, какъ помѣщикъ отъ своей земли, и оная обратится въ настоящій пустырь, на которомъ будутъ произрастать развѣ сорныя травы. Сіе происходитъ отъ того, что нѣмецъ свелъ на-нѣтъ хозяйство крестьянъ: во дворахъ и хлѣвахъ огромнаго числа Вашихъ подданныхъ хоть шаромъ покати,—ни коровы, ни лошаденки, ни куренка, ни поросенка, ни овцы. Нѣтъ домашнихъ животныхъ—нѣтъ и навоза, а безъ онаго и безплодная земля нашей мѣстности не можетъ родить и хлѣба, ни даже подстилки для скотины. Какъ ни убога наша мѣстность, но нигдѣ крестьяне не выглядятъ такими жалкими, заморенными, слабосильными и искалѣченными, нигдѣ не ѣдятъ такъ плохо, какъ въ деревняхъ, принадлежащихъ Вамъ, милый братецъ... Можетъ ли онъ работать, когда голодаетъ и ѣстъ хуже пса? Ваши крестьяне почти круглый годъ пекутъ хлѣбъ изъ мякины, подмѣшивая въ нее даже древесную кору и только горсточку-другую подбрасывая въ тѣсто гороховой или ржаной муки. Варево ихъ пустое: щи изъ сѣрой капусты, а весной и лѣтомъ щи изъ крапивы и щавеля или болтушка изъ той же муки, что и хлѣбъ; въ варево нечего бросить: въ избѣ нѣтъ ни куска сала, ни солонины, ни молока, чтобы забѣлить. Дѣти крестьянъ настоящія страшилы: съ гнойными глазами, съ облѣзлыми волосами, съ кривыми ногами, кто изъ нихъ и на печи кричитъ, потому что «брюхо дюже деретъ», какъ сказываютъ ихъ родители, или изъ-за того, что брюхо, какъ котелъ черное. Моръ дѣтей ужасающій, и это, по словамъ мужиковъ, потому что «почитай кажиннаго ребенка хлещетъ на девятый вѣнецъ». Того изъ ребятъ, который можетъ передвигать ногами, родители посылаютъ «въ кусочки», т.-е. милостыньку собирать, нищенствуетъ и множество взрослыхъ. Если на дорогѣ попадается нищій, такъ и

знай, что онъ изъ Вашихъ, братецъ, деревень. Когда «Карла» встрѣтитъ кого съ сумой, онъ нещадно бьетъ плетью и палкой, но это не помогаетъ, и люди выходятъ на дорогу, ибо дома нечего ѣсть. Карла бьетъ не только за нищенство, бьетъ онъ смертнымъ боемъ, мучительно истязаетъ Вашихъ подданныхъ. Чуть рабочій опоздаетъ на работу, либо покажется Карлу, что онъ работаетъ медленно, а, Боже храни, ежели крестьянинъ пожалуется на свою хворь, а хуже того на свои недостатки, — на него налагается безчеловѣчная расправа плетью, а въ придачу удары толстой палкой. Сзади Карлы всюду, какъ его тѣнь, ходитъ горбунъ Митрошка, у котораго давно отсѣчена кисть правой руки. Такъ какъ онъ не можетъ работать, да и калѣка, то Карла приноровилъ его своимъ заплечныхъ дѣлъ мастеромъ. Куда идетъ Карла, туда и горбунъ тащится съ плетью черезъ плечо, а у самого-то Карлы въ рукахъ всегда толстая претолстая палка съ мѣднымъ набалдашникомъ. Чуть кто провинится, будь то на току, на жнитвѣ, либо на косовицѣ, Карла махнетъ рукой, а ужъ Митрошка знаетъ, что дѣлать: сейчасъ срываетъ съ провинившагося одежду догола, валитъ на землю, садится на него, а самъ Карла, непремѣнно самъ, начинаетъ полосовать плетью. Такъ онъ наказываетъ и женщинъ и мужчинъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ двухъ женщинъ запоролъ насмерть: одна умерла черезъ два дня, а другая черезъ двѣ недѣли. Было и слѣдствіе, — отвертѣлся большими взятками; крючкотворы судейскіе и полицейскіе обѣлили его на такомъ основаніи, что обѣ бабы умерли не отъ его нѣмцовой лютости и не во время экзекуціи, а что онѣ были хворыя.

Нѣмецъ учиняетъ надъ Вашими крѣпостными и болѣе мерзкія истязанія, о которыхъ я, какъ женщина, не должна была бы и писать Вамъ, дорогой братецъ... Но имѣя въ виду то, что Вамъ, можетъ-быть, придется сіе мое письмо присовокупить къ какому-

По міру (*карт. Пынѣева*).

нибудь форменному заявленію, я рѣшаюсь и на сіи беззаконія раскрыть Вамъ глаза и подтверждаю, что готова подъ присягой показать все, о чемъ упоминаю Вамъ. Сіе нечистое животное, именуемое у насъ «Карлою», требуетъ къ себѣ каждую смазливую невѣсту... Если же сіе не понравится самой дѣвкѣ, либо ея матери или жениху, и они осмѣлятся умолять

его не трогать ее, то ихъ всѣхъ по заведенному порядку наказываютъ плетью, а дѣвкѣ-невѣстѣ на недѣлю, а то на двѣ надѣваютъ на шею для помѣхи спанью рогатку. Рогатка замыкается, а ключъ Карла прячетъ въ свой карманъ. Мужику же, молодому мужу, высказавшему сопротивленіе, обматываютъ вокругъ шеи собачью цѣпь и укрѣпляютъ ее у воротъ дома, того самаго дома, въ которомъ мы, единокровный и единоутробный братецъ мой, родились съ Вами. Въ первый разъ въ жизни слышу о такомъ безобразіи.

Многіе помѣщики наши весьма изрядные развратники: кромѣ законныхъ женъ, имѣютъ наложницъ изъ крѣпостныхъ, устраиваютъ у себя грязные дебоши, частенько порютъ своихъ крестьянъ, но во всякомъ случаѣ не калѣчатъ ихъ, не злобствуютъ на нихъ въ такой мѣрѣ, не требуютъ отъ нихъ 6-дневной барщины, не разоряютъ въ конецъ ихъ хозяйства, не до такой грязи развращаютъ ихъ женъ и дѣтей. Касательно же рогатокъ на шею бабамъ и сажаній человѣка, какъ настоящаго пса, на цѣпь—это по нашимъ мѣстамъ и не слышно, чтобы когда-нибудь было...

Сколькихъ работниковъ Вы, братецъ, лишились изъ-за Карлы: одни изъ Вашихъ крестьянъ въ бѣгахъ, другіе утопились и повѣсились, третьи вѣчными калѣками подѣлались, остальные съ виду жалки, слабосильны и едва ли могутъ хорошо исполнять настоящую крестьянскую работу, а тѣ, что подрастаютъ, еще хуже. Я каждый день жду, что крестьяне что-нибудь учинятъ надъ своимъ лиходѣемъ, — вѣдь на каторгѣ имъ жить, почитай, легче будетъ, чѣмъ у нѣмца...

Дорогой братецъ! зная Ваше благородное сердце, я льщу себя надеждой, что Вы не оставите безъ возмездія злодѣяній Карлы и положите конецъ его управленію, вредному для Вашихъ интересовъ; я могу доказать, что онъ обезцѣнилъ и разорилъ Ваше достояніе и даже рѣшаюсь сказать, — обезчестилъ наше родительское гнѣздо».

Когда я ближе узнала своего дядюшку И. С. Гонецкаго (это было болѣе чѣмъ черезъ цѣлый десятокъ лѣтъ послѣ описываемаго событія), онъ былъ уже дикимъ консерваторомъ и быстро шелъ по дорогѣ повышеній. Тѣмъ не менѣе, онъ всегда былъ человѣкомъ, съ презрѣніемъ относящимся къ лихоимству и взяточничеству, въ высшей степени прямымъ, съ простою, любящею душою, съ человѣколюбивыми инстинктами во всемъ, что не касалось политики, съ честными взглядами въ томъ, что онъ могъ понять своимъ недальновиднымъ умомъ, но что подсказывало ему его сострадательное сердце.

Гонецкій былъ человѣкъ очень наивный; онъ искренно думалъ, что розсказни объ истязаніи крестьянъ и о развратѣ помѣщиковъ — плодъ досужей фантазіи, что если что-нибудь подобное и случается, то какъ исключительное явленіе, а потому въ поведеніи «Карлы» онъ прежде всего усмотрѣлъ, что тотъ своими безобразіями губитъ авторитетъ помѣщичьей власти. Пугало его и то, что управляющій бросилъ грязную тѣнь на его незапятнанное имя. Безчеловѣчное и безнравственное поведеніе «Карлы» возмущало его доброе, солдатское сердце. Его отвѣтъ на матушкино письмо былъ сплошной крикъ негодованія, онъ даже рѣзко укорялъ свою сестру, что она давно не довела до его свѣдѣнія о всѣхъ безобразіяхъ его управляющаго, умолялъ ее взять имѣніе въ свои руки, написалъ по этому поводу мно-

жество писемъ: нѣмцу о томъ, чтобы тотъ немедленно убирался изъ его имѣнія, а предводителю дворянства, исправнику и становому, чтобы тѣ постарались какъ можно скорѣе выгнать его изъ Бухонова...

(Водовозова: Воспоминанія).

Управленіе приказчика.

Съ восходомъ утренняго солнца жители были пробуждены стукомъ въ окошки и призываніемъ на мірскую сходку. Граждане, одинъ за другимъ, явились на дворъ приказной избы, служившей вѣчевою площадью. Глаза ихъ были мутны и красны, лица опухлы; они, зѣвая и почесываясь, смотрѣли на человѣка въ картузѣ, въ старомъ голубомъ кафтанѣ, важно стоявшаго на крыльцѣ приказной избы, и старались припомнить черты его, когда-то ими видѣнныя. Староста и земскій Авдей стояли подлѣ него безъ шапокъ, съ видомъ подобострастья и глубокой горести. «Всѣ ли здѣсь?» спросилъ незнакомецъ. «Всѣ ли-ста здѣсь?» повторилъ староста. «Всѣ-ста», отвѣчали граждане, а староста объявилъ, что отъ барина получена грамота, и приказалъ земскому прочесть ее во всеуслышаніе міра. Авдей выступилъ и громогласно прочелъ слѣдующее: (NB. Сію грозновѣщую грамоту списалъ я у Трифона старосты; у него же хранилась она въ кивотѣ вмѣстѣ съ другими памятниками владычества его надъ Горохинымъ).

Трифонъ Ивановъ!

Вручитель письма сего, повѣренный мой **, ѣдетъ въ отчину мою село Горохино для поступленія въ управленіе онаго. Немедленно по его прибытіи собрать мужиковъ и объявить имъ мою барскую волю, а именно: приказаній повѣреннаго моего ** имъ, мужикамъ, слушаться, какъ моихъ собственныхъ, и все, чего онъ потребуетъ, исполнять безпрекословно; въ противномъ случаѣ имѣетъ онъ ** поступать съ ними со всевозможною строгостію. Къ сему понудило меня ихъ безсовѣстное непослушаніе и твое, Трифонъ Ивановъ, плутовское потворство.

Подписано: NN.

Тогда **, растопыря ноги наподобіе хера и подбоченясь наподобіе ферта, произнесъ слѣдующую краткую и выразительную рѣчь: «Смотрите жъ вы у меня, не очень умничайте—вы, я знаю, народъ избалованный; да я, небось, выбью дурь изъ вашихъ головъ скорѣе вчерашняго хмеля». Хмеля уже не было ни въ одной головѣ, и горохинцы, какъ громомъ пораженные, повѣсили носы и съ ужасомъ разошлись по домамъ.

Правленіе приказчика **

** принялъ бразды правленія. Онъ потребовалъ опись крестьянамъ, раздѣлилъ ихъ на богачей и бѣдныхъ и приступилъ къ исполненію своей политической системы. Она заслуживаетъ особеннаго разсмотрѣнія.

Главнымъ основаніемъ оной была слѣдующая аксіома: чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ онъ избалованнѣе, чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ смирнѣе. Вслѣдствіе сего ** старался о смирности вотчины, какъ о главной крестьянской добродѣтели. 1) Недоимки были разложены на всѣхъ зажиточныхъ мужиковъ и взыскиваемы съ нихъ со всевозможною строгостью. 2) Недостаточные и праздролюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню; если же,

по его расчетамъ, трудъ ихъ оказывался недостаточнымъ, то онъ отдавалъ ихъ въ батраки другимъ крестьянамъ, за что сіи платили ему добровольную дань; а отдаваемые въ холопство имѣли полное право откупаться, заплатя сверхъ недоимокъ двойной годовой оброкъ. Всякая общественная повинность падала на зажиточныхъ мужиковъ. Рекрутство же было торжествомъ корыстолюбивому правителю, ибо отъ онаго по очереди откупались всѣ богатые мужики, пока, наконецъ, выборъ не падалъ на негодяя или разореннаго. Мірскія сходки были уничтожены. Оброкъ собиралъ онъ понемногу и круглый годъ сряду. Мужики, кажется, платили и не слишкомъ болѣе противу прежняго, но никакъ не могли ни наработать ни накопить достаточно денегъ. Въ три года Горохино совершенно обнищало, Горохино пріупыло, базаръ запустѣлъ, пѣсни Архипа Лысаго умолкли. Половина мужиковъ была на пашнѣ, другая служила въ батракахъ; ребятишки пошли по-міру, и день храмового праздника сдѣлался, по выраженію лѣтописца, не днемъ радости и ликованія, но годовщиною печали и поминанія горестнаго.

Изъ Горохинскаго лѣтописца.

Посадилъ окаянный приказчикъ Антона Тимоѳеева въ желѣзы, старикъ Тимоѳей сына откупилъ за 100 руб., а приказчикъ заковалъ Петрушку Еремѣева, и того откупилъ отецъ за 68 руб.; а хотѣлъ окаянный сковать Леху Тарасова, но тотъ бѣжалъ въ лѣсъ, и приказчикъ о томъ весьма крушился и свирѣпствовалъ во словесахъ; а отвезли въ городъ и отдали въ рекруты Ваньку пьяницу...

(Пушкинъ: «Исторія села Горохина»).

Притѣсненія управляющаго.

Вступивъ на барскій дворъ, гдѣ находился старый флигель, помѣщавшій контору и квартиру управляющаго, Антонъ увидѣлъ Никиту Ѳедорыча, который уже ожидалъ его на порогѣ.

Онъ стоялъ въ дверяхъ, растопыривъ ноги, запустивъ одну руку въ карманъ шароваръ, другою поддерживалъ длинный чубукъ, изъ котораго, казалось, высасывалъ вмѣстѣ съ дымомъ все болѣе и болѣе чувство собственнаго достоинства.

— Что жъ ты шутить, что ли, думаешь?— сказалъ онъ Антону.—Всѣ внесли подушныя, ты одинъ ухомъ не ведешь, канальяǃ А? Говорилъ ли я тебѣ. А? Сказывай, говорилъ или не говорилъ—худо будетъ?..

И управляющій закинулъ еще выше голову.

— Сказывали, Никита Ѳедорычъ...

— Ну!

— Я докладывалъ вашей милости,— отвѣчалъ мужикъ, потупляя голову:— какъ будетъ угодно... у меня подушныхъ нѣтъ... взять неоткуда... извольте дѣлать со мною что угодно; на то есть власть ваша... напишите барину, пущай наказать прикажетъ, а мнѣ взять, какъ передъ Богомъ, неоткудова...

— Ахъ, ты плутъ, бестія этакая... изъ-за тебя стану я безпокоить барина... васъ только сѣки, да подушныхъ не бери... ну, да что тутъ толковать... не міру платить за тебя... знаю я васъ мошенниковъ... Лошадь жива?..

Антонъ обомлѣлъ; дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ. Онъ быстро взглянулъ на Никиту Ѳедорыча и произнесъ дрожащимъ голосомъ:

— Никита Өедорычъ! никакъ ужъ ты и совсѣмъ погубить меня хочешь?

— Что!

— Никита Өедорычъ! батюшка!— продолжалъ мужикъ,— пожалѣй хоть ребятенокъ-то махонькихъ... и то почитай пустилъ ты насъ по-міру...

— А вотъ потолкуй-ка еще у меня, потолкуй, — перебилъ управляющій, дѣлая движеніе впередъ,— я тебя погублю!.. Завтра же веди лошадь въ городъ на ярмарку. Теперь пора зимняя, лошади не надо,—произнесъ онъ лукаво,—да смотри, не будетъ у меня черезъ два дня подушныхъ въ конторѣ, такъ я не погляжу, что ты женатъ,— лобъ забрѣю. Я и такъ миловалъ тебя мерзавца!..

— Никита Өедорычъ, а, Никита Өедорычъ,—сказалъ Антонъ, едва удерживаясь отъ слезъ,—батюшка!

И онъ повалился въ ноги.

— Э! меня этимъ не разжалобишь. Пошелъ! чтобъ было, какъ приказываю, вотъ и все. Ступай!—прибавилъ онъ, топнувъ ногой.

— Что жъ у меня-то останется,—говорилъ отчаянно мужикъ,—какъ послѣднюю-то лошаденку продамъ?.. и такъ по-міру почитай...

— Ну, ну, ну... разговаривай... кабы не ярмарка, такъ я бы не такъ еще съ тобой раздѣлался...

Въ это время дверь изъ квартиры управляющаго растворилась; изъ нея выглянуло въ половину желтое женское лицо, перевязанное бѣлою косынкою.

— Никита Өедорычъ, а, Никита Өедорычъ!—крикнула женщина пискливо,—ступай чай пить; что тебя не дождешься!.. ступай скорѣе...

Управляющій повернулся въ ту сторону и, не дожидаясь дальнѣйшихъ возраженій мужика, поспѣшилъ къ самовару.

Антонъ давно уже не ѣзжалъ въ городъ. Никита Өедорычъ не любилъ отпускать часто мужиковъ изъ деревни; особенно строго держался онъ этого правила съ тѣми изъ нихъ, съ которыми находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ. По его мнѣнію, не отпустить мужика въ городъ считалось хорошею и вмѣстѣ съ тѣмъ очень дѣйствительной мѣрой наказанія. Такъ, напримѣръ, накоплялось ли гороху у мужичка—гдѣ бы свести его на базаръ, благо цѣна красна, онъ нѣтъ: какъ ни бьется сердечный, Никита Өедорычъ ни за что не отпуститъ; подумаетъ крестьянинъ: плетью обуха не перешибешь, да и продастъ горохъ сосѣду за сущій безцѣнокъ,— не лежать же стать житу да гнить въ закромѣ. Другому Господь Богъ залишнюю телушку послалъ; вотъ и бредетъ онъ къ управляющему: «Деньги, молъ, понадобились, батюшка, соблаговолите отпустить въ городъ кой-что продать: надо, вишь, обзавестись тѣмъ да другимъ по хозяйству».—«Ахъ ты, такой сякой,—молвитъ ему управляющій,—небось, какъ соты-то ломалъ прошлую осень, такъ не принесъ мнѣ медку. Сиди-ка дома. Все бы вамъ только шляться да шляться»... «Что,—думаетъ проситель,—господъ нашихъ нетути, а онъ у насъ «сила», не стать перечить», зарѣжетъ телку, да и поснѣдаетъ ее съ Божьею помощью.

Такъ же точно было и съ Антономъ, если еще не хуже...

— Старый баринъ нашъ померъ, тому лѣтъ пять будетъ (такъ разсказывалъ въ городскомъ трактирѣ рабочій изъ той же деревни). Никита и остался у насъ управляющимъ. По настоящему дѣлу ему не слѣдъ было бы; да такъ ужъ старый баринъ пожелалъ... онъ, вишь, выдалъ за него при живности своей свою любовницу. Ее-то онъ и жаловалъ, она и упросила.

— Стало, любилъ ее баринъ?

— А такъ-то любилъ, что и сказать мудрено. У нихъ, вишь, дочка была... она и теперь у матери; да только въ загонѣ больно, отецъ, Никита-то, ее добре не любитъ.... Ну, какъ остался онъ у насъ такъ-то старшимъ послѣ смерти барина и пошелъ тяготить насъ всѣхъ... и такая-то жисть стала, что, кажись, бѣжалъ бы лучше: при баринѣ было намъ такъ-то хорошо, знамо, попривыкли, а тутъ пошли побранки да побои, только и знаешь... а какъ разлютуется... бѣда! бьетъ, колотитъ, бывало, и бабъ и мужиковъ, обижательство всяко творитъ...

— Ну, а молодые-то господа?

— Молодые господа наши, сынъ да дочь, въ Питерѣ живутъ... Мы ихъ николи и въ глаза-то не видали... Вѣстимо, братцы, кабы они здѣсь жили или понавѣдывались, примѣрно, хошь на время, такъ ина была бы причина: у насъ господа по отцу, добрые, хорошіе, грѣхъ сказать, чтобы зла кому пожелали, дай имъ Господь за то много лѣтъ здравствовать. Вотъ мой братъ былъ въ Питерѣ и говоритъ: господа важные!.. Да гдѣ жъ имъ самимъ до всего доходить! Вотчинъ у нихъ много и то сказать, всѣхъ не объѣздишь. Живутъ они въ Питенбурхѣ,—господа! Они рады бы, можетъ статься, особливо баринъ, въ чемъ помочь мужикамъ своимъ, да, вишь, отъ нихъ все шито да крыто. Имъ сказываютъ: то хорошо, другое хорошо, знатно, молъ, жить вашимъ крестьянамъ. Ну, и ладно, они тому и вѣрятъ. А господа хорошіе, грѣхъ сказать. Кабы они вѣдали, примѣрно, что мужички въ обидѣ живутъ отъ управляющаго да нужду всячески терпятъ, такъ, вѣстимо, того бы не попустили... Управляющему, знамо, какое до насъ дѣло! нѣшто мы его? дана ему власть надъ нами, и творитъ, что ему задумается, норовитъ, какъ бы послѣднее оттянуть отъ мужичка... И добро бы, братцы, человѣкъ какой былъ, самъ господинъ али какого дворянскаго роду, что ли, все бы, кажись, не такъ обидно терпѣть, а то вѣдь самъ такой же сермяжникъ, ходитъ только въ барскомъ кафтанѣ да бороду бреетъ... а господа души, вишь, въ немъ не чаютъ, они нашего мужицкаго дѣла не разумѣютъ, все сполняютъ, что ему только поволится... Ну, какъ началъ онъ такъ-то обижать насъ, видимъ плохо: вотъ вся деревня наша и сговорилась написать жалобу молодому барину въ Питеръ... время было къ самому разговѣнью... а сговорившись-то и собрались такъ-то ночью въ ригу, всѣ до единаго въ росхмель, какъ теперь помнится, а рига такая-то большая, за барскимъ садомъ стоитъ... Былъ съ нами и Антонъ...

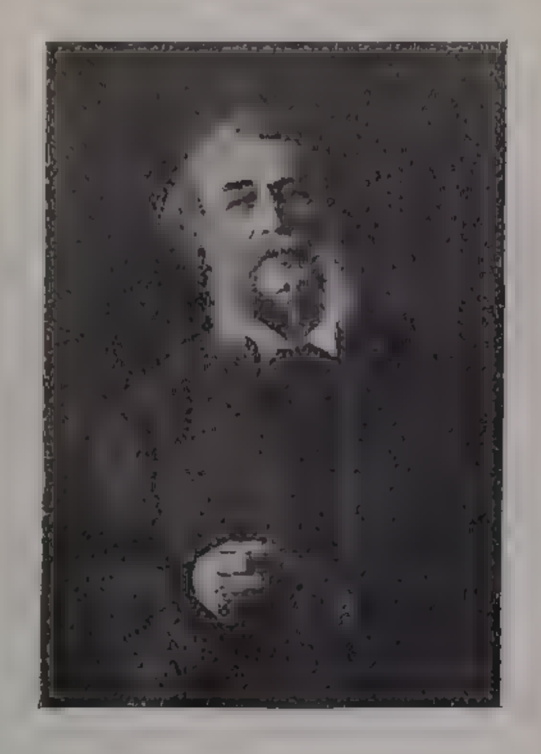
При этомъ имени въ толпѣ произошло движеніе. Нѣкоторые изъ слушателей наклонились еще ближе къ разсказчику и почти въ одно и то же время со всѣхъ концовъ послышалось: «ну, ну!»

— Онъ, нужно сказать,—продолжалъ фабричный, — изо всего нашего Троскина одинъ только грамотѣ-то и зналъ... Ужъ это всегда, коли грамоту написать али псалтырь почитать надъ покойникомъ, его, бывало, и зовутъ... ну, его и засадили; пиши, говорятъ, да пиши, подложили бумагу. Онъ и написалъ. Спроворили дѣло... Ну, хорошо, послали въ Питеръ. Никто не пронюхалъ, зарокомъ было бабамъ не сказывать, и дѣло-то, думали, споро; анъ вышло не такъ... У нашего управляющаго, Никиты Өедорыча, въ Питерѣ есть братъ, такой же нравный; ходитъ онъ за бариномъ. Ну, вѣстимо, что говорить, сила! и другіе-то люди изъ тамошнихъ всѣ ему сродни, заодно. Какъ пришло наше письмо туда, извѣстно, не прямо къ барину: къ людямъ сначала попало; швецаръ ка-

кой-то, свѣдали мы опосля, принялъ. Барину онъ ужъ какъ-то тамъ передаетъ... У меня братъ въ Питенбурхѣ-то у господъ бывалъ... въ одной, говоритъ, прихожей столько-то народу, и-и-и... Знамо, гдѣ ужъ тутъ дойти? Народъ все проворный, не то, что нашъ братъ деревенскій. Ну, братцы, какъ получили они себѣ письмо, должно-быть, и смекнули, съ кой сторонки... Бумага али другое что не ладно было; а только догадались — возьми они его, утаи отъ барина, да и довѣдайся, что въ немъ писано... а мы, вишь, писали, что управляющій и бьетъ-то насъ беззаконно, и всякое обижательство творитъ... Они видятъ, плохо пришло Никитѣ, возьми, да и отошли письмо-то назадъ къ нему, да еще и свое приписали... Вотъ разъ призываетъ насъ такъ-то управляющій, этому года четыре будетъ, — эвтакъ объ утро, такой-то осерчалый, сердитый... а намъ невдомекъ, и въ мысляхъ не держали чтой-то за дѣло... «Ахъ, молъ, вы такіе да сякіе; я васъ, говоритъ, по-свойски! я жъ вамъ задамъ!» Кто, говоритъ, писалъ на меня жалобу? Да какъ закричитъ... такъ вотъ по закожью-то словно морозомъ проняло: знамо, не свой братъ, поди-тка, сладь съ нимъ. Маненько мы поплошали тогда, сробѣли; ну, а какъ видимъ, дѣло-то больно плохо подступило, не сдобровать, доконаетъ!—всѣ въ одинъ голосъ Антона и назвали. Своя-то шкура дороже; думали, тутъ того и гляди пропадешь за всѣхъ... Ну, вѣстимо, пришло Антону куды какъ жутко, ужъ чего-то онъ съ нимъ, съ сердешнымъ, не дѣлалъ, какъ не казнилъ, Господь одинъ знаетъ. Былъ у Антона братъ, Ермолай, женатый парень, того въ первое рекрутство записалъ, а Антона—на барщину да на барщину безъ отмѣны... Земля-то у него, какъ и у всѣхъ насъ, плохая была; ну, вѣстимо, какъ рукъ не стало на нее, не осилилъ, и вовсе не пошло на ней родиться... Тутъ, вишь, братнина семья на рукахъ осталась, двое махонькихъ ребятенковъ не въ подмогу, а все въ изъянъ да въ изъянъ...

— Знамо, ужъ какая тутъ подмога — баба съ ребятенками,— сказалъ вздыхая толстоватый ярославецъ,—эка, мужикъ бѣдный, право...

— Это еще не все, братцы,—продолжалъ фабричный, постепенно воодушевляясь, — куды! Онъ въ отместку ему и землю-то у него ту отнялъ!..

Д. В. Григоровичъ.

— Какъ! и землю отнялъ, землю!— крикнули многіе.

— Да, отнялъ и вырѣзалъ ему что ни на есть плошную во всей вотчинѣ: суглинокъ... Хлѣба у Антона съ перваго же года и не стало... а жилъ онъ, нужно сказать, прежде не хуже другихъ... Была у него при покойномъ баринѣ добрая «кулича» *) сѣна, и то не оставилъ ему Никита: жирно больно живешь, говоритъ... Видитъ Антонъ, нечѣмъ кормить скотинку, а нужда

*) «Кулича» — частица, участокъ.

пришла, крайность: онъ и давай продавать, сердешный, то лошадку, то корову, то овцу... и что бы вы думали?.. и тутъ-таки донялъ его Никита: не пущаетъ его въ городъ, да и полно. Что ты станешь дѣлать? Продавай, говоритъ, въ деревнѣ...: извѣстно, какой ужъ тутъ торгъ, мужички же неимущіе, денегъ нѣту,—отдавать сталъ за безцѣнокъ. Пришло Антону день ото дня плоше да плоше. Вѣстимо, мужичокъ не грибокъ: не растетъ подъ дождемъ... долго ли разорить его? Такъ-таки совсѣмъ и разорилъ, довелъ дотолева, что не осталось у него въ домѣ ни полщепочки, живетъ—какъ бы день къ вечеру, и голодную собаку нечѣмъ стало изъ-подъ лавки выманить...

— Знамо, какое ужъ тутъ житье! проти жара и камень треснетъ.

— Я чай, самъ-то ужъ не радъ, что грамотѣ гораздъ...

— Эхъ! Богъ правду-то видитъ, да, видно, не скоро ее сказываетъ!—замѣтилъ кто-то въ свой чередъ.

— И такой-то человѣкъ этотъ Никита,—сказалъ фабричный:—что хоть бы разъ забылъ свою злобу. Вотъ надысь сказывалъ мнѣ нашъ же мужикъ, приходитъ къ нему нынѣшнюю весну Антонъ попросить осины избенку поправить; ужъ онъ его корилъ, корилъ, все даже припомнилъ... опричь того и осины не далъ... Вѣстимо, одно въ одно, до того дошелъ теперь Антонъ, что хошь ступай сумой тряси, то-есть совсѣмъ, какъ есть, сгибъ человѣкъ... Ужъ такъ-то, право, жаль мнѣ его...

(*Григоровичъ: «Антонъ Горемыка»*).

Пиръ крестьянъ. (*Рис. Орловскаго*).

Кабакъ на оброкѣ.

Кабакъ все полнѣе, полнѣе,
Бесѣда шумнѣе, шумнѣе,
Ужъ будетъ доходъ!
Хозяинъ ли явится,
Ѳомой не нахвалится,
Ѳома-то народъ
Пить попьянѣе выучилъ,
Оброки всѣ выручилъ,
Послѣднее вымучилъ...
Хозяинъ придетъ?
Все пьяные, пьяные!..
И по сердцу рьяное
Усердье ему,
И любитъ хозяинъ сидѣльца Ѳому!..

(*И. Аксаковъ: «Бродяга»*).

Отрывокъ изъ „Желѣзной дороги".

Мы надрывались подъ зноемъ, подъ холодомъ,
Съ вѣчно согнутой спиной,
«Жили въ землянкахъ, боролися съ голодомъ,
«Мерзли и мокли, болѣли цынгой,

«Грабили насъ грамотеи-десятники,
«Сѣкло начальство, давила нужда...
«Все претерпѣли мы, Божіи ратники,
«Мирныя дѣти труда!
«Братья! Вы наши плоды пожинаете!
«Намъ же въ землѣ истлѣвать суждено...
«Все ли насъ, бѣдныхъ, добромъ поминаете,
Или забыли давно?..»
Не ужасайся ихъ пѣнія дикаго!
Съ Волхова, съ матушки-Волги, съ Оки,
Съ разныхъ концовъ государства великаго—
Это все братья твои — мужики!
Стыдно робѣть, закрываться перчаткою,
Ты ужъ не маленькій!.. Волосомъ русъ,
Видишь, стоитъ, изможденъ лихорадкою,
Высокорослый, больной бѣлоруссъ:
Губы безкровныя, вѣки упавшія,
Язвы на тощихъ рукахъ,
Вѣчно въ водѣ по колѣно стоявшія
Ноги опухли; колтунъ въ волосахъ;
Ямою грудь, что на заступъ старательно
Изо дня въ день налегала весь вѣкъ...
Ты приглядись къ нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлѣбъ добывалъ человѣкъ!
Не разогнулъ свою спину горбатую
Онъ и теперь еще, тупо молчитъ
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбитъ!
Эту привычку къ труду благородную
Намъ бы не худо съ тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.
Да не робѣй за отчизну любезную...
Вынесъ достаточно русскій народъ,
Вынесъ и эту дорогу желѣзную—
Вынесетъ все, что Господь ни пошлетъ!
Вынесетъ все—и широкую, ясную
Грудью дорогу проложитъ себѣ.
Жаль только—жить въ эту пору прекрасную
Ужъ не придется—ни мнѣ ни тебѣ...

(Некрасовъ).

Крѣпостная фабрика.

Лѣтъ пятьдесятъ назадъ, какъ баринъ (владѣлецъ нашего огромнаго лѣса) построилъ заводикъ въ глуши, вдали отъ міра Божьяго; пригласилъ мастеровъ, переселилъ къ нимъ изъ деревень мужичковъ на подмогу — и пошла работа: отцы — мастера, ребятишки съ семи лѣтъ—хлопцы; помретъ отецъ — сынишка-хлопецъ становится мастеромъ къ отцовскому горшку, а хлопцемъ становитъ младшаго братишку или, если есть, такъ сынишку... Такъ изъ рода въ родъ и переходило мастерство...

Минуло мнѣ семь лѣтъ вмѣстѣ съ двумя другими мальчуганами.

Помню, раннимъ-раннимъ утромъ пришелъ къ намъ десятникъ и сказалъ отцу, чтобъ онъ «тащилъ» меня въ контору...

— Ну, паршивцы, —такъ съ добрымъ утромъ привѣтствовалъ управляющій нашъ, лѣниво прожевывая кусокъ ситнаго,—полно баклуши бить, дарма ѣсть пора перестать, даромъ кормить васъ мы не намѣрены...

— Рано бы, мотри, Ванъ Ванычъ,— смиренно замолвилъ было мой отецъ, скосивъ жалостливо какъ-то на бокъ свою голову и гладя меня одною рукой,—очинно еще молодъ бы...

— Мо-ола-адъ! —протянулъ управляющій.—А ты балуй его еще... Вы благодарны должны, кажись, быть... Моладъ, — такъ въ мастера скорѣе выведу.

Фабричные въ началѣ XIX в.

— По себѣ знаю, Ванъ Ванычъ, тягостно сызмалолѣтства-то.

— А тебѣ плохо, што ли?.. Али вамъ все даромъ?.. Должны вы быть намъ благодарны, али нѣтъ, ежели мы такую васъ араву содержимъ?.. Хлѣбъ, изба, одежа, водка — все... Долженъ ты быть благодаренъ, говори?!..

Съ этой самой минуты пріобрѣла для меня заводская контора великое значеніе.

Смутное чувство мучительной истомы въ тѣлѣ до содроганія охватываетъ меня, когда встанутъ вдругъ въ памяти эти первые непосильные рабочіе хлопецкіе дни.

— Шабашъ! — громко крикнулъ въ субботній вечеръ надсмотрщикъ, стоя у песочныхъ часовъ, — это было въ первый разъ услышанное нами, хлопцами, заводское слово,—и что-то дрожью пробѣжало по истомленному хлопецкому тѣлу. Какъ будто ошалѣлые, обезпамятѣли, неслись мы на село, а изможденное тѣло на каждый шагъ твой отзывалось болью.

— Тяжко, бабушка, тяжко!—вопили мы предъ вольнымъ человѣкомъ, бабушкой Матреной, повѣряя ей на разные голоса первое свое малое хлопецкое горе.

— О-охъ, знаю, касатики мои, знаю!— чуть не вопила вмѣстѣ съ нами старуха, словно всею своею душой проникая въ ребячье горе.

— Посмотри-ка вотъ, бабушка, ты у меня ноги... Обжогъ я ихъ больно... Какъ при такомъ огнѣ работалъ, — вопитъ малый хлопецъ, показывая бабушкѣ Матренѣ свои худыя ноги съ вздувшеюся въ нарывы кожей отъ обжоговъ раскаленнымъ стекломъ, которымъ нѣтъ того дня, чтобы съ непривычки не жгли мы, хлопцы, необутыя, въ лѣтнія работы, ноги свои.

— А мнѣ вотъ, бабонька, брызнуло на руки стекло-то такою искрою огненной,—вопитъ другой хлопецъ, протягивая свои худосочныя, чуть не до кости прожженныя ручонки.

— Вижу, малые мои работнички, о-охъ, вижу и знаю,—причитала вмѣстѣ съ нашимъ ребячьимъ воплемъ бабушка Матрена, осмотрѣвъ въ это время наши хлопецкіе недуги.—Погодите-ка, вотъ я отъ Божьей лампадки маслица возьму... Знаю я, помогаетъ вамъ это маслице Божье,—говорилъ «вольный человѣкъ», обвязывая наши раны...

Такъ изо дня въ день и потянулась наша десятичасовая рабочая, хлопецкая жизнь...

Мнѣ было, помнится, лѣтъ двѣнадцать, когда вдругъ объявили приказъ ходить намъ поочередно, человѣка по три, по четыре, въ контору учиться грамотѣ. Приходимъ въ контору. Въ конторѣ сидитъ новый, незнаемый нами, молодецъ, еще безбородый, а глаза его исподлобья такъ злобно смотрятъ, словно онъ изъ-подъ неволи какой тяжелой глядитъ. Сюртучокъ на немъ нанковый, штаны обдерганы, сапоги прорваны.

— Вотъ, — говоритъ управляющій намъ,—баринъ изъ Питера приказъ прислалъ, чтобъ учить васъ, такъ вотъ я вамъ учителя добылъ. У меня учиться чтобы какъ можно... А ты у меня, ваше благородіе, дери ихъ... шкуры-то ихъ не жалѣй, только чтобы все было въ нотѣ... Даромъ я кормить тебя тоже не стану.

Страшно намъ было...

Послѣ такихъ рѣчей начнетъ Иванъ Якимычъ насъ учить срыву, со злобой, дерется другой разъ и такъ нехорошо смотритъ...

(Златовратскій: «Разсказы заводскаго хлопца»).

Мечты помѣщика.

Какъ хорошо было бы штрафовать деньгами и неисправныхъ мужиковъ и бабъ за ихъ лѣнь и нерадѣніе! Какъ спокойно было бы тогда жить на свѣтѣ помѣщику! Умирать не надо». Мысль эта мелькнула въ головѣ помѣщика—и онъ машинально протянулъ руку къ книгѣ, куда вносились подушные сборы и отмѣчались недоимки. Развернувъ книгу, онъ началъ перелистывать статьи недоимокъ лѣтъ за 10 или за 12, и во всѣхъ годахъ оказывались недоимки, иногда довольно значительныя, которыя всѣ пополнялись имъ изъ своего кармана.

Напрасно помѣщикъ всякій разъ грозно спрашивалъ старосту, почему такой-то и такой-то не вносятъ всѣхъ подушныхъ и даже совсѣмъ не вносятъ; каждый разъ стращаетъ старосту карой своего гнѣва за послабленіе; но каждый разъ слышитъ отъ старосты всевозможную брань, расточаемую имъ на виновныхъ въ свое оправданіе: говоритъ, что мужичонки эти избаловались, что съ ними, съ мошенниками, ничего больше не остается дѣлать, какъ взять корову со двора, да и продать; тогда впередъ умнѣе будутъ,—прибавлялъ староста.

Помѣщикъ, выслушавъ все это и еще побранивъ старосту, корову все-таки не приказывалъ брать. Дѣло очень понятное: законъ о взысканіи со стороны правосудія государственнаго долженъ быть неумолимъ, иначе онъ останется безъ исполненія. Но помѣщику было бы безуміемъ разорять своего крестьянина, для семейства котораго корова часто есть единственная кормилица. Разорить немудрено, поправить, если не невозможно, то до безко-

нечности трудно: а разоривши разъ, придется уже всегда государственныя повинности взносить самому; да и работать будетъ некому, если крестьянинъ не будетъ имѣть на дворѣ нужную скотину. Такимъ образомъ недоимки на крестьянахъ росли, а взыскать нечего...

(Селивановъ: Воспоминанія).

Солдатская служба.

При Николаѣ I не было всеобщей воинской повинности, какъ теперь. Дворяне и купцы не были обязаны служить. Когда объявляли новый наборъ, помѣщики должны были доставить извѣстное число рекрутъ. Обыкновенно въ каждой деревнѣ крестьяне сами вырабатывали чередъ; но дворовые зависѣли всецѣло отъ произвола помѣщика. Если баринъ былъ недоволенъ дворовымъ, онъ отправлялъ его въ воинское присутствіе и получалъ рекрутскую квитанцію, которая представляла значительную денежную стоимость, такъ какъ ее можно было продать тѣмъ, кому предстояло итти въ солдаты.

Сквозь строй. (*Рис. Шевченко*).

Солдатская служба въ то время была ужасна: она продолжалась двадцать пять лѣтъ. Стать солдатомъ значило навсегда оторваться отъ родной деревни и отъ родныхъ и находиться въ полной власти у командира... Побои, розги, палки сыпались каждый день. Жестокость при этомъ превосходила все, что можно себѣ представить. Даже въ кадетскихъ корпусахъ, въ которыхъ воспитывались дѣти дворянъ, присуждалась иногда тысяча розогъ, въ присутствіи всего корпуса, за паппросу. Докторъ стоялъ возлѣ истязаемаго мальчика и останавливалъ наказаніе только тогда, когда пульсъ почти переставалъ биться. Окровавленную жертву въ обморочномъ состояніи

уносили въ госпиталь. Великій князь Михаилъ, начальникъ военныхъ училищъ, быстро удалилъ бы директора, у котораго не было хоть одного или двухъ подобныхъ случаевъ въ теченіе года. «Дисциплины нѣтъ!» сказалъ бы онъ.

Съ простыми солдатами поступали, конечно, еще хуже. Если кто попадалъ подъ военный судъ, приговоръ былъ почти всегда—прогнать сквозь строй. Тогда выстраивали въ два ряда тысячу солдатъ, вооруженныхъ палками, толщиной въ мизинецъ (онѣ сохранили свое нѣмецкое названіе — шпицрутены). Осужденнаго проволакивали сквозь строй три, четыре, пять и семь разъ, при чемъ каждый солдатъ отпускалъ каждый разъ по удару. Унтеръ-офицеры слѣдили за тѣмъ, чтобы солдаты били изо всѣхъ силъ. Послѣ одной или двухъ тысячъ палокъ харкающую кровью жертву уносили въ госпиталь, гдѣ ее лѣчили только для того, чтобъ наказаніе могло быть доведено до конца, какъ только солдатъ немного оправится. Если онъ умиралъ подъ палками, окончаніе приговора производилось надъ трупомъ. Николай и братъ его Михаилъ были неумолимы. Никакое смягченіе наказанія не было даже возможно.

— Я тебя прогоню сквозь строй. Я тебѣ шкуру спущу подъ палками! такова была обычная угроза въ то время.

Мрачный ужасъ охватывалъ весь нашъ домъ, когда становилось извѣстно, что кого-нибудь изъ прислуги отправляютъ въ военное присутствіе. Его заковывали и сажали въ контору подъ стражу, чтобъ помѣшать ему наложить на себя руки. Затѣмъ къ дверямъ конторы подъѣзжала телѣга, и сдаваемаго выводили въ сопровожденіи двухъ караульныхъ. Всѣ дворовые окружали его. Онъ кланялся всѣмъ низко и просилъ каждаго простить ему всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія. Если родители сдаваемаго жили въ деревнѣ, они приходили также, чтобы проводить. Сдаваемый клалъ родителямъ земной поклонъ, при чемъ мать и родственницы начинали причитывать, какъ по покойнику: «На кого же ты покинулъ насъ? Кто порадѣетъ о насъ на чужой да на сторонушкѣ? Кто же насъ, сиротинушекъ, отъ людей злыхъ да укроетъ? ...

(Кропоткинъ: Записки).

Рекрутскій наборъ.

У насъ готовился рекрутскій наборъ. Всеобщей воинской повинности тогда не существовало, дворяне и купцы не обязаны были служить. Когда объявляли новый наборъ, помѣщики должны были доставить въ рекрутское присутствіе извѣстное количество рекрутъ. Тотъ изъ крестьянъ, на кого падалъ жребій, отбывалъ солдатчину въ продолженіе 25 лѣтъ, а въ случаѣ какой-либо провинности и всю жизнь, слѣдовательно, его надолго, а то и навсегда, отрывали отъ своего гнѣзда и хозяйства, отъ своей деревни, отъ жены, матери и дѣтей, отъ всѣхъ привычекъ, съ которыми онъ сроднился, и бросали въ среду, еще болѣе жестокую, чѣмъ даже крѣпостническая среда того времени.

Не менѣе ужасно было и положеніе жены рекрута: когда мужа уводили «на чужедальнюю сторонушку», какъ объ этомъ говорилось въ народныхъ пѣсняхъ, его женѣ некуда было дѣться, и она волей-неволей оставалась въ его семьѣ... «Солдатка», какъ тотчасъ начинали называть ее, слезами и кровью омывала каждый кусокъ хлѣба: изне-

могая подъ бременемъ непосильнаго труда (на нее наваливали въ семьѣ самую тяжелую работу), изнывая отъ брани и упрековъ золовокъ, поѣдомъ ѣвшихъ ее, страдая отъ побоевъ свекрови и свекра, а нерѣдко и отъ позорныхъ преслѣдованій послѣдняго, она бѣжала развлекаться на сторону, становилась пьяницей и въ конецъ развращалась.

Вотъ почему такой ужасъ охватывалъ какъ того, кого сдавали въ солдаты, такъ и его жену и его близкихъ, вотъ почему тотъ, на котораго падалъ тяжкій жребій быть солдатомъ, «удиралъ въ бѣги», а случалось, и лишалъ себя жизни. Какъ тѣхъ, у кого укрывались бѣглецы, такъ и самихъ ихъ жестоко карали. Вслѣдствіе этого рѣдко находились охотники, рѣшавшіеся прятать у себя бѣглецовъ, а потому послѣдніе чаще всего скрывались въ лѣсахъ, канавахъ и въ полуразвалившихся, заброшенныхъ постройкахъ. Когда наступало время рекрутскаго набора, не только женщины, но и мужчины, какъ господа, такъ и крѣпостные, не рѣшались ходить въ лѣсъ въ одиночку.

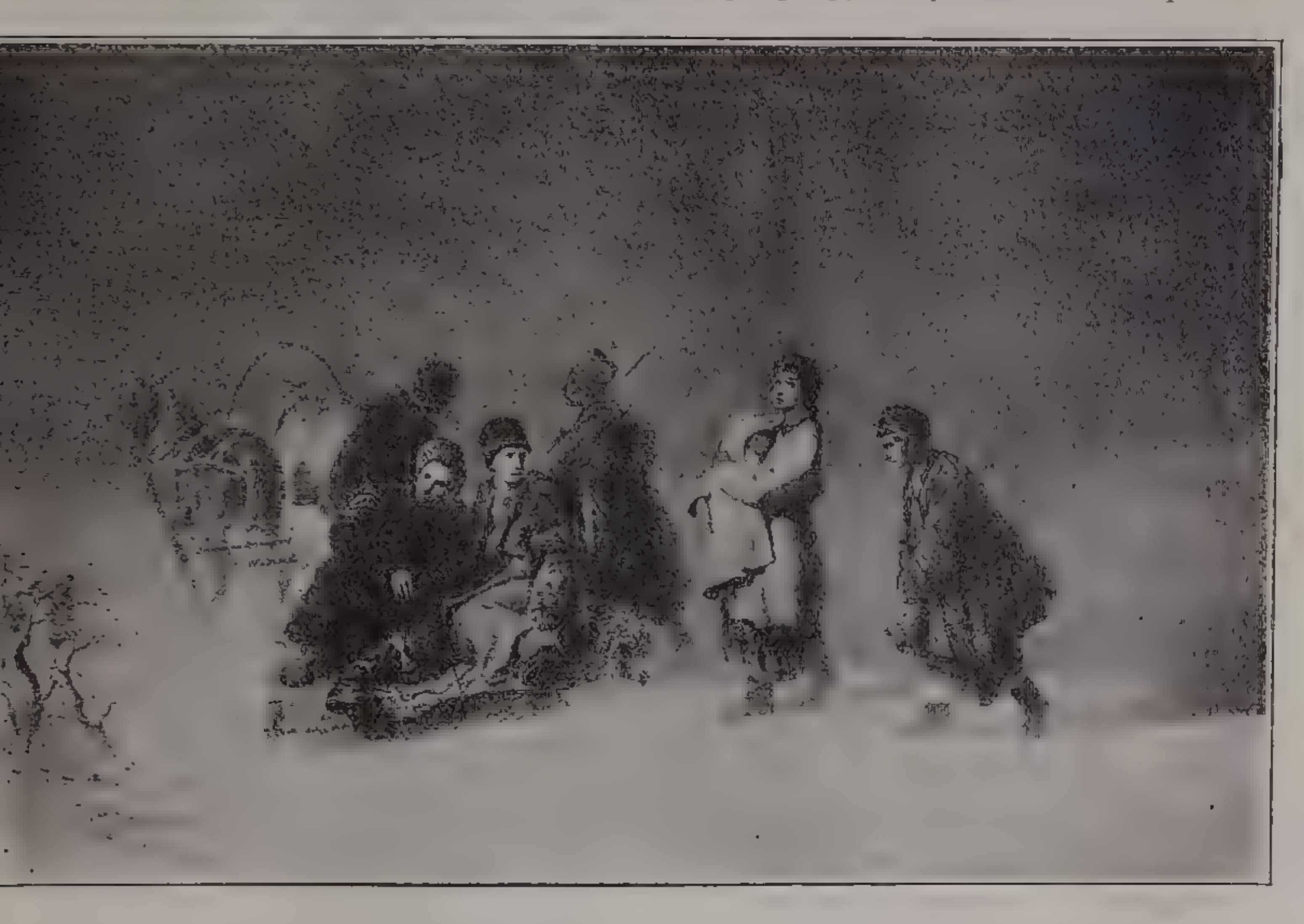
Однажды, когда послѣ рекрутскаго набора прошелъ съ мѣсяцъ, мы какъ-то гуляли съ нянею недалеко отъ нашего дома. Только что мы успѣли перейти мостикъ, переброшенный черезъ овражекъ, какъ изъ-подъ него стало выползать и приподниматься какое-то страшное существо, которое въ первую минуту даже трудно было признать за человѣка: оборванныя лохмотья, которыми онъ былъ прикрытъ, волосы на головѣ, лицо — все представляло какой-то громадный комъ грязи. Во всей фигурѣ этого несчастнаго выдѣлялись только его глаза, бѣгающіе изъ стороны въ сторону, какъ у затравленнаго звѣря, и ротъ, обрамленный гнойными струпьями. При нашемъ приближеніи онъ хотѣлъ заговорить, но издавалъ только гортанные звуки. Я такъ испугалась, что бросилась бѣжать, вскочила на крыльцо дома и сѣла на ступеньки съ сильно бьющимся сердцемъ. Когда, черезъ нѣкоторое время, пришла няня, слезы градомъ катились по ея щекамъ. Изъ ея разговора съ матушкой я поняла, что это былъ бѣглый изъ имѣнія, верстъ за 30 отъ насъ, что онъ хоронится отъ людей уже больше мѣсяца, до ужаса оголодалъ и охолодалъ и теперь идетъ въ городъ «заявиться», т.-е. отдаться въ руки властямъ. Няня умоляла матушку дать ему возможность «силушки набраться», чтобы до города дотащиться. Она получила разрѣшеніе взять изъ хозяйства все, что найдетъ необходимымъ, но матушка заявила нянѣ, что она должна переговорить съ нимъ такъ, чтобы никто этого не замѣтилъ, иначе она будетъ въ отвѣтѣ за пристанодержательство.

Когда объявляли рекрутскій наборъ, наши крестьяне по своему приговору назначали, кому быть рекрутомъ, и сами зорко наблюдали за тѣмъ, чтобы соблюдалась очередь. И, несмотря на это, родственники кандидата въ рекруты, — его отецъ, жена, мать, — приходили къ матушкѣ, падали передъ нею на колѣни, говорили о несправедливости «міра» (сельскаго общества), слезно молили ее не отдавать ихъ сына въ солдаты, указывали крестьянскую семью, которой легче будетъ перенести отсутствіе лишняго работника. Но матушка отклоняла всѣ подобныя ходатайства, не желая вмѣшиваться въ постановленія міра. Многіе помѣщики не слѣдовали этому правилу и отдавали въ рекруты крестьянъ, чѣмъ-нибудь провинившихся передъ ними. Помѣщикъ, недовольный своимъ крѣпостнымъ, нерѣдко даже ранѣе рекрут-

скаго набора, отправлялъ его въ воинское присутствіе и получалъ за него рекрутскую квитанцію, которую продавалъ обыкновенно за довольно высокую цѣну.

На того, кому предназначалось быть рекрутомъ, немедленно надѣвали ручные и ножные кандалы и сажали въ особую избу. Это дѣлали для того, чтобы помѣшать ему наложить на себя родни. Да и возможно ли было имъ заснуть, когда вокругъ избы, въ которой стерегли несчастнаго, все время раздавались вой, плачъ, рыданія, причитанія... Тотъ, кто имѣлъ несчастье хотя разъ въ жизни услышать эти раздирающіе душу вопли, никогда не забывалъ ихъ.

Въ тотъ разъ, о которомъ я говорю, наборъ рекрутъ происходилъ во время

Проводы рекрута (*карт. Трутовскаго*).

руки или бѣжать. Съ этою цѣлью нѣсколько человѣкъ крестьянъ садились съ будущимъ рекрутомъ въ избу и проводили съ нимъ всю ночь, а на другой день, раннимъ утромъ, его отвозили въ городское присутствіе. Въ эту ночь сторожа не могли задремать ни на минуту: несмотря на то, что вновь назначенный въ рекруты былъ въ кандалахъ, они опасались, что онъ какъ-нибудь исчезнетъ съ помощью своей няниннаго отсутствія. Я уже спала, какъ вдругъ до меня донеслись ужасающіе вопли. Я проснулась и начала звать Домну; но она не откликалась. Тогда я, ощупавъ ея постель и убѣдившись, что ея нѣтъ со мной, набросила на себя что попало подъ руку и выбѣжала во дворъ: дверь дома оказалась незапертою.

Чуть-чуть свѣтало. Я пошла туда, откуда раздавались голоса, которые и

привели меня къ банѣ, вплотную окруженной народомъ. Изъ единственнаго ея маленькаго окошечка по временамъ ярко вспыхивалъ огонь лучины и освѣщалъ то кого-нибудь изъ сидѣвшихъ въ банѣ, то одну, то другую группу снаружи. Въ одной изъ нихъ стояло нѣсколько крестьянъ, въ другой на землѣ сидѣли молодыя дѣвушки, сестры рекрута: онѣ выли и причитывали: «Братецъ нашъ милый, на кого ты насъ покинулъ, горемычныхъ сиротинушекъ?».. Въ сторонкѣ сидѣло двое стариковъ: мужикъ и баба—родители рекрута. Старикъ вглядывался въ окно бани и сокрушенно покачивалъ головой, а по лицу его жены и по ея плечамъ капала вода, — ее только что обливали, чтобы привести въ чувство. Она не двигалась, точно вся застыла въ неподвижной позѣ, глаза ея смотрѣли впередъ какъ-то тупо, какъ можетъ смотрѣть человѣкъ, уставшій отъ страданія, выплакавшій всѣ свои слезы, потерявшій въ жизни всякую надежду. А подлѣ нея молодая жена

Въ рекруты. (*Рис. Іевлева*).

будущаго солдата отчаянно убивалась: съ растрепавшимися волосами, съ лицомъ, распухшимъ отъ слезъ, она то кидалась съ рыданіемъ на землю, то ломала руки, то вскакивала на ноги и бросалась къ двери бани. Послѣ долгихъ просьбъ впустить ее, дверь, наконецъ, отворилась, и въ ней показался староста Лука: «Что жъ, молодка, ходи... на послѣдяхъ... Пущай и старики къ сыну идутъ!»... За вошедшими проскользнула и я. Въ первую минуту на меня никто не обратилъ вниманія. Я смотрѣла то на сторожей, сидѣвшихъ по лавкамъ, то на молодую женщину, рыдавшую у ногъ мужа. Но вдругъ Лука, замѣтивъ меня, всплеснулъ руками: «Барышня! да что вы? Вѣдь Домнѣ-то здорово за васъ влетитъ!».. Прибѣжала и Домна и потянула меня домой, безцеремонно ругая меня за своеволіе. Во мнѣ опять вскипѣлъ дворянскій гоноръ,—матушка не могла его выправить: онъ внѣдрялся вѣками и всею совокупностью фактовъ крѣпостнической среды. Я пустилась въ перебранку съ «подлянкой», которая осмѣлилась такъ говорить со мною. Но она, не обращая вниманія на меня, стащила съ меня платье; я опять очутилась въ постели, а горничная снова убѣжала. Но вопли со двора раздались вдругъ съ такой силой, съ такою болью сжали мнѣ сердце, что я опять выбѣжала на крыльцо.

На этотъ разъ я увидала уже запряженную телѣгу. Рекрутъ въ сопровожденіи сторожей былъ во дворѣ; къ нему подходили родственники, другъ за другомъ, по степени родства, цѣловались съ нимъ три раза то въ одну, то въ другую щеку, кланялись ему до земли; онъ отвѣчалъ имъ тѣмъ же и, отвѣсивъ послѣдній земной поклонъ сразу всѣмъ присутствующимъ, сѣлъ въ телѣгу, въ которую вмѣстѣ съ нимъ влѣзли еще двое крестьянъ. Въ этой

толпѣ я замѣтила и матушку. Плачъ, рыданія, вопли и причитанія кругомъ такъ потрясли меня, что я бросилась къ ней со слезами... Я приставала къ ней съ разспросами, зачѣмъ она отдаетъ въ солдаты Ваньку, котораго всѣ такъ жалѣютъ. Изъ ея объясненій я поняла только одно, что рекрутскій наборъ наноситъ большой ущербъ ея хозяйству, и уже никакъ не она въ немъ повинна, а что есть кто-то повыше ея, кто требуетъ этого...

Эта ужасающая сцена отдачи въ рекруты много лѣтъ приходила мнѣ на память, нерѣдко смущала мой покой, заставляла меня ломать голову и разспрашивать у многихъ, кто же виновенъ въ томъ, что у матери отнимаютъ сына, у жены — мужа и отвозятъ въ «чужедальную сторонушку»?..

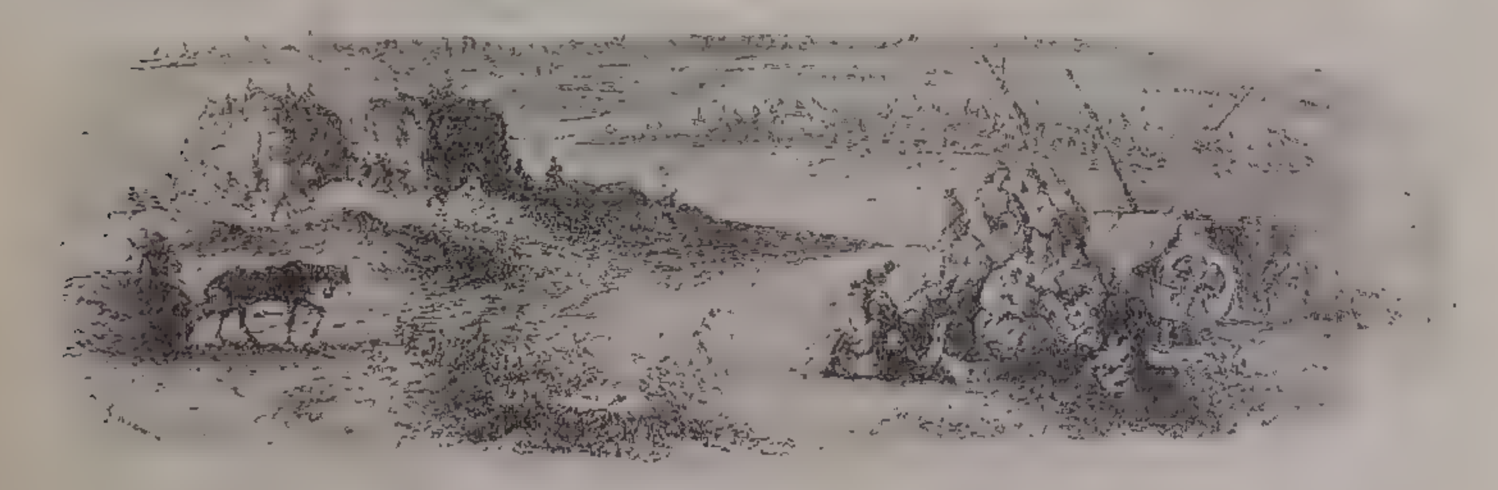
(Водовозова: Воспоминанія).

Жизненный обиходъ крѣпостного права.

Я выросъ на лонѣ крѣпостного права, вскормленъ молокомъ крѣпостной кормилицы, воспитанъ крѣпостными мамками и, наконецъ, обученъ грамотѣ крѣпостнымъ грамотеемъ. Всѣ ужасы этой вѣковой кабалы я видѣлъ въ ихъ наготѣ.

Самые разнообразные виды рабской купли и продажи существовали тогда. Людей продавали и дарили, и цѣлыми деревнями и поодиночкѣ; отдавали въ услуженіе друзьямъ и знакомымъ; законтрактовывали партіями на фабрики, заводы, въ судовую работу (бурлачество); торговали рекрутскими квитанціями и проч. Въ особенности жестоко было крѣпостное право относительно дворовыхъ людей: даже волосы крѣпостныхъ дѣвокъ эксплоатировали, продавая ихъ косы парикмахерамъ. Хотя законъ, изданный, впрочемъ, уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, и воспрещалъ продажу людей въ одиночку, но находили средства обходить его. Не дозволяли дворовымъ вступать въ браки и продавали мужчинъ (особенно поваровъ, кучеровъ, выѣздныхъ лакеевъ и вообще людей, обученныхъ какому-нибудь мастерству) поодиночкѣ, съ придачею стариковъ, отца и матери—это называлось продажей цѣлымъ семействомъ; выдавали дѣвокъ замужъ въ чужія вотчины—это называлось: продать дѣвку на выводъ. Женскій персоналъ помѣщичій былъ по преимуществу выдумчивъ по этой части. Не въ рѣдкость было въ то время слышать такіе разговоры:

— Что же, сударыня, продадите дѣвку-то? -спрашивалъ сосѣдъ-помѣ-

Шаблыкино, имѣніе Кирѣевскихъ. (*Рис. Жуковскаго*).

щикъ помѣщицу-кулака, черезчуръ дорожившуюся живымъ товаромъ.

— Да дешево ужъ очень даете.

— Помилуйте! шестьдесятъ рублей (на ассигнаціи)! ихъ нынче по сорока рублей за штуку сколько угодно.

— А вы за кого ее замужъ хотите отдать?

— Есть у меня, видите ли, вдовецъ, Не старъ еще, да дѣтей куча, тягла

Жнецы (*карт. Венеціанова*).

править не въ силахъ. Своихъ дѣвокъ на выданье у меня во всей вотчинѣ хоть шаромъ покати, — поневолѣ въ люди идешь!

— Вотъ видите ли, за вдовца! За шестьдесятъ рублей я дѣвку несчастною должна сдѣлать!

— Да прибавь ей, сударь, пять рубликовъ!—вступается мужъ помѣщицы-кулака.

— Ну, видно, нечего съ вами дѣлать. Извольте шестьдесятъ пять рублей.

— Хорошо, я согласна. Хоть и дешевенько, да для сосѣда.

Торгъ заключался. За шестьдесятъ рублей дѣвку не соглашались сдѣлать несчастной, а за шестьдесятъ пять—согласились. Синенькую бумажку ея несчастье стоило. На другой день дѣвкѣ объявляли черезъ старосту, что она невѣста вдовца и должна навсегда покинуть родной домъ и родную деревню. Поднимался вой, плачъ, но «задатокъ» былъ уже взятъ—не отдавать же назадъ.

То же продѣлывалось съ рекрутчиной, которая представляла уже серьезную статью дохода. Торговать рекрутами законъ не дозволялъ, но продавать зачетныя рекрутскія квитанціи было разрѣшено. Главный контингентъ для этого рода эксплоатаціи доставляли тѣ же дворовые люди. Въ старину помѣщики охотно переводили крестьянъ въ дворовые, особливо ежели крестьянское семейство почему-либо приходило въ упадокъ. Дворовые люди представляли несомнѣнную выгоду. Во-первыхъ, имъ не нужно было давать «дней» для работы на себя, а можно было каждодневно томить на барской работѣ; во-вторыхъ, при ихъ посредствѣ можно было исправлять рекрутчину, не нарушая цѣлости и благосостоянія крестьянскихъ семей.

Я помню, какъ еще при первыхъ слухахъ о предстоящемъ наборѣ помѣщичьи гнѣзда наполнялись шушуканьемъ.

Помѣщики и помѣщицы, во время обѣда, чая и ужина, начинали говорить по-французски; лакеи настораживали уши, усиливаясь понять, на кого падетъ жребій. Вообще весь воздухъ, начиная отъ конюшенъ и кончая барскими хоромами, наполнялся

томительнымъ ожиданіемъ. За всѣмъ тѣмъ нужно замѣтить, что въ крестьянской средѣ рекрутская очередь велась неупустительно, и всякая крестьянская семья обязана была отбыть ее своевременно; но это была только проформа, или, лучше сказать, средство для вымогательства денегъ. Зажиточныя семьи, въ большинствѣ случаевъ, откупались, и тутъ-то вотъ и шли въ ходъ зачетныя квитанціи. Большая часть ихъ расходилась между своими, излишнія—продавались на сторону.

Передъ отвозомъ людей въ рекрутское присутствіе сохранялась глубокая тайна относительно назначенныхъ въ рекруты. Послѣднихъ даже приголубливали, выказывали имъ удовольствіе («Ванька! да никакъ ты ужъ и пить пересталъ! Молодецъ, братъ!»). Но нѣкоторые чутьемъ угадывали ожидающую ихъ участь и скрывались, несмотря на строгій надзоръ. Большинство не уходило дальше своего же лѣса и скиталось тамъ, несмотря на зимній холодъ, все время, покуда длилась процедура отвоза. Тѣмъ, которыхъ застигали врасплохъ или излавливали, набивали на ноги колодки, надѣвали желѣзные поручни и приковывали къ «стулу» (такъ называлось толстое бревно, сквозь которое продѣта была желѣзная цѣпь, оканчивавшаяся желѣзнымъ ошейникомъ). Я думаю, что въ нѣкоторыхъ старинныхъ помѣщичьихъ гнѣздахъ эти орудія пытки сохранились и доднесь, во свидѣтельство прошлаго.

Самая барщина представляла рядъ распоряженій, которыя даже въ то не знавшее законовъ время считались беззаконными. Законъ требовалъ, чтобы три дня въ недѣлю крестьянинъ работалъ на помѣщика, а остальные три дня предоставлялъ ему для собственныхъ работъ. Но у рѣдкихъ помѣщиковъ барщина отбывалась «братъ на брата»; у большинства совсѣмъ не велось никакого учета, или же послѣдній велся по состоянію погоды и по другимъ хозяйственнымъ соображеніямъ. При продолжительномъ ненастьи первые ведреные дни отдавались исключительно барщинѣ, при чемъ предполагалось, что крестьяне уже воспользовались «своими днями» прежде и т. д. Словомъ сказать, нельзя было не только разобраться въ этомъ хаосѣ, но и опредѣлить, какъ изворачивается крестьянинъ, какъ онъ устраивается на зиму и чѣмъ живетъ. Но онъ жилъ—это считалось достаточнымъ.

И было время, когда всѣ эти ужасающія картины никого не приводили въ удивленіе, никого не пугали. Это были «мелочи», обыкновенный жизненный обиходъ—и ничего больше; а тѣ, которыхъ они возмущали, считались подрывателями основъ, потрясателями законнаго порядка вещей...

(*Салтыковъ: «Мелочи жизни»*).

Ссылка крѣпостного на поселеніе.

Проходя мимо рабочихъ, бабушка своимъ орлинымъ окомъ тотчасъ замѣтила, что одинъ изъ нихъ и усердствовалъ меньше прочихъ, и шапку снялъ, какъ будто нехотя. Это былъ очень еще молодой парень, съ испитымъ лицомъ и впалыми тусклыми глазами. Нанковый кафтанъ, весь прорванный и заплатанный, едва держался на узкихъ его плечахъ.

— Кто это?—спросила бабушка у Филиппыча, на цыпочкахъ выступавшаго за нею слѣдомъ.

— Вы... про кого... изволите...—залепеталъ было Филиппычъ.

— О, дуракъ! Я про этого говорю, что волкомъ на меня посмотрѣлъ. Вонъ, стоитъ—не работаетъ.

— Этотъ-съ! Да-съ... Э... э... это Ермилъ, Павла Афанасьева покойнаго сынокъ.

Этотъ Павелъ Афанасьевъ былъ, лѣтъ десять тому назадъ, мажордомомъ у бабушки и пользовался особеннымъ ея расположеніемъ; но внезапно впавъ въ немилость, также внезапно превратился въ скотника, да и въ скотникахъ не удержался, покатился дальше кубаремъ, очутился, наконецъ, въ курной избѣ заглазной деревни на пудѣ муки мѣсячины, и умеръ отъ паралича, оставивъ семью въ крайней бѣдности.

Ага! — промолвила бабушка, яблоко, видно, недалеко отъ яблони падаетъ. Ну, придется распорядиться и съ этимъ. Мнѣ такихъ, что исподлобья смотрятъ, не надобно.

Бабушка вернулась домой и распорядилась. Часа черезъ три Ермила, совершенно «снаряженнаго», привели подъ окно ея кабинета. Несчастный мальчикъ отправлялся на поселеніе: за оградой, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него виднѣлась крестьянская телѣженка, нагруженная его бѣднымъ скарбомъ. Такія были тогда времена! Ермилъ стоялъ безъ шапки, понуривъ голову, босой, закинувъ за спину связанные веревочкой сапоги; лицо его, обращенное къ барскому дому, не выражало ни отчаянія, ни скорби, ни даже изумленія; тупая усмѣшка застыла на безцвѣтныхъ губахъ; глаза, сухіе и съеженные, глядѣли упорно въ землю. Бабушкѣ доложили о немъ. Она встала съ дивана, подошла, чуть шумя шелковымъ платьемъ, къ окну кабинета и, приложивъ къ переносицѣ золотой двойной лорнетъ, посмотрѣла на новаго ссыльнаго. Въ кабинетѣ, кромѣ ея, находились въ ту минуту четыре человѣка: дворецкій, Бабуринъ, дневальный казачокъ и я.

Бабушка качнула головою сверху внизъ...

— Сударыня,—раздался вдругъ хриплый, почти сдавленный голосъ.

Я оглянулся. Лицо у Бабурина покраснѣло... покраснѣло до темноты: подъ насупленными бровями появились маленькія, свѣтлыя, острыя точки!.. Не было сомнѣнія: это онъ, это Бабуринъ произнесъ слово: «Сударыня!»

Бабушка тоже оглянулась и перевела свой лорнетъ съ Ермила на Бабурина.

— Кто тутъ говоритъ?—произнесла она медленно, въ носъ.

Бабуринъ слегка выступилъ впередъ.

— Сударыня,—началъ онъ,—это я... рѣшился. Я полагалъ... Я осмѣливаюсь доложить вамъ, что вы напрасно изволите поступать такъ... какъ вы сейчасъ поступить изволили.

— То-есть? — повторила бабушка тѣмъ же голосомъ и не отводя лорнета.

— Я имѣю честь...—продолжалъ Бабуринъ отчетливо, хотя съ видимымъ трудомъ выговаривая каждое слово.— Я изъясняюсь насчетъ этого парня, что ссылается на поселеніе... безо всякой съ его стороны вины. Такія распоряженія, смѣю доложить, ведутъ лишь къ неудовольствіямъ... и къ другимъ—чего Боже сохрани!—послѣдствіямъ... и суть не что иное, какъ превышеніе данной господамъ помѣщикамъ власти.

— Ты... гдѣ учился?—спросила бабушка послѣ нѣкотораго молчанія и опустила лорнетъ.

Бабуринъ изумился.

— Чего изволите-съ?—пробормоталъ онъ.

Я спрашиваю тебя: гдѣ ты учился? Ты такія мудреныя слова употребляешь.

Марьино, имѣніе Паниныхъ.

— Я... воспитаніе мое...—началъ было Бабуринъ.

Бабушка презрительно пожала плечомъ.

— Стало-быть,—перебила она,—тебѣ мои распоряженія не нравятся. Это мнѣ совершенно все равно; въ своихъ подданныхъ я властна, и никому за нихъ не отвѣчаю; только я не привыкла, чтобы въ моемъ присутствіи разсуждали и не въ свое дѣло мѣшались. Мнѣ ученые филантропы изъ разночинцевъ не надобны; мнѣ слуги надобны безотвѣтные. Такъ я до тебя жила, и послѣ тебя я такъ жить буду. Ты мнѣ не годишься: ты уволенъ.

— Николай Антоновъ,—обратилась бабушка къ дворецкому:—разсчитай этого человѣка; чтобы сегодня же къ обѣду его здѣсь не было! Слышишь? Не введи меня въ гнѣвъ... Чего жъ еще Ермилка ждетъ?—прибавила она, снова взглянувъ въ окно.—Я его осмотрѣла. Ну, чего еще?

Бабушка махнула платкомъ въ направленіи окна, какъ бы прогоняя докучливую муху. Потомъ она сѣла на кресло и, обернувшись къ намъ, промолвила угрюмо:

— Ступайте всѣ люди вонъ!

Всѣ мы удалились,—всѣ, кромѣ казачка-дневальнаго, къ которому слова бабушки не относились, потому что онъ не былъ «человѣкомъ»...

(Тургеневъ: «Пунинъ и Бабуринъ»).

Ссылка въ Сибирь крестьянъ.

Для меня остался памятнымъ одинъ характерный фактъ, подавшій поводъ къ особенно оживленнымъ разговорамъ въ нашихъ компаніяхъ. Произошло это, кажется, вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ изъ деревни. Было воскресенье.

Я съ матушкой былъ въ кухнѣ, когда вдругъ вбѣжала, возвращаясь съ базара, запыхавшаяся и взволнованная наша кухарка.

— Матушка барыня! — вскрикивала она сквозь слезы.—Гонютъ ихъ, гонютъ, голубчиковъ моихъ... Тыщи гонютъ.

— Да кого гонятъ-то?—спрашиваетъ матушка.

— Да мужиковъ-то, что я вамъ вчера докладывала... Матушка моя! тыщи гонютъ... кандальными... Дѣла-то какія, дѣла-то! Что ужъ это? Послѣднія времена пришли!—причитала Дарья.— Вотъ, гляди, скорехонько погонютъ мимо насъ, по большаку, прямехонько...

— Ну, такъ скорѣе надо торопиться!—заволновалась и матушка. — Чего плакать-то? Собирай скорѣе что есть въ корзины, кликни няньку, да съ нею на дорогу корзины-то и вынесите... Эхъ, бѣдные, бѣдные! — всхлипнула и матушка.

Дарья сорвалась съ мѣста и начала метаться изъ стороны въ сторону, собирая изъ съѣдобнаго и изъ одежды что попало. Сорвался и я, бросившись на улицу собирать сосѣдей-товарищей смотрѣть «кандальниковъ». Долго еще намъ пришлось ждать, пока показалась печальная процессія. Толпа запрудила всѣ улицы и надвигалась на насъ, какъ громадная волна. Не знаю почему, все время, пока проходилъ мимо меня громадный этапъ, я дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, у меня тряслись ноги и дрожали губы, а глаза были полны слезъ, хотя я врядъ ли въ ту минуту понималъ ясно весь потрясающій смыслъ того, что совершалось. А совершалось глубоко-возмутительное, даже по тому времени, дѣло: громадная деревня, въ нѣсколько сотъ душъ, ссылалась этапомъ въ Сибирь на поселеніе, безъ слѣдствія и суда, неизвѣстно за какія провинности, по единоличному распоряженію богатаго помѣщика. И это происходило въ последніе, можно сказать, дни передъ освобожденіемъ крестьянъ!..

(*Златовратскій: «Какъ это было»*).

Голодъ.

Однажды былъ страшно бѣдственный, голодный годъ.

Голодъ былъ вотъ каковъ: моя матушка насыплетъ утромъ рѣшето сухарей, да и даетъ потомъ, по одному сухарю каждому нищему. И рѣшета на день не доставало. Значитъ, что нищихъ приходило къ ней болѣе 200 человѣкъ въ день. Еще осенью, въ это страшно голодное время, баринъ и пошелъ осматривать всѣ крестьянскіе дома и обшаривать всѣ ихъ уголки.

Какъ вы думаете, читатели, зачѣмъ баринъ обшаривалъ всѣ крысиныя норки? Думаю, что вы догадались, и прямо отвѣтите безъ запинки—чтобы помочь въ нуждѣ несчастнымъ и болѣе другихъ нуждающимся дать хлѣбъ? Но я скажу вамъ, что вы немного не отгадали—затѣмъ, чтобы у всѣхъ отнять послѣднее!.. Онъ отобралъ у всѣхъ пшеницу. По селу поднялся плачь, вой, визгъ! Батюшка мой, на другой день, пошелъ къ нему и говоритъ:

— Что вы сдѣлали, Петръ Ивановичъ?! Вы отобрали у крестьянъ пшеницу, но вѣдь они теперь же умираютъ съ голоду, что же они будутъ дѣлать зимой, что будутъ сѣять весной? У нѣкоторыхъ вы отобрали столько, что имъ на всю семью стало бы на ползимы. Теперь, что они будутъ дѣлать?

— Вы, батюшка, ничего не знаете! Еще мужику въ голодъ ѣсть пироги!

Пшеничнаго-то хлѣба нужно по хлѣбу въ день на каждаго, а ржанымъ однимъ хлѣбомъ они всѣ наѣдятся. Притомъ съ ржаного мужикъ бываетъ сильнѣй. Я имъ всѣмъ выдамъ, вмѣсто пшеницы, ржи и выдамъ безобидно; сколько у кого взялъ, столько и отдамъ. Вы, батюшка, не видѣли у насъ подъ садомъ въ кручѣ розовую глину? Сырая она—настоящее тѣсто, я жевалъ ее, она очень питательна, изъ нея можно хлѣбъ печь. Я велю крестьянамъ брать ее. Гдѣ есть такая глина, тамъ съ голоду не умрутъ,—это, просто, кладъ.

На другой день баринъ призвалъ старосту и велѣлъ ему приказать крестьянамъ брать подъ садомъ «питательную глину».

Пошли бабы, набрали «питательной глины», замѣсили по лепешкѣ, бросили въ печь, — изъ мокрой глины вышла сухая глина. Прибавили мучки — опять стала глина; прибавили муки, сдѣлали пополамъ съ мукой, — все-таки глина. Такъ-таки глина глиной и осталась, какъ не ухитрялись бабы.

Между тѣмъ пшеницу отобрали, а ржи не выдали...

(Записки сельскаго священника).

Лошадь пала (*карт. Баншлова*).

Побѣгъ крѣпостного крестьянина.

Обѣдаетъ село.
Но простъ обѣдъ и длится понемногу,
И скоро, вставъ и помоляся Богу,
Усталые заснули тяжело.
Не спалъ одинъ. Забившись въ клѣть пустую,
Лежалъ да думалъ парень молодой...
Матвѣевъ сынъ и звать его Алешка!..
Но парень былъ онъ знатный, хоть куда,
И пѣсни пѣть любилъ на хороводахъ,
Сказать словцо веселое на сходахъ,
И съ дѣвками шутить... Да вотъ бѣда:
Къ крестьянской онъ не прилегалъ работѣ,
На барщинѣ гнела его тоска:
Не такъ ему, на волѣ, по охотѣ
Желалося добыть себѣ куска!
Хоть дома жилъ онъ тихо и нессорно,
Да все не то, все какъ-то не просторно;
А за селомъ, куда ни взглянетъ взоръ,
Какая даль, какой лежитъ просторъ!
Что жъ думалъ онъ, о чемъ? О томъ, что на ночь
Ему, вечоръ, сосѣдъ — хромой Степанычъ
Разсказывалъ про подвиги свои:
Онъ «въ склонности къ побѣгамъ былъ замѣченъ»,

Иль, попросту, онъ бѣгалъ раза три,
Былъ всякій разъ за это много сѣченъ
И, наконецъ, вернулся изувѣченъ...
Но самъ бѣжать Алешка не хотѣлъ.
«Нѣтъ, — думалъ онъ, — бѣжать изъ дому стыдно
И не съ чего... Хоть иногда обидно
Бываетъ намъ, да ужъ таковъ удѣлъ!
Оно, конечно, въ пятницу намедни
Бурмистръ Карнилъ грозилъ мнѣ: «выкинь бредни!
Эй, не дури, ты благо не женатъ,
Забрею лобъ и будешь ты солдатъ!
Да смирно жить, такъ гнать не станутъ больно.
А здѣсь отецъ старикъ ...
Гдѣ жъ парень удалый, Алешка повѣса?—
Поодаль, на лавкѣ, подъ сѣнью навѣса,
Щекой прислонившись къ рукѣ, онъ сидѣлъ
И долгія-долгія пѣсни онъ пѣлъ...
Онъ пѣлъ про тоску, про злодѣйку кручину,
Про молодцовъ добрыхъ, лучину-лучину,
Про бѣлые снѣги, про темную ночь,
Про дѣвицу-душу, отецкую дочь.
Онъ пѣлъ про село, про знакомое горе,
Про дальнюю степь, незнакомое море,
Про Волгу—раздолье, бурлацкій привалъ...
И безъ вѣсти къ утру Алешка пропалъ!..

(И. Аксаковъ: «Бродяга»).

Далекій путь (*карт. Полякова*).

Месть.

Надъ Иквой есть одно село.
Въ селѣ томъ дальнемъ на просторѣ
Я росъ на гибель да на горе.
У нашей старой госпожи,—
Какъ разъ въ ту пору одно [illegible]
Со мной, проклятымъ, были дѣтки.
Вотъ госпожа и прикажи
Меня въ покои взять, чтобъ съ ними
Играть и играми своими
Ихъ забавлять. Ну, барчуки

